

По ту сторону ПЛАМЕНИ

Raymond Abaddon

В магическом мире она получила новое имя и клеймо — огненный маг. Редкий и очень ценный для ученых Университета вид: пламя отбрасывает тени, рождает монстров, которыми можно научиться управлять. Способ утерян, во многочисленных экспериментах подопытные лишаются воспоминаний, скатываясь в безумие, но Советников это не останавливает. Им нужна власть над тьмой. Сможет ли единственный человек сломать столетиями существовавшую систему? Довериться чудовищу и собственной убийственной силе? Куда приведет Зарин Аваддон путь смерти?

Глава 1

Первый июньский полдень. Оглушительная жара. Солнце выжгло жизнь из каждой щели. Линялые двухэтажные дома затаились, доживая последние дни перед сносом. Истрескавшиеся стены напрочь отрезают городской шум. Значит, никто не услышит. Идеально.

Крики — большая проблема.

На сорок второй улице пусто. Ни припаркованных машин, деревьев, ни клочка тени. Заколоченные окна, граффити и выбитые двери в парадных. Рваный ритм мертвой застройки. Подходящее место. Полдела сделано.

Снова подкатывает тошнота, кружится голова. Тяжесть сумки впивается ремнем в плечо. Я не спала... сколько? Щурюсь в попытке вернуть миру четкость. Бесполезно. Я тянула слишком долго, и теперь руки дрожат от усталости, а движения выходят вялыми и медленными.

— Мне нужна слабая жертва, — очень слабая. Прошлый мужчина оказался сильнее, чем выглядел, и после я две недели пряталась на пустующем чердаке — пока не облущились ссадины и не потухли синяки. Отсюда до убежища под дырявой крышей кварталов пять. Удобно, если пострадаю. Но вдруг близко? Вдруг отследят? Я наведывалась в этот район трижды. Слишком много.

— Но я выучила наизусть каждый закоулок. Каждый дом. Это важно. Плюс, два трупа так и не нашли, я проверяла совсем недавно.

И все же...

— Успокойся. Давай решать по проблеме за раз, — голос тонет в раскаленном воздухе. Надо пойти домой и попробовать поспать. Набраться сил, вернуться с темнотой.

— С темнотой, — скрипучим смешком срывается с губ. Разворачиваюсь и бреду назад по горячему асфальту. Связанная солнцем тень покорно плетется следом. — Все будет хорошо. Скоро я от них избавлюсь, — пусть ненадолго, пусть ценой чьей-то жизни. Моей совести. Пусть. Мне нужно поспать.

Звук. Замираю. Что?... Вроде звяканье... стон.

Плач.

Оглядываюсь. Нашариваю нож. Тени? Человек? Если человек, то вот — мой шанс! Освободиться прямо сейчас! Крадучись, возвращаюсь. Рыдание захлебывается, и лишь шорох моих шагов нарушает зыбкую тишину.

— Давай же. Где ты, — словно в ответ, из черноты арки неподалеку доносится вскрип. Туда. Только тише, тише...

После белого полуденного зноя темнота за покосившимися створками ворот кажется плотной. Смаргиваю ее с ресниц, пытаюсь разглядеть фигурку, скрючившуюся в ветхом кресле посреди тоннеля. За ней еще одни ворота сияют дырочками и щелями — будто кусочек звездного неба. Выдыхаю: человек. Но... надо проверить.

Старая мебель в беспорядке. Мусор, постели из тряпья и газет. Дом для бродяг. Хорошо, они-то мне и нужны. Обхожу по дуге ощерившиеся распахнутыми дверцами шкафы и комоды, всматриваюсь в углы. Пусто. Глаза привыкли, и теперь я ясно различаю источник шума: девочка. Лет шесть-семь. Красное платье и белые кроссовки. К ножке кресла прислонился розовый, в бабочках, рюкзак. Дерьмо.

Я не убью ребенка.

— Эй, — выдавливаю. Пора убираться. Здесь слишком темно. — Ты заблудилась? Тебе помочь? — подхожу ближе, пряча нож в сумку, но не выпуская. Среди жестких лучиков на периферии зрения оживают тени.

Она вскидывает голову, сжимаясь в комок, но тут же расслабляется. Вытирает распухший нос и убирает налипшие на щеки прядки.

— Что случилось? — хмурится, шаря по мне взглядом. Отталкиваю звонкую пустую бутылку. Вздрагиваю, когда на потолке у пыльного фонаря колышется тьма. — Не страшно сидеть одной в темноте?

Малейшее движение зрачка ловит плотные силуэты. Позвоночник продирает холодом, волоски на шее поднимаются дыбом. Впиваюсь ногтями в толстый шрам на левой ладони: успокойся. Выход рядом, успеешь. Они не пойдут следом — не посмеют покинуть свой вязкий мир полутонов.

Не решатся. Еще ни разу не...

— Страшно, — отвечает, скривившись. Сейчас снова заплачет. У меня нет времени. Задерживаю дыхание, потихоньку выталкивая воздух сквозь стиснутые зубы. Почти не слышу сквозь грохот пульса, как говорю:

— Мне тоже страшно. Я боюсь темноты, — страх гниет внутри, наполняя тело слабостью. — Я пойду на улицу. Если тебе нужна помощь — идем.

Позволяю рукоятке ножа выскользнуть из потных пальцев и стукнуться о дно сумки.

Она быстро кивает и подскакивает — высокий хвост вспыхивает под звездчатыми лучами. Хватает за запястье и тянет наружу.

Мы останавливаемся посередине дороги, где тени собираются в лужицы под ногами и мертво повторяют движения. Девочка дергает руку, морщится: только замечаю, что с силой сжимаю влажную кисть.

— Извини, — отпускаю и глажу ее русую макушку. Шмыгает:

— Ничего. Я тоже боюсь темноты.

— Тогда чего ты там сидела? — охватывает себя за плечи и бросает взгляд на черные ворота. Горестно вскрикивает — я едва не подпрыгиваю:

— Рюкзак! — господи!

— Я принесу его... но... дай мне прийти в себя, — туда-назад, они не успеют.

— Спасибо, — опять цепляется за мои пальцы, заглядывает в глаза. На бледных щеках — грязные разводы.

— Что ты здесь делаешь? Ты одна? — напряжение тает под жарким летним солнцем. Потихоньку расслабляю плечи, когда она говорит:

— Я прячусь. Меня ищет чудовище, — дергаюсь, оглядываюсь на арку. Девочка частит, будто плотину прорвало:

— Оно ведь не покажется, если я буду тут? В смысле, чудища... призраки же только в страшных местах ходят, да? Обязательно надо, чтобы было темно? Я читала в интернете, что надо, вот и ждала в темноте, но его так долго нет, а мне очень-очень страшно! Очень! Я не могу больше!

— Не понимаю, — хмурюсь. — От чудовищ, наоборот, убежать надо. Нет?

— Надо, — трет лицо. — Но я не буду. Мое — другое. Я точно знаю, оно не обидит! Мне бабуля рассказывала, и папа... ну, папа не рассказывал, а только ругался, когда я спрашивала... но я нашла его рисунки: бабуля все сохранила. Везде — оно! Белое, вроде

привидения! Придет сегодня, и я хочу его встретить! — ее голос вибрирует. Опускаюсь на корточки. Надо спросить, что за странная игра. Она не может быть как я: тени бы давно ожили. Минута моего присутствия — и в черноте за воротами теперь отчетливо кто-то есть.

Отворачиваюсь и спрашиваю другое:

— Почему сегодня?

— Сегодня мой День рождения. Оно всегда приходило в седьмой День рождения, — девочка оправляет красное платье. Нарядное. По подолу и широким карманам вышиты крупные маки, черные с белыми серединками. На тонком запястье звякает серебряный браслет: переплетение цепочек и звездочек. Блестящий, совсем новый.

— Красиво, — касаюсь хрупкой металлической вязи и улыбаюсь. — С Днем рождения.

— Спасибо! — на секунду она сияет почище украшения, но быстро серьезнеет:

— Подожди со мной, пожалуйста. Уже, наверное, совсем скоро. Вдвоем не так страшно.

Пожимаю плечами:

— Если будем на солнце, — накатившая усталость ломит кости. Сажусь на горячий асфальт и вытягиваю ноги, выгибаюсь до хруста в пояснице. Вот бы лечь сейчас на спину и заснуть. Прямо тут, под тяжелым светом. Здесь можно, здесь им до меня не добраться.

— Вдруг оно постесняется... — тянет с сомнением, но тоже садится на пол. Странно мы смотримся, наверное.

Странно — что она не боится меня. Почти все боятся: тени отпугивают. Впрочем, бывают и исключения.

— Чудовища не стесняются, — отвечаю, закрывая глаза. Горячий ветер оглаживает щеки, путается в волосах. Я сутками прячусь под солнцем от своих преследователей, и отросшие ниже ключиц пряди выгорели и отливают рыжим. Зимой потухнут до каштанового. Говорю:

— Расскажи по порядку. Должна же я понимать, что мы тут делаем, — хотя лично я отдыхаю. Ночью предстоит охота.

Она долго молчит. Я почти задремала, убаюканная переливчатым мерцанием на изнанке век, когда девочка зашептала:

— Оно приходило к бабуле и папе. И к прадедушке, а до него к пра-пра-пра... нет, пра-пра-дедушке... а потом не помню. Когда исполняется семь, как мне сегодня, — в интонациях сквозит гордость, — и протягивает руку, вроде хочет, чтобы ты с ним пошла. Но бабуля не ходила, и ее папа тоже. И мой не пошел, наверное. А я пойду! Бабуля закрыла меня в комнате, но я вылезла через окно. Мы живем на первом этаже, там совсем невысоко.

— Ничего себе, — встряхиваюсь. Девочка придвинулась совсем близко, тербит браслет. Ее родители сейчас, должно быть, с ума сходят, пока именинница выдумывает себе монстров. — Зачем тебе идти? Вдруг оно тебя съест?

Дергает плечом:

— Оно чего-то хочет. Так бабуля сказала. Она жалеет, что испугалась тогда. Говорит, оно было очень грустным. Я уже много читала о привидениях — я думаю, это привидение, — они получают оттого, что у умершего человека осталось незаконченное дело. Значит, он сам не может справиться, вот и ищет помощника! Я помогу, и он наконец отдохнет.

Мне тоже необходим отдых. Рассматриваю ее тонкую шею и птичьи кисти. Если затолкать обратно в арку, закрыть ворота, придержать створки — дело сделает тьма. Нож не понадобится. Я буду... невиновна. Слово горчит на языке. Подслушав мысли, силуэты на

границе света и тени обретают плотность.

— Ты веришь в чудовищ? — спрашивает девочка, подаваясь вперед. — Не только в привидения, в разных? В вампиров и оборотней? Ведьм? Видела мультик — Маленький волшебник и большой мир? Там про всех-всех рассказывается, жутко интересно! Особенно оборотень классный!

— Я не верю в мультяшных чудовищ. Они добрые. Это бред. Настоящие чудовища злые, и только. От них стоит держаться подальше, — афиши с забавными монстрами из Волшебника висят по городу уже несколько недель. Это вторая часть, первая была про девочку-ведьму. Стоит мне захотеть, и третий фильм новая знакомая не увидит.

Глупая. Что ты знаешь о чудовищах? Стягиваю ремень сумки и растираю красную полосу на коже. Опускаю ресницы.

— Никто не может быть только злым. Вот, смотри, — у лица шуршит бумага. — Просто... ну, в каждом есть что-то хорошее! Бабуля так говорит, и Волшебник сказал птичке... Да смотри же! — я сдаюсь и смотрю.

На смятый лист, желтый от времени. Грубые посеревшие линии складываются в угловатый силуэт с огромной, покрашенной черным протянутой лапой. Поверх перечеркнуто красным карандашом. Штриховка выходит за границы фигуры и закручивается к верху рисунка — огонь над фитилем. Вокруг пламени пляшут крылатые кляксы.

Совсем не похоже на привидение.

Скорее на человека вроде меня и тех, кто прячется в темноте.

— Ты ошибаешься, — выдыхаю, — ты ничего не понимаешь в...

— В чудовищах? А ты понимаешь?... Я вот, что знаю точно-точно: мир очень большой. Огромный! В нем могут жить и злые, и добрые чудовища. Совершенно любые! Кому угодно хватит здесь места!

Я не отвечаю. Спорить бесполезно, да и она наверняка просто цитирует мультик. — Сколько всего может прятаться в лесу, пещерах, под водой...

Привидение же появляется прямо здесь, за растрепанной светлой макушкой. Девочка продолжает болтать, смеяться, а над ней в вихре искр стоит белое как кость, четкое и зыбкое, завораживающее: внутри двигается и рвется, ощериваясь острыми гранями, разлагаясь и сходясь воедино — время и пространство. Жизнь и смерть.

— Что такое? — я давно перестала дышать. Я не видела подобного прежде. Она оборачивается и кричит — далеко, глухо, будто сквозь толщу воды. Воспоминание накатывает приливной волной, пальцы привычно находят толстый шрам на ладони:

— Откуда он?

— Ты... упала с крыши, когда тебе было пять. Полезла в заброшенный дом, выбралась на крышу веранды, а она не выдержала. Твои друзья... поранились тоже. Разве не помнишь? — мама подняла брови. Я покачала головой. Я не помнила.

Тринадцать лет не помнила. Но сейчас...

Девочка продолжает кричать, я же, наоборот, молчала, когда осколок прошел между костями. И потом, когда доски прощально треснули и подломились, а встреча с землей выбила воздух из легких.

Онемела, ведь главное случилось в момент после боли и до падения.

Чудо: мир замер и расцвел.

Девочка прячется за мной, больно цепляется в плечи. Призрак вырастает ближе. Его лицо непрерывно меняется, словно принадлежит всем умершим разом. Чаще прочих

проглядывает ухмыляющийся череп.

— Прогони его! Прогони, прогони! — вопит девочка. Мертвец протягивает руку — ладонью вверх, приглашая следовать за ним. Повторяя рисунок. Ноздри щекочет аромат хвои и горького, влажного дыма. Как же здесь жарко, как ярко: она права, привидения должны ходить в темноте.

— Ты же хотела помочь ему, — шепчу. Не оторвать взгляда от переменчивой, отчетливо чуждой плоти. Очень реальной.

Боже мой. Я и мои монстры не одни.

Ее бабушка говорила, чудовище грустное, но это не... Грустно — рядом. Будто медленно умираешь, и слишком поздно отступить: мы уже навсегда пропахли смертью.

— Посмотри на него. Не бойся, — ты нужна ему, а мне нужны ответы. — Давай. Копошится, всхлипывает. Вечность ничего не происходит. Я считаю вдохи и закрываю глаза, чтобы не видеть пляшущего слоистого существа.

— Пожалуйста... — начинаю и замолкаю, почувствовав движение.

Поверх плеча тянется маленькая ладошка.

Касается мертвых пальцев.

Улица смазывается и меркнет. Обнаженные ноги продирает морозом. Привидение остается исходящей рябью константой, а вокруг шумит вечерний лес. Голые деревья, зябкий туман, палые листья. Обломанные ветки повсюду, целые горы вязанок. Колет в бок. Острый запах реки и подступающей ночи, совсем рядом журчит вода. Сзади — вскочить, оглянуться, — дом из бревен, полуразрушенный и просевший. Мигнув, сверху, в перекрестии цепей, зажигается фонарь. Качаясь под ветром, посылает тени вглубь чащи, резкий свет скользит по ветвям, разбивается о наши тела, но не задевает мертвеца.

В новой сумеречной реальности он кажется раненым и почти понятным.

— Нам нужно войти в дом, — девочка мотает головой. Тяну, поднимая с ледяной земли. — Мы уже здесь. Поздно трусить... эй, нас все-таки двое! Что он сделает? Мои личные монстры отстали. Испугались? Потерялись? Хорошо. Великолепно! Набираю полную грудь ночной свежести. Холод проникает под майку, прогоняет липкую усталость. Я свободна. Пока, но, если повезет, сегодня не придется никого убивать.

Если повезет, никто не убьет нас.

— Пойдем.

Почему горит фонарь? Строение выглядит давно покинутым. Зачем здесь столько веток, кто их принес? Почему призрак так смотрит? На дом, в черноту выбитых окон. Наши вытянутые тени колышутся, касаясь макушками перекошенного дверного проема.

— Там случилось что-то ужасное? — тихонько спрашивает девочка, очень теплая и дрожащая. У меня стучат зубы, поэтому просто киваю, плевать, что она не видит. Случилось, и, похоже, еще не закончилось.

— Вдруг оно привело нас на обед к тому, кто сам выйти отсюда не может? — шепчет. Первая здравая мысль. Хмыкаю:

— Или просто хочет что-то показать. Свое незаконченное дело, помнишь? — останавливаюсь на крыльце. Щурюсь, привыкая к темноте. Выискиваю движение на периферии зрения. Пусто. Дом дышит сыростью и сладковатой гнилью. Угадывается мебель: вон шкаф и диван, гора стульев. Кусок стола. Пол уходит резко вниз, а где-то в дальних комнатах хлопает вода.

Достаю из заднего кармана шорт мобильный и зажигаю фонарик. Черт, сумка с ножом

осталась на дороге.

Под ногами мягкая земля. Паркетные доски вперемешку с обломками вещей, камнями, грязью и мелким мусором громоздятся у стен тесной комнаты. Почти в центре — большая яма. По углам две двери: за одной луч спотыкается о стол с битой посудой, а вторая ведет в помещение побольше, с несколькими кроватями и перевернутым креслом-качалкой.

Сжимаю потную ладонь:

— Давай осмотримся. Если что — убежим, — в лес, по узкой тропке, которой наверняка и принесли хворост. Рядом должны жить люди. Растираю покрытые мурашками бедра. Дыхание клубится паром.

— Л-ладно, — отвечает чуть слышно.

Нырять внутрь, пригибаюсь: совсем низко над головой сходятся стропила. Идем на кухню. Обходим яму по кругу, как можно дальше от края. Тянем время: именно к яме мертвец и вел.

Отчего-то я знаю наверняка.

В кухне узко и по колено досок — не пройти. Ноет от сквозняка оконная рама. Поворачиваем в спальню. За ней еще одна. Стены в рисунках животных, сломанный манеж. Мы отражаемся в мутном, изъеденном временем зеркале комода. Девочка прячется за мной, видны лишь тонкие предплечья. В неожиданно слепящем отсвете фонаря я сама напоминаю привидение. Белое пятно лица, растрепанная челка, скрытые в тени обычно карие глаза зияют черными провалами. Малышка высовывается, встречается взглядом со своим ночным двойником и вскрикивает.

— Это только зеркало. Пойдем дальше, — толстый слой грязи на полу глушит шаги и сохраняет цепочки следов. Влажная... странно, что дом не зарос сорняками. Неправильно.

Я ищу что-нибудь личное, способное рассказать о хозяевах, но полки и выдвинутые ящики пусты, а на стенах светлеют прямоугольники и квадраты. Даже детских игрушек нет. Возвращаемся к яме.

Отняв руку, девочка останавливается в дверном проеме. Ладно.

Взявшись за рукоять торчащей из земли лопаты, свечу вниз. Дыра около двух метров в диаметре и меньше метра в глубину. Комковатая почва, снова ветки и битое стекло, золоченый угол рамы: фотография? Нужно достать. Железо с шелестом входит в мягкую почву. Что-то хрустит, скрипит. Под крышей гудит ветер. Призрак появляется на пороге, отчего девочка задумано всхлипывает и исчезает в комнате. Я дергаюсь было пойти за ней и замираю. Роняю телефон. Древко будто примагнитилось к ладони. По виску сползает капля пота, по позвоночнику — озноб. Я смотрю в лицо мертвецу.

Копай.

Пусть идет. Далеко ей не убежать.

Вот, зачем ему человек. Но — ребенок? Как бы она справилась?

Легко. Куча вырытой земли стремительно растет. Я двигаюсь, не чувствуя усталости, только волны дрожи и укусы занозистого дерева. Бледная тень охраняет выход. В кухне капает вода.

Девочка затаилась или ушла. Рамки оказываются пустыми.

Не стряхнуть обморочное онемение. Вскоре приходится спуститься на дно углубившейся могилы, где звуки ярче, запахи душат, а ссадины вспыхивают огнем. Холод тоже полыхает — в легких. Я не гляжу вниз, цепляюсь за подсвеченную фонариком груды хлама в дальнем углу ямы.

Вечность спустя лопата проезжает по жесткому. Разом наваливается слабость, подламываются колени. На расстоянии вытянутой руки из грязи выступает клетка ребер. Я сижу прямо на чьих-то останках, а стены вокруг кажутся недостижимо высокими, и нет сил встать, поднять телефон или позвать девочку. Глажу шрам, считаю клубящиеся паром выдохи: тише, успокойся. Еще минуту передохнешь и поднимешься, конечно — поднимешься.

Сверху падает букет белых роз. Подавившись, отскакиваю к противоположному краю ямы, вжимаюсь, путаясь пальцами в торчащих корнях. Под потолком колко переливается смех. На осыпающемся краю показываются ноги в тяжелых ботинках, выше зажигается маленькое солнце — острый зимний свет. Я заслоняю глаза, перехватываю лопату.

— Удачно, что ты уже закончила. Мне очень не хотелось копаться в грязи, — девушка садится на корточки. Притушив сияние, отводит фонарь в сторону и вдруг отпускает. Он остается висеть. — Давай руку. Этого достаточно. И брось лопату. Я не кусаюсь.

У нее кобура под мышкой.

Нет, лопата остается.

Протягивает ладонь. Хватаюсь и едва успеваю оттолкнуться от стенки — с легкостью выдергивает наверх и резко отшатывается, забирая тепло и мутный лавандовый аромат.

Высокая, стройная. Уверенный разворот плеч. Отчего-то удивленные серые глаза под густыми, вразлет, черными бровями. Длинные волосы убраны в косу. Одежда вроде военной формы, в карманах и переплетениях ремней, а на груди блестит эмблема: щит из металлической паутины. Помимо кобуры, на поясе — большой нож. Кто она? Из местных жителей? Охотница на привидения? Как прошла сквозь мертвеца? Он по-прежнему ждет у входа.

Зачем она здесь? И зачем...

— Зачем розы? — спрашиваю я. Незнакомка долго не отвечает. Глядит странно, а тонкие пальцы замерли, почти коснувшись пистолета. Часто моргает, откидывает косу за спину и делает шаг назад. Голос звучит хрипло и растерянно, но с каждой фразой набирает силу:

— Белые розы... высасывают смерть. Впитывают, как воду... Нам нужно ослабить духов, чтобы провести ритуал изгнания. Иначе они просто вышвырнут нас или чего похуже, — отходит, не сводя настороженного взгляда. Поднимает с земли рюкзак, достает и споро раскладывает вокруг ямы небольшие мешочки.

Значит, все-таки охотница на приведения.

Свет, тихонько вращаясь, висит прямо в воздухе. Я шурю в попытке разглядеть, что же это такое. Девушка вытаскивает бутылку и делает круг поверх разложенного, высыпая на землю пахнувший серой порошок. После снимает нож с пояса и дает мне:

— Главная честь предоставляется потомкам. Помимо раскопок, конечно, — криво усмехается. Нож тяжело и удобно ложится в руку. Втыкаю лопату на старое место у могилы:

— Потомкам? Каким еще потомкам?

— Тебе, конечно. Почему, по-твоему, он выбрал тебя? Ты, кстати, вроде бы старше, чем нужно... ну да ладно, неважно. Порежь руку и...

— Не меня, — хмурится. — Он не меня выбрал. Я просто оказалась рядом, — спешу в другую комнату. На полпути разворачиваюсь — подобрать телефон — и почти врезаюсь в девушку. Она снова тянется к кобуре:

— Здесь кто-то еще?

— Девочка. Прячется. Нужен свет. Ты лучше здесь подожди. Чтобы не испугать еще больше.

— Я не страшнее привидения.

— Ну не знаю, — моя очередь ухмыляться. — Ты вооружена. И ты грубая. Просто дай мне пару минут.

— Грубая? Да что ты... — фыркает. Возвращается к яме, а через мгновение кидает светом. Шарик холодного пламени ударяется в грудь и отлетает, повиснув рядом. — Вот. побыстрее, — осторожно провожу по льдистой поверхности. Шрам от осколка отзывается пульсацией.

— Двигай давай! — вздрагиваю.

Нахожу девочку в шкафу. Спрятав лицо в коленях, лишь мотает головой на уговоры, отчего худенькое тело раскачивается из стороны в сторону. Даже не смотрит на волшебный шар. Замолкнув, поднимаю на руки. Ухо обжигает дыханием:

— Я умру здесь? Он поэтому дал тебе нож? Убить меня? Тогда он тебя отпустит?

— Что?... — лезвие призрачно отблескивает, отражая ее испуганные голубые глаза. Девочка всхлипывает, дрожат мокрые ресницы. — Нет. Нет! Что ты, глупая! — меня знобит. Да. Ты права. В другом месте и в другое время, когда моя тень клубится вязкой тьмой, а вереница бессонных ночей лишает всякого сострадания, я бы могла убить тебя, чтобы освободиться. Не сегодня, но однажды — я перейду и этот рубеж. Убью ребенка.

А пока несу к разрытой могиле. Губы не слушаются — от холода? — и слова выходят кривыми и виноватыми:

— Смотри, мы больше не одни. Она пришла нам помочь, — охотница на привидения вздергивает бровь. — Мы скоро вернемся домой. Еще чуть-чуть.

Или нет. Я понятия не имею, чего ожидать:

— Расскажи, что происходит. Начни с того, кто ты такая. Что это за существо. И дом. И зачем...

— Стоп-стоп-стоп, давай по порядку, — девушка скрещивает руки на груди. — Во-первых, вы не задаете вопросов. Во-вторых, делаете все, что я говорю, и так, как я говорю. После я доставляю вас домой, и каждый идет своей дорогой, забыв сегодняшней день как страшный сон. Доступно?

Черта с два.

— Нет. Я могилу выкопала, и вправе знать, почему, — опускаю девочку на землю и заслоняю собой. Пусть стреляет, если хочет.

Вопрос времени, когда мрак вокруг вновь заживет собственной жизнью. Мне нечего терять.

Она сжимает кулаки. Я — нож. Втягиваю цветочный запах. Станный выбор духов, совершенно не подходит незнакомке. Девушка до желваков стискивает зубы. Наконец, вздохнув и закатив глаза, садится на рюкзак.

— Привидение вы наверняка опознали. Они существуют, впечатлились и проехали. Этот дух... человек. Ребенок. Перед смертью жил здесь вместе со своей семьей. Их было четверо. Мать, сын и две дочки. Отец пропал без вести на охоте, после чего вдова подрабатывала колдовством. Или просто знахарством, но слухи о ней пошли плохие... да, магия тоже существует, заткнись, — закрываю рот. Шар качается и искрит. Девочка высовывается, привлеченная сказкой и волшебным огнем. Охотница, замолчав, задумчиво щурится.

Рассматривает меня.

— И что дальше? — ежусь. Каменею, чтобы не обернуться, не проверить темноту — ее она ищет? Нет, моих монстров больше никто не видит. Чувствует, слышит. Не более. Провожу ногтями по шраму. Осколок в наполняющейся кровью ладони на секунду затмевает реальность. Девушка склоняет голову набок. Продолжает чуть мягче:

— Неудивительно, что все так кончилось: они жили на отшибе, ни с кем не общались. К тому же, как я узнала, женщина была молодой и симпатичной, к ней стали захаживать мужчины, что не нравилось ревнивым соседкам. Идеальная мишень. Сначала травили по мелочи, потом дела пошли хуже. В итоге вдова покончила с собой. Пыталась убить и детей, но вышло только с младшей, другие сбежали. Когда соседи пришли жечь ведьму, нашли два трупа. Закопали, но спалить тела и дом не дал наш новый знакомый, — призрак на пороге бесстрастно мерцает, привязанный к мертвецам в яме.

— Кто он? Их папа? — спрашивает девочка. Прижалась к моему боку и трясется, но, кажется, теперь лишь от холода. Обнимаю и говорю раньше незнакомки:

— Один из детей.

Девушка хмурится:

— Верно.

— Откуда ты знаешь? — девочка трет красный нос. Пожимаю плечами:

— Просто угадала.

— Сбежавший мальчик не пережил ночи в лесу: разорвали волки. Останки нашли и даже похоронили по всем правилам, но призрак никуда не делся. Его сестра, очевидно, оказалась удачливей. Выжила и продолжила род, — охотница на привидения коротко улыбается девочке. — Благодаря ей ты появилась на свет. Ровно семь лет назад, верно?

— Д-да...

— Тот мальчик умер в день своего рождения. Ему тоже исполнилось семь. Став призраком, он приходил за помощью к твоим предкам, но никто не смог упокоить его, — но пытались, ведь яму начали раскапывать. Почему остановились? Что с ними случилось? — Многие даже не добирались сюда: если не трогать духа, он просто проторчит перед тобой, пока день не кончится, а потом исчезнет.

Девочка энергично кивает:

— Да! У моей бабули так было! И у папы..., наверное. Он не говорил. Как думаете, он был здесь? Он поэтому... молчал целый год до следующего дня рождения, — коротко заглядывает в могилу. Добавляет, без перехода:

— Он запрещал мне смотреть ужастики... хотя теперь я и сама не буду.

— Будешь, не волнуйся, — успокаивает девушка. — Через месяц сегодняшний день покажется всего лишь очень ярким сном или услышанной сказкой, я обещаю.

— Конечно, нет! Как такое может быть?! — удивляется малышка. Незнакомка беспечно отмахивается, но в прищуре светлых глаз прячутся искры: она знает, о чем говорит.

— Они хотят попроситься. Все трое еще тут, и им важно знать, что ты расскажешь их историю.

— Зачем? Кому? Кто мне поверит?

— Однажды у тебя будут дети. Дети любят истории, даже страшные. Пусть не поверят, но запомнят. Перескажут своим детям, — она поднимается с рюкзака. — Те передадут дальше. В самом конце память — все, что остается. Без памяти тебя будто и не было никогда. Что может быть страшнее? — опять разглядывает меня, водит пальцем по губам. Не

выдерживаю:

— Что?

— Ничего, — смаргивает, шарит по карманам. Достает потертый блокнот. — Суть в том, что сейчас эти четверо — лишь местная страшилка. Заложные покойники. Мы должны вернуть им лица. И надо поспешить: время роз заканчивается. Духи тоже боятся умирать, и, возможно, будут сопротивляться, — из ямы тянет холодом. Заглянув внутрь, вижу, что цветы ссохлись и потемнели, а выкопанная земля ручейками бежит вниз. Голова идет кругом, мигрень простреливает виски. Зажмуриваюсь, сжимаю стучащие зубы, выдавливаю:

— Почему здесь ночь? Где мы? — девушка издалека отвечает:

— На другой стороне мира.

— Это ты была в арке? Перед переходом сюда, — пусть она, иначе как я вернусь? Такие плотные силуэты хуже всего: они говорят. Шарят рядом, в стенах, месяцами, дотрагиваются и ранят, шепчут и кричат даже днем, заглушая прочие звуки. Я не выдержу, мне нужно отдохнуть. Поспать, пока не зашло солнце. Сколько времени мы здесь? Будто годы. Вдруг дома уже закат? Я не переживу еще одной бессонной ночи. Скажи, что это ты...

— Нет, сама знаешь, — вскидываюсь, но она уже отвернулась и командует:

— Дай ей нож! Я займусь защитными чарами. Призраки не смогут выйти за пределы круга. Когда появятся, ты — скажи их имена: Эйлин, Натан, Анна и Истер. Повтори!

— Эйлин, Натан, Анна и Истер! Зачем мне нож? — девочка принимает оружие. Держит, смешно вытянув руки. В голосе пляшет паника.

— Надо порезать руку, а потом отдать его призракам. Подойдите к могиле, — заметив, что мы не двигаемся с места, девушка раздраженно поясняет:

— Ты обязана им жизнью. Отдавая кровь, показываешь, что знаешь и ценишь это. Железо же... нож прогоняет призраков из реальности живых. Ритуал, по сути, просто прощание. Если не примут дар, ударьте каждого ножом. Возможно, придется побегать. Из дома им не выйти, а навредить, пока я читаю заклинание, духи не в силах. Так что не бойтесь и ни в коем случае не мешайте мне. Ясно? — она открывает блокнот.

— Я не смогу их поранить! — девочка пятится, прижимая нож к груди. Ловлю за шиворот:

— Я смогу, все нормально. Главное — кровь и имена. Помнишь имена?

— Эйлин, Натан, Анна и Истер! Но как узнать, кто где?

— Да плевать. Заткнулись и приготовились. Я начинаю, — девушка закрывает глаза, выдыхает и чертит в воздухе полупрозрачный знак. Кладет сверху руку — зыбкие линии расплываются в сложный узор, паутиной повисают между нами. Шар полыхает белым светом, прогоняя ночь на улицу. Волшебница бормочет, читая — напевно и тягуче. Молитва? Они никогда не помогают — мне не помогли, — неужели с привидениями работают? Меня трясет, но не от холода. Пульсация в висках учащается до единого спазма. Закусываю губу, чтобы не закричать. Мертвецы появляются внезапно. Моргнула — стоят. Сжимаю плечи вскрикнувшей девочки. Напрочь одинаковые, смерть стерла различия. Наш призрак дрожит на пороге, бьется, словно в закрытую дверь, исходит волнами ряби. На бледной плоти проступает кровь: мальчик умер в лесу, и лес не отпускает его.

— Имена! Говори имена! Давай же! — круг порошка осыпается вместе с землей. Мешочки ползут, а мертвые становятся ярче, вспухают объемом. Я качаюсь от накатившего морока, встряхиваю девочку:

— Скорее! Они впитывают нашу жизнь!

— Эйлин! Натан! Анна! Истер! — она с плачем падает на колени, роняет нож и закрывает голову руками. Перехватываю оружие и дергаю за запястье. Режу ладонь. Края раны раскрываются ртом. Проступают алые бисеринки, медленно набухают, а потом черная кровь моментально заполняет разрез, жарко выплескивается. Господи. Шрам будет больше моего! Прижимаю лезвие, переворачиваю, пачкая.

— Дай им нож, живо! — окрик из-за спины. Я пропустила, когда оборвалась молитва. Защитный контур разрушен. Отталкиваю девочку на землю. Малышка рыдает и баюкает раненую кисть, но перестает существовать, когда я делаю шаг вперед. Мертвые совсем близко. Вновь чувствую запах огня, но не старый едкий дым, нет — боль горячих танцующих языков. Время и кровь будто замедляют ток. В ушах шумит, а на периферии зрения мелькают изломанные силуэты.

Они нашли меня.

Голодные тени скользят за окнами. Рвутся и перетекают, уклоняясь от света. Ищут лазейку. В сравнении с ними, двое впереди живее всех живых. Протягиваю окровавленное лезвие. Сзади щелкает взводимый курок.

Верно, пули тоже из железа. Навсегда духов не прогонят, но нас защитят.

Я почти вижу, какими они были. Искрами в изувеченных разложением чертах, звуками: имена возвращают покойникам лица. Прикосновение костей в черных опметках мяса отзывается морозом за лопатками.

Теплая кожа.

Кем бы они не казались, внутри мы одинаковы.

Разжимаю пальцы. Нож падает в могилу.

Стены вздрагивают. Мир накреняется, расплывается на мгновение, где-то лопается стекло — прямо в моей голове. Воздух мерцает, пропуская мальчика домой.

Нарастает звон. Упав на колени, закрываю уши, только не помогает. Если тени тоже войдут, что со мной станет? Может, у незнакомки есть молитва и на этот случай?... Господи, невыносимо гром...

— Эй. Ты жива? — что-то давит под ребра. Ботинок.

— Отвали, — с трудом переворачиваюсь набок. Земля обжигает холодом щеку. Вокруг очень тихо и легко. Пусто. Тьма... ушла, забрав тревожные шорохи. Я выдыхаю не вижу дыхания.

— Вы молодцы. Я думала, будет хуже.

Да уж. Хорошо, что они не сопротивлялись. Я бы не смогла гоняться за призраками с ножом — после того, как видела их живыми. Поднимаюсь и помогаю встать бледной как полотно девочке.

— Надо перевязать рану, — порез сильно кровит. — Я не хотела резать так глубоко. Просто...

— Испугалась, — всхлипывает она. — Я так испугалась!

— Прости.

Подходит девушка, достает из кармана стилет:

— Я не взяла аптечку, — хмуро признается прежде, чем отрезать подол от девочкиного нарядного платья. — Потерпи, будет больно. Надо туго затянуть. Малышка зажмуривается и стискивает губы. Полоса ткани с вышитыми маками расцветает свежими бутонами.

— Готово. Пора уходить. Но сначала сжечь дом. Помоги притащить ветки с улицы.

— Зачем? Они ведь уже ушли, — не знаю, куда деть руки: девочка прижалась к ногам,

вцепилась в шорты. Повторяю про себя: глупая. Я же тебя ранила. Что ты делаешь?

— Призраки — да. Но если не хочешь, чтобы твои друзья последовали за нами, придется дать им что-то взамен.

Горло перехватывает спазмом. Лицо незнакомки нечитаемо.

— Что... почему ты их видишь? — и знаешь способ прогнать. Пожар отвлечет их на пару часов. — Кто они? Кто ты?

— Нина, — моргаю. Девушка дергает косу. Смутилась? — Я вижу их по той же причине, что и ты. Мы похожи. Ты не заметила?

— Чего не заметила? — она не делает вещи понятней.

— Что нам обеим нравится поджигать, — Нина криво улыбается и, подхватив рюкзак, ныряет в черноту дверного проема.

Поджигать. Как просто. Замираю, прислушиваясь к новому знанию. За ним кроется что-то особенное, подобно отголоску чуда в белесом шраме на ладони. Не ответы, лишь вопросы, но...

Это место. Сколько еще домов с похожей историей?

Сегодня станет на один меньше. В груди разливается тепло:

— Пойдем, — говорю девочке. — Сожжем здесь все.

Перетаскиваем хворост к могиле. Девочка помогает, несмотря на почерневшую от крови повязку. В конце Нина, забрав свет, ненадолго спускается в яму. Сухой хлопок. Шелест. Девушка возвращается с запахом горелых волос, бесцеремонно запикивает блеснувшую стеклом колбу в карман моих шорт:

— Всегда носи с собой. Нет, не трогай, — перехватывает за руку и больно выкручивает запястье. — Потом посмотришь. Этого хватит на некоторое время. Они перестанут тебя видеть. Не открывай, не повреди печать — тогда чары нарушатся. И уж точно постарайся не разбить, — она словно хочет сказать больше, но отворачивается, поправляет ближайшую вязанку. — Тебе нужна передышка. Выглядишь ужасно.

— Спасибо...

— Разве ветки не должны были сгнить? Прошло много лет, — спрашивает девочка из-за целого леса по ту сторону могилы. Трогаю гладкое, прочное дерево. Она права: странно.

— Местные постоянно приносят свежие. Думают, что так запирают духов внутри дома, — на мой удивленный взгляд девушка пожимает плечами:

— В глуши обожают суеверия. Они будут обсуждать сегодняшний пожар месяцами.

Киваю. Нина щурится и закусывает губу. Начинает рисовать: несколько невесомых линий — и воздух высыхает, а в самой гуще ветвей, где кости, зарождается огонь. Щелкая и дымя, рыжие языки карабкаются к потолку.

Жар опалает лицо, гонит прочь:

— Эй! Иди сюда, — зову девочку. Клубы дыма наполняют комнату. Спеша к выходу, малышка оборачивается и звонко выкрикивает:

— Эйлин! Натан! Анна и Истер! Я запомню! — невольно улыбаюсь. Я тоже запомню: чудовища обратились людьми. Многие годы существовали страшилкой для детей, а завтрашним утром станут пустыми горелыми скелетами, но сегодня, на несколько секунд — сжимая окровавленную сталь, осыпаясь прахом, — они были живы.

Быть может, есть способ воскреснуть... спастись — и для монстров вроде меня. ***

Пламя ширится, пока не завладевает крышей. Выбивает тени из-под деревьев, заставляя лес отступить. Дом гудит, визжит, ухают лопающиеся балки, с длинным вздохом

обрушивается кровля. Мы пятимся от колючих искр.

— Как нам вернуться домой? — отсветы пожара делают лицо волшебницы по-детски незащитным. Я вижу родинку-слезу на скуле под правым глазом и что Нина младше, чем кажется. Чем хочет казаться.

— Придется прогуляться. Пару километров вдоль реки. Идем быстро, иначе опоздаем, и тогда сидеть здесь еще сутки. Не отставайте.

Девушка резко разворачивается и, не оглядываясь, уходит в чащу вслед за своим огоньком. Скользит между стволов с легкостью, выдающей привычку к подобным прогулкам. Мы же спотыкаемся о каждый чертов корень, влезая в какие-то дремучие заросли, хотя идем прямо за ней. Девочка путается в ногах особенно часто. Белый шар безжалостно удаляется.

— Стой! Подожди нас! — кричу я. У меня полно вопросов, но их не задать, когда между нами половина леса.

— Я не собираюсь с вами нянчиться! Не успеете — брошу здесь до завтра, — доносится в ответ. Черт возьми! Да она просто убегает!

— Эй! — и притворяется глухой. Я ругаюсь сквозь зубы и, подхватив девочку на руки, ускоряю шаг. Тяжело, очень, но нельзя оставаться здесь. Ночь пока спокойна, но к рассвету погребальный костер догорит, и тьма оживет хищными силуэтами. Поэтому — почти бежать, пусть колючие кусты царапают кожу, цепляют волосы и одежду. Нестрашно, скорей.

— Посвети телефоном, — вспоминает о фонарике девочка.

— Я его потеряла, — бросила в грязи могилы. Идиотка. Глаза давно привыкли к темноте, но с фонариком перебираться через поваленные стволы и скалистые уступы было бы гораздо проще.

Нинин свет вспыхивает и меркнет, потом вовсе пропадает, и вот мы продвигаемся вперед скорее по инерции. Мышцы дрожат от усталости, и вскоре я опускаю девочку на землю.

— Смотри! Там! — она указывает на серебристый отблеск чуть слева. — Это Нина! Нет это деревья кончились, запнувшись о каменистый берег реки. Журчание потока оглушает — после хрупкой тишины чащи, где звуки прячутся в шелесте хвойного ковра. По берегу идти проще, а видно дальше: лунный свет дробится в течении, оглаживает серые валуны и расчленяет угольный монолит подлеска до мельчайших веточек.

— Вон она! — нашли. Холодная звезда вновь обозначает направление. Цепляясь друг за друга и стараясь не поскользнуться на гладких камнях, переходим на другую сторону: вода не достает и до колен. Холодная и быстрая, обдает ледяными брызгами и норовит сбить с ног. Девочка высоко подбирает оборванное платье, но все равно промокает до пояса. Жалуется:

— Есть хочу, — киваю: мой желудок тоже давно сводит от голода.

Лес редет, рассыпается тонкими деревцами по долине. Река здесь разлита шире, камни сменяются травой и топкой грязью.

— Я вижу дорогу! — радуется девочка, когда шар замирает. Чем ближе, тем яснее различимы столбики на каменной изгороди, отделяющей ленту асфальта от полей. Один из столбов, обмотанный куском тряпки, отмечает конец пути.

— Успели, — констатирует Нина, когда я помогаю малышке перелезть через ограду. — Еще пара минут в запасе.

Девушка курит, прислонившись к камням и запрокинув голову к звездам. Пахнет не

табаком. Я выдыхаю:

— Тени, что приходят за мной. Как их отогнать? Что они такое?

— Скорее, что ты такое, — дымом в небо.

— Хватит! — рывкаю, выдергиваю сигарету и комкаю, обжигая пальцы. — Отвечай!

Иначе, клянусь, я выкину, что бы ты мне ни сунула, и буду преследовать тебя, пока они не вернуться, и тогда... — она им тоже нужна. Я вижу в ее прозрачных глазах и сладковатом запахе травки: Нина убегает.

Но не сейчас, сейчас шагает вплотную, от мнимой расслабленности не остается и следа. В ребро упирается острое стилета, ноздри щекочет аромат лаванды. Девушка шипит:

— Никакие ответы тебе не помогут. Ничего не поможет, даже обереги не спрячут надолго, а цена за них... Забудь! Ты родилась такой, и этого не исправить. Пойдешь за мной — будет хуже. Есть вещи страшнее тварей, уж поверь мне, — между темными бровями появляется горестный залом.

— Тварей?... Что может быть страшнее? — голос срывается, в горле комок. Пожалуйста, не оставляй меня так.

— Люди. Люди страшнее всего, — лезвие со щелчком возвращается в рукоятку. Нина отстраняется, но я перехватываю за локоть:

— Что я такое? — на секунду кажется — ударит. Но лишь смотрит устало. Высвобождает руку, щелчком подзывает шар со шлейфом мошкеры:

— Вот. Только вместо мух — твари, и их ночь длится вечность. Просто... прячься получше. Убегай. Это все, что можно сделать.

— Я... у меня не выходит прятаться. Больше нет.

— Конечно, — мягко говорит Нина. — Ты сияешь как солнце.

— Я больше не могу, — крупная бабочка бьется о свет. — Я не могу... — рассказать ей, что я наделала. — Что будет, когда я остановлюсь?

— Я не знаю. Я никогда не останавливаюсь, — Нина оборачивается на светлеющий горизонт. — Оберег даст тебе фору в пару недель. Советую переехать и держаться подальше от осевых мест, тогда твари нескоро догонят.

— Осевых мест?

— Места трагедий. Ты их чувствуешь. Тебя туда тянет.

Закусываю губу, чтобы промолчать.

Я их создаю.

— Возьмитесь за столб. Мы возвращаемся. Крепко, нет, не так, — тянет притихшую девочку за платье, заставляя стать вплотную, кладет руки поверх наших. Выдыхает заклинание. — Теперь ждем.

— Те люди, которые страшнее теней. Они знают, как прогнать их? — шепчу. Нина слишком близко. Серые глаза широко распахнуты.

— Да. Но это и я тебе скажу: вспыхнуть, сжечь дотла тварей или погаснуть самой. В первом случае придут новые. Во втором — смерть.

— Должно быть что-то еще, — я не верю тебе. Не хочу верить.

Ночь превращается в яркий день, жара обрушивается пыльным покрывалом. Под пальцами вместо ржавчины лущится голубая краска: столб изменился. Я давлюсь несказанными словами.

— Ничего нет, — девушка лезет в рюкзак. Достает слипшийся конфетный ком — грязно-зеленый, с резким запахом полыни. Отламывает два кусочка.

— Вот, это восстанавливает иммунитет после контакта с мертвыми. Съешьте, или заболите, — девочка безропотно сует конфету в рот. Я медлю.

Подчеркнуто равнодушный тон и — пристальный взгляд. Нина врет. Кладу свою часть в карман, к оберегу.

— Серьезно? Хочешь умереть от какой-нибудь простуды через неделю? Ешь, я хочу видеть. Мне не нужны проблемы, — поднимаю брови. — О, да ладно. Ты не сдашься так просто.

Волшебница истолковала мой жест по-своему. Фыркаю. Нет, конечно не сдамся. Я скорее вспыхну, чем погасну. Нашариваю звонкую мелочь, заколку, холодную колбу... мягкий кругляш стирательной резинки. Кладу в рот. Нина не замечает подмены.

— Выпись. Станет легче, — советует, уходя. Выуживаю и рассматриваю на просвет оберег: сургучная печать с символьным узором закупоривает склянку с серым порошком. Прах. Смеюсь и кричу вслед:

— Ты ведь только ради костей и пошла туда, верно?! Не для того, чтобы освободить их! Чтобы себя защитить! — Нина не отвечает, только шаг становится деревянным. Выдыхаю, глажу хрупкое стекло. Ладно. Ладно...

Не разбивать. Не открывать. Не повредить печать. Осевые места...

— Где мы? — девочка тянет за майку. Баюкает кисть: повязка черная от крови.

Мы на парковке, среди рядов раскаленных машин.

К Нине с лаем бросается собака.

— Привет, засранец. Что-то ты совсем сваялся, — девушка гладит пса. Дворняга скулит от счастья.

— Скоро узнаем, — там, где Нина уже не раз бывала. И будет снова, если повезет. Она исчезает за воротами, мы спешим следом.

— Твою мать, — выплевываю резинку. Не считая пса, улица в обе стороны совершенно пуста. Нинин знакомый виляет хвостом, но шарахается в сторону, когда я протягиваю руку.

— Смотри. Тут ходят трамваи, — девочка бежит к остановке. — Есть мой номер!

— Покажи рану, — усаживаю ее на скамейку. Напитавшись влаги, тряпка почти сползла. — Давай перебинтую.

Отрываю новую ленту от еще мокрого подола. Теперь юбка лишилась всех маков. Быстро, стараясь не смотреть, прячу под обмоткой чудовищный порез.

— Извини. Я так испугалась, что совсем не соображала, — она вытирает набежавшие слезы, размазывая грязь по щекам:

— Почти не болит, — кривится от боли. — Как думаешь, они теперь вместе? И с папой, и той девочкой...?

— Твоей пра-пра... кучу раз прабабушкой, — от жары мысли тяжело ворочаются в голове.

— Да. Анна, Натан, Истер и мама Эйлин. Я не забуду, — серьезно говорит девочка, болтая ногами. Вдалеке появляется трамвай.

— Вот, — вздрагиваю: запястье опутывает цепочка. Малышка возится, пытаюсь застегнуть замочек одной рукой. — Ты тоже не забывай.

— Это же твой подарок? Зачем ты даешь его мне? — серебряные звездочки позвякивают при малейшем движении. На некоторых кровь. Меня знобит.

— Железо прогоняет смерть. Так Нина сказала, помнишь? — железо, не серебро, но я киваю. — Браслет прогонит чудовищ, которые пугают тебя.

— Прогонит... — повторяю эхом. Смаргиваю: глазам горячо.

— Спасибо.

Трамвай подобрался совсем близко, и девочка вскакивает, читая вслух номер:

— Девять! Мне подходит!

— Ты доедешь сама? — ей всего семь. Но усталость растекается в костях, и я вряд ли смогу хотя бы встать.

— Да! Конечно! Я сто раз сама ездила, — отмахивается, перекатывает во рту конфету: то одна щека округляется, то другая. Похожа на оборванку.

— Почему? — спрашиваю раньше, чем думаю. На перепачканном лице застывает уязвимое выражение:

— Бабуля уже старая, ей тяжело ходить.

— А мама и папа?

— Мама не живет с нами, только в гости ходит. А папа...

— ...умер, да? — позади нее с лязгом останавливается вагон.

Опускает ресницы. Стряхивает мусор с остатков юбки. Едва разбираю слова:

— ...ма сказала: такие, как папа, не попадают на небо. Я подумала, что встречу его там, где живут привидения. Но хорошо, что не встретила, да? — из открывшихся дверей выходят люди. Поток равнодушно огибает малышку, обнявшую себя за плечи. — Там страшно... только я теперь не понимаю, где он.

— Здесь. Он будет рядом, пока ты его помнишь. Пока скучаешь, — в конце все хотят лишь иметь значение. Пусть даже для одной только маленькой девочки. — Невидимый, но... это гораздо лучше дома с привидениями и даже неба.

Улыбается дрожащими губами — кругляшек леденца уже едва заметен. Голубой взгляд теряет фокус, а потом девочка рвано кивает, коротко машет раненой рукой на прощание и успевает скользнуть в закрывающиеся створки. Я смотрю вслед, пока фигурка за стеклом не размывается расстоянием. Ложусь на нагретое дерево скамейки. Мышцы ноют. Живот сводит от голода. Надо вернуться на сорок вторую улицу, забрать сумку: внутри пропуск, без него не попасть в общежитие. Но сначала полежу пару минут, я по-настоящему заслужила. Тихонько, чтобы никто не услышал, обещаю:

— Сегодня я перестану убегать.

Летний зной обнимает одеялом. По спине ползет капелька пота. Люди расходятся, мимо шумят машины. Звуки отдаляются, тают. Еще чуть-чуть отдохну, и... Проснувшись, долго не могу понять, где я и когда. Спрашиваю время у ждущей трамвай старушки — та брезгливо поджимает губы, но выплевывает:

— Двенадцать дня.

Что?

— Какой... какой сегодня день?

— Среда, — второе июня. Господи! Я проспала весь день и ночь! Целую ночь, полную темноты, и ничего не случилось! Я фыркаю — старуха шарахается в сторону. Ха! Конечно, я грязная, растрепанная, залитая кровью. Как не забрали в полицию? Подтягиваю колени к груди. Внутренности горят, тело ломит, а в горле клубится кашель, но я хохочу, не в силах остановиться:

— Кости работают! Я не одна вижу тени! Я не одна такая, я не сумасшедшая! — часто оглядываясь, старуха семенит прочь. Я смеюсь, спрятав лицо в ладонях, и вместе со мной смеются маленькие серебряные звезды.

***

Парковка оказалась на другом конце города от общежития и улицы, где я нашла девочку и потеряла сумку. Мелочи в карманах хватило доехать до центра, дальше я шла пешком, да что там — почти летела. Я умирала от голода, пропустила смену в баре, телефон остался в могиле. Но главное — я должна была скорее вернуться к столбу-порталу.

— Даже если Нина не объявится, она явно не единственный человек, понимающий в тенях и призраках, а значит — есть смысл поспешить обратно.

После сна мысли очистились, и стало ясно, как мало она, в сущности, сказала.

— Да ни черта вообще! — я бормотала под нос, сворачивая в коридор заброшенных домов. — Что за люди, которые страшнее темноты?

Быть может, у них, как у Нины, блестит металлом знак на груди: щит из тонких пересекающихся линий? А обереги? У них тоже есть обереги, прогоняющие теней?

— Тварей. Она назвала их тварями.

Чего она боится? Стоит ли бояться мне? Нина сказала: да, но...

Я остановилась, будто врезавшись в стену:

— Нет. Я не могу так жить. Больше не могу. Она предупредила, что кости перестанут действовать через несколько недель. Этого мало.

И гораздо больше, чем я мечтала.

Сумка стояла у бордюра. Но я бросила ее посередине дороги. Внутри не хватало кошелька и плеера, а у ежедневника выдрали первую страницу с логотипом бара. Студенческое удостоверение сменило карман.

— Хочешь знать, кто я? Даже записала, — говорить вслух — глупая привычка, как и вечные прикосновения к шраму. Я разглядывала белесый рубец, впервые — узнавая.

Тогда, в центре подломившейся крыши, я ползла прочь от края, обратно к разбитому окну по стремительно складывающимся доскам. Почти успела — с размаха схватилась за раму, прямо за стеклянные зубья.

Осколок прошел между костей. Я еще ничего не почувствовала, но алые струйки уже горячо побежали по предплечью. Одернула руку — стекло отломилось. Я потеряла равновесие и упала на колени.

Боль билась вторым сердцем, и остальное пульсировало вместе с ней. Песня воробьев, далекие крики, занозы и ссадины, ветерок в прядях у висков, мерцание насекомых. Шершавость и тень, запахи пота и трухлявого дерева. Подчиняясь дрожи в кисти, по льдистым граням осколка туда-сюда скользил свет. Кровь наполнила ладонь, сорвалась каплями с пальцев. Как красиво. Как страшно.

Как красиво.

Я вдруг поняла, что крыша давно должна была обвалиться. Оглянулась.

Прямо в воздухе висели щепки и камешки, сухие листья. Облако пыли покачивалось, но не оседало, напоминая след краски в воде, когда только обмакнешь кисть. В центре дрейфовал обломок доски.

Внизу, на земле, кричали друзья. Я не видела их, но они видели колдовство. Через секунду я осознала, что чудес не бывает, и все рухнуло.

— Не просто рухнуло, — выстрелило деревом и камнем, шрапнелью из ржавых гвоздей и стекла. Амалия лишилась глаза, лицо навсегда изуродовала сетка шрамов. Миша и Эмре отделались переломами, Лизе повезло меньше всех: кирпич вбил ее ребра в легкие. Она умерла на месте.

Я сотворила это. Убила, искалечила. А сама, упав, лишь оцарапалась.

И забыла. Сначала о чуде, а после переезда — о крыше вообще. Никто не напоминал о погибшей девочке и странных рассказах остальных детей.

— Никто им не поверил, — из взрослых. Двор мгновенно пустел, стоило мне выйти на улицу. Не потому ли мы переехали?

Были ли тени до осколка? Или он открыл эту дверь?

— У меня нет ответов. Но теперь я знаю, где их найти.

Поспешно закрыв сессию, я устроила наблюдательный пункт на гараже в дальнем углу парковки. Оттуда отлично просматривался заветный столб и пыльные ряды машин, зеленая будочка сторожа у ворот и маленький красный домик Бобби, Нининой дворняги. Меня же надежно скрывали ветви росшей по соседству шелковицы. Присутствие постороннего замечал только пес.

Протиснувшись через дыру в сетке забора, я забиралась по дереву и растягивалась на теплой гулкой кровле. Тихонько, ведь каждое движение звучало барабанным боем, и Бобби, дремавший внизу, поднимал голову.

— Спи, все хорошо, — я доставала планшет и альбом для эскизов. В густой пятнистой тени страницы споро заполнялись черновыми выкройками и летящими силуэтами новых идей. Пока я безуспешно искала удобную позу, разноцветные карандаши и фломастеры норовили укатиться вниз и потеряться в палой листве между гаражами, а книги заканчивались раньше, чем мутный от жары разум успевал вникнуть в сюжет. Я постоянно отвлекалась: пропуская машины, взвизгивал старый шлагбаум, тысячи раз хлопали двери. Бобби встречал каждого водителя залиvistым лаем. Горячий воздух жег глаза и набивался в легкие, с дерева падали насекомые и — позже — спелые маркие ягоды. Одинаковые дни слагались в недели, лето катилось своим чередом бесконечно долго, пока вдруг не выгорело в осень. Нина не вернулась.

Но и твари тоже. Поглаживая колбу с серой пылью, я осторожно воображала, будто они ушли навсегда. Сосуд отмечался льдинкой у груди. Я поминутно проверяла, крепко ли держит шнурок, не ослабли ли узлы. Постепенно порошок потемнел, начал собираться в гранулы и налипать на стенки. Когда стекло перестало холодить кожу, пришлось признать: каникулы закончатся.

Я по-прежнему ночами работала в баре, а спала днем. Дремала прямо на крыше, вздрагивая от лая — чтобы увидеть, как Бобби встречает не Нину. Других: мужчин, появившихся из ниоткуда или исчезающих в секунду между ударами сердца. Одинаковые из-за расстояния и черной формы, они напряженно осматривались, и я приникала к шершавому металлу и медлила со спуском — а потом не находила никого на пустынной улице. За тремя, шатающимися от усталости, мне удалось пройти на несколько кварталов вглубь частного сектора с ветхими домишками и узкими, засыпанными шуршащим гравием дорожками. Заслышав шаги, маги мгновенно оборачивались. Расправлялись поникшие плечи, в походке появлялась пружинистость. Я сжимала кулак со шрамом и сворачивала прочь на следующем повороте:

— Ничего. Нестрашно. Мне повезет, — они появлялись раза два в месяц. Думаю многих я пропустила из-за работы: четыре дня в неделю.

— Но уволиться я не могу, это уже совсем безумие. Работа отличная. И ночью слежка заметнее, ночью... — звуки громче, прохожих меньше. Поймают сразу. — Что тогда? Просто рассказать все? — нет.

Люди страшнее всего.

Я слишком мало знаю. Нельзя довериться первому встречному. Лучше дождаться Нину.

— Она вернется, должна вернуться.

Она забрала девочкин рюкзак. Я проверила арку — метнулась в темноту, к созвездиям дыр на ржавых воротах и пустому креслу. Осмотрела закоулки на случай, если рюкзак распотрошили бродяги. Быть может, забрали с собой? Или девочка вернулась, пока я спала на остановке?

— Нет. Это Нина. И в моей сумке рылась она. Возможно, кошелек и плеер спер кто-то еще, но тот лист вырвала Нина, — уверенность разгоняла кровь до эха пульса в ушах. Заштриховав карандашом вторую страницу блокнота, я разобрала запись с утерянной: мои имя и фамилию, название училища, номер общежития, комнаты. Буквы: М.О.

— Еще Нина не хотела, чтобы я отыскивала девочку. Раскусила трюк с резинкой? Поэтому не приходит? Или приходила, пока меня не было?

Четыре. Чертовых. Месяца. Я отказалась поехать к маме. Не навестила и папу. Прожарилась до костей. Меня перестали сторониться люди. Исчезла нужда оглядываться и замазывать синяки под глазами. Появился вопрос:

— Правильно ли я поступаю? — единственный собеседник прищурился, запрокинув лохматую морду. — Смогу ли перестать ждать и не жалеть потом?

Пес вяло дернул хвостом. Для Бобби ожидание было стилем жизни, и он явно не понимал, о чем я тревожусь.

Воздух посвежел. В порывах ветра зазвенело обещание холодов, я сменила футболки на свитера, спрятала в развилке шелковицы пакет с одеялом. Кончился сентябрь:

— Скоро зачатят дожди, и наблюдение превратится в по-настоящему дикое занятие, — если эта грань не была пройдена пару месяцев назад.

***

Я лежу на пледе в сгущающихся вечерних тенях, бездумно листая на планшете фотографии с чьей-то осенней коллекции: прогулы прогулами, но ради места в общежитии зимнюю сессию сдать придется. Сумерки стирают границы предметов, наполняют окна пятиэтажки напротив холодным мраком. Над дорогой за воротами давно зажглись огни, но полупустая стоянка остается неосвещенной. Злополучный столб, сосредоточие моего мира, теряется на фоне асфальта.

Я почти пропускаю. Чертов Бобби вяло тявкает во сне и накрывает лапой нос. Стоп сразу тухнет в шелесте листьев, но все же заставляет поднять глаза.

У столба кто-то стоит на коленях.

Задерживаю дыхание.

Человек шевелится. Медленно, держась за бок, поднимается. Когда загорается свет, я едва не вскрикиваю, быстро закрываю рот ладонью: под его... ее руками расплывается темное пятно.

Знакомая коса, форма, движения. Нина — выжидает немного, опираясь о столб, потом выпрямляется и напряженным шагом идет к выходу с парковки.

Я скатываюсь с крыши, продираюсь через дыру и бегу вокруг забора к воротам. Чтобы попасть на улицу, нужно обогнуть пристройку, а дальше — пересечь двор. Когда я вылетаю из арки, Нина уже дошла до конца квартала и сворачивает за угол.

Медлю. Шанс на миллион, нельзя ошибиться. Если я неверно оцениваю состояние девушки, она пошлет, как в прошлый раз, и снова исчезнет, и больше не позволит себя

поймать.

Вообще-то Нина может послать даже будучи при смерти, но...

— Стоит верить в лучшее.

Обернувшись, волшебница сразу увидела бы меня. Но боль сделала ее безразличной к происходящему вокруг.

Тихо. Главное, чтобы не услышала. Во рту пересыхает, сердце набатом колотится в груди:

— Идем.

Квартал за кварталом, через дворы. Там — темнее, ближе, и звуки гулко бьются о стены. За девушкой тянется цепочка черных пятен.

Частые остановки. Она прислоняется к дереву или стене и стоит несколько мучительных минут. Пора помочь? Вдруг опоздаю? Надо... Нина стонет и почти падает вперед — в новый шаг.

Через открытые окна звучат голоса, доносится бормотание телевизора, музыка. Детский смех, кого-то зовут ужинать... Нина движется в своей отдельной реальности. Невидимая, как призрак. Моргаю: мертвый ребенок у давно оставленного дома. Вздвогнув, бегу к ней.

Она пытается развернуться. Неуклюже выбрасывает кулак — скула взрывается болью. Обхватываю за плечи и притягиваю вплотную, не оставляя места для следующего замаха. Издав свистящий звук, Нина застывает, часто-часто дыша, в широко распахнутых светлых глазах плещется паника.

— Дом с привидениями, весной. Девочка в красном платье. Семья колдуньи... мы сожгли дом и шли через лес и речку, помнишь? — тороплюсь говорить, пока она не выкинула что-нибудь еще. Я не заметила кобуры, но ей хватит и стилета. — Нина! Ты должна помнить!

Облизывает белые губы. Хрипит неожиданно спокойно:

— Девочка-солнце. Конечно, помню. Отпусти.

— Ты не упадешь? — смеривает раздраженным взглядом. Отпускаю. Нина, всхлипнув, оседает на землю.

— Надо перевязать рану, — на серой футболке под расстегнутым кителем — широкое кровавое пятно. Начинаю стягивать свитер, но она мотает головой:

— Тогда меня убьет яд. Нет. Помоги дойти.

Обнимаю под мышками, рывком ставлю на ноги. Тяжелая.

— Ты сможешь идти?

— Туда. Быстрее.

Следующий двор, еще и еще. Острый лавандовый запах, сиплый шепот прямо в ухо: налево, сверни за деревом, налево, калитка, направо... вот и домики частного сектора. Чертов шумный гравий — можно не таясь загребать ботинками. Узкий переулок выводит к дороге, за ней — дикий парк, а дальше, кажется, только заброшенные склады и заводы. У меня перехватывает горло: если она потеряет

сознание, все будет кончено. Телефон валяется на гараже. Помощи искать негде. Нина дергает рукой, направляя в черноту под деревьями:

— Твой оберег еще действует?

— Да.

— Странно.

Идем просто напролом через кусты. Ничего не видно, ветки царапают лицо. Почти

случайно вываливаемся на тропинку, и я замечаю проблески света среди листвы. Огоньки в ряд. Забор. Нина выдыхает:

— Калитка. Оставь меня у ка... открой и... беги, — обмякает. Я едва удерживаю:

— Зачем бежать?... — но она больше не может ответить.

Руки трясутся и горят от усталости, скользят по холодной коже формы. Хвост щекочет шею, отросшая челка лезет в глаза. Колет запястье эмблема щита. Продвигаюсь вперед отчаянными рывками, каждый отзывается вспышкой боли в пояснице. Каково же было ей... хорошо, что потеряла сознание.

Когда за поворотом тропинки показываются поляна и высокая каменная ограда с тусклыми фонарями, я осторожно кладу девушку на траву и бросаюсь к калитке. Дергаю ручку, толкаю, пинаю, давлю на кнопку звонка. В ответ ни звука. Назад! Ее правый бок напрочь мокрый, брюки тоже. Сдвинув ткань, натываюсь на рваные края раны — Нина стонет. Надо остановить кровь, но она говорила о яде.

— Что мне делать?!

Забор слишком высокий, гладкий, сверху щерится колючей проволокой. В калитке ни выступа, ни щели. Я кричу, пока голос не срывается в хрип. Прислоняюсь к кованной двери спиной, палец на звонке. Тихо. Лишь равнодушно шумят деревья. Сколько у нее времени?

Руки опять в чужой крови. Как в доме с могилой. Как раньше, когда нож плясал в ладонях, а он все не умирал и кричал, кричал, кричал... другие не успевали, сразу захлебывались, но последний...

Как совсем давно, крыша. Стекло.

Нет, в тот раз была моя.

Повинуясь странной идее, иду к Нине.

— Мне нужен нож.

Стилет находится в кармане кителя. Закусив губу, резким движением рассекаю шрам. Нина, не приходя в сознание, беспокойно отворачивается. Скорей.

Прижать рану к калитке, воскрешая в памяти осколок и живую темноту под ногами. Откройся!

Хлопок. Вспышка. Удар в плечо, лицом по земле, а сзади воздух сияет и целлофаново рвется, поднимается утробный вой: сирена. Я отползаю и оборачиваюсь — боже мой, до забора теперь метров пять! Нащупываю колбу... остатки колбы. Под пальцами влажно, в узлах веревки колется стекло.

— Нет! Только не это!

Поверх колец проволоки взвивается, роняя искры, вязь узоров. Расходится дальше и дальше, от пляски символов кружится голова. Шатаюсь, ползу на коленях прочь. Смешно: вот тебе и беги...

Девушка лежит в прежней позе, но глаза открыты. Зрачки до краев заполняют серую радужку. Всполохи в небе красят бледную кожу в мертвенные тона, под стать ее сиреневому лавандовому запаху. Проглотив пыль, сиплю:

— Это плохо?

Она медленно моргает: да. Вой падает на октаву ниже, потом еще, мерцает в позвоночнике. Сжимаю кулак с раной.

— Звонки не работали, — зачем-то объясняюсь. Нина кривится. — В следующий раз просто брошу тебя, обещаю.

Вздыхает. Накрываю ее руки своими:

— Главное, не умирай.

Я успеваю слышать шаги, но не пошевелиться. Нина меняется в лице. Ледяная резь опутывает шею. Я пытаюсь просунуть пальцы под удавку, когда меня дергают назад, опрокидывая на спину. Сверху вырастает фигура. Размытое движение — и тонкая цепочка вспарывает предплечья морозом и болью. Мелькает второй человек, склоняется над Ниной.

— Как она? — спрашивает затягивающий пути мужчина. Успеваю напрячь мускулы, отвовав кусочек свободы, смаргиваю слезы: цепь, разрезая свитер, вгрызается в кожу.

— Жить будет, — после долгой паузы отвечает другой. Мужчина... нет, парень — чуть старше меня — коротко улыбается. Облегченно — Нинин друг?

— Ты ее знаешь?

Нина сосредоточенно кивает, каркает:

— Ва... лен...

— Понял, — девушку оплетает волшебная паутина. Стоящий на коленях складывает ее — из пыли и камешков, порхающих в воздухе.

— Ты можешь встать? — не дожидаясь ответа, друг Нины подхватывает на руки. От него пахнет сигаретным дымом. Вдруг вижу: не друг, брат. Пусть смуглый и черноглазый, а резкий нос гораздо крупнее, чем у сестры, но в остальном сходство разительное.

— Не бойся, — говорит он. Добавляет в рацию на плече:

— Код пятнадцать. Прием.

— Кан! Ты с ума сошел?! Еще рано отклю... не трогай ее! Надо дождаться подкрепления! — орет его напарник. — Она может быть...

Звук и сияние над оградой гаснут.

— Она связана. Позаботься о Нине, а я разберусь с ней, — парень кричит что-то вслед, но Кан лишь ускоряет шаг. Летит, будто я ничего не вешу.

— Извини за это. За удавку. Иначе нельзя. Лучше не напрягайся, тогда будет не так больно. Расскажи мне, что случилось. Быстро и честно, у нас мало времени, — я молчу. Мы минуем калитку.

— Ладно, неважно. Главное я понял. Ты маг огня.

— ... кто? — цепь впивается в горло.

— Ну слава богу. Я уж было решил, что немая, — фыркает. — Seriously, что произошло?

Я коротко рассказываю о девочке, призраках, портале на парковке. Вру, что выбросила леденец. Уменьшаю количество времени, проведенного в слежке за столбом. Он хмыкает. Я меняю тему:

— Почему сработала сирена и этот... свет... когда я дотронулась до калитки? — вокруг нас редкие фонари скорее размечают пространство, чем рассеивают мрак. За раскидистыми деревьями и под покрывалом вьюнков угадываются корпуса цехов, крытые переходы и секции огромных труб. Завод. В окнах темно и так тихо, будто случившееся у калитки мне приснилось. Далеко воеет собака.

— Маг огня управляет и тьмой тоже. Защитный контур отреагировал на эту сторону твоей силы. Что ты сделала?

— Кровь... ничего больше, — и страх, и отчаянное желание, чтобы Нина жила.

— Ясно. Слушай, — Кан вдруг шепчет, — если спросят: ты раньше Нину не встречала. Это важно. Она обязана была доложить о тебе. Никто не должен знать, что она нарушила приказ. Поэтому: ты увидела, что ей плохо, и помогла. Все. Руку порезала случайно и позже — об удавку. Тронула калитку, когда мы проходили. Поняла? Пришли, — ставит меня на

землю у зеленой шуршащей громады здания: плющ заплел стены по самую крышу, не сосчитать этажей. — Сможешь дальше сама?

Легкость в голове уже рассеялась. Плечо и щека ноют, горят порезы под чешуйчатыми зубьями цепочки. Делаю несколько шагов на пробу. Под ногами — разбитый асфальт, сорняки и трава в глубоких трещинах. Кан сует ладонь в листья. Щелчок. Со скрипом отворяется дверь.

Сзади из ночи выступают двое. Вздвогнув всем телом, я разворачиваюсь к ним, сердце срывается в галоп — мои тени вернулись!

И тоже вскинулись.

— Спокойно! — Кан встает между нами. — Все под контролем.

— Протокол, — невыразительно отвечает одна из теней. Выдыхаю. Нет, всего лишь люди.

Люди страшнее всего, — что, если я смертельно ошиблась?

— Она неопасна. Просто следуйте за нами.

— Почему сюда? Огненных магов необходимо доставлять к Адамону Влодеку.

— Адамон разбирается с последствиями драки на тренировке. Он может быть где угодно. Я не пойду искать. Рабинский сойдет.

Закрываю глаза и набираю полную грудь осеннего ветра.

Кан подталкивает в спину:

— Осторожней, там ступеньки.

Глава 2

Мы спускаемся в крошечной тьме. Я иду первой, нащупывая ступеньку за ступенькой, сзади — Кан и двое других. Сверху гудит электричество. Паника бьется за ребрами пойманной птицей. Стиснув зубы, потихоньку ослабляю цепи. Без особой цели: у меня не хватит сил справиться с тремя мужчинами. Через несколько пролетов, искромсав внутреннюю сторону предплечий, путы повисают на запястьях. Становится светлее. Мутное сияние обозначает толстые жилы кабелей на стенах и — знаки. Хаотичные росчерки баллончиком, еще час назад я бы решила: просто граффити. Символы едва уловимо меняются, если не смотреть в упор. Я быстро перестаю.

Лестница обрывается решеткой. За ней над массивной железной дверью горит забраный металлом фонарь. Кан касается ржавой пластины. Лязгают, открываясь, замки. Парень говорит:

— Дальше сама.

Оглянувшись, я вижу, что все трое одеты в знакомую черную форму, со щитами на груди. Вооружены: подмышечные кобуры, к кольцам на поясах крепятся набедренные сумки и массивные ножи. Нинин брат ободряюще улыбается, но сведенные на переносице брови выдают напряжение:

— Иди, все будет нормально, — стоящий рядом с ним поднимает пистолет. Я тяну за ручку.

И слепну. Потолок полыхает сотнями, тысячами лампочек. Громко шумит вытяжка. Лампы, покачиваясь на проводах, цокают друг о друга.

Скрипит, закрываясь, дверь.

Вечность спустя из золотого света проявляются деревянный пол и колонны. Вдали — блеск металла. Туда. Я ныряю в лес полированных трубок, стали и латуни, прохожу по плитам из темного от времени железа. Вентили, провода, рычаги и счетчики с дрожащими стрелками, бульканье воды в прозрачных шлангах. У скопления приборов — стул и стопка бумаг.

— Добрый день! — кричат сбоку. — Сюда, на мой голос!

Я мешкаю, избавляясь от цепи. Витки на шее сидят плотно, зацепившись грузом на конце, но и не мешают. Расчлененные рукава худо-бедно прикрывают отсутствие пут, остается только держать полные звеньев и липкой влаги ладони неловко сведенными у горла. Невидимый человек продолжает звать: сюда, сюда! Я блуждаю среди эха и механизмов, протискиваюсь боком между горячими корпусами, пока не натыкаюсь на черные прорезиненные занавески. Обхожу кругом: шторы отрезают кусок помещения. С одной стороны полог откинут:

— Проходи.

Он старше, чем звучит. Лет пятидесяти, худощавый, седой и смуглый, в очках с тонкой оправой. Интересный, а в молодости, наверное, был красив. Уверенный разворот плеч, рубашка с небрежно закатанными рукавами. На спинке стула — белый халат. Врач? Не похож. Вокруг шкафы, забитые папками. Книги, распечатки, тетради, рулоны — повсюду, даже на полу; стопки в человеческий рост громоздятся по углам. Мужчина отодвигает большую чертежную доску с узором из знаков.

— Добрый день! Сейчас же день? — я качаю головой. И кривлюсь от боли. — О, под

землей легко потерять счет времени.

— Я... я не знаю, зачем я здесь.

— Ты включила тревогу. Нужно понять, почему защитные чары отреагировали. Пожалуйста, присаживайся, — смахивает стопку листов с ближайшего стула. — Не волнуйся: то, что ты смогла спуститься сюда — уже отличная новость. Заметила чары в стенах? Они бы не пустили, будь ты нестабильна. Сейчас я возьму у тебя кровь, затем проведу несколько тестов, и, если выживешь, будешь свободна.

— Очень смешно. Вы каждый раз это говорите? — мужчина смеется:

— Ну извини, трудно удержаться. Мне, конечно же, не следует шутить... ты и так напугана. Тебе сильно досталось. Давай обработаем раны, — отодвинув ящик стола, достает вату, бинт и пару бутылочек. Я медлю, но незнакомец выглядит безобидно. Выпускаю на колени скользкую от крови цепочку, отрываю лохмотья рукавов. В ярком свете припухлые разрезы, исчертившие руки до локтей, блестят ртутными разломами.

— Зря ты... только сильнее поранилась. Эх... подожди, сейчас помогу с шеей, — щелкают кусачки. Затаив дыхание, отдираю цепкие чешуйчатые звенья. Шнурок, который держал оберег долгие четыре месяца, исчез. Если бы я утром не собрала волосы в высокий хвост, их бы тоже лишилась.

— Вот, держи. Протри, забинтуй и давай начинать. У нас мало времени. Как тебя зовут?

Выдуманные имя и фамилию я шиплю сквозь зубы: средство на вате жжет и дергает кожу, бинты ложатся наждачной бумагой. Мужчина записывает возраст, рост, вес, адрес (выдуманный), место учебы (снова ложь), хочет узнать про семью — отвечаю, что не буду говорить. И спрашиваю наконец, кто он такой.

— Валентин. Или, если тебе больше нравится, профессор Рабинский. Я изучаю магию и магов, хотя сам не в состоянии сотворить даже крошечное волшебство. Иронично, не так ли? — он заканчивает писать и откладывает папку. Вытаскивает из-за стопки рукописей микроскоп с предметными стеклами. Забирает окровавленную вату.

— Что это за место? — Валентин мажет моей кровью пробирки, разбавляет жидкостями из разноцветных бутылок — некоторые пенятся, другие светлеют, одна вспыхивает и дымится. Профессор поднимает брови.

— Университет. Здесь волшебники учатся использовать свою силу, а ученые учатся использовать их. Изначально Университет был монашеским орденом, затем — светской организацией, вроде лож, которые собираются ради развлечения и политических игр. После войны Совет сделал упор на науку: новое место, новые открытия, новые цели. Впрочем, не для протокола, я бы сказал, что вопросы власти еще остро стоят на повестке дня...

Валентин замолкает, прислушиваясь. Шепчутся лампочки, равномерный гул просачивается в подошвы ботинок. Профессор наклоняется ко мне, понижая голос:

— Ты маг огня и тьмы, ты нужна им. Сильнее, чем они дадут понять и чем ты сейчас способна представить. Будь осторожна! Они не должны узнать, насколько ярко ты светишь. Тебя не отпустят, и научат многому, но никогда не показывай всю свою мощь. Никогда! Они заставят участвовать в исследованиях, а это... разрушает. Не сразу, но непременно. Делай что угодно, чтобы избегать кровавых ритуалов. Каждый, — запомни, — каждый может стать для тебя последним. Вот, возьми, — сует мне покрытую патиной монетку, — порежь палец, когда окажешься на знаке. Тсс. Ты поймешь, поймешь! Ее нельзя использовать больше двух-трех раз, и вряд ли скоро придется, но на всякий случай всегда носи с собой. И возвращайся сюда при первой возможности! Я все объясню.

Он откидывается на стуле и продолжает писать как ни в чем ни бывало. Я потихоньку прячу кругляшек в карман.

Валентин еще делает пометки, когда монитор ноутбука с писком включается. Появляется черно-белая картинка: в комнату с лампами входят пятеро.

— Кан сказал, ты спасла жизнь его сестре. Как там ее, девчонка с собакой? — профессор не обращает внимания на экран, но я замечаю, как напрягаются его плечи. Переспрашиваю:

— Собакой? — первым семенит старик в мешковатом, будто с чужого плеча, костюме. Следом — осанистый мужчина в халате врача и высокий, тощий как жердь человек с папкой под мышкой. Последними в дверь скользят двое, что сопровождали нас с Каном.

— Злая, но умная, — мне требуется время, чтобы сообразить: он о собаке, не Нине. — Нина. С ней не было собаки, — плевать на собаку: монета обжигает сквозь подкладку кармана.

— Да? Неважно. Нина задолжала тебе. Поэтому ее брат привел тебя сюда, только этого мало. Поговори с ней. У вас много общего.

— Хорошо, — Валентин звонко захлопывает папку.

— Сорок четыре процента огня. Поздравляю, — небрежно выводит на соседнем листке с расчетами: 75.

— Что это значит? — шаги за занавеской.

— Ты скоро узнаешь, — и тише:

— Мне жаль.

Почему жаль, — думаю я.

— Так вот она, причина переполоха! — тяжелая штора взмывается под порывом ветра, подлетают бумаги. Старик останавливается на пороге, скалясь яркими белыми зубами. Я ежусь: водянистых глаз улыбка не касается. Он обращается к Валентину, перекрикивая шелест порхающих листков:

— Что скажете, профессор? Бояться нечего?

— Если только сорок четыре процента огня вас напугают, — поймав пролетающую салфетку, сдержанно отвечает Рабинский. Я ерзаю, пытаюсь незаметно оттянуть джинсы: кругляшек металла клеймом горит у бедра.

— О, простите. Кажется, я устроил тут небольшой беспорядок, — но прекращать не спешит, ощупывает нас цепким взглядом. Наверное, находит, что искал: задирает подбородок и щелкает пальцами. Ветер умирает.

— Сорок четыре? Вы уверены? Барьер просто взбесился, я ожидал целую сотню! — обвисшее лицо постоянно меняется, собираясь морщинами в быстротечные гримасы.

— Разве что девяносто девять, — Валентин склоняется над записями, повернувшись к гостю спиной. — Вторая сила — воздух, двадцать четыре. Природно она стабильна. Девочка переволновалась, вот и прыгнула выше головы. Вы-то знаете, как это бывает, — меня передергивает от яда в интонациях профессора, а старик выдает целую серию мимических всплесков. Щурится:

— Если вы закончили, не будем отвлекать от вашей безусловно необходимой работы. Вообще-то странно, почему ее доставили сюда, а не... ну да ладно. У Адамона, кажется, сегодня насыщенный вечер. Пойдемте, девушка. Пора нам познакомиться поближе.

Валентин прячет испачканную вату в чистую колбу:

— Я не взял кровь, но, думаю, этого будет достаточно. Можешь идти. И помни, о чем я

говорил.

— А именно? — осведомляется старик.

— Собаки, — хриплю я первое, что приходит в голову.

— Собаки?...

— Да, собаки, — Валентин фыркает, а я спешу выскользнуть за занавеску, пока профессор не засмеялся. Шаря в кармане, почти врезаюсь в тощего мужчину. В жизни он не отличается от видео: бесцветный. Серые джинсы, неопределенного цвета рубашка и волосы, даже кожа выглядит пыльной.

— Извините, — двое в черном выхватывают оружие.

— Стоп-стоп, парни! Не нужно! Она стабильна. Вы можете идти. Тут все в порядке, а вот в лазарете от помощи наверняка не откажутся. Слыхал, у вас вышла заварушка на тренировке... сходите, помогите друзьям, — они немедленно уходят. Прогоняя морозное оцепенение, я провожу ногтями по ране на ладони. Монета успокаивается до горячей точки. Старик подкрадывается сзади и хватает за локоть, заставляя прикусить губу от боли.

— Простите наше любопытство. Знаю, у вас выдалась тяжелая ночь, но мы слишком редко находим магов огня. Да и светопреставление, что вы нечаянно устроили, никого не оставило равнодушным! — щебечет, уводя в лабиринт механизмов — прочь от Валентина и выхода наружу.

— Магия огня — очень редкое явление в наши дни, — вмешивается похожий на аристократа мужчина. В его осанке и чертах лица сквозит достоинство, граничащее с заносчивостью. — Добрый вечер. Меня зовут профессор Рамон Хайме. Я возглавляю отдел по исследованию другой стороны пламени: тьмы...

— В наши дни? Почему? Когда-то было иначе? — у Хайме дергается уголок рта.

— Любознательная, — хвалит старик. Хайме холодно отвечает:

— Огненная эпоха закончилась в период между античностью и средневековьем. По неизвестной нам причине рождаемость среди магов огня стала постепенно и неуклонно падать. На смену им пришли водные, достигли расцвета и сменились воздушными. Сейчас растет влияние земли.

Новая дверь отрезает гул механизмов и яркий свет. Дальше — синий полумрак, столы вдоль стен, брошенные где попало стулья. Компьютеры, колбы, системы реторт и трубок, непонятное оборудование. Редкие люди у мониторов с графиками и шкалами. Укутанные покрывалами клетки, которые взрываются криками при нашем приближении.

— Кто там? — от них веет тревогой. Иначе, чем от призрака... не отчаянием, но застарелым страхом.

Таким глубоким, что определяет будущее. Я знаю его вкус: кислый, вязущий. Твари.

— Мартышки, — Хайме и старик переглядываются.

— Вам с профессором Хайме предстоит тесное сотрудничество, — смотреть в непрерывно меняющееся лицо почти больно. Он слишком близко, слишком... сухие и неожиданно сильные пальцы впиваются в кожу, когда я пытаюсь отстраниться. В висках стучит. Отворачиваюсь, задавая следующий вопрос случайному парню в белом халате:

— Зачем мне с вами сотрудничать? — выходит грубо. Повисает пауза. Парень ретируется. Хлопает дверь.

Стираю пот со лба, зачесываю челку назад. Они могут не отвечать: выбора у меня нет. Исчез, когда я не нашла сил подняться с колен после знакомства с защитным полем. Или раньше, когда порезала руку и приложила к знакам на калитке. Трое мужчин рядом

прекрасно это понимают.

— Мне кажется, вы сами знаете ответ. Ваша сила доставляет некоторое беспокойство, не так ли? — вкрадчиво спрашивает старик.

— И вы можете помочь мне с этим? Как?

— Магией нужно учиться владеть. Мы покажем, как... направить ее в безопасное русло, — Рамон Хайме приглаживает без того идеальную прическу. — Мои эксперименты в первую очередь вам и выгодны — это прекрасный способ постичь силу огня и тьмы.

— А ваша выгода в чем?

— Тьма является ключом ко многим древним заклинаниям, где требуется жертвоприношения. Только с помощью огненных магов можно обойтись без кровопролития. Вы даже не представляете, сколько исследований буксует из-за... Я опять перебиваю:

— Это опасно? Для меня.

— Определенный риск есть всегда, даже при обращении с простейшими заклинаниями, — отмахивается старик. Морщины на секунду складываются в демоническую маску. — Каждый маг вам это скажет. Ритуалы нашего дорогого профессора Хайме не рискованней любых других. Поэтому давайте опустим утомительные подробности до более подходящего момента. Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы все документы подготовили в срочном порядке. Поэтому, если вы согласны стать частью Университета, то давайте покончим с формальностями. Вы устали и ранены, и я приношу извинения за последнее: меры предосторожности. Ваша стихия бывает опасна для окружающих, а металл удавки заколдован, чтобы предотвращать возможные эксцессы.

Я осторожно киваю. Отпусти меня. Раны тянет ноющей болью, колени дрожат, мигрень давит на веки. Старик наклоняется ближе, словно ждет чего-то, мятное дыхание теплом ложится на щеки. Глаза мутные, неподвижные, в отличие от остального. Выдавливаю кривую улыбку:

— Я понимаю... вы тоже извините, я была груба. Я испугалась, и все еще растеряна. Даже не спросила, как вас зовут.

— Ничего-ничего! — наконец разжимает хватку и шагает назад. Глотаю стон облегчения. — Я сам должен был представиться! Советник Гофолия, один из девяти руководителей Университета.

— Вы, как всегда, скромно умалчиваете, что возглавляете Совет, — склбится Хайме.

— О, не так уж это и важно!

— Большая честь, — слишком большая. Пожимаю протянутую ладонь и вновь попадаю в плен цепких пальцев:

— Взаимно, взаимно... рад, что мы быстро достигли понимания. Теперь мы вас оставим. Верно, Рамон? Максимилиан позаботится о бумагах и знаке.

— Конечно! — энергично трясет папкой и узким подбородком серый человек.

— Не постесняюсь повторить: рад знакомству! — чужая кожа словно приклеилась к моей, пульс грохочет в одном ритме с гримасами Советника Гофолии. Накатывает липкая обморочная слабость, на мгновение все вокруг размазывается, поворачивается — резко отшатываюсь, выдергивая руку и налетая на Хайме, успевая заметить удовлетворение в улыбке старика. Сморщенное лицо опадает, повисает тряпичной маской. Во рту появляется металлический привкус.

— Вза-имно... — язык не слушается, но уже через секунду морок уходит — вместе с Советником.

— Вам определенно нужен отдых. И холодный компресс, — отряхнув с халата несуществующие пылинки, сухо замечает Хайме на прощание. Трогаю опухшую после Нининого удара и встречи с землей скулу. Он прав.

Максимилиан не пытается играть в вежливость. Сразу тащит черными коридорами, шагая широко и резко, бросаясь вперед всем телом и поминутно оглядываясь, иду ли я — в кабинет, где на совершенно пустом столе ждет золотая ручка.

— Ознакомьтесь, подпишите. Не стесняйтесь спрашивать, — мужчина раскрывает папку, перелистывает в конец. Толкает ко мне. Нетерпеливо перебирает птичьими пальцами, громко сглатывает и ерзает на краешке стула, пока я читаю. Отдельным листком выпадают результаты профессорских изысканий: коэффициенты, термины. Единственная понятная строчка — 44 % огонь, 24 % воздух, 23 % земля, 9 % вода. Сто процентов лжи. Страница под подпись по содержанию напоминает контракт на обучение в училище. Только про оплату иначе:

— Оплата услуг сотрудника Университета согласно текущим расценкам?

— Конечно! — подпрыгивает Максимилиан. — Когда освоитесь, начнете выполнять различные задания.

— ...от которых я не имею права отказаться? — «Приказы подлежат немедленному исполнению. В случае отказа кадет будет исключен из Университета».

— Не обращайтесь внимания на формулировку, все очень индивидуально. Мы открыты к диалогу! — отвечая, он смотрит чуть левее моей головы:

— Университет функционирует в рамках добровольного сотрудничества.

— В чем вообще смысл этих документов? Юридически.

— Мы — официально зарегистрированная организация. Частный лицей с усиленной военно-физической подготовкой. Обратите внимание на герб вверху листа. Можете поискать в интернете, лицей реально существует и с успехом функционирует. Как вы наверняка заметили, в контракте нет ни слова о магии. В случае нарушения условий договора юридические последствия будут происходить в рамках отношений между курсантом и учебным заведением.

— А... магические? — мужчина моргает. Облизывает тонкие губы:

— По-прежнему отчисление, долг за обучение, плюс вы лишитесь воспоминаний о магии, — я оставляю росчерк внизу страницы. Перед ним две строчки под имя. Видя мое замешательство, Максимилиан поясняет:

— Традиционно, при вступлении маг выбирает новое имя. Позже мы впишем и его. Это для внутреннего документооборота. Заполняйте пока первую строку... Прекрасно! Теперь коснитесь эмблемы под текстом и перенесите куда-нибудь на тело. Место неважно. Но большинство предпочитает прятать за левым ухом. Тоже традиция. Метка будет вашим пропуском сюда, чтобы не приходилось каждый раз поднимать тревогу, — Максимилиан скалится невидимому собеседнику. Я прикладываю подушечку большого пальца к нарисованному тонкими линиями щиту. Знак с формы Нины, Кана и тех двоих. Кожу стягивает, метка проступает красным. Последовав совету, прячу за левым ухом. Дергаю резинку, освобождая спутанные волосы.

— Прекрасно. Наденьте на шею, — мужчина протягивает колбу на цепочке. — Никогда не снимайте. Не открывайте. Когда порошок испарится, немедленно обратитесь в администрацию за новым оберегом. Именно в администрацию: если кто-либо предложит купить — не соглашайтесь. Как магу огня, защита от тварей вам полагается бесплатно.

Выдыхаю, касаясь льдистого стекла:

— Спасибо.

— Вот и все. Добро пожаловать. Теперь вам стоит показаться медикам, — Максимилиан вскакивает со стула и спешит за дверь. Мне приходится почти бежать следом, хотя сложно потерять кого-либо из виду в длинных и пустых... живых коридорах. Черный камень стен перетекает узорами в такт нашим шагам, гулкое эхо катится впереди. Я на мгновение опускаюсь на корточки и провожу по гладкой поверхности пола — отзывается быстро гаснущими искрами.

У лестницы Максимилиан машет вверх:

— Дальше сами, вас встретят у входа. Просто держитесь стрелок.

— Спасибо.

Через пару пролетов лабиринты становятся белыми, а двери из железных — деревянными. Ярко горят лампы, но, выйдя в темноту улицы и обернувшись, я обнаруживаю, что снаружи большие окна непроницаемо черны. Прямоугольник

света выхватывает сидящего на ступеньках Кана и плоский железный ящик у его ног.

— Профессор сказал, ты в порядке, — Нинин брат тушит сигарету о землю. — Природно, по крайней мере.

— Я так и не поняла, из-за чего началась паника, — тревожно шумят деревья: пока я была внизу, поднялся ветер. Засовываю ладони под мышки в попытке согреться. Напитавший крови свитер холодно клеится к груди.

— Вот. Знал, что пригодится, — Кан накидывает мне на плечи кофту.

— Спасибо, — вдыхаю мягкий табачный запах. Щеки предательски теплеют. Парень поднимает ящик и касается моей спины между лопатками, показывая, куда идти.

Опять в темноту. Я привычно проверяю колбу на шее, хоть чувствую ледяной кристаллик даже через ткань.

— Насчет тревоги... Маги огня бывают... — Кан запинается. — Тьма сводит их с ума, и сила вместе с психикой становится нестабильной. Четыре года назад один сорвался. Поджег себя и здание общежития. Огонь перекинулся на лазарет, погибло трое. Пятнадцать раненых. С тех пор мы вплели распознающие огненную стихию чары в барьер. Они сработали, отреагировав на твой страх и кровь. Если бы ты не порезала руку, скорее всего, ничего бы не случилось: жертва усиливает любое колдовство. Сорок четыре процента — не так уж и много.

— Калитка не открывалась. Звонок не работал, — он кивает:

— Звонки и камеры постоянно выходят из строя. Не выдерживают контакта с магией защитного контура. Слишком сильные чары. Поэтому мы отключаем всю технику, когда проносим сквозь периметр. Если твой мобильный был включен, то ему конец, — мой мобильный остался в сумке на гараже. — Тебе надо было донести Нину до калитки, тогда она бы сама распахнулась: у всех магов Университета специальные метки на теле, они и служат ключами... да ты уже знаешь. Барьер бы оповестил дежурных об открытом проходе.

— Нина не объяснила... или я не поняла. А потом она потеряла сознание, — иначе бы заставила уйти до появления дежурных.

— Ясно. Тебе повезло, что я ждал ее возвращения. Нина сильно задержалась на задании. Я начал волноваться, вот и вызвался в патруль. Без меня одной удавкой не обошлось бы, да и ребята отвели бы тебя к Адамону, а он... — Нинин брат замолкает, будто сказал лишнего.

Я останавливаюсь:

— Как много из них... — из нас, я тоже, — ...из магов огня сходит с ума?

Кан трогает мои пальцы:

— Нет смысла волноваться сейчас. Сорок четыре — мало, для других стихий вообще ерунда. С огнем немного иначе, но все же. Плюс разрыв со второй силой велик, это хорошо. Ты справишься. Валентин ничего не... объяснял? — он спрашивает про монету. Стараясь не задеть острые края, я нащупываю остывший кругляшек.

— Объяснил. А если сила не сорок четыре? Если больше?

— Тогда и риск возрастает, — тогда от теней не спрятаться, разве что выгореть дотла.

Или вспыхнуть и сбежать, дав им сполна — страха, злости и боли. Вины. Я сжимаю раненую ладонь в кулак, до прошивающей нервы молнии боли. Они кормились мною годами. Но теперь не смогут: обереги защитят, какую бы цену ни пришлось заплатить.

А с людьми я и сама справлюсь.

Вон они. Толпятся у освещенного тусклым фонарем крыльца. Их тоже манит свет. Я плотнее заворачиваюсь в кофту.

— Это лазарет. Сейчас тебе обработают раны нормально, и пойдём в пятый блок. Переночуешь у нас, а утром определимся, что делать дальше.

К черту утро:

— А у Нины сколько огня? У тебя?

— У Нины двадцать три. Вторая сила. Основная ее стихия воздух. У меня — вода, сорок девять процентов. А огня только шестнадцать.

— Как бы профессор понял, если бы я... — я замолкаю, подбирая слова. Кан легко сжимает мой локоть:

— Кровь меняется. Валентин бы сразу увидел. Магия отражается внутри, — успевает ответить он. Мы пришли.

— Это она подорвала забор? — спрашивает коренастый парень.

— Говорят, еще Нину порезала, — добавляют сзади.

— Нина сама справилась, забор на месте. Вам нечем заняться? Зал уже починили? — сухо осведомляется Кан. Несколько ребят тянутся к урне тушить сигареты.

— Мы зашли Харди и Ваню проведать, — поясняют из толпы.

— К ним не пускают. Вы пришли потрепаться, — Нинин брат выгибает бровь, — и я вспомню об этом, если к утру все дыры не исчезнут.

— Обломщик, — ноет парень с длинными, забранными в косу рыжими волосами.

Оживляется:

— Так что она сделала? Чтоб аж сирена сработала? Это у тебя Книга? Значит, она еще без имени? Нина ее назовет, да? — на меня таращатся, не собираясь расходиться. Кутаюсь в кофту, впиваюсь ногтями в ткань. Кан закатывает глаза: — Ничего не сделала. Она маг огня. Это Книга. Нина ее назовет. Довольны? Разошлись! — рывкает он.

— И на сколько? На сколько маг огня? — рыжий не отстает, ничуть не смущаясь повисшей тишины. — Привет, кстати. Я Наас.

— Привет... — Кан тянет внутрь:

— Все, что ты скажешь ему, через час будет знать весь Университет.

Наас возмущается:

— Ничего подобного!

— Да, прости. Через полчаса, — в лазарете хлопают двери, грохочут ботинками

санитары. Мимо проходит врач в запачканном кровью халате. Окинув меня быстрым изучающим взглядом, кивает Кану. Нааса теснит к выходу мужчина с тележкой медикаментов. В нос ударяет острый запах спирта от осколков банки на полу.

— Пара идиотов устроили перестрелку. Могли бы обойтись кулаками, но нет, — раздраженно поясняет Кан. — А мне теперь разбираться и бумажки заполнять.

— Почему тебе?

— Я их капитан, — парень показывает четырехконечную звезду на воротнике. — Пятый блок, охотники. Тебе еще предстоит решить, к какому блоку присоединиться. Буду рад, если выберешь мой, — он подмигивает и пропускает в палату.

Нина по-прежнему отличается восковой бледностью, под запавшими глазами темнеют круги. Лишь запах лавандовых духов больше не жжет ноздри — наверное, смылся с кровью. К ее боку прижимается изящный жемчужно-серый пес, с вытянутой мордой и ушами, невозможно длинным полосатым лемурийским хвостом. Вот, о ком говорил Валентин.

— Как ты? Почему не лежишь? — мягко спрашивает девушку брат, пристраивая ящик на тумбочке. Нина пожимает плечами и кривится. Поправляет больничную робу, пряча взбирающуюся по ключицам татуировку: система кругов, крючковатые надписи, черная молния змеи. Дерево Жизни. Волшебница запускает пальцы в собачий мех:

— Приятного мало. Но обещают выпустить через неделю.

— Отлично. Тебе не мешает отдохнуть, — улыбается Кан. — Мы на минуту. Потом скажу выключить тебе свет, — вытягивает из-под одеяла раскрытый журнал.

— Я вас ждала. С Рабинским нормально прошло? — я киваю, а Кан открывает ящик и достает потрепанную книгу с торчащими разномастными страницами. Пес заинтересованно поднимает морду и принюхивается. Дикий хвост вяло хлопает по простыням.

— У меня полно вопросов.

— Позже, — говорит Нина.

— Не здесь, — шепчет Кан.

— Я ничего не пропустил? — спрашивает рыжий парень с порога. Кан вздрагивает. Оглянувшись, цедит:

— Наас, серьезно, задолбал совать нос не в свое дело.

— Да плевать, выбираем и выметайтесь, — Нина стучит по кожаной обложке. — Открывай. В конце найдешь свободное место. Впиши любое имя, чем заковыристей, тем лучше. Здесь никто не хочет получить обычное. Можешь выдумать, так большинство и делает. Помни, кому-то однажды оно достанется. Сначала пишешь, потом возвращаешься назад и выбираешь свое.

Книга распадается на части. Я читаю записи, каждая — другим почерком. Сотни, тысячи. Некоторые листки старые, даже старинные, исчерканные пером, с чернильными пятнами и жиром от воска. Я перелистываю десятилетия. Бумага меняется, чернила исчезают, начинаются разноцветные пастовые ручки, карандаши и даже фломастеры. Имена — со всех уголков мира и явные плоды фантазии, странные и едва произносимые. С годами становятся короче, видимо, менялись мода и вкусы. На последней странице преобладают прозвища: Ракета, Макаров, Псих, Крошка, Зверь, Чувак — сразу заметно, мужчин в Университете больше.

— Имя не подбирается в зависимости от пола. Тыкаешь наугад, и что выпадет, то выпадет, — объясняет Кан.

Вписываю свое. Не выдуманное, вроде слышала когда-то: Марчел. Кому бы оно ни

принадлежало, пусть принесет удачу будущему владельцу. Зажмуриваюсь и возвращаюсь к началу, к странной на ощупь бумаге — кожа? Указываю в центр разворота.

— Зарин, — читает Нина. Под пальцем — пожелтевший тетрадный лист, чудом затесавшийся среди прошлого века. Повторяю, привыкая:

— Зарин...

— Яд. Нервнопаралитическое оружие, — расшифровывает Наас, склонившись надо мной. Загорелый, с россыпью веснушек на носу и смеющимися карими глазами, он кажется горячим, словно солнце.

— Второе выбираю я, ведь из-за меня ты здесь, — Нина хмурится и трогает повязку на боку. — Называть тебя будут первым. Второе пригодится, когда станешь Советником.

Наас фыркает. Наверное, местная шутка.

Девушка тоже листает назад, целясь в крошащиеся страницы. Я задерживаю дыхание.

— Аваддон. Зарин Аваддон, — подводит итог Нина. Я вдруг замечаю, какой уставшей она выглядит.

— Спасибо, — волшебница грустно улыбается:

— Тебе спасибо, девочка-солнце. Ты спасла мою жизнь. Надеюсь, никогда не пожалеешь об этом.

— Не пожалею, — Нина хмыкает, зная больше, чем я могу предположить:

— Хотя бы раз точно пожалеешь. Все, уходите.

***

— Какой блок ты выберешь?

Наас, притихший на некоторое время, оттесняет Кана. Идет спиной вперед, умудряясь не спотыкаться на битом асфальте и в крошечной тьме. Лазарет остался позади. Там меня намазали душистой травяной мазью, мгновенно убравшей боль — даже щека перестала гореть. Качаю головой: не знаю. Кан отрезает:

— Слишком много для одного дня. Выспитесь и подумает завтра, — перехватывает ящик. Внутри, под обложкой Книги, лежит листок с печатью, куда Нина округлыми буквами вписала мое новое имя. Капитан пятого блока отнесет его в администрацию, где серый человек сможет заполнить последнюю строку в контракте и привязать меня к Университету намертво.

Впрочем, я солгала насчет настоящего имени, а показать документы никто не требовал. Странно.

— Но спать-то она будет в общежитии. Вопрос! В общежитии какого блока? — я не сдерживаю улыбки: похоже, новый знакомый не привык сдавать позиции.

— Расскажите обо всех, — прошу, пока Кан не начал злиться. Очевидно, длинноволосый парень раздражает Нининого брата.

— Всего пять блоков... ладно, шесть, но шестой не считается, — Наас отмахивается от выразительного покашливания Кана. — Нулевой блок А. — администрация, там постоянно работают только пустые, нормальные же...

— Наас! — рявкает Кан.

— Черт, прости. Я перегнул, — чешет нос рыжеволосый маг, — все нормальные, даже пустые. Так вот. Маги часто помогают в администрации, всем приходится: там вечно людей не хватает. Заниматься надо разной хренью, ничего интересного. Бумажки оформить, подать-принести, убрать, рассортировать... проехали. Первый блок И. — искатели. Вон Нина оттуда. Ищут события, связанные с магией. Следят за новостями по всему миру, чтобы

отыскивать существ, сущностей, тварей. Артефакты и книги еще находят. Аномальные зоны. Некоторые, как Нина, сами и улаживают дела — хотя вообще-то это работа охотников.

— То есть, пятого блока, — Кан хмурится. Свет фонаря чертит глубокую складку между его сведенными бровями. Нина действовала за гранью полномочий и едва не погибла.

— Да. Охотники... технически, мы называемся добытчиками, поэтому блок Д., но звучит тупо, поэтому не говори так, — Наас смеется.

— Но старое название вполне отражает суть, — замечает Кан. — Действительно, мы чаще ловим и доставляем в Университет. Реже перемещаем или убиваем. Последнее — крайний случай.

— Не углубляемся! Мы почти на месте, — впереди я вижу освещенное крыльцо. Несколько курильщиков разворачиваются к нам. — Второй блок — ученые. Исследования и опыты, для них мы и поставляем разное. Они, собственно, решают, что делать с информацией, которую обнаружили искатели. То есть, какой приказ отдать охотникам: убить, притащить или переместить. Третий блок М. — медики. Лечебные чары, лекарства делают, вместе с учеными разрабатывают новые формулы и толкают всяким фармацевтическим компаниям. Ну, не только им. Блоки ученых и целителей обеспечивают Университету стабильный приток денег. Знаешь фишку: выходит какой-нибудь новый... ммм крем, например. Офигенно работает, все круто. А через полгода-год по эффективности уже ничем не отличается от других. Это потому, что магические компоненты отмирают. У наших пока не выходит надолго сохранять сырье живым после гибели носителя. Чаще всего толкнут партию, а потом обрывают контакты с заказчиком. Но если удастся выловить достаточно существ нужного вида, то производство становится...

— Вы убиваете волшебных... существ ради...

— Лекарств. От серьезных заболеваний в том числе, — Кан отворачивается. — Знаю, звучит плохо. Но сейчас не средневековье, чтобы гоняться за чудовищами во имя добра или веры.

— Точно, — криво улыбается Наас. — Поехали дальше. Четвертый блок — техники. Придумывают новые заклинания...

— Адаптируют старые. Большая часть древних формул зашифрована или лишена ключей. Их невозможно использовать, пока не вскрыешь код.

— Техники крутые, хоть жуткие задроты. Почти не высовываются из своего подвала. Там специальная изоляция, чтобы не разнесли Университет случайно. Ну, что выбираешь? У нас веселее всего! Потом, после экзамена и инициации, можно перейти куда угодно. Хоть сто раз переходи, — Кан морщится и открывает рот, чтобы возразить, но просто качает головой.

Шесть блоков. Администрация точно не мое. Для ученых или медиков наверняка нужно специальное образование. Техники — нет. Я достаточно пряталась, чтобы теперь, имея оберег, хорониться в подвалах. Искатели... интересно, но мне необходимо знать, как сражаться со своими демонами. А найти — они меня и сами прекрасно находят.

— Выберу охотников, — Наас сияет:

— Отлично! У нас в комнате как раз есть свободная кровать! Я живу с Тони, он тебе понравится, — парень явно не рассматривает других вариантов. Я смеюсь.

— Притормози, — возражает Кан, — я поселю ее с девушками. Ваше крыло не для слабонервных.

— А я и не слабонервная, — мы останавливаемся у крыльца, и четверо парней пялятся

на меня.

— Я неправильно выразился... — начинает капитан охотников.

— Спасибо за предложение. Будем соседями, — порыв ветра треплет волосы небрежной лаской, Наас с улыбкой хлопает по больному плечу, и я прикусываю язык. Кан поджигает губы.

— Ты уверена, малышка? — спрашивает полный мужчина со сколотым передним зубом. Холодно выдыхаю:

— Малышка? — пусть колба с прахом стирает печать страха, которой одарила меня тьма, внутри я по-прежнему чудовище. И люди в Университете должны понимать это лучше прочих. Мужчина пятится:

— Она же стабильна, да? А то помните, что случилось с Висией? Спать под одной крышей с магом огня...

— Ты поэтому живешь в городе? Илая боишься? Или меня? — Наас цепляет меня под локоть. — Пошли, познакомлю с нормальными людьми. Не обижайся, Карл. Ты-то ничего, когда не зависаешь с этими обсосами.

— Урод, — бросают в спину.

— Ты маг огня? — спотыкаюсь.

— Почти. Потом... — он смотрит на мою шею. — Потом поговорим.

Из оббитого деревом холла мы попадаем в просторный светлый зал с высокими окнами. Хаотично расставленные диваны и кресла, бильярдный стол и автоматы с закусками. И люди. Много людей. Я ежусь, глажу рану под повязкой.

— Это общая гостиная, а отдельно нашего блока — в конце коридора, справа. Но та скорее для собраний и разносов, чем для отдыха, — Наас ехидно косится на невозмутимого Кана. — О, вон Тони! Тооони, у нас новая соседка! — оборачиваются все. Сжимаю кулак до отрезвляющей боли. Человек пятьдесят, не меньше. В основном мужчины и старше меня, лишь несколько девушек.

— И почему я не удивлен? — от кофейного автомата отделяется худощавый парень. Сантиметровый ежик русых волос, чуть вздернутый нос и прозрачные зеленые глаза. Широкая черная полоса на сгибе левого локтя — татуировка. Чуть выше вторая: паутина из тонких нитей скрывается под рукавом серой футболки. Маг неторопливо подходит, отдает Наасу стаканчик с кофе:

— Привет. Я Тони Луиза, — я пожимаю теплую ладонь:

— Я... Зарин Аваддон, — новое имя горчит на языке.

— Привет, Зарин, — нас быстро окружают, сыплются вопросы. Пока Кан и Наас отвечают, я рассматриваю разношерстную толпу. Большинство держится на расстоянии. Рискуют представиться лишь Мара и Эдвард, видимо, друзья Нааса и Тони. Помятые и исключенные, с бурыми шелушащимися пятнами на лицах. Мара выбирает из длинных черных волос куски мха.

— Только с задания, — зевнув, поясняет она.

Еще одна девушка, с мужским именем Патриций, мягко улыбнувшись, отчетливо кивает мне — не поднимая ресниц и оглаживая тонкую металлическую трость. Похожий на индейца высокий смуглый парень проходит цепким взглядом и оглядывается, будто разыскивая кого-то. Находит. Я тоже нахожу.

Наас запоздало шепчет имя:

— Илай. Вон там, смотри. Альбинос. Илай Мназон. Пятьдесят один огня, — и тьмы, и

битого стекла. С силой провожу ногтями по бинтам на ладони. Откидываю со лба растрепанную челку.

Илай отличается. Как привидение, как тот осколок. Весь он — острые грани. Совершенно особенный.

Черная форма охотника. Бледный. Белые как снег волосы и брови, даже ресницы. А красный взгляд обжигает, пригвозждая к месту. Припухшие, искусанные в кровь губы — единственное яркое пятно.

Некрасивый. И вместе с тем, что-то в нем цепляет, не дает отвлечься. Отталкивает и притягивает. Я теряю нить разговора. Голоса сливаются в неразборчивый гул. Склоняю голову набок, разгадывая новую загадку. Илай повторяет жест.

Кто-то громко спрашивает про мою силу.

— Сорок четыре, — отвечает Кан. Огненный маг щурится. Хитрость Валентина не обманывает его.

Другие реагируют неловким молчанием: смесь удивления и жалости. Несколько человек отступают назад.

— Ну, это не совсем плохо... — тянет Эдвард. Мара пихает парня локтем: Илай отворачивается и стремительно покидает комнату. Кан приобнимает меня за плечи:

— Уже очень поздно. Тебе пора отдохнуть, — да, пожалуйста. Илай... это слишком. Мне нужно время обдумать случившееся. Или хотя бы понять. — А вы валите чинить зал. Ни за что не поверю, что уже закончили.

— Пойдем, покажем тебе нашу комнату. Ты еще в состоянии запоминать дорогу? — спрашивает Наас в коридоре. Закутавшись в Канову кофту, прикрываю глаза: запах сигарет, мешаясь с отдушкой травяной мази, убаюкивает. Будет жалко отдавать. Сам Нинин брат, погладив по спине на прощание, ушел по своим капитанским делам.

— Это же всего на одну ночь. Ничего, если потеряюсь, — они не отвечают, и я с трудом разлепляю ресницы. — Что? Мне есть, где жить.

Тони прикладывает палец к шее за ухом. Мне требуется время, чтобы сообразить — там знак Университета, двойник моему.

— Как хочешь. Если ты понадобишься, тебя все равно смогут быстро отыскать. Где бы ты ни была, — я холодею.

— Что?

— С тобой ведь уже разговаривал кто-то из Совета? — спрашивает Наас.

— Да... Советник Гофолия.

— Сам Глава, — хмурится Тони.

— И профессор Хайме.

— Этого стоило ожидать, — рыжеволосый маг морщится. — Огненных ищут повсюду, и в основном безуспешно. Последнего, Янни, нашли четыре года назад, с тех пор... ну, еще я появился, но с меня толку мало, да и с Янни теперь тоже. Ученые, наверное, обалдели от счастья.

— Им понадобится твоя помощь, — Тони осторожно подбирает слова. — Часто это будет... нелегко. Но при правильной мотивации ты будешь соглашаться, как бы трудно ни...

— Завтра придумаем, как перевезти твои вещи сюда, — быстро и почему-то виновато говорит Наас. Я смотрю на кончик рыжей косы и коричневую кожу куртки.

Во что же я вляпалась?!

— Тебе надо позвонить? Твои родители не будут волноваться? Здесь мобильные не

работают, но из парка можно связаться, — медленно, словно во сне, качаю головой. Мы недавно разговаривали, они не должны... я и не помню номеров, а телефон, планшет и сумка валяются на гараже.

Никто не знает, где я. Что со мной.

Как обычно, в общем-то. Придется доверить свою жизнь незнакомцам и надеяться, что...

— ...все будет хорошо, — неловко ободряет Наас. Я кусаю губы, чтобы не закричать. Повторяю за ним:

— Хорошо.

В комнате стягиваю ботинки и ныряю под одеяло на свободную кровать — нижнюю слева. Наас что-то спрашивает, я даже отвечаю, а через секунду уже дремлю, зарывшись носом в мягкую ткань одолженной кофты. Табачный аромат обволакивает, возвращая в прошлое. Запах дома.

Острая медная нотка подсыхающей крови напоминает: с сегодняшнего дня мой дом здесь.

Нет. Не надо думать об этом сейчас.

Выключают свет, прогибается матрас: рыжеволосый маг забирается наверх.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, — отвечает Тони. Спокойной...

***

— Привет, — вздрагиваю. Наас разглядывает меня, свесившись со второго яруса. Ежась, натягиваю одеяло до подбородка и убираю с лица спутанные пряди:

— Что? — парень бледный и встрепанный, и странно серьезный. В комнате отчего-то пахнет весной.

— Что тебе снилось? — вскинув ладонь, не дает ответить. — Нет, хорошо подумай. Правда. Это важно.

Опускаю ресницы. Ничего мне не снилось. Хваткая темнота, влажный шелест. Просто тени гуляют по снам, раз не в силах догнать в часы бодрствования. Они называли мое имя:

— Новое, но не первое. Второе, — кивает:

— Аваддон. Имя демона. У меня тоже: Мерезин, — надтреснутая улыбка. Наас Мерезин скатывается вниз, прячет руки в карманах спортивных штанов:

— Прогуляемся после завтрака. Я покажу тебе парк.

Дергаю плечом. Парк так парк. Они ясно дали понять вчера: здесь говорить нельзя, а мне нужны ответы. Наас хмурится, раздумывая. Говорит:

— На хрен завтрак, потом. Идем, а то тебя Моня успеет найти. Или Кан перехватит.

Надев ботинки, спрашиваю у грязного зеленого ковра:

— Моня?

— Адамон. Он тут вроде главного над рядовыми магами. Про всех все должен знать и доложить при случае. Заставит тебя заполнить миллиард бумажек, одних только психологических тестов на полдня писанины, — Наас прыгает на одной ноге, натягивая черные джинсы. Я спешу отвернуться.

— Умыться ты мне дашь? — спрашиваю, пока он не успел снять футболку.

— Да. Та дверь. У нас ванная общая с соседями, так что не пугайся, если встретишь кого. Запри обе двери. Хотя ребята должны сейчас отчитываться в администрации, но мало ли... Это Мара и Эд, кстати. Ты их видела вчера. Они

клевые, — я впервые по-настоящему осматриваюсь.

Узкая комната с окном, вдоль боковых стен — двухъярусные кровати. Тонина аккуратно застелена серым пледом. Та, что над ней, раздета до матраца. У изголовья на светлой краске стены царапают взгляд грязные отпечатки и обрывки липкой ленты. Впритык к двери в коридор притерся шкаф с мешаниной одежды на полках, повторяющей бардак на постели Нааса. Могу поклясться, спрятанная за закрытой дверцей и принадлежащая Тони половина по-спартански идеальна. На шкафу подпирают потолок коробки и стопки книг.

Солнце заливает подоконник с мертвым даже издали кактусом и совершенно пустой стол.

— Мы сожгли шторы, — переодевшийся в серую толстовку Наас завязывает волосы в высокий хвост и носком ботинка поправляет замывшийся ковер. Замечаю обугленный край и смеюсь:

— Почему бы и нет, — парень ухмыляется в ответ, торопит. Но я не могу удержаться и быстро принимаю душ. Сняв размокшие бинты, касаюсь гладких отметин. Чешуйки крови осыпаются и уносятся горячей водой. Плевать на спешку, засовываю голову под тяжелые струи. Чей-то шампунь пахнет можжевельником, пена красится в розовый, когда я оттираю руки, где крест-накрест сходятся рваные линии. Совсем как в знаке за ухом. Ощупываю плотные рубцы на шее: тянет, больно. Линия на ладони бугрится и мешает. В запотевшем зеркале отражаюсь пятнами. Темные — глаза и волосы. Алые — губы и месиво шрамов, набухшие царапины от колбы возле ключиц. Свитер можно выбросить. Вытираю им стекло и вижу, что отек со скулы прошел, оставив желтый синяк. Некрасиво. Застегиваю под горло Канову кофту, надеваю закапанные бурым джинсы. И снова чувствую себя грязной.

— У меня есть фен, — предлагает Наас, стоит выйти. Взгляд теплых глаз застывает чуть ниже моего подбородка. Ловлю себя в порыве прикрыть уродливые полосы, с усилием опускаю руку. Но парень успевает заметить:

— Их можно свести, не волнуйся. В лазарете есть отличное средство. У Тони от здоровенной дыры на спине почти ничего не осталось. Эти сойдут без проблем. Потом заглянем туда, сейчас дам фен.

— Не надо. Еще тепло, и я завяжу хвост, — все же тяну кофту выше, вдыхая травянисто-дымный след. — Мы торопимся, нет? — да. Наас хватается за куртку и оглядывается. Хлопает по карманам. Между светлыми бровями и у сжатых в линию губ прорезаются морщинки.

— Ладно. Будем идти быстро. Не хочу наткнуться на Кана, — коридор пуст. Я поворачиваю к холлу, но маг тянет в противоположную сторону.

— Пожарный выход, — поясняет вполголоса. Скрипучая железная дверь раскрывается в яркий день.

Начавшие желтеть деревья роняют первые, еще зеленые листья. После ночного урагана под ногами перекачивается целое шуршащее море. Переступаем через ветки и вывороченные куски асфальта, Наас хватается за рукав и тащит вперед: быстрее, быстрее же! Сияющий медью хвост стелется по ветру.

— А здесь красиво! — Наас коротко оборачивается, сверкает растерянной улыбкой. Испачканные граффити и временем стены утопают в объятиях вьюнков, среди рисунков и ругательств проглядывают символные системы охранных чар. На карнизах проросла трава и тонкие деревья. Старые здания цехов поднимаются

выше раскидистых крон платанов и внутри, наверное, полны света. Другие — явно прежде административные, всего в два-три этажа, — приземистые серые коробки.

Спотыкаюсь о камень, рассматривая окна. Непроницаемо пыльные стекла, но без единой трещины. И двери крепкие, часто в пятнах ржавчины, но ни одной выбитой. Полно мелкого мусора, но нет нагромождений хлама, который мог бы помешать быстро перемещаться между домами.

Несколько поворотов спустя Наас толкает калитку. Вязь заклинений вспыхивает и гаснет. Сжимаюсь, проходя следом. Покальвание за ухом подтверждает: теперь я часть Университета.

— Тут офигенно, особенно у ручья, — преувеличенно весело кричит рыжеволосый маг. Камеры, точно.

— Мне не мешает проветриться после вчерашнего, — отвечаю в тон.

— Может, пробежимся? Здорово прочищает мозги, — он не предлагает, сразу срывается в бег. Вчерашняя поляна, едва заметная тропка. Пятно крови и следы ботинок отмечают место, где лежала Нина. Перепрыгнуть!

Деревья дергают одежду. Поют и перепархивают птицы, пахнет влажной листвой и тонко — гнилью: в глубине парка прячется болото, о нем иногда пишут в новостях. Когда кто-нибудь тонет.

— Там действительно тонут люди? — кричу. — В болоте?

— Нет! Это чтобы не шлялись! — парень переходит на быстрый шаг. Я слышу журчание. Среди листьев впереди темнеют пятна хвои. — Администрация вечно мутит статьи, что оно расширяется и не имеет четкой границы. Но здесь и отпугивающих чар хватает, байки про утопленников скорее для подстраховки.

— Но я не заметила чар. Кроме тех, которые отреагировали на кровь.

— Ты была с Ниной. Она провела тебя.

— А самому пройти сквозь них возможно?

— Бывает, проходят. Но редко. Это быстро разруливают. Непенф дают... леденец такой, корректирует память.

Мой, увеличившийся втрое, хранится дома — в мыльнице, под кроватью.

Наас опускается на покрытый лишайником валун у ручья. Сажусь рядом, вытягивая ноги. Осыпая брызгами джинсы, вода лижет ботинки, журчание наполняет воздух. Вокруг сторожат сосны. На другой стороне солнце, но мы накрыты хвойной тенью. Наас всматривается в стену деревьев, оглядывается, хлестнув по щеке хвостом.

— Еще прогуляемся? — качает головой. Цепляет мою цепочку с оберегом. Достает из кармана другой и показывает символ в сургучной печати. На колбе, что дал Максимилиан, такого нет. Я наклоняю голову, позволяя заменить обереги. Размахнувшись, Наас выкидывает подарок администрации в поток. Убирает за уши выбившиеся пряди:

— Еще минуточку, — выуживает блокнот и огрызок карандаша, быстро чертит сложную вязь символов. Все линии связаны, он замыкает единственный разрыв прикосновением. И долго сидит неподвижно, дышит глубоко — ничего не происходит. Но парень чуть расслабляет плечи.

— Все в порядке, — наконец поворачивается ко мне. — Теперь можно говорить. Этот оберег зачарован, чтобы не подслушивали с помощью метки. В администрации тебе будут давать без заглушки. Всегда бери, но не используй. Я помогу доставать нормальные. Эти не переделать, к сожалению.

— Ладно. Зачем тебе блокнот? Нина рисовала просто в воздухе, — осторожно касаюсь рисунка.

— Нина прошла инициацию. После этого колдовать гораздо легче. Можно рисовать чары своей стихией... — Наас бледен до синевы, хоть и бежал. — Слушай. Знаю, у тебя много вопросов, и я обязательно на них отвечу — позже. Сейчас мне нужна твоя помощь.

— Моя что?... — фыркаю от неожиданности. — Ты шутишь? Чем я могу тебе помочь?

— Ты новенькая и ты маг огня. Я тоже, в определенной мере...

Перебиваю:

— Все в определенной мере магии огня. Верно? — я должна знать, что все понимаю правильно.

— Да-да, но обычно разрыв между огнем и второй силой довольно большой, поэтому они не спорят. Для стабильности магии и психики важна разница минимум в десять процентов. У меня же ровно пополам: тридцать три воздуха и столько же огня... и тьмы тоже... — добавляет шепотом, скрываясь за шелестом спешащей воды.

— Ты нестабилен? Ты тоже видишь тени?

— Да. Да, вижу. Не часто и не очень... ярко, но вижу. Я стараюсь фокусироваться на воздушной магии. Она пока доминирует, когда я срываюсь... и это не тени — твари. Они создаются магами. Чтобы объяснить все сразу, нужно говорить очень долго, а время поджигает. Если коротко: магия связана с эмоциями. Доминирующая сила влияет на то, какие чувства ты чаще всего испытываешь. Схема четырех стихий образует подобие темперамента. Понимаешь? Она врожденная. Неизменяемая.

— Да, — влияет на характер, на личность.

— Хорошо. Воздух — тревога, вода — грусть. Земля — счастье. Огонь...

— Гнев. А тьма, — то, что давно проникло под кожу и поселилось за ребрами, — тьма — это страх.

Подтягиваю колени к груди и обхватываю руками. Наас шепчет:

— Точно. Спокойствие наравне с разрывом заканчивает действие формул. Когда ты рисуешь или говоришь заклинание, ты должна привести себя в соответствующее состояние, зависит от чар. Техники стараются упрощать их до пяти базовых ключей, но не всегда получается. Придется включать и сложные чувства. Восхищение, гордость, потерю, зависть. Ты удивишься, как их много. В Университете тебя в основном будут учить быстрой смене эмоциональных состояний. Занятия кажутся ужасно тупыми поначалу, но иначе ничего не получится. Ты не запустишь заклинание земли, завязанное на счастье, когда тебе страшно. Есть магия, работающая только в панике, и такая, что тебе придется раз за разом вспоминать самые стыдные моменты своей жизни. Поэтому у нас разделены искатели и охотники: искатели собирают информацию и делают выводы, что, допустим, вот в этом месте люди пропадают из-за активности абаас — чтобы их прогнать, как раз нужны чары земли. И охотник, которому дадут задание, сможет настроиться заранее, иначе абаас он даже не увидит. Прикусываю губу, чтобы не засыпать его вопросами. Но один все же задаю:

— Чтобы увидеть что-то необычное, нужно быть...

— На одной с ним волне, — удовлетворенно подтверждает Наас. — Ты увидишь тварь, если до смерти напугана. Иначе — только ощутишь, как ощущают люди

рядом с тобой. Когда тварям или другим что-то от тебя нужно, они станут отираться рядом, пока не доведут до кондиции. И тогда уже потребуют... услугу. Призрак тоже ждал своего часа. Девочку достаточно запугали, поэтому в день семилетия она оказалась полностью во власти страха и мертвеца.

Я же...

— Ты всегда боишься, — вздрагиваю, отвлекаясь от воспоминаний и бегущего потока.

— Не всегда, — неправда.

— Когда не злишься, — карие глаза смотрят с пониманием, но я резко качаю головой.

— Я не только... — слишком громко.

— Знаю. Знаю, извини, — Наас примирительно и чуть грустно улыбается. — Мы похожи, помнишь? Я все знаю. Прямо сейчас ты думаешь, что эти страх, злость — из-за них, рядом с тварями ведь невыносимо, но ты ошибаешься. Дело в тебе. Меня знобит. Натягиваю кофту до подбородка, зарываюсь носом, но запахи табака и мази почти исчезли, выбитые осенним ветром.

— Вокруг тебя все рушится. Это началось однажды, и с тех пор дела всегда идут наперекосяк, — зажмуриваюсь. Почти слышу звук, с которым лопнула крыша, лопнула сила, державшая обломки, а через секунду раздался крик. Тру шрам, плевать, что Наас видит:

— Если научиться переключаться с одной эмоции на другую...

— Время от времени поможет. Но менее психованной ты не станешь, — толкаю в плечо. — Ха! И не думай, что управлять чувствами легко! Ни хрена подобного. Это выворачивает наизнанку каждый чертов раз. Боевые чары-то не на позитиве замешаны, сама понимаешь. Мелкие фокусы еще ничего, лично я по ним вообще спец, но в серьезных вещах все постоянно теряют концентрацию и лажают. Поэтому мы больше полагаемся на оружие. Когда от него есть толк, конечно... но мы отошли от темы, — парень трясет головой. — Твари. Особенно сильные эмоции порождают волшебство и без заклинаний. Побочный эффект. Я не буду говорить об остальных чувствах, не сейчас. Твари выходят из страха. Поэтому...

— Зачем они преследуют магов огня? Чего хотят? — мести?

— Умереть. Жить они не умеют. Сами по себе медленно угасают, а хотят сгореть... вернее, хотят и не хотят. Кормятся от твоей силы, продлевая свой срок, но это и ранит их одновременно. Ты понимаешь? — теребит кончик хвоста, пропускает пряди сквозь пальцы.

— И да, и нет, — нас накрывает холодом, дрожь волной проходит по ветвям. Знак за ухом дергает судорогой.

— Хорошо, — отвечает Наас, — никто до конца не понимает. Даже если говорит обратное. В тебе достаточно пламени, чтобы убивать. Поэтому их так много вокруг тебя. Поэтому я прошу, — маг наклоняется ближе, сквозь закручивающийся спиралью воздух. Его мятежная стихия беснуется, деревья оглушительно трещат, между стволами порхают листья. Никто, кроме меня, не услышит горячего шепота:

— Убить тварь. Она особенная. Очень умная, умнее любого человека, таких мы называем Высшими. Их очень мало: может, и десятка нет во всем мире. В древности маги делали Высших в специальных ритуалах, но сейчас ключ к этим чарам утерян, а ученым он позарез сдался. Поэтому над ней проводят опыты, мучают почти полвека! Я слышу ее голос во сне каждую ночь — и ты слышала

сегодня. Ей больно. Она хочет умереть. А еще знает, как справиться с магией тьмы. Помогла мне в обмен на обещание закончить ее жизнь. Я достал заклинание, все произойдет быстро. Сам не могу: на Заповеднике полно охранных чар, меня сразу поймают, как и любого мага Университета. Но не тебя! Тебя внесли в систему, но еще не зарегистрировали. Главный техник обычно появляется раз в месяц, а только он работает с регистром. Его наверняка уже вызвали, но Костром не жалуется порталы, а иначе старику добираться не меньше суток. Сейчас ты можешь пройти в любое место Университета: заклинания

пропустят, но не заметят. Ты вроде привидения! — сжимаю ладонь со шрамом в кулак. Наас отстраняется, карие глаза лихорадочно блестят. Рыжие волосы выются змеями, хлещут по щекам. Слова дробятся и теряются в воздушных струях, я почти читаю по губам:

— Убей ее. Ей так плохо, а в тебе полно ярости. Знак сразу сработает, вот увидишь! За это я что угодно для тебя сделаю. Научу, чему она учила. Помогу избежать ритуалов. Они сводят с ума: разрушают память. Раскалывают душу. Ты очень сильная, гораздо сильнее сорока четырех процентов. Валентин соврал в отчете. Я чувствую это, а скоро и они заметят — тогда тебе конец. Пожалуйста... я знаю, что прошу многого, но не могу не попытаться: огненных магов слишком мало, а сильных и того меньше. Может быть, ты — ее последний шанс!

Она кричала. В моем сне — не звала, кричала. Наас сказал про привидение, и попал в точку. Знал? Случайность?

Они ведь тоже кричали, пусть не произнося ни звука.

Натан. Эйлин. Анна. Истер.

— Я говорил с Ниной и знаю, что Валентин дал тебе монету. Поможет спрятать силу, но нельзя использовать больше нескольких раз. Это отравы. Нарушает работу мозга. Если ученые сразу не отвяжутся с тестами — а наверняка так и будет, — после третьего-четвертого испытания тебе придется выбирать: выдать себя или тронуться умом. Но даже единственное применение яда может необратимо порушить нервные окончания, и тогда...

В ушах звенит. Царапаю шрам, зажимаюсь.

— Эй. Я помогу тебе. Все будет нормально.

— Откуда она знает мое имя?!

— Она многое знает. Ее сила прорывается даже сквозь барьеры.

Боль в ладони помогает прояснить мысли:

— Допустим, она умрет. Никто ничего не заподозрит? — Наас вертит головой. Щурюсь, защищая глаза от хлестких прядей.

— Заклинание отменное. Она умрет как бы естественной смертью. Но есть еще кое-что, что ты должна знать, — парень выглядит смущенным. — Наверное, с этого надо было и начать. Я тебе нравлюсь, — приложив палец к моим губам, не дает возразить. — В смысле, ты мне чересчур доверяешь. Согласилась жить с нами, хотя мы только познакомились. Пошла сюда. Это странно, вдумайся.

— Я не понимаю, — задерживаю дыхание. А ведь... какого черта я делаю? Оглядываясь назад, действительно: нет ни одной достойной причины, которая бы привела меня сюда. И он... когда в последний раз я подпускала кого-либо так близко?

Когда кто-либо хотел подойти...?

Наши носы соприкасаются. Я чувствую тепло его тела, запах... тонкий весенний аромат. Комкаю рукава кофты: Наас тоже фонарь в темноте. А я ничем не лучше бабочек, летящих на свет.

— В Нину ты тоже поверила. Тебя тянет к подобным. И меня, всех нас. Огонь к огню, тьма к тьме. Поэтому мы говорим сейчас, рискуя памятью, если не жизнью. Плутон, та тварь, ей ты тоже поверишь. Ты веришь им всем, правда же? Даже больше, чем людям.

Отшатываюсь, миг оказавшись на ногах и едва не упав с камня. Наас успевает поймать за руку, но я вырываюсь:

— Я здесь, чтобы избавиться от них! Чтобы научиться...

— Не бояться. Перестать убегать, — заканчивает неожиданно властно. Ветер будто

натывается на невидимую стену — листья рушатся вниз, ветки облегченно застывают. Наас злится. Воздух больше не подвластен ему: настало время поджигать.

— Да, но...

— Ты правда хочешь, чтобы они ушли? Нет, серьезно. Подумай. Давай.

Парень отходит, перепрыгивая с камня на камень.

— Зачем мне...

— Считай это первым уроком! Ты не сможешь подчинить свою силу, если не поймешь ее. Твари — ключ к тьме. Хочешь его выбросить? Сосредоточься! Вспомни, на что это похоже — когда они исчезают!

Вокруг тихо. Между стволами в столпах света танцуют, оседая, пылинки. Наас уже далеко, выбрался из сосновых теней и остановился на валуне посередине ручья. Блестит вода, рыжая макушка сияет золотом. Он дает мне время понять. Черт. Как странно. И глупо.

Ладно. Почему бы и нет.

Прячусь среди деревьев. Теперь, когда твари отстали, я неизменно выбираю темноту. Пахнет хвоей, шершавая кора пачкает пальцы крохкими лишайниками. Совсем рядом шелестит листва, шаги глушит ковер из иголок.

Твари тоже приходили бесшумно. Некоторые скрывались, другие норовили подобраться вплотную, дотронуться. Иногда их не было неделями. Иногда я не могла и на секунду сомкнуть веки, даже днем. Из-за липкого присутствия дом превратился в склеп.

Первым сломался папа. Сначала перестал заходить ко мне пожелать спокойной ночи. Конечно, ведь из-под кровати тянуло холодом, стены шептались и прорастали тьмой, а дверца шкафа открывалась сама собой. Он начал возвращаться с работы так поздно, что я и не слышала, забывшись коротким сном в круге света под торшером, а потом и вовсе ушел, и с тех пор мы виделись по выходным — в его новой жизни. И новой семье. Новый ребенок заходился плачем, краснел, выгибался, не успокаивался. По папиным глазам я видела: он знал причину. Не понимал, но... вздохнул с отчетливым облегчением, когда я сказала: — Мне тяжело даются наши встречи. Давай пока не будем видеться.

Мама уехала через год. Частые командировки ознаменовало предложение остаться, а я тогда училась в старших классах:

— Я пока устроюсь, а ты подтянешь язык. Потом приедешь поступать. Глупо менять школу, там совсем другая программа. Бабушка за тобой присмотрит. Хотя, уверена, ты и сама отлично справишься, — я пожала плечами. Я не собиралась приезжать, но сказала, что приеду.

Я устала от страха и одиночества, но еще больше устала чувствовать вину.

Друзья закончились в детстве, вместе с рухнувшей крышей, а новые знакомые не переступали черту, обозначенную торшерным светом: он защищал не только от чудовищ.

В конце лишь чудовища и остались.

Тру шрам, зажмуриваюсь до черных пятен. Хочу ли я, чтобы они ушли? Изменчивые, ломкие, рядом с ними вещи теряют смысл. Есть только ты и выворачивающий наизнанку ужас.

Который останавливает воздух без всяких заклинаний.

Они сделали меня пленницей. Отрезали от мира людей.

Но... есть кое-что еще. Обратная сторона — и страха, и злости. Объединяющая их в одно.

Я иду к Наасу сквозь дробящие пространство косые лучи. После тени под деревьями

ручей ослепительно ярк. Маг сидит на камне среди воды, запрокинув лицо к солнцу. Коричневая куртка небрежно брошена рядом, рукав наполовину в потоке. Кричу, пусть меня услышат в Университете:

— Не хочу! Не хочу, чтобы они уходили! — не потому, что не помню иной жизни. Потому, что для меня ее нет и не будет. Они — это я.

Пусть и худшая часть меня.

Наас широко улыбается.

— Что на другой стороне? У страха и злости! — прячу руки в карманы. Скажи это. произнеси вслух — как колдовство, молитву. Парень встает напротив:

— Страсть! Желание выжить! — защитить свои границы. Окружить невидимой и непобедимой стражей. — Ха! Я знал, что ты не безнадежна!

— Конечно! Ведь я тебе нравлюсь, — смеюсь в ответ. — И да. Да! В обмен на твою помощь.

— Конечно! Спасибо.

Я убью ее. Легко.

Людей же убивала.

Глава 3

— Мы должны закончить сегодня, — говорит Наас, когда сосны сменяются желтеющими орехами, а впереди слышится шум дороги. Вчера мы пересекли ее вместе с Ниной. Целую вечность назад. — Завтра придет Костром, главный техник. Я сейчас найду одну девушку, у нее есть допуск в подземный архив библиотеки. Пойдем вместе. Оттуда попадешь в Заповедник. Ты уверена, что хочешь сама забрать вещи? Засветишь дом. Лучше попросить кого-нибудь из друзей и встретиться в левой точке. Я дам телефон.

— Я живу в общежитии. Моя семья — в других городах. Все нормально.

— По записям в общежитии отследят твое имя. Ты ведь не сказала настоящего? Они все равно узнают, но можно...

— Пусть отслеживают. Это неважно, правда, — и у меня все равно нет друзей, чтобы просить о помощи.

— Но твоих родных найду...

— Неважно! — вышло громче, чем стоило. Наас понимающе вздыхает:

— Ладно. Извини. Хорошо, так даже проще. И будет нормальное оправдание твоему отсутствию, а то Кан и Моня, походу, уже обыскались, — кривится. — Сраные бюрократы,

— Та девушка знает...?

— Не-не, мы напросимся за компанию. Скажем, почитать про магов огня. Что ты волнуешься по поводу ритуалов. В архиве больше информации, чем в библиотеке. Но туда хрен попадешь, — маг пинает мелкие камешки на тропинке. — Айяке нравится Тони, это точно, но она стесняется знакомиться первой. Пусть впишет меня помощником в свои исследования, тебя проведем контрабандой. Айя напряжется, но я намекну, что устрою свидание с Тони. Я же его лучший друг. Фыркаю:

— Надеюсь, Тони об этом не пожалеет.

— Нет, она очень красивая и славная, — что-то в его тоне цепляет, но парк обрывается — пора прощаться. Наас пишет свой телефон на листке из блокнота: — На всякий случай. Возвращайся к восьми. Я буду ждать у ручья. Сразу же и пойдем. Больше никаких разговоров. В Университете на улице еще болтать можно, если не рядом с оградой и зданиями, но лучше не рисковать. Основное я, вроде, объяснил. Когда спустимся в архив, сама поймешь, что делать дальше. Внизу ее сила... — мимо проносятся машины. Наас рассеянно следит за цветным потоком. Качает головой:

— Увидишь. Плутон направит тебя. Главное, помни: режешь палец, прикладываешь в место, где сходятся все линии на знаке. И вспоминаешь.

— Что именно? — мои джинсы закапаны кровью. На левом бедре пятно с кулак — это Нины.

— Плутон объяснит. Слушай ее, но помни: ты доверяешь магии, не ей самой.

— И не тебе. Да, знаю, — хмурится и трет затылок.

— Прости. Я могу поклясться, что защищу тебя, но какой смысл?

— Никакого, — соглашаюсь. — Увидимся в восемь.

— Спасибо, — серьезно говорит Наас. — Правда, спасибо. Ты не представляешь, насколько это важно для меня.

— Сдержать обещание?

— Да.

— Данное твари? — Наас отступает, прячет руки в карманы. Глядя в землю, негромко говорит — мне приходится шагнуть ближе, чтобы разобраться:

— Любое обещание рождает веру. Прогоняет страх. Делает нас сильнее. Это тоже своего рода заклинание, и чтобы замкнуть формулу, нужно сдержать слово, — поднимает глаза и криво улыбается:

— Иначе как ты поверишь в себя, если другие не могут?

***

Забираю сумку с гаража. Вещи в порядке, на телефоне ни одного пропущенного звонка. Бобби встречает счастливым лаем.

— Позорище, — глажу жесткую шерсть. — А если бы я не заметила ее? Нина... Была бы мертва. Ежусь, пряча планшет. Одеядо оставляю Бобби: пригнувшись, чтобы сторож не увидел, подбираюсь к красной будке и расстилаю внутри. На память о совместно проведенном лете.

— Я не вернусь, — шепчу улыбчивой морде. — Береги себя.

Дворняга виляет хвостом, обнюхивает Канову кофту, водит носом по кровавым помаркам на джинсах.

— Придурок.

Время до вечера пролетает незаметно. Добраться до общежития, переодеться. Собрать самое необходимое. Перекусить. Позвонить коллеге, чтобы подменил в баре:

— Надо съездить домой, бабушка заболела, — и давно умерла, да только кто знает? — Эту неделю я пас. Извини, что поздно предупредила.

— Без проблем, мне как раз не помешают лишние деньги. Можешь даже задержаться.

— Могу, — руки покрываются мурашками. Могу и не вернуться.

Я переехала сразу после окончания школы. Сдала бабушкину квартиру, поступила на модельера. Шила с детства: когда стрекочет машинка и строчки убегают из-под лапки, легко забыть о скребущейся темноте в глубине шкафа. Да и каждая новая вещь оставляла монстрам все меньше места — или так мне хотелось думать. Теперь тяжелый рюкзак набит под завязку, а целый ворох одежды обречен дожидаться следующего захода.

— Пусть отследят, — продолжая разговор с Наасом, трогаю метку за ухом. Выпуклая, жесткая. Достая фотографию родителей из кошелька и, сложив вдвое, засовываю за полки. — Пусть узнают мое имя. Если они найдут...

Я ведь старалась. Правда.

— Знали бы вы, что мне приходилось делать, чтобы защитить вас.

Когда вы не делали ничего. Просто сбежали.

Что ж. Лучше бы вам сбежать дальше, чем способен дотянуться Университет. Настало время заботиться только о себе.

Переложить монетку Валентина в карман чистых джинсов. Туда же — кусочек от леденцового кома. Как назвал его Наас? Непенв? Непенф? Мыльница с остатками отправляется на дно сумки. Колбу привязываю к ляжке на поясе, чтобы не терлась о порезы у ключиц. Их не смазали чудесной мазью, и, переодеваясь, я обнаружила гнойные пузырьки на глянцевои припухлости воспаления.

— Ого! Куда это ты собралась? — заглядывает соседка по комнате.

Проверяю ворот черной водолазки: спрятаны ли шрамы.

— Я поживу немного у... — она знает про мою семью. Что сказать? Но Кира уже сделала выводы:

— У своего парня! Давно пора! Все лето где-то пропадала, личико посвежелело, вечно витаешь в облаках. Думала, не догадаюсь? — девушка лукаво улыбается, и я подыгрываю:

— Решили попробовать съехаться. Не знаю, как пойдут дела... прикроешь меня от коменданта? Не хочу пока терять комнату, — мне легко дается смущение. А кофта Кана, аккуратно сложенная на кровати, делает картинку в сознании Киры завершенной.

— Конечно! Перестраховщица, — соседка окидывает меня оценивающим взглядом. — Так и пойдешь?

Наверное, я не выгляжу как девушка, начинающая новую жизнь с любимым человеком. Страхиваю несуществующий мусор со светлых джинсов. Грубые черные ботинки откровенно пыльные, и Кира неодобрительно хмурит тонкие брови. Роемся в моей шкатулке с украшениями:

— Ты ее не забираешь? С ума сошла? Надень... да вот это хотя бы! — вздрагиваю. Она выудила потемневшие от времени, но по-прежнему звонкие звездочки. Я совсем про них забыла. Когда-то давно скрепила браслет с цепочкой, получившееся длинное ожерелье Кира набрасывает мне на шею, поправляет зацепившийся хвост, челку. Заставляет подобрать сережки и утрамбовывает шкатулку в сумку, не слушая возражений:

— Что ты за дизайнер такой? Серьезно, как в монастырь уходишь. И губы подкрась! Почему это платье не взяла? Оно тебе очень идет! А тут что... Возмущаясь, перебирает брошенные вещи. Мне тяжело дышать. Отворачиваюсь, накидываю тяжелую темно-серую кофту и подхватываю рюкзак. Там, куда я направляюсь, платья вряд ли понадобятся.

Пора уходить. За окном — предчувствие заката. Обещаю обязательно накраситься по дороге и зайти в гости: рассказать подробности выдуманного романа. Ретируюсь под последние наставления. На секунду прислоняюсь лбом с другой стороны закрытой двери.

Испытывает ли она сейчас облегчение? Лето обошлось без тварей, но мы жили вместе и на первом курсе. Тогда я спала только днем со включенным светом, по ночам уходила в мастерскую или бар. Мы чаще пересекались на занятиях, чем дома. Кира обычно молчала и грызла ногти. Никогда не заговаривала со мной, как сегодня. Ни разу.

Быть может, потому, что в нашем лишенном окон коридоре постоянно гасли лампы, и вязкие силуэты свободно скользили по стенам? Закрываю глаза, перебираю запутавшиеся в цепочках звезды. Сегодня у Киры идеальный маникюр. Если ей повезет, если я не вернусь — так будет и дальше.

Подхожу к ручью без пятнадцати восемь. Сумерки стелются туманом. От воды веет холодом. Наас застыл на прежнем камне, где поток разделяется надвое.

— Выглядишь получше, — заметил старания Киры. Сам бледен до синевы, или это вечерние тени?

— Спасибо, — кутаюсь в глубокие складки кофты. — У тебя получилось?

— Да. Айяка будет ждать нас у входа в архив. Кстати, отличный балахон, — он в два шага оказывается рядом и натягивает мне на голову капюшон. — Вот. Нам надо не попасться Кану. Моня ему уже плешь проел со своими незаполненными бумажками. Кан же теперь за тебя отвечает. Прицепился сегодня, я еле отделался. Пойдем, — отобрав рюкзак, тянет за рукав.

— Что будет, если дела пойдут не по плану? — тихо спрашиваю, когда мы ныряем в сосновый сумрак. Наас дергает плечами, избегает взгляда.

— В лучшем случае выпрут и память о магии сотрут. В худшем... подарят ученым с потрохами.

Натягиваю капюшон ниже.

— Она настолько важна? — Высшая тварь, обладающая сознанием. Какая тайна заключена в ней, если после столетий исследований ученые по-прежнему ищут ответы?

— Да, — просто говорит парень.

— Но зачем?... — Наас шикает: впереди за деревьями зажигается цепь огней. Мы приближаемся к ограде.

При проходе сквозь калитку шею за ухом кусает электрический разряд.

— Ты уверен, что я все еще невидимка?

— Да. Костром не вернется до десяти. Покалывания не бойся: пока за этим ничего не стоит. Подожди, — Наас отбегает к густым зарослям рядом с ближайшим зданием. Проламывается сквозь ветки и возвращается уже налегке.

— В общагу лучше не соваться. Заберем твои вещи, когда закончим, — его взгляд скользит по разбитым стенам, цепляясь за редкие тусклые фонари. Касаюсь холодной кожи куртки:

— Эй. Ты слишком заметно волнуешься.

Усмехается, пряча ладони в карманах джинсов:

— Риск минимален, но если нас поймают...

— Тогда сделай так, чтобы не поймали, — говорю с нажимом. Он шантажирует меня, обещая сомнительно важные знания о темной магии в обмен на смертельный фокус с тварью, но я продолжаю стоять совсем близко, доверчиво запрокинув голову и выискивая смелость в лице едва знакомого парня.

Наас рвано кивает. Сует комок бумажки:

— Мы справимся. Когда окажешься одна — поспеши, не слушай ее. Она захочет поболтать, сама понимаешь, оттянуть момент, — ни одна из моих теней не болтала... связно. Иногда произносили мое имя — час за часом, по кругу. Повторяли слова, которые мне говорили люди. Одна, многорукая и костистая, все шептала:

— Расскажи мне, милая, кто играл в кладовке? Кто играл в кладовке? Кто? Кто? Ктоо? — искаженный мамин голос. Мне было лет семь. За узкой дверью в конце коридора кладовку перевернули вверх дном. Мама хотела, чтобы я убрала за собой, но я отказывалась зайти туда. Не я распотрошила полки. Я царапала шрам, кричала и плакала, чтобы не слышать переходящего в хрип:

— Кто?! Кто?! Ктоооо?!...

А теперь смаргиваю воспоминание и говорю идущему рядом Наасу:

— Они никогда мне не нравились. Твари.

— Ты думала, они убьют тебя, — я не вижу мага за тканью капюшона. Смотрю под ноги, чтобы не споткнуться о вывороченные куски асфальта.

— Разве не убьют?

— Мало кто рискнет. Они ведь жаждут не смерти, а избавления от страха. Но твари и есть страх, поэтому выход один. Но кто готов в такое поверить?

— Тогда они... — становится светлее. Наас замедляет шаг:

— Дразнятся. Играют с огнем — буквально. Твари почти все тупые. Вроде животных. Скорее чувствуют, чем соображают, что маги огня — их единственная надежда. Поэтому отираются рядом и ждут: вдруг тебе надоест, и ты выкинешь что-нибудь, что решит их проблемы наилучшим образом, — он понижает голос. — Вон Айяка. Будь растерянной и милой. Безобидной.

— С оберегом я и безо... — шиплю в ответ.

— По-прежнему маг огня, — обрывает Наас. — В Университете это считается немногим лучше тварей. Почти все думают, что ученые пытаются помочь нам освоить свою силу. Что именно наша магия сводит с ума, заставляя поджигать, разрушать, убивать... а вовсе не ритуалы Хайме. Понимаешь? Для них ты чудовище. Тебя будут сторониться, несмотря на оберег. Вчера не заметила? Айяка еле согласилась, так что давай, прибавь очарования, — последнее он выталкивает сквозь зубы: в паре метров, переминаясь с ноги на ногу, стоит девушка, которой нравится Тони. За ее спиной — трансформаторная станция, одинокий фонарь над ржавой дверью.

— Айяка Корнелиус, — протягивает узкую ладонь. Тонкая и невысокая, немного младше меня. Округлые, словно удивленные, темные глаза. Тонкий нос и красиво очерченные губы. Чуть вьющиеся черные волосы заколоты за ушами, длинные пряди разметались по синей ткани легкого пальто. Клонится вправо из-за тяжелой даже на вид сумки, прижимает к груди листок с печатями — наш пропуск в святая святых.

— Зарин Аваддон — неловко усмехаюсь. Она тоже:

— Сложно привыкнуть, да? Я около месяца не могла.

— У тебя красивое имя, — женское, женственное. Айяка смеется и отвечает, что ей выпал Айякс, но при регистрации описались:

— Повезло. Мне так гораздо больше нравится. Обычно тут строго: что попало, с тем и живешь. Но в моем случае ничего не заметили, а я промолчала, — красивая и милая, Наас верно заметил. А еще неглупая. Парень, украдкой осматриваясь, молчит. Ничем не напоминает вчерашнего себя: солнечного, горячего. Пламенного. Страх превратил его в тень — вроде моей, что вдруг вытягивается и гнется.

— Пойдем? — голос звенит. Айяка вцепляется в шарф на горле, напряженно застывает. Твари ведь не могут пробраться в Университет, правда? Не должны, зачем же тогда барьеры! Мне показалось — с усилием разжимаю кулак. Расцарапанный шрам горит от боли.

— Да... — Наас трясет головой, подталкивает вперед.

Девушка спешит ко входу в станцию, опускается на колени и просовывает бумажку в решетку вентиляции. Я зажмуриваюсь, делаю глубокий вдох. Щелкает замок.

Внутри — свет из ниоткуда, лифт и забранная решетками лестница. Бумага исчезла. Отсекая ночь, с грохотом закрывается дверь. Наас дергано оборачивается.

— Лифт только для Совета, поэтому нам сюда, — Айяка нарушает тишину. Прикладывает ладонь к металлической пластине с полустершимися знаками. Взвизгнув, решетка отворяется. Узкие ступеньки закручиваются винтом и гулко отвечают на каждый шаг, белесая взвесь в воздухе щекочет ноздри. Сзади громко чихает Наас. Провожу по рыжей стене — ледяная, пачкается ржавчиной. Размытый свет не позволяет увидеть, где кончается спуск.

— Тут недалеко, — будто читая мои мысли, говорит девушка, указывает на звездчатую трещину у перил. — Мой ориентир.

— Ты часто здесь бываешь? — спрашиваю, чтобы завязать разговор. Наас одобрительно хлопает по плечу.

— Да, я учусь во втором блоке... это ученые, — оглянувшись, поясняет она. — Помогаю профессору Перье. Он часто просит найти и скопировать информацию из архива, чтобы не отвлекаться от экспериментов. Многие опыты требуют постоянного участия... — Айяка цепляется за предложенную тему, и мне остается лишь заинтересованно поддакивать в

паузах, считая пролеты. К нижней площадке я узнаю, что девушка занимается биологией магических существ. Ищет связь между организмом и волшебством. Надеется вскоре получить должность лаборанта:

— У профессора Хайме освободилось место! Мои шансы довольно высоки. Пусть это другая кафедра, но, говорят, они работают над чем-то грандиозным. И очень продвинулись в изучении темной магии за последние годы, — тихо щебечет

волшебница, задевая объемной сумкой несущий столб. — Ты скоро будешь знать больше меня в этом вопросе. Но всегда лучше подготовиться заранее, верно? — короткий взгляд через плечо говорит яснее всяких слов.

Быть может, она согласилась провести меня не только из-за Тони.

У последней ступеньки нас встречает мерцанием мелкое, почти без просветов, кружево заклинаний. Защитное поле покрывает даже потолок. В кармане вспыхивает болью монета. Оттянув штанину, отшатываюсь от лежащей на кожу магии.

— Не бойся, иди, — ладонь Нааса упирается между лопаток. Надменная улыбка лощеного профессора Хайме горит в памяти вместе с обещанием: не убегать. Зажмуриваюсь. Барьер ощущается дуновением ветра. Не замечая одежду, пробегает с ног до головы. Я чувствую себя голой, лишь монета выплавляется клеймом на бедре. Стиснув зубы, выныриваю на другой стороне.

Длинный стол со светильниками, зеленые кресла. Ряды стеллажей разделены затопленными мраком проходами. Втягиваю прохладный запах: бумага и дерево. Подарок Валентина стремительно остывает.

— Ты в порядке? — спрашивает Наас. Айяка смотрит тревожно, как вчера в общей гостиной глядели люди.

— Магия меня немного пугает, — чистая правда.

— Ничего, это нормально, — нервно улыбается волшебница.

Мы разделяемся: нашей проводнице нужно совсем в другую часть архива.

— Я быстро найду свои книги и помогу вам сориентироваться в секции огненной магии. Подождите здесь. Вон там можно чай сделать, — девушка обходит меня по широкой дуге, направляясь к одному из коридоров. — Я скоро.

— Я с тобой! — встрепенулся Наас. — Помогу нести сумку и книги. Зарин пока разберется с чаем для всех, — ей нечего возразить, а рыжеволосый маг уже отбирает тяжелую ношу и посылает мне пристальный взгляд.

— Не торопитесь. Я подожду, — пора.

Они скрываются за шкафами, сопровождаемые загоревшимся светом — лишь в их коридоре. Голоса удаляются, последним доносится смех Нааса — надтреснутый, нереальный. Смыкается тишина. Нахожу картонные стаканчики и электрический чайник в нише рядом со входом. Несколько томительных минут, пока за синим пластиком булькает вода, залить кипятком пакетики. Алиби готово.

Сворачиваю в проход между ближайшими полками. Почему-то на меня волшебство не реагирует, поэтому слепо веду пальцами по корешкам книг, иногда натываясь на пустоту перпендикулярного прохода. Один, второй, третий, десятый, пятнадцатый... бросаю считать. Желтый квадратик за спиной служит ориентиром — если прищурится, можно еще различить кусочек стола и две лампы. Поскрипывание половиц под ногами складывается в странный ритм. Замираю, прислушиваясь. Слева, далеко-близко, кто-то по инерции делает еще несколько шагов.

Темнота разом кажется безбрежной и липкой. Знакомый стылый ужас сдавливает горло. Твари.

Бросаюсь вперед, но сразу ухожу вправо. Петляю, цепляя углы, среди секций — уже не слышу, где я, а где... нужно остановиться и понять, от чего я бегу, но...

Я никогда не останавливаюсь, — слова Нины звучат в ушах.

Боковым зрением ловлю отсвет. Назад. Белая полоска. Почти пропустила! Удар о шкаф — поврежденное накануне плечо простреливает болью. Полоса впереди

прыгает, увеличиваясь, превращаясь в приоткрытую дверь. Не успею! Чужие шаги оглушают, теперь они не пытаются спрятаться! Догоняют!

Нет — гонят. Понимание настигает слишком поздно, когда я уже захлопываю дверь и поворачиваю ключ в замке. Прижимаюсь щекой к морозному металлу. Прислушиваюсь.

Тихо.

Лишь сердце грохочет в груди, лихорадочно звенит украшение на шее. Стискиваю, заставляя замолчать. Выдохи оседают на блестящей поверхности. Холодно. Вытягиваю ключ и прячу в карман, пчусь. Неужели это оно? Тварь в Заповеднике указывает мне путь? Или...

Или — розыгрыш?

— Проверка? — втягиваю воздух сквозь зубы. Проверка: история с тварью, ритуалами. Испуганный рыжий волшебник и случайная помощница. Вдруг здесь принято встречать новичков подобным унижительным образом, и где-то совсем рядом дожидается умирающая от смеха толпа? А там, в архиве, между полками крались вовсе не чудовища, а люди?

Накрываю пальцами шрам и считаю до десяти. Хватит. Если происходящее шутка или испытание, то я слишком поздно спохватилась.

— И повернуть назад — значит сбежать, — шепчу, отворачиваясь.

Длинный коридор снизу доверху скован белой плиткой. Как в больнице, и пахнет похоже — озоном. Заплетенные железом лампы дневного света на стенах. Других дверей нет. Стараюсь не сорваться в бег, спешу прочь от архивной тьмы. Впереди поворот, еще десятки метров сияющей белизны. Решетка. С натужным скрипом пропахивает дугу на полу.

В воздухе трещат чары, резко пахнет гнилью. Я содрогаюсь всем телом, ожидая удара, но наказания не следует. Ладно... хорошо. Быстрее, у меня мало времени! Несколько шагов — и я в просторной комнате. Стол и стул посередине, с десяток дверей по периметру. Тяжелые, оббитые металлом, с решетчатыми окошками. Возле каждой на полу темнеет люк.

По сияющей под лампами поверхности стола растеклась кофейная лужа. Пропитавшая газету темная жидкость капает с края. Трогаю: еще теплая. Сзади раздается стук.

Разворачиваюсь, сбивая чашку — осколки разлетаются веером и черными брызгами. Никого. Стук повторяется. В одном из окошек мелькает тень. Сюда. Тварь стоит прямо за дверью. Колени слабеют, а дыхание застревает в горле. В памяти звучат слова безымянной девочки: это большой мир. Здесь хватит места для любых чудовищ, и злых, и добрых.

Добрых я никогда не встречала.

Но и злых не видела — по-настоящему четко, такими: неподвижными, спеленутыми безжалостным светом.

Угловатая, чуть ниже меня, она словно соткана из мрака. Черная чешуйчатая кожа на длинном лице, черный мех и черные же рога — тонкие, чуть изогнутые. Узкие ноздри трепещут, будто пытаются уловить мой запах. Не разобрать выражения полных глаз, но стоит ей прищуриться — и колба на поясе взрывается. Поднимает лапу — неожиданно хрупкую, птичью. Кинжальные когти скребут по стеклу, не оставляя следов. Я не сразу

понимаю: тварь на что-то показывает, а тогда замечаю на стене кнопку и прорези динамика. Во рту пересыхает.

— Я ждала тебя, — ее голос продирает ознобом. Даже не голос — шорох, какой раздастся ночью из темноты пустых комнат. От него хочется кричать, но не можешь произнести и звука. Холод близкой смерти колет сердце.

— Да, в архиве. Я заметила, — хриплю в ответ.

— Нет, еще раньше. Очень давно я жду мага, подобного тебе, — тварь склоняет голову набок, препарируя взглядом.

— И это я знаю, — Наас не отвлечет Айяку надолго. Разворачиваю бумажку с чарами. — Мне нужно возвращаться. Как...

Осекаюсь. Как мне убить тебя? Пусть ты хуже, чем мертва... Прикусываю губу, ощущая, как теплеют щеки, но тварь фыркает, обнажив ряд серебристых игольчатых зубов — смех наждаком проходится по нервам:

— Легко. Но погоди, — заворачиваюсь в кофту. Пальцы путаются среди звезд, приковывая ее внимание. Угловатые черты неуловимо меняются, словно разламываются — подернувшись дымным шлейфом, а потом тварь отворачивается и отходит от решетки.

— Нет, — быть рядом с ней невыносимо. Я словно опять на складывающейся крыше, среди дрейфующих обломков.

В секунде от боли и убийства.

В сантиметрах — от чуда.

— Сейчас или никогда. Если хочешь продолжить гнить здесь, то без проблем, — говорю силуэту в дальнем углу камеры.

Разливший кофе должен быть близко.

— Не хочу, — тварь вырастает вплотную к стеклу. Высокий лоб прорезают глубокие складки.

— Тогда что мне сделать, — поднимаю лист, чтобы она видела рисунок. Но она смотрит только на меня, шерсть на изящной шее встает дыбом. — Что?...

— Возьми меня с собой.

— ...что? — глупо повторяю. Именно об этом предупреждал Наас: нельзя дать ей запутать себя.

— Стань моим хозяином. Если будешь питать меня силой, я спасу тебя от людей, что заправляют здесь. Он ведь пообещал тебе защиту, рыжий мальчишка? Я научила его выживать. Я знаю каждое слово, что он скажет тебе — и всех их будет мало. — Трясу головой: черная дыра за невидимым стеклом поглощает внимание без остатка. — Твой свет слишком ярок. Освободи меня. Я помогу. Никто не пострадает... пока сама не захочешь.

— Не захочу! — вскрикиваю, обрывая вкрадчивый шепот.

— Тогда тем более нечего бояться, — хмыкает. — Я прогоню других. Ты больше не будешь шарахаться от собственной тени, — да она смеется надо мной! Бью кулаком в дверь, шиплю:

— Очень остроумно! Да ты такая же, как они! И как Хайме, Советник, даже Наас! Тебе тоже что-то нужно от меня, а я ни черта не понимаю! Каждый просит довериться, а мне постоянно кажется, что все это — сплошной бред или розыгрыш, или я сошла с ума! И эта ваша магия... Хватит! Я ухожу!

— Нет! — кричит раненым зверем, вжимается в прозрачную преграду. — Нет! Стой! Не бросай меня здесь! Убей, но не бросай!

Отворачиваюсь. Создание беснуется за спиной, пока я судорожно разглаживаю скрученный в тугий жгут лист с чарами — когда только успела?...

Господи. В коридоре... Зажимаю кнопку динамика, прислушиваюсь:

— Кто-то приближается! — еще далеко, но меня прошибает холодным потом. Тварь взвизгивает, хрипит:

— Забери меня! Прими мою клятву! Она свяжет нас...

— Не могу! — и убить теперь не могу! Если меня найдут рядом с трупом, никто не поверит в совпадение.

— Просто скажи — да! Сейчас! Я останусь здесь, пока дух моего создателя заперт в могиле. Найдите ее! Советник Тлалок! Заклинание изгнания! Используй свою кровь! Когда Тлалок умрет, барьер на камере рассыплется, я смогу перемещаться в твоей тени: ты станешь единственным повелителем. Моя жизнь будет полностью зависеть от твоей воли! Ты ничего не теряешь, наоборот, — она застывает натянутой струной, смотрит не мигая. Мотылек у пламени.

По плитке грохочут ботинки. Мой голос ломается, через слово срываясь в шепот: — Почему я должна верить тебе? Чем ты лучше остальных?

Ее смех — битое стекло:

— Я не считаю тебя чудовищем, — вот так просто. Но от этих слов что-то рушится внутри. Беспомощно слушаю, как под барабанную дробь шагов монстр обещает: — Я всегда буду за твоей спиной. Кем бы ты ни была, чем бы ни стала. Каждый раз, когда тебе захочется обернуться — я буду там, отмечая пройденный путь. Я изменю твою жизнь навсегда. Ты никогда не вернешься в прошлое. Это моя клятва, Аваддон. Ты...

Решетка с визгом проезжает по полу. Отшатываюсь от двери. Тварь вмиг становится плоской, теряя власть, впитывая свет. Не разобрать смоляной глубины глаз — лишь еще одна тень. Тень, которой страшно умирать. Стираю сорвавшуюся с ресниц слезинку, прижимаю пальцы к губам. Кто-то заходит в комнату. Зажмуриваюсь до черных пятен и выдыхаю:

— Да, — дрожью по стенам.

— Какого?! — раздаётся сбоку.

Мужчина в шуршащем серебристом комбинезоне вскидывает пистолет. Поднимаю руки и сбивчиво объясняю, что заблудилась, что всего день в Университете. Что мои друзья в архиве, а я отстала, увидела свет, дверь, искала кого-нибудь...

— Вы можете? Мне, наверное, нельзя было сюда заходить... Извините. Но я так испугалась! Наас и Айяка уже повсюду меня ищут.

— Как ты прошла сквозь чары?! — мужчина чуть опускает оружие. Дуло отчетливо покачивается вверх-вниз. Боится. Щурится из-за очков с толстыми линзами, переводя взгляд с меня на осколки чашки, на одинаковые двери позади. Я не выключила динамик. Кусочки колбы поблескивают у ее камеры. Черт!

— Я... я не знаю. Они ничего мне не сделали, — следуя совету Нааса, горблюсь, стараясь выглядеть растерянной, безобидной.

— А ключ? Ты брала ключ?! — он снова поднимает пистолет, свободной рукой обшаривает громкие карманы комбинезона. Достает и показывает такой же, какой я прихватила у двери в архив.

— Да, да. Взяла. Испугалась, что меня закроют здесь. Извините, давайте я отдам его вам, — подходит боком и, держа на прицеле, отбирает железку. Наконец прячет пистолет в кобуру и вытирает пот со лба:

— Господи, как же ты меня напугала! Чертов Годрик, говорил я ему: не разбрасывайся ключами, а он опять... барьер ведь пропускает любого с ключом, у кого архивный уровень доступа! Странно, что у тебя... ааа, небось не внесли в систему? — пожимаю плечами. Мужчина хмыкает:

— Лады. Пойдем. Тут не место девочкам. Да и не каждый мальчик сладит с этой мразью за решеткой, — охранник подмигивает и хлопает по кобуре.

— А кто там? — вежливо улыбаюсь, сдерживаясь, чтобы не оглянуться. Тварь уже наверняка отошла от окна. — Я еще мало знаю об Университете. Да и о магии тоже.

— Ооо, кого только нет! Высшие существа и даже твари — уже слыхала о таких? На секунду зазеваешься — и все, поминай как звали! — он явно наслаждается вниманием. — Я их стерегу.

— Я видела черную тварь с рогами, — охранник резко останавливается:

— Она донимала тебя?

— Что? Нет! Нет, просто я заглянула в окно... я не встречала ничего похожего раньше.

— Конечно, не встречала, куда тебе! — мужчина расслабляется и снова шагает вперед. — Созданий вроде нее в мире можно пересчитать по пальцам. Это эксперимент одного из Советников. Великий был маг, раз смог создать разумную. Она и говорить умеет! И живет уже несколько столетий. Меня еще тут не было, когда она появилась. Рассказывают, что она Советнику во всем подчинялась, таскалась следом как собачонка, а потом вдруг ополоумела: напала на хозяина, чуть не убила. Вот и сидит теперь здесь. Советника уже не стало давно, но никто ее не выпустит. Для ученых она вместо подопытной крысы, — он хихикает. Я сжимаю кулаки. Выдохнув сквозь зубы, спрашиваю:

— Я слышала про нечто подобное. Советника, кажется, звали Тлалоком?

— Да! Он самый! Ты смотри, какая умная, а в архиве потерялась, как дурочка!

— ...и сама нашлась бы, если бы не вошла в открытую дверь. У вас здесь так часто бывает? Я и не думала, что в Заповедник можно попасть случайно, — охранник краснеет пятнами:

— Я кофе пролил, ходил переодеться! А тебе не стоит совать нос не в свое дело, много ты понимаешь! Если узнают, что ты тут шлялась, проблем не оберешься. Иди, копайся в книжонках, и не учи людей делать их работу, — мужчина с силой вставляет ключ в замок, почти взламывая механизм. Толкает дверь — она стреляет в темноту. Я скрываю улыбку. Никому он обо мне не расскажет.

Мы в тишине выходим к освещенному залу со столом и креслами, где застыла, вцепившись в зеленую спинку, бледная от волнения Айяка. Перед ней высится внушительная стопка книг. Наас, видимо, ищет меня в лабиринте шкафов.

— Где ты была?!

— Потерялась она. Следите за подружкой, а то нечего мне делать, как возиться со всякими, — бросает охранник, оправив шуршащий костюм.

— Спасибо за помощь, — говорю удаляющейся спине. И Айяке:

— Извини. Я заскучала и решила осмотреться. Не заходила далеко, но как-то глупо заблудилась.

Она недоверчиво хмурится:

— Мы тебя звали.

— Я не слышала.

— Странно.

Соглашаюсь, вздергивая бровь:

— Странно, — она не верит мне, но плевать. Из прохода выныривает Наас.

— Твою мать! Где ты шлялась?! — его тону не хватает злости, но рыжеволосый маг компенсирует громкостью и быстро разряжает обстановку шумной руганью. Тащит делать чай взамен давно остывшего, роняет пакетики и заливает кипятком стол.

Девушка помогает вытереть воду. Когда наши руки случайно соприкасаются, резко одергивает пальцы. Не смогла я быть милой. Айяка Корнелиус впредь станет сторониться меня наравне с остальными.

Безвкусный напиток и неловкое молчание. Наас пытается растормошить волшебницу, задавая вопросы про учебу во втором блоке, но Айяка отвечает односложно, и он сдаётся, укрывшись за исходящим паром стаканчиком. Девушка резко отставляет свой, не выпив и половины:

— Мне пора возвращаться. Пойдемте. Вы хотели узнать об огненной магии. Перед Наасом и Айякой послушно загораются светильники. Парень через шаг оглядывается, но я рассматриваю книги, избегая вопрошающего взгляда. Слежу за своей спокойной тенью, раз за разом глажу шрам, но это не помогает прогнать озноб. Что я натворила?!

Айяка останавливается:

— Здесь. Весь ряд. Что конкретно вас интересует? — на ее лице дрожит отблеск от граненого стекла в приоткрытой дверце. Шкафы здесь старинные и совершенно разные. Некоторые изящные — резные украшения местами отколоты, а витражи утратили прозрачность, но все равно красиво. Другие будто наспех сколотили из досок, даже не потрудившись отшлифовать дерево.

— Советник Тлалок, — выпаливаю, наступая на ногу Наасу.

— Дааа... — тянет парень. — Вроде он занимался...

— Тварями, разумеется. О нем полно информации в библиотеке. Совершенно необязательно спускаться сюда, — сужает глаза волшебница.

— Я хочу узнать больше о твари, которую он создал.

— Плутон, — выдыхает Наас. Он говорил и раньше, но я забыла. Повторяю, пробуя на вкус. Примеряя к рогатой тьме:

— Плутон.

— В честь повелителя царства смерти, — Айяка сверяется с каталогом и по табличкам находит нужную полку. — Здесь. Но не удивлюсь, если мы найдем лишь общие сведения. Плутон — постоянный объект исследований профессора Хайме. Наверняка все данные о ней держат в лабораториях. Под рукой.

Она права. Мы забираем только пухлый том с жизнеописанием Советника Тлалока — единственный на целой полке.

— М-да, — резюмирует Наас. Из-за этого и правда глупо нарушать правила. — Кто же знал, — пожимает плечами.

Пожелтевшие страницы колючие на ощупь и изъедены жучками. Текст — рукописный, украшенный буквицами. Сколько же лет этой книге?

— Листы пропитаны специальным составом, так что не бойтесь повредить бумагу, — девушка небрежно переворачивает целые десятилетия чужой жизни, пока не наткнется на рисунок.

С карандашной зарисовки, выполненной уверенными летящими штрихами, рассеянно смотрит одутловатый, укутанный в меха старик. Перья волос за ушами, скошенный лысый

череп. Узловатая ладонь комкает мантию. Кажется, тянется к массивному кресту на груди — то ли ордену, то ли броши.

Тварь почти сливается с его нарядом. Художник превратил Плутона в плоский силуэт с белыми пятнышками вместо глаз. Рога-вилы истончаются в линии выше макушки Советника.

— Вот она, — озвучивает Айяка. — Была создана за пять лет до его самоубийства.

— Самоубийства? — вырывается у меня.

— Да. Многие огненные маги... — девушка осекается, краснеет, неловко оправляет волосы. Тишину можно резать ножом.

— Как он контролировал ее? — пытаюсь продраться сквозь старинные выражения на соседней с картинкой странице.

— Я читала об этом, — с облегчением меняет тему волшебница. — У тварей сознание формируется постепенно, поначалу они представляют собой только смесь примитивных инстинктов и чувств вокруг воспоминания хозяина — ядра темного существа. Высшие могут развиваться до уровня человека за несколько лет. Советник запер Плутона чарами в колодце и обучил, чему посчитал нужным. Послушанию в том числе. Для нее он стал едва ли не богом...

— Тогда почему тварь напала на него? — звенящим от напряжения голосом спрашивает Наас. Скрещивает руки на груди, между сведенными бровями появляются глубокие морщины. Я отвечаю:

— Продолжила развитие. Набралась смелости и ума противиться приказам, — Айяка кивнула:

— Скорее всего. Захотела свободы. После смерти Советника она бы прожила пару десятилетий даже без всякой подпитки. Тем не менее, странно, что Плутон преступила клятву крови и единства. Это считалось невозможным.

— Расскажи про клятву, пожалуйста, — обещание, данное Плутоном, горчит в памяти. Наново повторяю про себя каждое слово, почти слыша рокот чужого дыхания: я всегда буду за твоей спиной. Украдкой бросаю взгляд через плечо, но там лишь уходящие в темноту стеллажи.

— Клятва крови и единства позволяет Высшей твари продолжать существование, подпитываясь силой мага. Младшим и старшим этот путь закрыт: недостаточно разума для сбалансированного симбиоза, только если выполнить слияние — но здесь есть риск для самого создания. А твари вроде Плутона жертвуют своей свободой в обмен на жизнь. Магия клятвы заставляет их следовать воле хозяина: Тлалок, например, с помощью своей избавился от половины королевского двора... а до него был Рисер Хельстад, подчинил двоих. Отправлял шпионить по всему матеруку. Твари легко перемещаются в тенях, обычные стены для них не помеха. Стать хозяином одной — большой успех. Правда...

— Они высасывают силу, — перебивает Наас. — Маг слабеет, постоянное присутствие твари расшатывает психику. Тот Рисер слетел с катушек, когда ему не было и сорока. Под конец вообще не колдовал: не получалось. Тлалок вон тоже... повесился, кажется?

Айяка пожимает плечами:

— Не помню. Но остальное верно. Добровольных союзов с тварями в истории отмечено мало, и все кончились трагедией. После нападения Плутона Советник лишился руки.

Обнадеживающе. Запахиваю кофту, невольно повторяя жест старика на рисунке. Меня бьет дрожь, когда цепляю холодный металл украшения:

— Или она пыталась убить его потому, что Тлалок сам искал смерти, — хотел и не хотел умирать, так говорил Наас о тварях? У ручья он ни словом не обмолвился о клятве. Наверное, не подумал, что я настолько сглуплю.

— Хм. А ведь возможно, — задумчиво хмурится Айяка.

— Что там в конце, — Наас шуршит древними страницами, варварски терзая бумагу. Проводит пальцем по последним строкам. — Ни хрена не понимаю. Вот год смерти походу.

— Двенадцатое мая 1503 года, — Айяка отодвигает парня в сторону. Беззвучно шевелит губами, расшифровывая записи.

Тихонько скрипят половицы.

Побледневший Наас поднимает на меня глаза.

— Какие обязательства накладывает клятва на хозяина твари? — медленно спрашиваю, перебирая поющие звездочки. Рыжеволосый маг застывает, словно даже не дыша. Избегая света, скрип обходит нас по кругу.

— Никакие. Просто... — девушка отрывается от книги, откидывает за спину тяжелые волосы, — он, как и тварь, лишается свободы. Ему не скрыться от нее, не прогнать, не убить. Специально, по крайней мере. Если волшебник хорошо управляет магией, то может заставить создание голодать, вынуждая подчиняться приказам. Но полностью доступ не перекрыть, да и тварь в ответ способна извести... Короче, клятва похожа на состязание, в котором нет победителей. Тварь мучает человека, чтобы получить больше воли и пищи, но убить не смеет: без хозяина она долго не проживет. А избавившиеся от тварей огненные маги почему-то теряли контроль над своей силой и рассудком. Советник Тлалок не продержался и года, хотя Плутон заперли живой в лабораториях. В случае убийства создания распад хозяина происходил еще быстрее. Например, Гийот Фади...

— Значит, клятву нельзя разорвать? Иначе Тлалок бы сделал это.

— Да, — оживает Наас. — Да.

Его ореховая радужка темна от тревоги. Воздух начинает двигаться. Айяка не замечает:

— Даже смерть иногда не преграда. Плутон до сих пор жива потому, что дух Советника заключен в могиле. Думаю, охранный контур в ее камере так или иначе связан с останками: в противном случае для удержания Высшей твари понадобился бы барьер вроде того, что окружает Университет, а его очень сложно создать и еще труднее поддерживать. И исследования...

— Нам нужно идти! — Наас бесцеремонно хватая меня за шиворот и тянет к выходу. — Спасибо за помощь, Айя! Увидимся позже.

— Эй, — стряхиваю его руку, шиплю:

— Спокойней. И ты кое-что забыл, — Наас свирепо щурится, яркие губы сжаты в линию. — Тони, — с силой трет переносицу, кричит замершей над книгой Айяке:

— Приходи вечером в бар! Там, вроде, Фэн с ребятами сегодня играют. Я позову Тони и Эда с Марой. Будет весело.

Девушка не отвечает. Издали ее лицо — нечитаемая маска, черные дыры вместо глаз. Нам стоило выбрать другого проводника.

— Какого хрена ты сделала?! — дыхание Нааса обжигает ухо. Отталкиваю, первой взлетаю по ступенькам. В груди нарастает тяжесть.

Парень грохочет следом. Подъем бесконечен. Наверху я задыхаюсь, без сил сажусь на порог, обхватываю себя руками и прячу лицо в коленях — глупая, какая

я дура! Холодный ветер забирается в волосы, его ласку повторяет Наас — осторожно

гладит и тянет за хвост, заставляя запрокинуть голову.

— Ну ты даешь.

— Да, — улыбка выходит кривой.

— Я тоже идиот. Айяка черт знает что подумала.

— Но это ничего?

— Ничего. Не в ее интересах задавать вопросы.

— Нам снова нужно прогуляться к ручью, — набираю полные легкие ночной свежести.

Пахнет дымом и дождем, по черному небу бегут светлые перистые облака. Слезы жгут глаза.

— Не сейчас. Я так понимаю, теперь все упирается в Советника... — киваю. — У нас мало времени. Придется попросить о помощи. Я уже говорил, что я не очень хороший маг? — его очередь невесело усмехаться. — Даже не уверен, что сдам экзамен.

— Извини.

— Я... сам виноват. Надо было предупредить... — трет затылок, беспокойно оглядывается. — Дерьмо... ладно. Пойдем пока к Кану. Заполнишь документы, он покажет Университет. Я же переговорю кое с кем. Встретимся в баре, и тогда... прогуляемся, но вряд ли к ручью.

— Подожди, — ловлю за рукав. — Мы можем оставить все как есть.

Качает головой:

— Нет.

— Почему? — ей не выбраться из Заповедника без нашей помощи.

Отходим от стен и деревьев, где могут подслушать. Наас притягивает меня вплотную и шепчет:

— Барьеры Заповедника питают силы заключенных. Заклинания заточены под тварей. Забирают лишний огонь, не дают накопить энергию. Держат в пределах просчитанной нормы: слабыми, но живыми. Эта норма не подходит для людей. Поэтому камера Манतिकоры запитана отдельно.

— Что?

— Мантикора? Неважно. Потом. Мага огня твоего уровня барьер камеры Плутона выпьет до смерти в считанные недели. Вы теперь связаны. Ты скоро почувствуешь слабость. А тебе еще духа изгонять. Нам нужно поспешить, пока ты в состоянии провести ритуал.

***

Кан встречает у входа в общежитие. Смеривает Нааса недовольным взглядом, отбирает мой рюкзак.

— Дальше я сам, — выдыхает сигаретным дымом, сминает окурок.

— Да ради бога, — рыжий цепляет его плечом, ныряя в ярко освещенный холл. — Он не виноват, это я долго собиралась, — но Кан без слов пропускает меня вперед. Двое парней, которые вместе с ним курили на крыльце, тоже молчат. Недолго:

— Это маг огня? — слышу за спиной.

— Да. Еще один в нашем блоке.

— Вот счастье-то.

Оставляем вещи в комнате. Там никого. Кан дает мне ключ.

— Я верну твою кофту чуть позже, ладно? На нее попала кровь, я не успела постирать, — предательский жар заливают щеки.

— Если хочешь, оставь на память, — мягко улыбается Нинин брат. — Как компенсацию — это ведь я тебя ранил. Прости.

Мотаю головой. Он уже извинялся.

— Покажи, — тянет за запястья, сдвигает ткань водолазки, обнажая предплечья. Узловатые красные рубцы пересекаются и расходятся, стягивая плоть. Ноют, когда Кан легко касается выпуклых линий.

— Я принесу мазь от шрамов из лазарета. Она все уберет, — у него прохладная кожа и лучистые морщинки в уголках раскосых глаз. И всего шестнадцать процентов огня. Значит, у моего смущения иные корни.

— Не переживай. И следа не останется, — сжимает мои пальцы и возвращает рукава на место.

— Хорошо. Спасибо, — прячусь в кофту и отступаю назад. Кан тут же шагает навстречу:

— Послушай. Тебе не стоит общаться с Наасом. С ним всегда проблемы. Знаю, он тебе понравился, но этому есть причина...

— Он тоже маг огня. Знаю. Он объяснил.

— Да? Ладно. Рад, что ты понимаешь. Мне бы не хотелось, чтобы и у тебя начались неприятности.

— Мои неприятности начались уже очень давно, — вместе с магией. Или даже раньше.

Кан хмурится, открывает рот, но ничего не говорит. Убираю челку за ухо:

— Еще Наас обещал мне знакомство с неким Моней и веселый вечер за заполнением бумаг.

Капитан пятого блока закатывает глаза:

— Не Моня — Адамон. За Моню он тебя отправит драить полы на склад. Seriously меньше слушай Нааса. А лучше — смени соседей. В другом крыле есть...

— Нет, спасибо, — его лицо каменеет, но наплевать. У меня болит спина, сводит от голода живот, а в висках тонко ноет мигрень, ночь же обещает быть долгой, если я правильно поняла злополучного Нааса. — Или я подумаю об этом позже, когда освоюсь. Давай поскорее со всем закончим, ладно? Я очень устала. Да и тебе хватит со мной возиться. Наверняка есть более интересные занятия, — прислоняюсь к столбику кровати. Опускаю ресницы, смаргивая пекущий свет. Парень ерошит без того встрепанную прическу:

— Это моя работа. И сегодня я нахожу ее невероятно интересной, — у Кана появляется ямочка на правой щеке, когда он улыбается — широко, чуть лукаво. Закусываю губу, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость: я совершенно не умею поддерживать флирт. И его иссиня-черная форма охотника некстати напоминает о тени в Заповеднике. Чужой тени, которая сегодня стала моей.

Почти стала.

За дверью ванной шуршит занавеска, шумит вода.

— Пойдем, — Кан касается моего плеча. — Я попрошу Адамона не мучать тебя тестами. В другой раз. Но он захочет объяснить правила и потребует заполнить несколько анкет. Потом перекусим. У нас в кафетерии неплохо кормят.

— Ночью? — я давно потеряла счет времени, но за окном — кругляшек луны, яркий даже при включенных лампах.

— Конечно. По вечерам и примерно часов до трех-четырёх здесь самое оживленное время, — мы выходим в коридор, и я закрываю комнату своим новым ключом. — Днем все либо на заданиях, либо подрабатывают где-нибудь. В Университете много денег не поимеешь. Правда, еда и общежитие бесплатные, так что на жизнь хватает. Прилично

получают только ученые и лучшие из медиков и техников. Хотя есть те, кто умеет выжать из волшебства максимум выгоды, — Кан стучит пальцем по бумажке на соседней двери. На ней размашистым почерком:

— Аукцион в субботу?... — парень фыркает:

— Эдвард Анна и Мара Кейтлин. Специализируются на изгнании духов. Из останков делают обереги. За этим товаром здесь очередь выстраивается. В субботу будет жарко. Чары ведь блекнут со временем. Приходится покупать новые или самому выискивать заложных покойников. Большинство предпочитает первое. Тебе должны были дать оберег в администрации. Для магов огня это обязательно. И бесплатно. Чтобы вы не притащили тварей за собой. Они не видят Университета из-за чар. Но те, у кого хватает мозгов, способны догадаться: если волшебник постоянно ускользает от них в одном и том же месте, что-то там нечисто.

— Обереги прячут от тварей или отпугивают их? — касаюсь груди, где под тканью водолазки саднят царапины от осколков колбы. Парень лезет в кармашек на плече кителя и достает свою, со знаком на сургучной печати.

Значит, капитану пятого блока охотников тоже есть, о чем молчать.

— Прячут. Про тварей Наас тебе тоже успел рассказать?

— Да. Я сегодня много узнала, — больше, чем хотелось бы. Больше, чем стоит.

Кан кивает:

— Ученым постоянно требуются новые для исследований. Поэтому львиная доля заданий сейчас связана с поимкой темных созданий. Обереги нужны как воздух. Твари же, да и не только твари, отмечают охотников, которые их атакуют. Потом каждый представитель вида попытается если не убить, то хоть извести страхом проклятого мага... или выполнить слияние. Хуже того, печать пачкает места, где мы часто бываем. А значит, и живущих там людей, — Кан кривится, прячет сосуд и жестом предлагает идти дальше. — Пока ученые не открыли свойства праха, охотникам приходилось очень тяжело. Многие потеряли семьи.

Замолкает, распахивает дверь на улицу, достает сигареты из сумки на бедре. У крыльца опять торчат маги. Кажется, те же самые. Кан отмахивается от попыток заговорить и берет меня за руку:

— Здесь легко споткнуться. Дальше почти нет фонарей. Мы привыкли ориентироваться без света. Чтобы не усложнять маскирующие чары. Нечто вроде местного колорита.

Я жду, пока люди остаются позади, и спрашиваю:

— Что такое слияние? — Айяка упоминала подобное. — И — пачкают? Как это? Почему никто не отказывается ловить тварей? Да и как их поймать, они ведь такие быстрые... — моргнешь — и нет. Доли секунды достаточно, чтобы кошмар закончился.

Только через миг тьма вновь рядом.

— Полегче! Сколько вопросов, — смеется парень. — У тебя еще будет масса времени обо всем узнать.

— Мне важно знать сейчас, — чуть сжимаю пальцы, — твари слишком долго были рядом, а я даже не понимала, что они такое. Думала, схожу с ума. А сказать кому-либо боялась. Меня и так пару раз таскали к психиатру. Не хотела оказаться в дурдоме.

Кан вздыхает.

— Пожалуйста, — спотыкаюсь на битом камне, но он не дает мне упасть.

— Ладно... — морщит нос. — Только кратко. Слияние... нет, вначале идет метка.

Твари могут отмечать людей двумя способами: как друзей или врагов. Первое защитит человека от дальнейших посягательств. Хотя если ему встретится создание более сильное, чем оставившее след, никакая печать не поможет. Но известно всего четыре случая, когда тварь признавала мага достойным дружбы. А вот наоборот — бесчисленно много.

— Но зачем им отмечать врагов? Почему просто не убить?

— У большинства не хватает сил на убийство. Они только пугают. Ты и сама знаешь, — да. Пугают. Напиваются досыта страхом, уходят. Приходят другие. Нескончаемый круговорот. — Метка служит маяком. Слабые твари — мы называем их младшими — живут инстинктами. Вообще им все равно, где искать жертв, но пройти мимо проклятых они не могут.

— Значит, я проклята, — запрокидываю лицо к ночному небу.

— Наверняка. Я тоже. Почти все здесь, на самом деле, — тихо говорит Нинин брат. — Но пока есть обереги, им до нас не добраться. Теперь ты в безопасности.

— А другие? Моя... семья, — смогли ли они убежать от предназначенной мне кары? Или забрали кусочек с собой?

— Я не знаю. Бывает по-разному, — уклончиво отвечает Кан.

— Как по-разному? Слияние — так тоже бывает?

— Да, — с готовностью меняет тему. — Слияние — это соединение твари и человека. Иногда на пике страха твари удается... как бы сказать... Подселиться. Но только если она достаточно сильная. Старшая. Разрушить душу, высвобождая новую тварь взамен куска памяти — сложно. Кстати, так они рождаются. Ты уже знала?

— Вроде того, — Айяка говорила, что твари формируются вокруг воспоминания хозяина. А Наас — что ученые ищут способ создавать Высших тварей и проводят ритуалы, которые раскалывают душу и лишают памяти.

— Тварь занимает освободившееся место. Получает постоянный доступ к силе человека. Ей больше не нужно охотиться и выживать. Никакая магия не сможет разорвать симбиоз. Слияние происходит редко. В основном люди погибают, но выжившие... меняются. Даже если тварь не пытается доминировать. Одно ее присутствие постепенно сводит с ума. Жертвы слияния не живут долго.

— Убивают себя? — меня знобит. Я уже слышала подобное сегодня. Слияние будто ничем не отличается от клятвы.

— Да. Чтобы не допустить этого, твари в момент единения переносят человека в Отрезок. Нечто вроде отдельного мира. Мы мало о них знаем. Оттуда почти никто не возвращался. Известно, что там твари набираются сил и залечивают раны. Их воля тоже крепнет. Подпитывается осью Отрезка. Они становятся могущественней души хозяина. Перехватывают управление телом. Человек живет, пока живет тварь, хочет он или нет.

— Боже...

— Да. Но бывает, что побеждает маг. И возвращается: с тьмой в душе он обретает способность перемещаться в тенях и мирах. Опять-таки, случаи симбиоза не

изучены толком. Пятеро обнаруженных носителей не горели желанием раскрывать свои секреты. И уж тем более сдаваться ученым. Сразу отделились от Университета. Об их дальнейшей судьбе нет точных сведений.

— Пятеро? Всего лишь пятеро? — давлюсь дыханием. К горлу подкатывает тошнота. Почти слышу ее липкий шепот: я всегда буду за твоей спиной. Резко обернувшись, вглядываюсь в сплетения ночных теней.

— Что такое? — не понимает Кан.

— Нет... ничего. Продолжай, пожалуйста.

— Пятеро — тех, о ком стало известно. Их может быть гораздо больше. Никто не знает, от чего зависит, умрет человек или выживет после слияния. А если выживет — подчинится твари или же покорит ее.

— Слияния... чаще происходят с магами огня. Верно? — провожу ногтями по шраму. Охотник успокаивающе улыбается:

— Да. Но с оберегом ни одна тварь тебя не найдет.

Я сама ее нашла. А чертов оберег лопнул, не вынеся встречи:

— Даже Высшая?

— Наас и о Высших уже рассказал? Слушай, он сильно забежал вперед. Не волнуйся. Поэтому я и не хотел говорить. Профессор Мирна сделал бы это лучше меня. И уж точно лучше Нааса. А теперь ты напугана, — приобнимает за плечи. — Seriously, твари совсем нестрашны, когда умеешь с ними обращаться. До сегодняшнего дня ты была жертвой. Теперь мы научим тебя защищаться. Ты удивишься, как легко их ловить. Старшие встречаются нечасто. Высших на воле вообще давно никто не видел. С младшей отряд в три человека вполне способен справиться без потерь. Их сложнее выследить, но это уже работа искателей, — прикосновение жжет между лопаток. — Они не всемогущие монстры, поверь мне! У них тоже есть слабые места.

— Какие? — не монстры. Боги. Они определяли мою жизнь, а он говорит, что...

— ... теряют способность менять форму и исчезать рядом с вот этим, — трогает отблескивающий металлическими нитями знак Университета на груди. — Особый сплав. Правда, ослабляет действие оберега. Проклятье стирает, но мага — нет.

— То есть, тварь тебя увидит, но не обязательно нападет?

— Да. Примерно так. И сбежать не сможет. По крайней мере, не моментально. Из этого сплава сделаны наши пули и удавки. Сети. Ножи. Капканы. Всего не перечислить. И есть еще много уловок. Боевые заклинания, чары-ловушки... Ты правильно поступила, что выбрала блок охотников. Лучшее решение для огненного мага. У нас твоя... особенность притягивать тварей перестанет быть недостатком. Наоборот, очень поможет. На живца ловить проще, а если мы...

— Что будет, если я не захочу? — перебиваю, переключаясь на другое: жидкие гримасы Гофолии и скусающий интерес профессора Рамона Хайме. — В смысле, я не про охоту на тварей. Тесты, исследования. Мне говорили, что уче...

— Не стоит, — теперь обрывает он. — Есть много рычагов воздействия. И ни один тебе не понравится.

Помолчав, Кан продолжает чуть мягче:

— Университет функционирует в жестких рамках, но зачастую оправданно. И это единственное место на земле, где ты сможешь реализовать свой магический потенциал. Придется чем-то жертвовать, но поверь: ты не пожалеешь.

— Вы с Ниной тоже что-то потеряли? — ты не жалел? Мы сворачиваем за угол, где нет фонарей, и теперь я вижу лишь алую точку зажженной сигареты. Луна скрывается за тучами, волнуются деревья. Ветер путается в складках кофты, пробегая по телу волнами озноба. Ладонь Кана кажется невозможно жаркой. Тысячу шагов спустя он выдыхает дым и ответ:

— Обереги изобрели пару лет назад. До этого приходилось рвать все связи с родными.

Чтобы не подставить никого под удар. Можно было воспользоваться магией: подкорректировать память. Стереть или дать хорошую причину своему отсутствию. Но мы просто уехали. Оставили записку и сбежали.

— Почему потом не вернулись? — пора прикусить язык, но в темноте слишком легко задавать вопросы. Маг молчит. Переплетаю теснее пальцы, извиняясь за грубость.

— Нина кое-что сделала, — голос Кана звучит глухо. — Я помог ей... прибраться. Но нас все равно заподозрили. Мои портреты висели на каждом столбе. Про розыск постоянно говорили в новостях. Нину сочли жертвой, хотя какая из нее жертва?! — вдруг почти рычит парень.

Шумно выдыхает:

— Она не виновата. Это из-за ее силы, тварей, но... — блеклое сияние выглянувшей луны обозначает его резкий профиль. — Теперь нам нельзя возвращаться.

Мне тоже. Прослеживаю изгиб шрама. Сияющий болью осколок подарил мне тварей и понимание: главное происходит прямо сейчас. В моменте, где нет ни прошлого, ни будущего. Где среди шепчущихся листьев и тяжелых, уходящих в небо стен, мы двое шагаем по обломкам асфальта и дышим дымом, осенью и ночью. Еще вчера я была совершенно одна.

— Спасибо, — что держишь меня за руку. — Что рассказал мне.

Через пару минут Кан открывает новую дверь, за которой знакомые ослепительно-белые коридоры. Где-то здесь лаборатории с кричащими в клетках тварями и подвал, освещенный бесчисленными лампочками. Валентин Рабинский и муторный Советник Гофолия, бесцветный Максимилиан и профессор Хайме — злейший враг темных созданий.

Ненавистный Наасу Адамон А. Влодек оказывается усталым полным мужчиной с проседью в каштановых волосах. Очки в тонкой золотой оправе, аккуратно подстриженная щетка усов, грубый свитер с налокотниками и беспокойные пальцы: бесконечно вертят золотистую ручку, переключают с места на место папки, оправляют одежду, трогают усы и губы. Если незаметно заснять на видео и проиграть потом с ускорением, получится чертовски дикая пантомима. Адамон достает пухлую подшивку с правилами поведения в Университете и озвучивает каждое. Я перестаю слушать на десятом из ста тридцати шести, рассматривая застывшего у окна Кана. В синеватом от искусственного света кабинете Нинин брат выглядит неуместным и держится скованно: напряжение сквозит в развороте широких плеч, сцепленных за спиной кистях. Я машинально отвечаю на вопросы, быстро заполняю анкеты — поразительно стандартные как для магического ордена.

— Кан Д. Александер поможет вам составить расписание занятий. Есть базовые курсы, проходящие в определенное время. Еще небольшие группы, которые договариваются с профессорами отдельно. И, конечно, маги, готовые помочь в обучении за определенное вознаграждение. Значительная часть материала осваивается самостоятельно по книгам в Библиотеке — он ухитряется произнести последнее слово с большой буквы. — Ваша программа — этот список итоговых знаний и практических навыков. Возьмите.

Мужчина подталкивает ко мне целый ворох листков:

— Пятьсот шесть пунктов. Вы должны продемонстрировать владение всеми без исключения на экзамене ровно через год после начала обучения. Плюс, вас ожидают практика и вопросы вне списка. По итогам выполнения решается, можете ли вы остаться или забудете о магии раз и навсегда. Если остаетесь, начинаете выполнять задания. Параллельно продолжаете учебу согласно своим усмотрениям и нуждам. В распечатках есть все о финальных испытаниях. Вопросы?

Он спрашивает явно галочки ради, но у меня находится один:

— Как много времени будет отнимать участие в исследованиях профессора Хайме? —

Кан оборачивается. Адамон снимает очки. Тщательно протирает чистые стекла. — Это станет понятным уже в процессе. После предварительных тестов. Но не думаю... — тонкая оправа опасно гнется. — Команда профессора Хайме сейчас работает с тремя огненными магами, из них двое — гораздо сильнее вас и уже прошли инициацию. Предполагаю, помимо стандартных процедур, за этот год вы спуститесь в лаборатории три-четыре раза. Сейчас лучше убедитесь, что выбрали подходящий блок, и сконцентрируйтесь на тренировках.

Спросить что-нибудь еще мужчина не предлагает, сразу поднимается — взвизгивают ножки отодвигаемого стула. После секундных колебаний Адамон протягивает мне руку:

— Добро пожаловать в Университет. Отсчет вашего года начинается сегодня, двадцать девятого сентября. Если возникнут проблемы, обращайтесь к капитану блока или ко мне.

— Спасибо за уделенное время, — прижимаю к груди распечатки.

— Не беспокойся насчет экзамена, — тихо говорит Кан, когда за нами закрывается дверь Адамонова кабинета. — Ты огненный маг. Тебя оставят, даже если ты худшая волшебница на планете.

Невесело хмыкаю:

— Кто остальные огненные?

— Возможно, ты видела одного вчера. Илай Мназон. У него пятьдесят один процент. В блоке техников есть Янни Збигнев с сорока. Из наших еще Мантикора Оретт — девяносто два.

— Так много! — я остаиваюсь. Боже мой! Как же он справляется?!

— Никто из них не справляется, — наверное, я заговорила вслух. Кан отвечает равнодушно, но снова ловит и сжимает мои пальцы.

— Что с ними не так? — хмурится:

— Познакомишься — поймешь. А сейчас давай поужинаем. В кафетерии должно быть мало людей: пересменка. Ты ведь голодна?

— Да... — живот сводит от голода или волнения. Я ищу слабость в теле и новое в разуме: шершавый голос, эхо стеклянного смеха. Не нахожу, но вдруг и не могу найти? Что, если Плутон уже направляет мои мысли, прячась в закоулках подсознания? Нужно идти не в кафетерий, в бар. Встретиться с Наасом. Нинин брат поджимает губы, стоит произнести имя рыжеволосого мага, но оставляет возражения при себе:

— Как хочешь, — к бару идем в молчании. Когда выходим на широкую площадь, где звучит музыка и толпятся люди, Кан выпускает мою ладонь.

Над головой, натянутые между высокими железными столбами, пересекаются цепочки золотых огоньков. Будто украшение к празднику. Гигантское здание цеха

по левую руку зияет черными окнами, дальше тонет в темноте ряд явно складских ангаров, а справа — залитое алым сиянием крыльцо бара. По газону разбросаны покрышки от грузовиков, бревна, стулья — все заняты, люди оккупировали даже ступеньки. Проталкиваемся. Я оступаю и едва не падаю на колени к какому-то парню.

— Зарин! — Наас мгновенно замечает и зовет через переполненный зал. Рядом с ним на краешке стула застыла Айяка. Переделась в изящное темное платье с круглым, открывающим тонкие ключицы, вырезом. Тони нет. Но, могу поспорить, придет: Наас мастерски втягивает окружающих в свои затеи. Глядя на вцепившуюся в кофейную чашку

девушку, сложно не согласиться с Каном: ей бы стоило держаться от рыжеволосого мага подальше.

То же самое обычно говорили про меня.

Кан вновь касается спины. Ухо обдает жаром:

— Увидимся позже. Береги себя и ни о чем не волнуйся.

Пробираясь к столику, осматриваюсь. Длинная барная стойка, высокие, горящие под кровавым светом металлические столы. Кафельные стены, заклеенные картинками... нет, фотографиями. Пожелтевшими, полароидными, черно-белыми. Вокруг каждой, заполняя пробелы, — подписи маркером.

Наас прячет сумку и куртку под ноги, освобождая мне стул.

— Мы заказали пироги! Пить что будешь? — перекрикивает музыку. Превращается в красную тень, отправившись добывать мне кофе. Я киваю Айяке, хвалю платье. Волшебница нервно оправляет волосы. Чтобы замаять неловкость, касаюсь снимка на стене:

— Почему они здесь?

— Фотографии погибших, — прослеживает жест девушка. — Наш способ попрощаться. Мы не приходим на могилу, даже на похороны. Тело отдают родственникам, смерть представляют несчастным случаем или результатом болезни. Незнакомые люди на кладбище могут вызвать вопросы. Поэтому...

На фото парень с баскетбольным мячом в руках. Широко улыбается, за вихрастой макушкой дырявят листву солнечные лучи. Рядом выведено: Йохан Д. Катерина. Йохану было лет двадцать, не больше. От разбегающихся вокруг строчек комок в горле.

«Ты был моим лучшим другом. Ты изменил мою жизнь».

«Самый позитивный хрен в этой дыре».

«Я люблю тебя, мне так тебя не хватает,» — отворачиваюсь, не дочитав остального. Надписи перетекают со стены на стену, за пределы багряного зала. Связывают портреты в единый узор — заклинаящий смерть.

— Видеть их каждый день...

— Как когда они были живы, — Айяка впервые твердо смотрит мне в глаза. Не прячась за длинными ресницами, без подозрения и невнятного упрека.

— Держи, — жалобно звякает блюдце с чашкой, гремит поднос с пирогами. Наас наклоняется и тихо сообщает:

— Я договорился. Через пару часов пойдем. Ребята будут прямо там.

Он выглядит спокойным, будто ничего особенного не происходит, и я устраиваюсь удобнее, наконец-то чувствуя, как расслабляются плечи. Мы справимся. Все будет нормально. Мы...

Среди толпы мелькает светлая вспышка. Я проливаю кофе на пальцы. Илай. Черная футболка сливается с темнотой, обнаженная кожа полыхает — ярче ламп и металла столов. Жилистые запястья тоже носят отпечаток пуг. Отвожу взгляд и слизываю липкие капли.

Нужно держаться от него подальше.

— Тони! Мы здесь! — Наас размахивает руками. Опускаю голову: пусть Илай не заметит. Пусть заметит. Пусть... черт!

Не замечает. Тони подсаживается между Наасом и Айякой. Очень тесно, но рыжеволосый маг делает вид, что отодвинуться некуда.

— Ты чудовище, — шепчу в медные пряди. Неразборчиво хмыкает в ответ. Ворует

салфетку с моего блюда, выкручивает и рвет на части.

— Просто хороший друг. Ешь. Скоро уходить, — точно, пирог. Сочная мясная начинка вываливается из теста, тает во рту.

— Вот вы где. Двигайтесь, — Эдвард Анна, продавец амулетов, тащит два высоких барный стула. Отвоевывает место у стены, Мара устраивает длинные ноги у него на коленях. Оба еще покрыты вылинявшими до розового пятнами, волшебница колупает щеку, пытаюсь избавиться от чешуек.

— Дани подойдет сразу на место. Триша не сможет: вызвали вниз, — негромко сообщает Эд, хватая кусок пирога и роняя половину на свою девушку.

— У нее проблемы?

Мара сердито дергает парня за прядь соломенных волос, пытается оттереть следы соуса с блузки.

— Нет, вроде нет. Просто Чиндту неймется, — Эдвард целует волшебницу в висок и получает локтем в живот:

— Твою же мать, Эд! Кофта! Новые леггинсы! Снова!

— Бедная, — сочувствует Наас то ли Трише, то ли Маре.

— Так, пропустите в туалет, — сдается последняя.

— Я с тобой, — умыться, вдохнуть хоть немного воздуха: от духоты и едкого сигаретного дыма печет глаза. Просачиваясь сквозь скопление охотников у барной стойки, стараюсь не выпустить Мару из виду. Впрочем, она скоро останавливается в конце внушительной очереди. Ужасно жарко. Закатываю рукава, гляжу на перехваченные полосами предплечья. Под резкими огнями кажется, что руки по-прежнему связаны.

Тень ложится на исчерканную кожу. Перехватывает запястья и дергает в сторону, в узкий коридор, где едва теплится багряный отблеск. Прижимает к стене. Деревенеет, легко касаясь шершавыми губами лба. Сердце колотится. Я могу оттолкнуть — но не двигаюсь. Закрываю глаза, впитывая жар чужого тела. Илай жесткий, сильный. Невыносимый. Пахнет снегом и кровью.

Отвратительно.

Идеально.

— Ты спускалась в подвал. Не возвращайся к ней, — оттягивает ворот водолазки, обхватывает шею, с нажимом гладит шрамы. — Ей нельзя верить. Это только магия. Посмотри, что они сделали с тобой. Будет хуже. Они заберут твою память, чтобы создать новых. Ты перестанешь понимать... Не выделяйся. Тогда они не...

— Не могу, — получается почти стон.

— Почему? — отстраняется, позволяя запрокинуть голову. Хмурится. За завесой белых ресниц зрачки до краев заполняют алую радужку.

— Только магия, — его слова. — Что мы, если не магия? — когда кроме тебя в золотом круге от торшера никого, а вокруг теснятся мятежные тени — мир схлопывается до собственного дыхания и страшного, большого, непостижимого волшебства. — Даже сейчас. Ты. Почему ты здесь? Разве не из-за магии? Чувствуешь? Твоей свет продирает до костей.

Илай глядит не моргая, будто даже не дыша. Искусанные до ран губы так близко, стоит потянуться... собираю остатки воли и выворачиваюсь из захвата-объятий. Почти врезаюсь в Кана.

Нинин брат уперся взглядом в огненного мага, ладони расслабленно лежат на поясе

форменных брюк. Рядом с ножнами.

— Все в порядке? — почти дружелюбно.

— Да, — шея горит после прикосновений. Прячу отметины, которыми наградил меня Кан. Пусть не из злого умысла, но... отгрызаюсь:

— Знакомлюсь с себе подобными.

— И как тебе? — вздергивает бровь. Что-то самодовольное сквозит в прищуре черных глаз.

— Приятно, когда после не нужно в лазарет, — пока не ответил, выбираюсь обратно в зал. Пошли к черту. Оба.

За столиком, похоже, не заметили моего отсутствия. Наас хохочет. Айяка тихонько светится. Тони поминутно отвлекается: когда девушка играет с завитой прядью, когда склоняет голову в его сторону, кладет ногу на ногу, улыбается... я тоже не могу сдержать улыбки.

Эдвард в лицах рассказывает о задании. Я пропустила половину, но Наас вкратце делится, что они с Марой искали каких-то али. Вдоль горной трассы, связывающей несколько маленьких городков, часто пропадали люди, и охотники неделю шатались с палаткой по отмеченной искателями местности прежде, чем обнаружили...

— Чувак с лопатой! Роемся себе в метре от обочины, а рядом в прицепе — мусорные мешки. Мара такая: ой, вы не подскажите, как добраться до...ну, то село, как его... ээ, неважно! А он такой: на меня — на нее, снова на меня... и кааак замахнется! Мара Кейтлин устало усмежается. Серьезная, синеглазая, с короткой рваной челкой, она напоминает святую с иконы, случайно попавшую не в то место и даже век. Ее парень, наоборот, идеально вписывается в атмосферу бара: клетчатая рубашка поверх мятой футболки, драные джинсы и воронье гнездо давно нестриженных светлых волос. Странную пару выбрал Наас в помощники.

Вокруг стола собралась приличная толпа, каждая реплика встречается бурей смеха. Когда Эд описывает погоню за маньяком, я тоже хохочу до слез, вместе с присоединившимся к слушателям Каном.

Через полчаса Наас поднимается и говорит:

— Валим. Нам еще с планом на завтра определяться, — подхватывает мои уже заляпаные пивом подшивки правил. — Учеба, экзамен, вот это все.

— Ни хрена себе — сознательный Наас Мерезин! — хмыкают рядом. — Ты свои-то испытания не завалишь? Когда там они? Чисто зайти поржать.

— Через два месяца, — ровно отвечает Наас, пропустив насмешку мимо ушей. Тони и враз посерьезневшая Айяка тоже встают.

— Мы пока посидим, — подмигивает Мара.

— А вы тоже катитесь. Баек больше не будет, — сообщает Эд людям вокруг. — В субботу жду всех страждущих в гости. Улов так себе, поэтому советую приходиться заранее.

— Лучше б ты на духов охотился, а не психов ловил, — замечают сзади.

Кан исчез. Илай Мназон стоит у бара в компании похожего на индейца охотника. Прямо за ними, среди сверкающих рядов бутылок, отмеряют секунды огромные часы. Узорчатые стрелки показывают половину первого. Внутри на циферблате, среди римских чисел, кто-то вывел летящими буквами: Сейчас твое время! Очень надеюсь.

***

На улице люди разошлись. Ветер налетает со всех сторон, рвет одежду, гирлянды над

площадью трясутся в припадке. Между покрывками вертятся листья и бумажный мусор. Шум близкого парка наполняет ночь тревогой и шевелением: будто исполинский монстр встряхивается и разминает лапы, готовясь к охоте.

— Отличная погода для прогулки, — вполголоса комментирует Наас, застегивая кожаную куртку под горло. Длинный хвост живет собственной жизнью, охаживает парня по лицу. Ловлю извивающиеся пряди и заталкиваю за резинку.

— Спасибо, — он поправляет пучок и шмыгает покрасневшим носом. Тони о чем-то договаривается с Айякой. Мы ждем в стороне, чтобы не мешать.

— Ну сколько можно! Задолбали, — рыжеволосый маг сверлит пару взглядом.

— По-моему, они спорят, — Айяка сердито щурится в ответ на Тонины слова.

— Уже на первом свидании? — Наас с интересом вытягивает шею.

— Это не свидание, это... — девушка направляется к нам, и я спешу закрыть рот. Чуть отставший Тони беспомощно разводит руками.

— Что...

— Я пойду с вами, — припечатывает Айяка. Наас сдавленно стонет. — Заткнись. Я не идиотка, и поняла: вы не в общежитие идете. Ты втянул меня, теперь я хочу знать — во что.

— Тебе мало? Хочешь наверняка влипнуть? — рывкает Наас.

— Наас, не здесь, — спокойно говорит Тони. — Пойдемте.

— Но...

— Не время пререкаться, — я мелко дрожу. Шерстяная кофта продувается насквозь. — Чем быстрее мы закончим, тем лучше.

Тони жестом показывает следовать за ним. Ему будто совсем не холодно в рубашке и дугой жилетке.

Сразу за баром — увенчанная колючей проволокой ограда. Калитка отворяется от касания. Я опять съеживаюсь, проходя. Наверное, никогда не смогу преодолевать защитные чары, не впиваясь ногтями в шрам.

Парни зажигают фонарики. Лучи скачут по исполинским стволам и выступающим корням. Дубы. Кладбищенские деревья. Покрытые мхом и лишайниками, с плетьюми сизого плюща. Здесь почти нет ветра, а воздух прелый и тяжелый от влаги: болото близко. Тони первым скользит по едва заметной тропке. Наас идет последним. Айяка держится чуть в стороне.

— Сюда, — вскоре зовет Тони. Два каменных столба накренились навстречу друг другу. Барьер. Дальше во тьме колышутся высокие травы.

— Ворота кладбища.

— Чары засекут нас, — останавливаюсь.

— Они давно не работают, — подает голос девушка. — С тех пор, как Советники Серхи и Чиветель заговорили территорию парка от случайных людей и магических порождений. Для кладбища этого достаточно. Зачем кому-либо

покойники? — последний вопрос звучит не особенно риторически. Наас хмыкает, оценив маневр.

— Наш имеет некоторую ценность, — отвечаю вместо него.

— Эрлах обещал прийти раньше и снять, что найдет, — рыжеволосый маг проходит в условные ворота. — Он лучший по части чар во всем Университете. Ну, после совсем упоротых техников, конечно. И Советника Байры. Думаю, даже главный контур мог бы снять, если б захотел. До сих пор не знаю, какого черта Дани забыл в искателях.

— Чем ты его шантажировал? — я начинаю понимать, почему в Университете Нааса Мерезина задирают и сторонятся: помимо тридцати трех процентов огня и магической нестабильности, он умеет манипулировать людьми.

— Предложил забрать прах. Покойник хоть похоронен по правилам, все равно заложный из-за... короче, оберег из него должен долго работать. Великий маг как- никак, — парень обшаривает лучом фонаря заросли спутанной травы. Ловит метелку и растирает между пальцами. Дубы редуют под напором седых стеблей. В просветах между кронами по штормовому небу бегут тучи. Теперь мы двигаемся цепочкой по сужающейся тропке.

— Ты разве не Эду прах пообещал? — с подозрением интересуется Тони.

— Ну да, — Наас ухмыляется, — Эд рассердится, конечно, но уступит Дани. Я его потом задобрю, он отходчивый.

— Что значит — заложный? И там же целый труп, почему не поделить? — спрашиваю я и получаю возмущенный взгляд от Айяки.

— Заложный значит неупокоенный. Самоубийца или погибший насильственной смертью. Таких обычно хоронили на перекрестках и пустошах. Можно найти в лесу, болоте, свалках, заброшенных местах — если жертвы преступления. Сама понимаешь, как сложно отыскать. Важно, чтоб труп был старым, напитавшим боль. Праха свежих покойников на неделю от силы хватает. Бывают исключения, но нечасто. Поэтому к Эду вечно очередь: у него вроде чуйки на мертвецов. Он и для администрации их ищет. А насчет целого трупа — на обереги только копчик идет, сосредоточие магии. Если б весь скелет, было бы гораздо проще... а вообще, заткнитесь на секунду, — рыжеволосый маг оборачивается, высвечивая дорогу за спиной.

— Что?

— Ничего... показалось, — Наас пристально вглядывается в ночь.

— Разворотить могилу одного из наших ради амулета! — выдыхает девушка.

— Много ты понимаешь с высоты своего второго блока, — огрызается парень. — Тебе-то нечего переживать о тварях.

— Я намерена работать у профессора Хайме.

— Вот когда начнешь, обсудим, кто тут псих. На очередном аукционе у Эда. Seriously, помолчите. Мне кажется, я что-то слышу.

— Ветер.

— Я не удивлюсь, если за нами следят, — говорит Тони. Я закашливаюсь, Наасов луч мечется.

— Тони, твою мать! Ни хрена не смешно!

— Кан. Ему явно не понравилось, что ты полез к Зарин. И после случая с Эрлахом, а потом — с Кайрой и Олафом, и когда ты взорвал бензоколонку...

— Да-да, в курсе. Он подозревает меня во всех смертных грехах и готов глаз не спускать, лишь бы опять не загреметь на ковер к Моне, — раздраженно перебивает друга рыжеволосый маг. — Плюс на Зарин запал.

— Ничего подо...

— Это из-за Энид, не обольщайся, — фыркнув, дергает меня за хвост. — Они опять расстались. В восьмой раз, если я правильно помню. Девушек тут мало, все давно с кем-то мутят. Ну окей, не все, — поправляется Наас после Айинового выразительного взгляда через плечо. — А ты идеальная кандидатура, чтобы заставить Энид ревновать. Симпатичная, новенькая. Маг огня, правда, но все равно — темная лошадка.

— Это многое объясняет, — месяцы с Нининым оберегом показали, что без печати страха я вполне нравлюсь противоположному полу. Но не парням вроде Кана Александера — отчетливо красивым, уверенным в себе.

— Кан предвзят, но его легко понять, — говорит Айяка. — После случая с бензоколонкой, любая выходка в пятом блоке может стоить ему капитанства. Неудивительно, что он предпочитает держать тебя в поле зрения.

— Да отвяжитесь уже. Это было месяц назад, пора бы забыть и двигаться дальше. Дорожка почти исчезла. Тони раздвигает доходящую до груди траву. Мы описываем дугу: обходим ощерившееся колючими сорняками надгробие. Наас тихо спрашивает:

— Ты как себя чувствуешь?

Я прислушиваюсь к ощущениям:

— Нормально. Устала, но сегодня был долгий день.

— Да уж. Может, еще Плутон помогает. Она до какой-то степени манипулирует чарами барьера. Провела же тебя из архива в Заповедник.

— Наверное. Посвети вокруг.

То тут, то там над морем метелок возвышаются покрытые пятнами лишайников скульптуры и массивные силуэты склепов. Я спрашиваю:

— Вы знаете, где искать Тлалока?

Айяка замирает:

— Тлалока?! — я оказываюсь нос к носу с потрясенной девушкой. — Вы...! Нет, вы не можете собираться...!

— Да. Что, наконец пожалела, что пошла? — Наас кладет подбородок мне на плечо и, судя по голосу, наслаждается моментом. Тревожно веет весенним ветром. Айяка задыхается:

— Его дух запирает тварь в Заповеднике! Вы знаете это! Почему именно он?! Ладно она, да и ты, но Тони?! Ты хоть понимаешь, что делаешь?! — теперь ее гнев направлен на зеленоглазого парня. Тот отвечает как само собой разумеющееся:

— Полностью.

— Его тварь, Плутон... — Айяка связывает воедино информацию, интересовавшую нас в архиве. — Ты... ты приняла клятву крови и единства?! — я пячусь, но Наас мешает, обнимает за талию. — Ты...!

— Поверила твари, да, — слова выходят смелее, чем я сама. Но лучше говорить, чем бесконечно ворошить мысли и эмоции в поисках чужого присутствия. Сжимаю кулаки, находя бугор шрама.

— Зачем?! Ты вообще не понимаешь, что такое твари! Они питаются страхом, она должна убивать, чтобы выжить! С ними нельзя договориться! Тлалок, ее создатель, не смог — и как ему помогла клятва?! — крик впивается в виски.

— Айя... — девушка стряхивает руку Тони:

— Она не просто сбежит из Заповедника. Она убьет любого на своем пути, а потом вернется, чтобы отомстить, и приведет других! Даже если мы успеем эвакуировать людей и исследовательский центр — Университет десятилетиями скрывал это место, система порталов построена вокруг него! Все рухнет, на новую привязку понадобятся месяцы! Мы должны немедленно пойти к руководству! Разве не очевидно? Чары Заповедника уже нарушены, но опытные техники сумеют удержать тварь под замком!

— И нам в итоге ничего не будет, — едко вставляет Наас.

— Даже если все твари мира соберутся в стаю, им не пройти сквозь защитный контур

Университета. Его ставили по формулам Мерлина, — говорит Тони. — Барьер оповестит о присутствии тварей, и никто не сунется за ворота без оберега. — А твари никогда, вообще никогда не собираются вместе! — с заметным облегчением заканчивает Наас. — Это против их инстинктов. Плутон просто уйдет. Не думаю, что она хоть на секунду вернется в Университет. Для подпитки ей хватит находить Зарин, когда та будет покидать периметр. Ей важнее свобода и источник силы, чем месть.

— Разве она не всегда будет... — за моей спиной, — со мной?

— Нет, это же клятва. Не слияние, — отмахивается маг. Выдохнув, на секунду прикрываю глаза.

— Просто уйдет?! — шипит Айяка. — Ты сам себя слышишь?! Вы рехнулись! Она... — Я уже снял заклинание с могилы, — вздрагиваю. Лучи фонарей пересекаются на лице мужчины в нескольких метрах от нас. Незнакомец кривится, прикрываясь от жалящего света. — Убрали. И замолчите. Ваши крики разносятся по всему парку.

— Эрлах, — блекло улыбается Наас.

— К руководству никто не пойдет, — он не убеждает — констатирует факт. Айяка обхватывает себя за плечи. Маг шурится. Около тридцати, до странного схож с Наасом: тоже рыжие волосы — только яркие, медные, кончики завиваются от влаги чуть ниже подбородка. Теплая ореховая радужка, но — глубокие тени у тяжелых век, под пушистыми ресницами и на переносице, морщинки в уголках бледных губ.

— Вы пересекли периметр вместе, причем выбрали ближайший к кладбищу выход. Лень было прогуляться до главных ворот? — мужчина выразительно поднимает брови. Наас чертыхается. — Если что-либо случится не по плану, никто не избежит наказания. Поэтому в точности выполняйте мои указания. И ты тоже, Кан. Дерьмо.

Слева шуршит трава. Наас втягивает воздух сквозь зубы, отшатывается, перестав согреть мне спину. Слепляет незваного гостя.

— Даниель... — начинает Кан, но мужчина отворачивается и ныряет в заросли:

— Поможешь с ритуалом.

— Нет, — Эрлах останавливается. Прячет руки в карманы пальто, запрокидывает голову, будто разглядывая небо. Заговаривает на грани слышимости, но, уверена, никто не пропускает ни слова:

— Когда их поймают, новенькую проверят. Обнаружат, что профессор Рабинский подделал отчет. Найдут монету. У Нины такая же, верно? У скольких еще? Ты ведь совсем не к Рабинскому должен был ее вести. Тогда никто не обратил внимания на ошибку, но теперь задумаются.

Пришпиленный лучом света, Кан бессильно сжимает челюсти.

— При чем здесь... я не понимаю, — Айяка шагает вперед. — Рабинский? Нина?... — никто ей не отвечает. Вдохнув, девушка продолжает:

— Когда тварь вырвется на свободу, она сможет перемещаться по всему Университету. Если Зарин еще нет в системе, Плутон пройдет куда угодно. В лаборатории, хранилища, общежития! Убивая, разрушая...

Айяка осекается: Эрлах резко оборачивается.

— Мы все знали, на что шли, когда выбирали магию. Я не могу предсказать, как поступит тварь или каковы рамки клятвы. Но кто бы не встретился у нее на пути, он должен уметь за себя постоять. Это наша работа.

— А ученые? Администрация? Техники, да новички же в конце концов! У многих нет

шансов даже против полтергейста, а ты предлагаешь сразиться с Высшей тварью! — Тони кладет руку ей на плечо.

— Если захочешь, после обсудим моральную сторону вопроса, а сейчас — за мной, — не дожидаясь ничьей реакции, мужчина легко, не потревожив и колоска, исчезает в тенях — словно становится одной из них.

— Пойдем, — просит Тони. Страхнув его прикосновением, девушка подчиняется. Я растираю онемевшие пальцы.

— Почему Эрлах помогает нам? Ему плевать, что мы рискуем чужими жизнями, выпуская тварь? — улучив момент, догоняю Нааса. Мы оставляем тропинку, и теперь спотыкаемся об узлы корней и налетаем на просевшие в мягкую почву надгробия. Парень светит то под ноги, то вперед. Позади с шорохом продирается сквозь траву Кан.

— Дани знает о Плутоне больше нашего. Он вообще все про всех знает и с успехом этим пользуется. Там какие-то свои дела, суть которых мне не особенно понятна. Может, потом расскажет. Сегодня было не до расспросов. Без его помощи мы бы не справились, так что — согласился и отлично.

— Он сильный маг?

— Он потрясающий техник, хоть учился на искателя. Уже на втором году в Университете стал капитаном, и до сих пор держит должность. Разбирается в чарах лучше большинства задротов из четвертого блока, — парень, коротко оглянувшись, шепчет:

— Заметила, его часто зовут вторым именем? Как Советника. Первое отбрасывается во время церемонии назначения. Мы все думаем, что Дани однажды возглавит Совет. И Университет, соответственно. По праву крови: его предки были дракоборцами и традиционно управляли орденом. Таков закон. Если Дани попадет в Совет, то автоматически должен быть признан Главой. Поэтому Гофолия его на дух не выносит. Не вздумай назвать Даниэля Эрлахом перед руководством.

— Сложно попасть в Совет? — о людях, входящих в него, говорят с уважением, если не страхом.

— Почти нереально. Новые Советники назначаются общим голосованием, но в прошлый раз результат явно подтасовали. Цирта ни хрена не должен был победить. Он неплохой парень, но Олаф гораздо лучше — и это не только мое мнение. Дани тогда отсутствовал, иначе выбрали бы его. Мы думали, он погиб.

Не повезло или подставили: поздно вернулся, упустил шанс. Ведь помимо таланта к колдовству и мозгов надо, чтобы кто-то из текущих Советников помер, а живут они долго, — Наас морщится. — Троиим уже за сотку перевалило.

— Значит, скоро место освободится, — негромко комментирует Тони.

— О, замолчите! — стонет Айяка. — Скоро наши места освободятся! Не в последнюю очередь, благодаря Эрлаху!

— Не драматизируй, — Эрлах исчез из поля зрения. Лучи беспомощно дырявят темноту. Но вскоре трава обрывается, и мы выпадаем на поляну — идеальный круг поникших стеблей. Даниэль присел у памятника, ровно в центре, на проплешине пустой земли. Сброшенный плащ наполовину скрывает камень с именем Советника. Мужчина остался в коричневой, в тон брюкам, жилетке и белоснежной рубашке с закатанными рукавами. Ловко орудует чем-то вроде шила, вычерчивая в пыли сложную систему знаков.

— Сам ритуал простой, — словно продолжая начатый ранее разговор, говорит Даниэль. — Проблемы начинаются, если дух не хочет уходить, а Советник не захочет.

Основная наша задача — заставить его постоять спокойно, пока Зарин проведет изгнание. Единственное незавершенное дело Тлалока — тварь, которая отныне стала твоей, — взгляд карих глаз обжигает. — Он откажется принимать это, но ты заставишь.

У меня теплеют щеки:

— Понимаю. Я уже участвовала в подобном... только те духи не сопротивлялись, — почти ощущаю горячую кровь, заливающую ладони, скользкую рукоять ножа — и мягкое прикосновение призраков.

— Мы запрем его в жесткий барьер, чтобы не рыпался, — говорит Эдвард Анна, выходя к могиле с противоположной стороны круга. Следом выбирается Мара. — Главное — удержать, иначе свалит. Технически, духи привязаны к останкам или особым местам, но призрак Советника может оказаться очень сильным. Не хватает еще, чтобы принялся шастать по всему парку.

— В Университет ему не попасть, уже неплохо, — пожимает плечами Наас.

— Если сбежит — хрен поймает. Гарантирую, — Эд достает из рюкзака мешочки вроде тех, что были у Нины.

— Верно. Поэтому мы должны сосредоточиться на поддержании защитных чар, — Даниель смотрит на Нининого брата. — Кан, пожалуйста, наколдуй стазис.

Все взгляды обращаются на капитана пятого блока. Только Наас отворачивается, внезапно заинтересовавшись прогибающейся под ветром травой. Эдвард подкидывает узелок — сухой шелест сопровождает каждый бросок. Кан скрещивает руки на груди:

— Зачем тебе это?

— Разве ты сам не нарушил правила, помогая Зарин?

— Она спасла Нину. Я вернул долг. И никто не пострадал.

— Вот теперь пострадает. Отведи ты огненного мага в администрацию, мы бы здесь не стояли.

— Не вали это на меня! — вспыхивает парень. — Отвечай! За каким чертом тебе подрывать безопасность Университета?!

Даниель Эрлах криво усмехается. Выдыхает:

— Висия.

— Что? При чем здесь...

— Висия, — уже громче повторяет мужчина. — Мантикора. Янни. Илай. Наас. Нина Зарин. И еще десятки имен, — причин, чтобы попытаться сломать систему. Эта тварь особенная. Она даст нам ответы. Возможности. Свободу. Или тебе нравится нынешнее положение дел в Университете?

— Нет, но...

— Я уже говорил, что у тебя нет выбора?

Кан кривится. Помедлив, шумно выдыхает. Вздергивает подбородок, вскидывает руку, сжимает в кулак — я вздрагиваю. Эрлах склоняет голову набок, позволяя волосам упасть волной и наполовину скрыть лицо. Кан зло шурится, пока вокруг из воздуха выступают капельки — переливающаяся отражениями завеса. По щелчку пальцев собирается в знак. Эд поднимает бровь, в последний раз поймав шуршащий сверток:

— Неплохо.

Даниель ничего не говорит. Накрывает ладонью свой рисунок. Под ногами стонет земля, в глубине, у камня с именем Советника, что-то гулко лопаются. Почва проседает, а потом вспучивается, пыль закручивается столбом. Я зажмуриваюсь, а когда пылинки

перестают царапать кожу, обнаруживаю на месте захоронения прямоугольную дыру. За накренившейся плитой вырос курган.

Наас подходит к краю ямы. Луч выхватывает обломки гроба, разметавшийся на сгнившей шкуре скелет. Зажигает искры в массивных перстнях на тонких костях. Поверх сломанных ребер масляно блестит цепь с крестом — та, с портрета.

Эдвард и Мара синхронно двигаются в обход ямы, раскладывая мешочки и рассыпая порошок. За девушкой протягиваются полупрозрачные нити. Как у Нины. Значит, тоже маг воздуха и тоже прошла инициацию. Эрлах, очевидно, управляет землей. Неужели это счастье оголило кости Тлалока?

Магия — странная штука.

Тони и Даниель чуть в стороне чертят усложняющийся к центру, похожий на огромный глаз рисунок. Неразборчивые слова хором — и неровный каменистый узор, меняющийся под порывами ветра, поднимается в воздух. Око повисает ровно над могилой.

Обхватываю себя руками, неловко переступая на месте.

— Зарин, иди сюда, — зовет Тони. — Наас! Ты тоже.

Эрлах оборачивается. Вблизи он выглядит и до уязвимости открытым, и неуловимо тяжелым, монолитным. Маг земли говорит:

— Тлалок и Плутон связаны с помощью тьмы, поэтому нужна твоя сила, чтобы вскрыть замок. Чары Заповедника дали трещину, когда ты приняла клятву, и разлом растет, поэтому будет несложно: мы просто подтолкнем, и система рухнет. Я хочу, чтобы ты закрыла глаза и вспомнила момент, когда тебе было до смерти страшно. Попытайся воссоздать это острое чувство, пережить заново. Не торопись. Когда будешь готова — коснись здесь. Вы оба, чтобы наверняка.

Здесь — на окраине плетения, где обрывки линий трясутся, готовые осыпаться. Наас нервно убирает волосы за уши:

— Пока Кан отдувается, есть время сконцентрироваться. Как только его силы кончатся, дух вылезет. Будет очередь нашего заклинания, — его черты заострились, будто от болезни. — Ребята подстрахуют, все должно пройти нормально. Для тьмы достаточно первого импульса. Если что, я помогу, — становится рядом, плечо к плечу. Тепло его тела согревает даже через слои одежды. — Держи нож. Ты знаешь, что делать, — а сам, кажется, знает все на свете. Когда успел выведать подробности встречи с Ниной?

— А если у меня не получится?

— Получится, — отвечает Эрлах. Невесело усмехается и кивает на мою сжатую в кулак руку. — Я знал мага вроде тебя. Скольких ты убила? Неужели среди них не найдется достаточно страшного воспоминания?

Отступаю:

— О чем ты?

— Зарин? — Наас подходит ближе.

— Можешь солгать мне сейчас, — мужчина касается нити заклинания. — Сказать, что никогда не отнимала ничьей жизни. Или — случайно. А может, просто защищалась... Мы все здесь говорили подобное. Чаще всего — самим себе. Верно, Наас?

— Перестань, — зло выдыхает рыжеволосый маг. Налетевший ветер рвет тонкую вязь колдовства. Я прикусываю щеку изнутри. Даниель не может знать.

Почему он говорит так, словно знает?

Медный вкус отрезвляет. По щеке чиркает подхваченный ураганом лист. Эрлах

продолжает, будто не замечает всколыхнувшейся стихии:

— Только так магия не работает. Сила начинается с правды. Висия не понял этого, и теперь он мертв. Наас отрицает, и — ты ужасный маг.

Наас скрещивает руки на груди:

— Иди к черту.

Эрлах качает головой:

— Видишь: отрицает. Будь честна, когда дотронешься до знака. Иначе весь пережитый тобой страх ничего не стоит.

Мужчина отходит к окружившим могилу магам. Кан посерел, его запутавшиеся в чарах пальцы медленно соскальзывают вниз. На лбу блестит испарина — или осела магия.

— Зарин... — закрываю глаза, отстраняя Нааса. Голос дрожит, когда говорю:

— Оставь меня.

Страх приходит, когда рядом никого.

Перебираю воспоминания — семь, их было семеро, Эрлах, — но они дробятся и мешаются, и не разобрать, где какой. Даже лица сливаются в одно, сначала перекошенное ужасом, а через секунду — пустое. Страх нет. Лишь усталость и отчаянное желание, чтобы все закончилось.

Озноб пронзает позвоночник иглами.

Был и восьмой. После крыши и Лизы, перед теми семью.

Шрам наливается теплом:

— Вот оно.

Я задержалась в школе после продленки. Подняла голову от учебника, а в классе пусто. Ледяной свет потолочных панелей пульсировал на изнанке век, делал руки синюшными, с фиолетовыми реками вен в суставах. На часах было начало двенадцатого. Я глядела на равнодушные стрелки, снова и снова считала время, пытаюсь сложить в другие цифры. Одноклассники давно ушли. Учитель тоже. Сторож гремел ключами в темном коридоре, заглянул ко мне — в единственный освещенный класс:

— Ты им звонила?

— Мама уехала. У папы занято, — мы жили почти за городом. Последний автобус заканчивал ходить в десять. Папа должен был забрать меня после работы. Он забыл.

Или помнил.

Сторож почесал затылок, пожал плечами:

— В этот раз что-то совсем припозднились. Ну... если хочешь... пойдём, чаю сделаю, — предложил и облегченно ретировался, когда я ответила:

— Спасибо, я здесь посижу, — мне было всего девять, но я уже знала, когда они надеялись услышать отказ.

До смерти хотелось спать, но колотящееся сердце разгоняло усталость. За стеклами совсем рядом плескалась тьма — больше месяца неотрывно следовала по пятам. Я отличала ее мшистый запах среди прочих. Те насыщались и уходили, но эта будто жаждала выпить меня до дна.

— Оставь меня в покое, — прошептала я, царапая шрам, запястье. Боль отвлекала. — Возьми, что хочешь, только уходи.

Я набрала папин номер. Сторож неплотно прикрыл створку, черная щель дышала сквозняком. Я подошла, чтобы захлопнуть. Впереди ключи звенели в такт удаляющимся шагам. Я потянула ручку на себя, когда звук взорвался. Что-то глухо ударилось о стену,

взвизгнул паркет. Я зажала рот. Из телефона рвались короткие гудки.

За тонкой деревянной дверью кто-то засипел. Поскребся и нежно пропел:

— Сссспасссибоо.

Вцепляюсь в закливание. В памяти — рассвет. Школьный коридор. Низкое, еще синее небо в окнах. Я переступаю через скрюченные ноги, стараясь не испачкать ботинки в крови. Брызги покрывают стены и потолок, на полу разводы отмечают последние конвульсивные движения. Тошнота подкатывает к горлу, колени дрожат. Нужно уйти, пока не пришли первые люди.

Крохкий знак под пальцами натягивается, сплетается теснее, пульсирует в такт сердцебиению. Рядом выдыхает свой страх Наас, соединяя линии в нерушимый каркас.

В центре закливания открывается глаз.

— Отпускай, я удержу. Режь! — сдавленно говорит парень. Зажмуриваюсь до танцующих пятен и падаю на колени, выдергивая кисть. Режу ладонь по старой линии. Выходит только царапина. Сжимаю зубы и втыкаю лезвие, выкручиваю, пока не становится жарко и липко, как летним днем, когда вместо ножа был осколок.

Вокруг проносятся золотые нити и звучит на разный лад напев молитвы. Кружится голова: прошлое и настоящее меняются местами. На грани слышимости всхлип давнего сторожа путается с криком мертвого Советника.

Он не показывается. Я подползаю к краю могилы, нарушая цепь волшебных узелков и закливание Мары — узор, хрустнув, рвется и скукоживается. Воздух низко гудит. Кто-то вскрикивает. Кровь капает в яму, срываясь с кончиков пальцев. Скелет внизу, залитый золотом колдовства, изменил положение: теперь он кутается в истлевшие меха. И говорит со мной — шорохом в мышцах, болью в суставах. Чужой ужас сковывает тело.

— Она. Моя, — не вычлняя значений, отвечаю на поток старинной речи, бегущей по венам. — Моя. Умри.

Умри. Десятым.

Голос, теряя разом все слова, захлебывается, кончается.

Все кончается. Только ветер по-прежнему закручивается тугими струями, раздувая землю, бросая пригоршнями в лицо.

Сзади падает Наас. Я медленно соскальзываю в яму, в объятья вновь распавшегося на части тела. Полыхают белым чары — мир стирается. Отключаясь, я чувствую рывок, боль в лодыжке. Запах влажной земли. Тепло зарождающегося пламени.

***

Кислый вкус во рту. Болит нога. В груди давит, горло раздирает кашель. Звон в голове заглушает прочие звуки. Мара сует в руки бутылку. Вода. Ледяная и сладкая — выпиваю половину, остальное отдаю бледному как мел Наасу. Сажусь и осматриваюсь. В яме мечется пламя. Переливается через край, стелется по земле, согревая дыханием. Над нами клубятся облака и воркует гром. За деревьями тучи теряются в багряном зареве: там Университет, там заходится утробным воем сирена.

— Нужно возвращаться. Вы пятеро — через ворота на другой стороне, — Эрлах вертит в руках шило, которым чертил чары. — Скажете, что ходили прогуляться в парк. Эдвард, Мара, переночуйте в городе.

— А ты что будешь делать? — холодно осведомляется Кан.

— Я не покидал территории Университета, — Даниель щурится. Пушистые ресницы бросают вверх длинные тени.

— Как...? — вспыхивает Наас, но Эрлах обрывает, подняв узкую ладонь.

— Ты испортил кости, обойдешься.

— Это Зарин испортила, — бурчит рыжеволосый маг, но отходит. Я моргаю — огонь гаснет.

— Я не хотела, — ладонь чешется. Порез густо замазан чем-то прозрачным, склеившим края. Осторожно сжимаю кулак — но боль не приходит, лишь зуд становится глубже. В затылке растекается слабость. Оборачиваюсь.

Она почти сливается с темнотой. Выдают глаза — белые искры повторяют рисунок из книги. Молния раскалывает небо пополам, обрисовывает тонкие рога и чешую на лапах, серебро приоткрытой пасти, пятна на груди.

Держась за напрягшегося Нааса, поднимаюсь. На твари перекрещиваются лучи. То, что я приняла за рисунок шерсти, блестит алой влагой. Кровь. Плутон улыбается измазанными зубами. Нет.

— Спасибо, — надтреснутый голос. Зажимаю уши. Словно мне опять девять, и я только что впервые разрешила тьме убивать. Повторяет:

— Спасибо, — в безжизненных интонациях нет и следа бархата, каким она шептала в Заповеднике. Тварь не выглядит счастливой или свободной. Очень мертвой — да. Так или иначе, она потеряла хозяина.

— Боже, — движение за спиной заставляет отвлечься. Маги направляют на создание пистолеты. Неужели это помо... пули, особый сплав, верно. Но... Я смотрю на них, настороженных, готовых защищаться, когда тварь шелестит в третий раз, почти уверенно:

— Спасибо.

— Твое обещание, — я всегда буду за твоей спиной. — Что оно значит?

Но ее нет. Когда я оборачиваюсь, ее нет.

Первым отмирает Эрлах:

— Идите. Сейчас, — мужчина прячет оружие и застывает, прислушиваясь. Полы старомодного плаща взлетают от ветра. Хромая, я спешу за остальными, успеваю заметить, как земля и камешки устремляются обратно в яму, поднимаются примятые травы. Никто не сможет сказать, что у Тлалока были гости. Включая самого Советника.

Эдвард и Мара теряются мгновенно. Мы бежим сквозь пикирующие листья, истеричный шелест. Треск крыльев, бойкое чириканье. Странно, птицы — ночью? В кронах тяжело барабнят капли. Вспышки молний освещают дорогу лучше фонарей, а гром рокочет прямо у верхушек деревьев.

— Быстрее! — рывкает Кан и исчезает впереди. Я ускоряюсь, хоть лодыжка, за которую меня выдернули из могилы, протестующе болит.

— Во время... общей тревоги, — кричит Наас на ходу, пока я ищу тварь в каждой тени, — вс... должны собраться... возле блоков! Капитаны! Узнают ситуацию! Отдают... приказы! — ясно. Кан обязан одним из первых явиться на сигнал сирены. Так и произошло... вчера? Позавчера? Господи...

Айяка падает, споткнувшись о выступающие корни. Платье рвется, открывая залитое кровью колено. Тони подхватывает девушку на руки: нельзя сбавлять скорость. Напролом через кусты, прикрывая лицо от хлестких ветвей. К калитке. Чары кусают за ухом, пронзают до самых пяток электрическим разрядом.

— Ненавижу, — растирая метку, выдыхает Наас.

Разбитые улицы Университета залиты рыжим сиянием. Полыхают окна, прожектора на

крышах — ослепленная, я не в силах поднять глаза. Редящий дождь сверкает бриллиантами. Под ногами прыгают трещины и ямы, мышцы и легкие горят от усталости. Моя тень то вытягивается, то сжимается, покорная частоколу огней. Скачком улетает вперед, неуловимо обрастая шерстью, мелькнув тонкими птичьими конечностями, снова становится мной. Сжимаю зубы, чтобы не закричать.

У общежития пятого блока ни души.

— Бар! — командует Тони.

Под бьющимися на ветру гирляндами собралась внушительная толпа. Многие кутаются в куртки поверх домашней одежды. Среди них охотники в форме кажутся волками в стаде овец. Даже те, что зябко переступают на месте, вцепившись в стаканчики с кофе. Железные бочки, служащие мусорниками, заполнены с верхом, смятые картонки перекатываются по газону.

Тони опускает Айяку на влажную крышу, а Наас ловит за рукав парня с нашивкой Д. на плече. Тот, облившись чаем, сообщает, что Высшая тварь сбежала из Заповедника, убив двоих охранников:

— Но не из наших, а этих... ну, которые при администрации тусуют. Я их не знаю, — охотник рассеянно трогает пятно на кителе. — Одного встречал, хамло редкостное... был. Невежливо, о мертвом-то, но все равно мурак. Второго сходу не опознать. Видели бы вы, что она сделала с его лицом.

— Почему вы здесь прохлаждаетесь? — из толпы выныривает Кан. Парень вытягивается в струнку:

— Так нас сменили. Сначала прочесывали территорию, пока имбецилы из технической службы не разродились, что тварь покинула периметр и обратно не возвращалась. Теперь ребята ищут ее по окрестностям, но понятно, что она давно свалила к хренам. Я бы так и сделал, — широко зевнув, доверительно сообщает он. Трет глаза и спрашивает:

— Как это вы все пропустили?

— Гуляли, — говорит Наас и кивает на высокие белые окна цеха напротив. — Круто выглядит! Я, честно говоря, думал, что ни черта давно не работает.

— Ага... — соглашается охотник. Кан морщится и уходит. Его подчиненный продолжает делиться новостями:

— Советники едут, должны быть к рассвету. Моня носится, орет на всех без разбору — ну чистый псих. Толку от него сейчас... — парень заторможено осматривается, проверяя, нет ли поблизости Адамона. — Пойду к нашим. Вы тоже шли бы, а то...

— Через минуту, — отсекает Тони, помогая Айяке перевязать колено обрывком от подола. Когда мы остаемся наедине, негромко добавляет:

— Вы будьте вместе. Я передам кому-нибудь из второго, что ты здесь.

Бледная Айяка улыбается бескровными губами:

— Возвращайся скорее.

— Ты молодец, — обдавая горячим дыханием, сообщает на ухо Наас. Обхватываю себя руками: тепло, согревшее мышцы во время бега, быстро улетучивается, выдуваемое сквозняком.

— Нет, — из-за меня погибли люди.

— Да, — возражает прежде, чем раствориться в толпе.

После ухода парней я отправляюсь за кофе. Лучше, чем неловко молчать. Я отчетливо не нравлюсь Айяке. Ничего: наверняка уже завтра нам не придется общаться.

Вручив девушке обжигающий стаканчик, хромаю в сторону, вглядываясь в незнакомые лица. Дождь кончается. Унесенные стремительным бегом облаков, вспышки молний мерцают на линии горизонта: гроза уходит к городу. Подтягиваются охотники, рыскавшие по парку, угрюмые и встрепанные. Набиваются в бар и возвращаются с бутербродами. Занятые едой, неохотно отвечают на вопросы любопытных. Кто-то поджигает мусор в железных бочках. Черный едкий дым вызывает бурю возмущенных возгласов, но возле чадающих мусорников быстро собираются самые замерзшие и небрезгливые.

— Зайти взять одежду нельзя? — без особой надежды спрашиваю Айяку.

— Нет, — она кутается в тонкое пальто. — Пока все не проверят, запрещено расходиться. И магию использовать тоже.

Кивнув, я снова вливаюсь в толпу, уходя дальше от девушки. Слушая разговоры: — Ничего не нашли.

— И на болотах были... да, и там тоже.

— Даже на кладбище.

— Ничего.

— Пусто.

— Отвалите.

— Заколебал. Дай поесть.

Замотанный с головой в полосатый плед мужчина говорит, что последний побег в стенах Университета случился более двухсот лет назад:

— С тех пор систему безопасности сильно усовершенствовали. Особенно мощную защиту поставили как раз в Заповеднике. Я к тому, что если уж ее взломали, то как мы можем оставаться в общежитии? — его собеседники согласно ропщут.

— А деваться-то некуда, — замечают в ответ.

Отвлечшись, сталкиваюсь с кем-то в форме охотника. Отшатываюсь, но парень хватает за локоть и притягивает ближе. Пронзительно алые, пульсирующие темнотой глаза. Илай. Бледный до синевы, с лиловой сеткой лопнувших сосудов и горестными морщинками у тонкого носа, но по-прежнему жаркий и странно зимний одновременно.

— Ты, — впивается зубами в нижнюю губу. Сплошная рана, хуже, чем... пару часов назад? Небо только начинает сереть перед рассветом, а мне кажется, будто со встречи в баре прошло несколько недель.

Слизывает выступившие бисеринки крови. Каркает:

— Ты. Она с тобой.

— Кто? — тварь. Илай глухо смеется, походя на безумца. Клацает зубами, выдыхая: — Скоро... придут.

Его взгляд теряет фокус, плывет. Огненный маг открывает рот, но не произносит ни звука. Качнувшись, рассеянно трет губы — пачкает красным подбородок, — и просто уходит. Будто забыл, что хотел сказать.

Мне снова холодно. А на секунду стало так...

С ним что-то случилось. Напугавшее до смерти, сломавшее.

Ритуал.

Лихорадочно нащупываю в кармане Валентинову монетку. За ним приходили. А теперь придут за мной.

Сочный дождливый воздух набивается в ноздри. Зажмуриваюсь, выискиваю отголосок жизни в своей тени, но она безразлично плоская.

— Эй, — Наас. — Пойдем. Я везде тебя ищу.

У крыльца бара беснуется багровый от злости Адамон А. Влодек. Суть его истерики я упускаю, высматривая среди толпы белую ершистую макушку. Потом Моня куда-то девается. Тони сидит с Айякой, укрывая девушку своей курткой. Наас повторяет слова других охотников — нигде, ничего, ни следа. Через полчаса все разом начинают говорить, что можно расходиться.

— Наконец-то, — в комнате рыжеволосый маг, едва скинув ботинки, залезает на второй ярус и прячется в кокон из одеяла. Я следую его примеру. Успеваю услышать, как Айяка спрашивает, не вернется ли хозяин пустующей кровати, а потом проваливаюсь в сон без сновидений.

За парком встает солнце. Бледный диск плавит верхушки деревьев. Через открытую форточку доносится чириканье воробьев. Откидываю тяжелое одеяло. Голова кажется набитой ватой, в теле поселилась липкая слабость. Не сразу понимаю, где нахожусь и что меня разбудило. Напротив садится на постели Тони. На его щеке отпечатались складки подушки.

Стук.

Наверху возится Наас, спускает ноги и замирает.

— Не открывай, — шепчу, когда маг соскальзывает вниз.

— Они уже знают, что мы внутри. Метки, — тоже шепотом отвечает он, нервно убирая спутанные волосы за уши. Проверяю карман. Монета и леденец на месте. Снова стучат. Требовательно, нетерпеливо. Наас оглядывается, ладонь на дверной ручке.

— Давай, — Тони поднимается. Отстраненно отмечаю, что у него хватило сил вчера переодеться в серую футболку и мягкие спортивные штаны. Айяка спит — только витые пряди в беспорядке выглядывают из-под одеяла. Платье с рваным подолом висит на спинке стула.

Охотников двое. Плохо.

Один — сопровождение. Двое — охрана.

— Зарин Д. Аваддон вызывают в администрацию, — говорит высокий тощий парень в зеленой кепке — до крайности нелепой в сочетании с черной формой.

— Зачем? — рыжеволосый маг не отпускает дверь, мешая зайти в комнату.

— Приказ. Пропусти.

— Чей приказ? Она теперь в нашем блоке, Кан разрешил? — спрашивает Тони.

— Его уведомят. Приказ Максимилиана А. Одви, — серый человек. Где он, там и Гофолия, и Хайме. Илай был прав: настал мой черед. Натягиваю ботинки. Наклоняюсь за кофтой на полу, судорожно ловлю зазвеневшие звезды: в звуках чудится отголосок нечеловеческого смеха, расколовшего камеру в Заповеднике на тысячи кусочков.

— Мы с вами, — Тони трогает Айяку за плечо.

— Еще чего. Пошли, — высокий теряет терпение и хватает меня за руку. Обернувшись, говорю одними губами:

— Кан, — если у него есть власть остановить это.

Наас хмурится до глубоких изломов между бровей, но кивает.

Шагая на негнущихся ногах между конвоирами, я терзаю ладонь, прослеживая новые изгибы старого рубца. Зачем я нужна им? Из-за магии огня? Или кто-то узнал, что я говорила с тварью перед побегом? Мимо с оглушительным топотом пролетают Тони и Наас. Рыжеволосый маг до трещины в стекле хлопает дверью предбанника.

— Идиоты, — хмыкает второй охотник — с широким лицом и свернутым носом.

Я будто попала в дурной сон. Пустые и еще законсервированные оранжевым светом улицы. На проводах, карнизах и ветвях молчаливо теснятся птицы. Дыхание клубится в воздухе, а под подошвами ботинок умирает изморозь. Оглядываюсь на грязные следы, на пернатых надзирателей, и чувствую, как в бок толкается дуло пистолета.

— Быстрее, — кривоносый низко наклоняет голову, вроде готовясь к атаке. Это всего лишь воробьи, чего ты боишься? Неудачно ступив на поврежденную ночью ногу, сбиваюсь с

шага. Парень в дурацкой кепке подхватывает под локоть и тащит к ближайшему входу.

— Через техников пройдем, — бросает напарнику. Тот отстает, прикрывая тыл. Я не сдерживаюсь и начинаю смеяться. Нелепо — громила против крохотных вертких пташек! Хохочу, спотыкаюсь, картинка расплывается от слез.

Прихожу в себя от пощечины, в коробке стерильных стен административного комплекса.

— Сама дойдешь? — с ужасом и угрозой спрашивает охотник.

— Да, — скалюсь, проглатывая горькое послевкусие истерики.

Холодные лабиринты, внезапно многолюдные. Перед нами расступаются. Спускаемся ниже, где черный камень с узлами вплавленных чар и одинаково закрытые железные двери.

Я всегда буду за твоей спиной. Что это вообще значит? Как я могла согласиться?! Каждые двадцать метров — решетки. Лязгают сами по себе. Если я попытаюсь бежать, откроются ли створки? Повисаю кулем на руках конвоиров. Вдруг повезет усыпить их бдительность, и тогда...

Я не знаю, что тогда. Остается лишь тянуть время.

Двойные двери. Конференц-зал — сообщает табличка. Охотник в кепке распахивает створки:

— Двигай.

Я задерживаюсь на пороге на несколько бесконечных мгновений прежде, чем могу сделать шаг вперед.

— Добрый день, Зарин. Проходите, прошу вас, — серый человек скукожился с краю длинного прозрачного стола. Многочисленные стулья пустуют. Вместо дальней стены — занавешенное стекло с пунктиром двери. На угольных стенах картины в три ряда. Массивные золотые рамы и небрежные зарисовки на ветхой бумаге не подходят друг другу, а интерьеру и подавно.

Максимилиан тоже кажется неуместным. Сидит, неловко скрестив длинные руки и ноги. Можно подумать, я его вызвала на рассвете, а не наоборот. Сегодня мужчина не совсем бесцветен: из-под задравшейся штанины мышинных джинсов выглядывают растянутые синие носки. Костистое лицо ничего не выражает:

— Пожалуйста, садитесь, — дергается, отодвигая соседний стул. Слишком близко. Приходится вжиматься в спинку, чтобы не касаться его острых коленей. Только теперь замечаю, что за занавесками двигаются силуэты.

Человеческие.

Люди страшнее всего — сказала Нина.

Что она делает сейчас? Что бы сейчас делала я, если бы не прождала ее целое бесконечное лето?

Шарахалась бы от каждой тени. Те, за тяжелой тканью, не отпускают моего взгляда. Криво улыбаюсь им и Максимилиану: видимо, от судьбы не убежишь.

— Вы слышали про побег из Заповедника? — мужчина подается вперед, барабанит по столу. Я смотрю на узловатые пальцы. Дробный ритм обрывается. Серый человек запикивает кисти в карманы штанов, от чего его поза становится совсем нелепой.

— Да, — будто такое можно пропустить.

— Кхм, так вот... Зарин, — трясет головой. — Нам необходимо поймать сбежавшую тварь. Она разумна. Даже слишком. Велика вероятность, что вернется, чтобы... Отомстить — повисает в воздухе. Максимилиан широко ухмыляется:

— Мы не хотим оказаться застигнутыми врасплох. Меня попросили привести вас, чтобы запустить поисковое заклинание. Другие маги огня в данный момент не в состоянии нам помочь, — кровавый росчерк на подбородке Илая. Рваные слова предупреждения. Не в состоянии — правильное, округлое выражение, а Максимилиан хитрее, чем говорит его тело.

— Знаю. Я видела Илая.

— Илай Мназон, конечно, — мужчина откидывается в кресле, вцепившись в подлокотники. — Сильный маг, но с очевидными проблемами, — с короткой улыбкой крутит пальцем у виска. — Как у всех, кто ступил на Путь левой руки. Иногда лучше, иногда хуже... сегодня довольно плохо, поэтому я предложил вас. Профессор Хайме согласился попробовать. Других вариантов в любом случае нет. Ученые заканчивают подготовку вон там, вы уже обратили внимание.

Он наблюдал за мной.

— Мне нужно ваше согласие и содействие, — резко встает.

— А если я не соглашусь? — не двигаюсь. Не верю, что Илай всегда был таким. Не верю, что он захотел таким стать.

Максимилиан отвечает фигурам в конце зала:

— Мы говорим о безопасности Университета и магии страха, Зарин. Страх можно вызвать... внешними условиями. Но нам всем будет проще, если вы станете сотрудничать, — мужчина широкими шагами направляется к двери в занавешенной стене.

Со вздохом разжимаю ладонь. Поверх шрама заполняются красным следы от ногтей. Монета. У меня еще есть монета.

Рано? Или пора?

Что говорил Валентин? В голове — звенящая пустота. Обрывки чужих слов мешаются образуя новые смыслы. На негнущихся ногах пересекаю зал вслед за Максимилианом.

За шершавой тканью самая белая комната в мире. Потолок и стены сияют собственным светом, мягким, будто проникающим под кожу. Стоит сделать шаг через порог — и моя тень исчезает. Рождающимся здесь тварям некуда прятаться. Прячу руки в карманы, горблюсь, выпуская наружу смятение. Сжимаю стремительно нагревающуюся монету, глубоко вгоняю острый край в палец. Боль и жжение растекаются до локтя, сменяются онемением. Волна дрожи. Жара. Слабости. Пустоты. Выпрямляюсь, расслабляю плечи. Химическая истоме ползет по венам. Давлю непрощенную улыбку и текучесть в движениях. Рассматриваю большие мониторы с дремлющими графиками и шкалами, заменяющие ученым окна. Деловитых людей в белых халатах, нарисованный черной жижей знак на полу. Опускаю ресницы и вижу иное: лицо сторожа. Голова смята с боков, где вошли зубы, черты вспухли, иссеклись лопнувшими сосудами. Щеки бугрятся фиолетовым от разложения и сломанных костей. На заляпанном буром бейдже надпись: Марчел. Вот, откуда пришло имя, которое я вписала в Книгу. Произношу одними губами, впервые:

— Он умер из-за меня. Я сама сказала — делай, что хочешь, только уйди.

Пульс остается ровным.

— Я убила его.

Ничего.

— Я убила двоих сегодня.

Плевать.

Знак плотно окружают охотники — в несколько рядов, не сосчитать. Суэта разбивается об их ровный строй. У входа сидят на каталке двое парней с синими нашивками на рукавах. М — медики. Значит, мне может стать плохо. Хорошо, если сразу. До. Ужасно, если каталка заготовлена на потом: по бокам свисают ремни. Нахожу Рамона Хайме. Мужчина разговаривает с Максимилианом, указывает на символ в переплетении влажно блестящих линий. Подойдя ближе, останавливаюсь, почти касаясь носками ботинок подсыхающих кусков плоти. Запах... моча, лекарства, кровь, дерьмо. Въедливой нитью пробивается гниль.

— Чем нарисовано заклинание? — спрашиваю, не отрывая глаз от мяса в белых точках осколков.

Хайме кидает:

— Твари. Низшие, разумеется.

— Много же их понадобилось, — узор расползся метров на пятнадцать. Вычурный, со сгустками, перьями, шерстью. Эти кричали под чехлами в клетках?

— Иногда нужно чем-то жертвовать, не так ли? — говорит кто-то. Я вижу только расчлененную тьму под ногами. — Некоторые исследования придется отложить, пока не достанем новые образцы, но безопасность превыше всего.

Нет. Безопасность не при чем. Просто Плутон ценнее других.

— Давайте начинать. Возьмите и встаньте туда, — опять нож. Туда — кольцо почти в центре. Не поднимая головы, медленно подчиняюсь. Их лица не станут последним, что я увижу. Лучше уж кровь. Честнее.

— Боюсь, будет немного больно, — безразличный голос в спину. — Необходимо порезать руку или даже обе, чтобы заполнить кровью пробел в рисунке. Мы уберем боль и следы, когда ритуал завершится.

С легкостью провожу по середине рубца, вспарывая наново края прошедшей ночи. Острые входит глубоко, пусть не глубже начавшего магию осколочка, но я ощущаю лишь прохладу открытой раны и давление, когда лезвие царапает кости. — Замечательно. Дальше...

Интересно, как бы зазвучал Рамон Хайме, если бы знал: Плутону не нужна тень, чтобы прийти сюда. Только я.

— Подождите! — хлопает дверь. Кан. Наас, Тони и зачем-то Айяка. Доставшие пистолеты охранники. Долговязый парень сдвинул кепку далеко на затылок и выглядит совсем мальчишкой.

Он и есть...

— Да? — Максимилиан скрещивает руки на груди.

— Прошу прощения, сэр. Могу я переговорить с вами до начала ритуала? — Кан покраснелся от бега. Красивый. Такому легко поверить. Отстраненно разглядываю людей, пришедших мне на помощь. Зачем? Никто ведь никогда не приходил.

Но Наас виноват. Тони — беспокоится о нем. Айяка беспокоится о Тони. Кана, наверное, заставили. Шантажировали Нининым секретом? Как все забавно завязано.

— Говори, — капли с ладони разбиваются о светящийся пол в сердце чар. Лужица неестественно горит алым. Брызги, попадающие на черное, оборачиваются крохотными искорками, поджигая облепившие смоляное месиво шерстинки. Я не слышу, что говорит Кан. В венах пульсирует наркотик и — магия. Сжимаю кулак, заставляя кровь капать часто-часто, прямо на проволочный клок шерсти. Вспыхивает пламя. Узор вокруг начинает обретать смысл. Я понимаю, чувствую: — Плутон.

Рисунок должен привести к ней. Нет... притащить, ее — сюда, в капкан из искусственного света и охотников, которые уже вскидывают оружие.

— Тварь — клятва в моей крови, — это ее шерсть, ее плоть вспухает огненными языками. Волшебство прокладывает путь от мертвого к живому, само заклинание — ось, соединяющая полюса. Портал прощьет мир между нами насквозь.

Весь огромный, сложный мир, где не счесть чудовищ, и я — одно из них.

Кто-то кричит, когда линии приходят в движение. Экраны на стенах взрываются графиками, истошно пищат компьютеры. Охотники шарахаются назад, маги, наоборот, бросаются ко мне. Слишком медленно — слишком далеко. Я облизываю пересохшие губы, собираясь сказать, что все в порядке, все хорошо...

Но Тони и Кан уже ступили на знак, руки Нааса на моих плечах — тянут в сторону. Я хватаюсь, пачкая и вынуждая остаться:

— Подожди... — писк обрывается. Лаборатория обрывается. За спинами остолбеневших спасателей, за гранью узора — темнота. Линии извиваются в тишине слаженно работающим механизмом. Мелькающий бетон пола продолжает робко светиться. Лужица крови — раскаленная точка.

Сбоку раздаются шаги. Айяка. Обхватила себя руками и затравленно озирается.

— Зря вы, — получается хрипло, глухо. Неправильно. Закусываю губу, но слова уже сказаны.

— Да, — просто соглашается Наас. Я не смотрю в лица остальным. От волшебной пляски под ногами голова становится пустой и легкой.

— Заклинание приведет нас к Плутону, — гладкое имя совсем не подходит угловатой твари. Мягко перекачивается на языке. Повторяю молитвой, опускаясь на колени: Плутон, Плутон, Плутон.

— Эй...

Закрываю глаза.

***

Под щекой поскрипывает куртка Нааса. Заклинание продолжает скользить, завязываясь в узлы-символы. Внутренности распались, втянулись в рисунок, оставив лишь пыльный выдох. Тьма болтается туманом, покрывает одежду и руки, обозначив каждую морщинку. Тру черненную кожу на запястье. Я вся пропахла смертью.

Я что-то потеряла.

— Не стирается, только размазывается, — подходит Наас. Опускается на колени, где свет от пола достигает состаренного прахом лица.

— Что с твоей толстовкой? — он в одной футболке. Вертит обрывки рукава.

— Попробовали высунуть за границу узора, — показывает измочаленную линию разрыва. — Давай, перевяжу руку остатками.

Рана черная и выпуклая, горячо пульсирует болью.

— Внутрь попало... останки тварей, — жарко. Тошнит. В горле комок. Наас прикладывает прохладную ладонь к моему лбу. Закусываю губу и прижимаюсь теснее: как хорошо. Горечь наполняет рот.

Шаги.

— Почистим. Заживет, — неуверенно ерошит мне челку. — Скоро мы...

— Почему так долго? — я вижу только ноги Айяки: полусапожки, черные колготы, повязка на правом колене. Рядом замирает парень в белых кедах и серых спортивных штанах.

Тони. Присутствие Кана отмечает лишь чернильный силуэт. — Я не в курсе. Ты же рвалась в лабораторию Хайме. Ничего не знаешь про ритуалы? — Наас, не поднимая глаз, ожесточенно делит рукав на полосы.

— Знаю, что этот должен был перенести тварь в лабораторию, а не наоборот, — доносится сверху. — Но ты явно понимаешь больше, ты ведь наполовину маг огня и участвовал в экспериментах! Я видела отчеты.

— Тогда прочитала, что у них ничего не вышло. Моей силы не хватило даже... — парень вскидывается, собираясь подняться, но я перехватываю его пальцы. Кисть словно раскалывается. Стону:

— Нне надо, — он был таким у ручья. Всего секунду — и в эту секунду любая тварь нашла бы в Наасе достаточно света, чтобы кормиться неделями. — Не здесь. Воздух еще вибрирует от колдовства. Каждый вздох, свой или чужой, отдается эхом глубоко внутри. Между нами мерцает дымная взвесь. Позволяю ране взрываться, но держу крепко.

— У тебя кровь идет, — отвечает рыжеволосый маг.

— Я что-то забыла, — голос пляшет от непрошенных слез. — Что-то важное, — понимание кажется близким, но я не могу ухватить... Плавкая дыра в сознании не имеет границ. Я продолжаю забывать прямо сейчас, и бесполезно сжимать виски. — Эй...

— Это из-за клятвы, — одновременно говорит Тони. — Знак перенес нас сюда из-за клятвы. Вы связаны, и тварь просто... потянула. А ритуал забрал воспоминание. Я слышал, так всегда бывает, когда дело касается темных созданий.

— Ттише, — слишком поздно прошу я. Касаюсь метки Университета за ухом.

— В рамках портала любые другие чары связи не работают, — чуть улыбается парень.

— Ты будешь в порядке, — обещает Наас, притягивая к себе. — Ты справишься. Илай же выдержал. И Мантикора тоже.

— А Янни — нет, — сухо вставляет Айяка.

— Заткнись, — хлесткий порыв ветра дергает одежду. — Заткнись.

— Как хочешь. Вроде молчание что-то изменит, — фыркает девушка.

Минута за минутой умирают в тишине. Остальные тоже садятся на пол, запрокинув головы, чтобы не видеть безумной пляски рисунка. Мобильные телефоны не включаются, но часы у Айяки на запястье продолжают исправно отсчитывать время.

Кан спрашивает:

— Что тебе сказала тварь? Дословно.

Я долго вглядываюсь в его зыбкие черты, не прекращая перебирать воспоминания.

Они заслуживают знать.

Что же я забыла? Почему так важно — помнить?

— Зарин?

Я не повторю ее слов никому на свете.

— Что будет рядом. Но ее нет.

Маги озираются.

В одиннадцать шестнадцать свечение под ногами медленно гаснет.

— Что теперь? — шепчет невидимый Наас, цепляя мой рукав. Неуклюже поднимаюсь. Лодыжка протестующе ноет.

— Подождем. Пусть глаза привыкнут, — отзывается Тони.

— Кажется, там, слева... — бормочет Айяка.

— Да... стойте здесь. Я проверю, что за границей чар, — говорит Кан. Щелкает

взводимый курок. Шуршат подошвы ботинок, скрипит ремнями сумка на бедре охотника. Я тоже начинаю различать далекий мутный отблеск.

— Все в порядке. Идите сюда, — Наас тянет вперед. Айяка не спешит, предлагает прежде использовать магию, чтобы осмотреться. Но капитан пятого блока возражает:

— Это рискованно.

— Он прав, — поддерживает Тони.

Я спотыкаюсь обо что-то. Тут же налетает на преграду Наас.

— Колонна, — сообщает он.

У Кана ведь был фонарик... но вряд ли Нинин брат просто забыл о нем, да и сейчас мне лучше молчать: не напоминать, кто завел нас во мрак.

Я цепляю пустой деревянный ящик. Кан обнаруживает картонные коробки и мешки:

— Накрыты брезентом.

— Какой-то бомжатник, — бурчит Наас.

— Склад, — поправляет Тони.

— Теперь я точно вижу свет, — Айяка.

Пятно обрисовывается четче по мере приближения. Прямоугольник на стене. Мы находим проход в нагромождениях ящиков и вскоре добираемся до тесного коридора, который кончается поворотом и лестницей наверх. Там, в дверном проеме и мягком, ржавом свечении пересекаются фермы и плавают искристые пылинки. Замираем у первой ступеньки, когда наверху хлопают крылья. Еще раз. Третий. Четвертый воробей вспархивает прямо у порога. Кан поднимает ладонь: ждите.

— Я первый.

Сквозняком движение сзади. Плутон? Или другие? Тьма пустая, но гулкая. Нужно убираться, пока есть возможность. Я спешно ковыляю вслед за Нининым братом. Из-за его напряженной спины помещение толком не рассмотреть, но потолок... Кан обжигает взглядом через плечо. Застыл с пистолетом наизготовку, чтобы дать отпор возможному противнику.

Но это всего лишь птицы. Множество птиц. Под высокой крышей копошатся целые стаи. Перепархивают с места на место в косых лучах заходящего солнца. За огромным полукругом окна в конце здания — багряное марево, росчерки облаков. Кан отодвигается, открывая ряды полок. Я выбираюсь наружу.

— Вернись!

Прямо напротив стенд с посудой. Пыльные кастрюли и сковородки рябые от воробьиного помета. Сзади шаги. Дребезжание: Наас поддевает ботинком лежащую на кафельном полу крышку. Оглушительный треск заполняет воздух, вниз летят перья. Мы отступаем на лестницу. Я оглядываюсь — никого.

— Кан, у тебя карта порталов с собой? — Наас вытряхивает мусор из волос. На свету он, как и остальные, серебристо-черный, лоснящийся. Морщит лоб, тянет шею — будто считает птиц. Айяка с силой трет грязные руки. Скривилась, точно сейчас заплачет.

— Нет, — охотник изучает следы на плиточном полу. Только птичьи, но — в центральном ряду валяется скомканное покрывало, рассыпан ажурный ворох корзин. Разбитая бутылка с веером засохших янтарных брызг сообщает о присутствии кого-то крупнее снующих под потолком пташек.

— Странно. А как же устав и все такое? — тянет Наас.

— Отвали. Проверьте телефоны.

— Выгорели, нечего и проверять, — он прав. По-прежнему не включаются.

— Теперь они могут нас слышать, — рыжеволосый маг касается метки.

— Я смогу найти портал и без карты, — говорит Тони, когда Айяка прячет лицо в ладонях.

— Не получится, — девушка отнимает руки, рвано вздыхает, сдерживая слезы, — и никто нас не услышит. Я знаю это место. Оно сгорело восемь лет назад. Это... это не наша реальность. Отрезок! Мы в... в Отрезке!

Я разглядываю покрытую пылью расколотую тарелку. Мир, горячо щелкнув в виске, раздваивается. Пульсирует, сходясь и отдаляясь.

— ... что? — первым приходит в себя Наас. Тяжело прислоняюсь к стене. Я будто разломилась пополам: одна часть отмечает знакомые кованые решетки на крыше за окном и тонет в трепете тысячи крыльев. Вторая осталась внизу или даже

дальше — в кольце мертвой плоти, в лаборатории. Та, которая знала, что сказать и как поступить. Помнила.

Дыра в памяти грызет больнее раны от ножа.

— Я была здесь, когда... случился пожар, — Айяка повторяет мое движение — вжимается в угол, заталкивает кисти под мышки. Наас склоняет голову набок. — Сейчас следов огня нет, но здание выгорело дотла. Я знаю точно. Здесь должны быть руины.

— Дом за окном с сорок второй улицы, — опускаю ресницы. — Но напротив него одноэтажные развалины, а не... — указываю на кружево ферм.

— Отрезки описывали иначе... — рыжеволосый маг высовывается из коридора, но Тони ловит его за хвост. — Да сколько можно тут торчать? Пошли! Птицы бесятся от малейшего звука, сам видел. Никто не подкрадется.

— Вот именно: птицы!

— Они не караулят, просто живут здесь. Разве не видишь?

— Ты не можешь знать... — но Наас выворачивается и, легко ступая, идет по главному проходу. Кан тихо ругается. Я тоже выхожу.

— Стой. Давай поставим защиту на знак, — голос Тони. Спускается по лестнице, во тьму. Порез скручивает агонией от попытки сжать кулак.

— Одну никакой барьер не остановит, — отвечает Нинин брат. — После клятвы она пройдет за Зарин куда угодно.

Оборачиваюсь. Двое парней исчезли, Айяка, зажмурившись, часто и неглубоко дышит.

В носу щекочет от пыли. Стараясь идти неслышно, миную отдел посуды, за ним — коврики и подушки, подсвечники-фонарики, куклы в пышных платьях, разномастные статуэтки и шкатулки. Постельное белье, основательно разграбленное: на пустых полках валяются лишь пара упаковок и свернутое в рулон одеяло. Пижама и тапочки. Свечи. По левую руку выстроились шеренгами садовые гномы, цветочные горшки, фонтанчики и ажурная кованая мебель. Наас толкает заклеенную рекламой входную дверь. Читает снаружи:

— Весь август скидка на фурнитуру 20 %.

Маг раскрашен разноцветными пятнышками: витражный козырек над крыльцом роняет радужные капли света. Улыбаюсь переливам.

И улице, с которой все началось. Испуганная девочка и рисунок звездного неба на створках ворот. Вплетаю пальцы в подаренные звездочки. Магазин Айяки в серо-красных плиточных узорах выглядит совершенно чужеродным среди старой застройки, но дом на

противоположной стороне дороги я ни с чем не спутаю. Манекен на балконе второго этажа, с респиратором и криво сидящим париком. Выгнутая к небу решетка на карнизе у чердачных окон. Стеклянные зубы в закрытой досками витрине парикмахерской. Нарисованное сердечко почти под крышей — и как только дотянулись? Мои охотничьи уголья. Все знакомо, но неправильно. Потому, что тихо? Но и там было тихо. Из-за притершихся к бордюрам лепестков пепла? Нет, нет...

Догоняет Тони. Отряхивая штаны, говорит:

— Здесь нет моря.

— Откуда ты знаешь? Не видно же, — удивляется Наас. Мы прошли мимо арки. Я щурюсь: пустое кресло, маленький космос, мертвые тени.

— Я маг воды, чучело, — фыркает парень. — Да и просто... воздух другой. И запах тоже.

Он оглядывается: Айяка осталась стоять запрокинув голову под мозаичной тенью. — Тварь притащила нас в Отрезок, — подходит Кан, — других вариантов нет. Это также объясняет, почему портал переместил нас вместо твари: Отрезки обладают огромным притяжением. Если я прав, то выход почти наверняка только где вход. И открыть дверь может либо тварь, либо кто-нибудь из огненных магов Университета.

— А я? — облизываю сухие губы.

— Нет.

— Скорее всего, нет, — поправляет Тони. — Портал работает за счет энергии между полюсами, живым и мертвым. Полюса статичны и завязаны на знаки. В нашем случае мертвым полюсом была плоть Плутона. Живым — сама тварь. Чтобы мы смогли вернуться, она должна быть в Отрезке. Пусть не прямо на чарах, просто в зоне действия: примерно пять километров.

— Сомневаюсь, что тварь станет просто сидеть и ждать, пока мы сбежим. С ее-то способностью мгновенного перемещения, — Кан нервно переступает на месте.

— Она заметит, если мы откроем портал?

— Да, конечно. Ты тоже заметишь, — Наас ловит мою раненую руку. — Когда из Университета кого-нибудь пришлют, они пойдут по пути от твоей крови в знаке к тебе — здесь. Не знаю, на что это будет похоже, но ты заметишь. Я читал...

— А как тогда вернуться? Если полюса... если я должна быть по эту сторону?

Кан скрещивает руки на груди:

— Дожидаться подкрепления. С многочисленным отрядом мы поймем тварь и запрем здесь навсегда.

— Высшую? — хмыкает Наас. — Сомневаюсь. Скорее Совет притащится в полном составе для установки драконьего портала. Они явно уже искали нас по меткам и не нашли. Это есть во всех трактатах: попавшие в Отрезок исчезают с карты реального мира. Будто умирают!

Вздрагиваю.

— Ученые сейчас, наверное, в экстазе, — голос рыжеволосого мага сочится ядом. — Наткнулись на золотую жилу! Куча тварей на любой вкус в одном месте! Неет, они захотят стабильный портал, который сумеет запустить каждый. Завязанный на тварь неэффективен. Его откроют только огненные, а потом будут восстанавливаться еще с месяц.

— Значит, нам стоит держаться заклинания. Вдруг попытаются вытащить? — предполагает Тони.

— Некому вытаскивать, — мы с Наасом отвечаем хором. Я добавляю:

— Выходит, Отрезок... это другой мир?

Наас открывает рот. Закрывает. Делает неопределенный жест рукой:

— Типа того. Логово тварей. Одно из.

— Вырванный кусок реальности, — Тони наклоняется и набирает горсть крохких пепельных ошметков. Растирает в кулаке до пыли. — Отрезок движется вокруг следа события, отделившего его, и живет по заданным разломом законам.

— И служит домом для тварей, — упорствует Наас. — Кроме них, никто не живет в Отрезках. Мы сейчас... пешком отсюда не уйти. Должны существовать точки входа. Наш знак, например. Но они могут оказаться чем угодно и работать по черт знает каким принципам. Проверять опасно. Нам не выбраться без помощи твари или Университета.

— Пятеро вернулись сами, — хмурится Тони. Посмотрев на меня, поправляется:

— Минимум, пятеро.

— Лимьян Борей, Августус Зико, Яхве Норман, Розамунд Яростный и Советник Финиг Подавляющее большинство попавших в Отрезок погибло. Вернувшиеся сообщали о многочисленных останках, — тихо говорит подошедшая Айяка. — Почему... почему эта улица? Что здесь произошло?

— Что произошло в магазине? — я опускаюсь на нагретый солнцем бордюр. Кисть — сплошной сгусток боли. Стараясь отвлечься, изо всех сил сдавливаю и выкручиваю кожу на запястье.

Девушка поджимает губы. Наас садится рядом, вытянув длинные ноги:

— Я скажу. Ты начала пожар.

Айяка шумно выдыхает.

— В тебе мало огня, но что-то заставило его разгореться, — рыжеволосый маг говорит ровно, глядя в пространство перед собой. — И кто-то умер, обязательно умер. Дани ведь прав: мы все — убийцы.

— Я защищалась, — ее лицо застывает.

— Я не убийца, — одновременно говорит Кан.

— Конечно, — Наас внимательно смотрит на девушку, — мне тоже... пришлось. Защищаться. Уверен, здесь найдется место и для меня. Для каждого из нас.

Кан прячет руки в карманы брюк. После продолжительного молчания, подводит итог:

— Надо найти убежище, пока солнце не село. Думаю, даже в Отрезке твари избегают дневного света. Выйдут ночью. Из Университета сегодня никто не придет, поэтому нет смысла ждать у знака.

— Почему не придут? — спрашивает Айяка, вытирая нос. Наас отвечает вместо Кана:

— Мантикора нестабилен. Его стараются не использовать. Янни тоже, да еще и слаб. Илай сегодня свое получил, второй раз не потянет.

— Откуда ты зна... — взвизгивает Кан.

— Секретную информацию о состоянии драгоценных магов огня? — Наас щурится. — Ха. Источников не раскрываю. И вообще...

— Я скоро буду в порядке, — перебиваю. — Только немного отдохну, — совсем чуть-чуть, лишь бы прогнать раскаленную слабость из позвоночника, — и верну вас. Останусь здесь, сама разберусь с... с Плутоном.

Они не должны страдать из-за моей глупости.

— Ты не сможешь. Ты — полюс. Нельзя открыть портал относительно себя. А Наас не

потянет переход со своими тридцатью тремя процентами.

— А если Плутон согласен...

— Нет. Даже в этом случае тебе понадобится больше времени и сил, чем ты думаешь, — мягко говорит Наас.

— Ты использовала монету, верно? — спрашивает Кан.

— Да.

— И клятву, — добавляет рыжеволосый маг. — Это облегчило переход, но ты все равно что-то забыла. Травиться повторно в ближайшие недели нельзя: яд должен выйти, иначе... тебе не понравятся последствия. Да и с монетой, выбраться из Отрезка с его притяжением — в тысячу раз сложнее. Тем более, пройти от живого полюса к мертвому. Это выпотрошит даже Мантикору.

— Я...

— Дослушай. Теперь здесь и я тоже. У них есть моя кровь, добавляют к знаку. Возьмут пару накопителей магии, прикончат еще тварей — жертва усиливает волшебство, плюс реально важна полярность: двигаться от мертвого к живому гораздо легче. Они пробьются. Ты — нет.

— Через клятву Плутон способна блокировать часть твоей силы, — говорит Тони. — А тебе понадобится вся до последней капли. Если тварь захочет, чтобы ты осталась...

— Конечно, захочет, — трет высокий лоб Айяка. — Здесь она сильнее. Она подчинит твою волю, чтобы напитаться сил и отомстить. Теперь она знает, где находится Университет. Приведет...

— Или нет. Ты ничего о ней не знаешь, — ветерок холодит потную кожу: Наас.

— Я знаю, что она тварь! А вы двое...

— Здесь скорее всего появляются и другие Высшие, — Тони берет девушку за руку. — Клятва не защитит Зарин от создания более мощного, чем Плутон. Она не рискнет своим магом огня. Постоянно находиться рядом и защищать тоже не сможет: твари не переносят себе подобных, помните? Иначе жили бы в Отрезках, даже не соваюсь в наш мир.

— Но на какое-то время их терпения же хватает. Что, если...

Разговоры бесполезны. Сейчас только Плутон решает нашу судьбу. Я выпрямляюсь:

— Уйдите.

— Что? — не понимает Наас.

— Она появится, должна появиться. Я подожду здесь. Поговорю с ней. Вы пока найдите место для ночлега... на случай, если она откажется перенести вас обратно.

— Если? Ты думаешь, она согласится? — Кан кривится. Отвожу взгляд. Прах превращает любую гримасу в гротескную маску. — Вот, что она сделает: прикончит нас! Не тебя, неет. Нас! Как долго она голодала? Как долго мечтала отомстить магам? Теперь дорвется!

— Я не позволю. Я ее хозяин.

— Ха! Скорее, наоборот! Ты... вы...! Да о чем вы только думали?! Она ничего не знает о магии! А твари полвека! Половина! Века! — сжимаюсь от его крика. — Она будет вертеть Зарин как вздумается! Ты станешь ее тенью, а не наоборот!

— Именно, — рвано кивает Айяка. Нашла союзника.

Наас запускает пальцы в волосы:

— Это моя вина. Я не подумал.

— Ты никогда не думаешь! А ты! Я ведь предупреждал: не общаться с ним! Трогаю

повязку на ладони, и чуть не вскрикиваю. Глазам горячо, скатившаяся по щеке капля кажется жаркой.

— Перестань, — Тони встает между нами. — Ты прав, вы оба правы, но это не дает права орать. Ситуация тяжелая. Мы в опасности. Сейчас необходимо проверить присутствие, выставить барьеры и найти свет, воду, еду... лекарства.

— Ей нужна магия тьмы, не лекарства! — выплевывает Нинин брат, но делает пару шагов назад. — И уж поверь мне, тварь воспользуется этим.

— Тем не менее, — властно отрезает парень. — Начнем с поисковых чар и дальше по плану. Ты капитан. Не я должен напоминать, как вести себя в боевом режиме. Кан морщится. Но не спорит. Достает из кармашка на рукаве куртки несколько кусков мела. Протягивает троим магам. Они опускаются на асфальт, без слов

принявшись за работу. Капитан пятого блока чертит узор резкими, скупыми движениями. Обозначившиеся морщинки в уголках рта выдают злость. Я отворачиваюсь.

Солнце почти спряталось за домами, вот-вот коснется крыш. Будто бы весеннее, но уже набухающее вязким летним зноем. Синие тени затопили переулки. Моя, отчаянно двоящаяся, протянулась через дорогу.

— Существ... — Айяка одной рукой держит волосы, чтобы не падали на рисунок. Меловые линии чернеют, когда девушка, сгорбившись, словно ожидая удара, соединяет их прикосновением. — Существ нет.

— Сущностей тоже, — отшатывается от своего знака Наас.

— И людей, — поднимает голову посеревший Кан.

— Создания есть, — тихо говорит Тони, — тринадцать. Но я не понимаю, как близко. Его заклинание расцвело в карту и обзавелось новыми символами, которые смещаются относительно центра, пропадая в одном месте и выскакивая в другом. Вот точка вспыхивает совсем рядом — я содрогаюсь от волны озноба. В соседнем здании что-то с грохотом рушится.

— Они играют с нами, — цедит Кан.

— Они не станут нападать. Плутон не даст, — предполагает Наас.

— Мы ей не нужны. Разве что еще один маг огня пригодится, — язвительно парирует Нинин брат.

— Если бы кто-либо хотел напасть, то уже давно бы это сделал, — я повышаю голос. — Я вернусь к магазину. Идите.

— Ты не дойдешь...

— Тогда останусь тут! Уходите!

— Ладно. Оставайся. Мы не можем дальше торчать здесь, — отстегнув рукава форменного кителя, Кан достает из сумки на бедре странные перчатки: длинные, выше локтя, черная кожа, отрезанные пальцы. Выбитые знаки: линии чар сходятся на ладонях. Собираются жесткими складками в суставах. Парень сует Тони свой пистолет:

— Прикрывай сзади.

Наас тихонько хмыкает. Вытаскивает из-под куртки револьвер.

— Я так и знал, — Кан трет лоб, — есть еще правила, которые ты не нарушил?

— Не знал, — Наас подмигивает мне.

Они уходят быстро, практически бегом. Парни двигаются слаженно, Айяка постоянно отстает или, наоборот, жметя к Тони. В сгустившихся тенях ставший крошечным Кан зажигает сферу вроде освещавшей хижину в лесу, отпускает плыть на уровне крыш. Я жду

три квартала, пока они не сворачивают за угол. Осторожно встаю, принаравливаясь к качающемуся миру.

Сердце грохочет, гонимое подкрадывающейся смертью, в ушах — навязчивый звон. Сдергиваю бряцающее украшение с шеи и сую в карман, но лучше не становится. Дважды чуть не падаю, неудачно ступив на поврежденную ногу, но дохожу. С коротким вдохом ложусь на теплое крыльцо, под потухшие стеклышки. Внутри здания успокоились птицы: они уже нашли убежище на ночь. За ребрами ширится пустота, острая и жалящая.

— Вам нельзя возвращаться. Тебе, — говорит тварь совсем близко. — Я помогу открыть портал, когда будешь готова.

— К чему? — поворачиваю голову. Плутон сидит всего в паре метров. Плоская и размытая, совершенно неподвижная дыра в пространстве — единственная не дробится надвое.

— К ритуалам. Со знаком на теле от Университета не скрыться, а этот яд, что ты использовала, скорее убьет тебя, чем обманет их. Ты нужна мне живой.

— А остальные? Отпусти их. Сейчас.

— Нет. Если я запущу знак, в Университете возникнут вопросы. Если ты... тогда тебе придется открывать портал дважды, и дважды платить памятью. Путешествие из Отрезка к мертвому полюсу сложнее того, что ты уже совершила. И заберет больше.

— Нельзя долго оставаться тут. Наас сказал, в Университете сделают... драконий портал.

Плутон фыркает:

— Им потребуются месяцы, чтобы собрать достаточно сил. Мы успеем. И уничтожим оба знака после перехода. Никакого драконьего портала не будет.

— А если не успеем?

— Тогда я убью всех, кто придет за вами, — скалится тварь.

— Нет. Или я не стану... учиться. Даже если это прикончит меня. Перекрою доступ к своей силе, когда мне...

— Тебе не станет лучше. Если я не позволю, — стискиваю зубы. Кан был прав.

— У тебя нет выбора, — ты умрешь без хозяина. Мы ходим по кругу. Айяка говорила в архиве: клятва похожа на бесконечное состязание.

Я проигрываю.

— Но у тебя есть, — тварь подходит ближе. Протяну руку — коснусь узкого лица. — Жить. Или умереть в лабораториях. Тебе понравился сегодняшний ритуал? Дыра в твоей памяти? Их станет больше, чем ты способна вынести. Ты погаснешь очень скоро. Твой свет слишком цельный, такие разрушать легче всего. Им потребуется лишь несколько лет. Скоро умрет безногий. За ним последует альбинос. Ребенок уже считай труп. Когда они кончатся, наступит твой черед.

Сиплый шепот ввинчивается в мозг:

— Здесь только один правильный ответ. Соглашайся жить. Позволь помочь тебе... помочь нам.

Рывком сажусь. Руку до плеча прошивает болью:

— Обещай, что никто не пострадает.

— Скоро здесь соберутся мои братья. Наши, — она смеется, — не кривись, ты мало отличаешься.

Неправда.

— Да, — будто видит меня насквозь. — Я отмечу твоих друзей, но печать защитит только от тех, кто слабее меня. Другие Высшие по-прежнему будут представлять угрозу. А если кто-нибудь из огненных магов в Университете сможет запустить чары, ситуация станет непредсказуемой. Поэтому я не обещаю. Но сделаю все, чтобы... — оглядывается. Рябь пробегает по чешуе острых скул. — Что бы они не говорили — доверься мне. Я вернусь на рассвете. Дай руку.

Протягиваю трясущуюся ладонь. От нарастающего внутри жара воздух плавится и искажает формы. Плутон кажется то близкой, то далекой: трещиной в стене, старческой тенью...

Когти вспарывают повязку, чиркают по коже. Под тряпкой рана набухшая и глянцевая, тугая от белесого гноя.

— Молчи. Твои друзья недалеко, — зажимаю рот. Тварь взрезает нарыв и обхватывает кисть ледяной жесткой лапой. Закусив пальцы, позволяю ей говорить короткие, игольчатые слова — пока плоть лопается и шевелится под шершавым прикосновением. Запнувшись, Плутон хрипит на понятном языке:

— Ты выбрала меня. Пора признать это.

— Я не верю тебе, мне просто стало жаль... — стону — тихо, чтобы больше никто не услышал.

— Пусть так, — соглашается. — И мне стало жаль тебя. Но я здесь по иной причине. Думаю, ты тоже.

— Ты ничего обо мне не знаешь!

— Я знаю, что ты разделяешь себя на хорошее и плохое. Часть, к которой принадлежу я, относится ко второму. Ты гнала нас прочь, каждый прошлый день — но вдруг позволила мне быть рядом.

— Отпусти, — мышцы продолжают жить собственной жизнью.

— Нет. Не сейчас. Люди становятся очень хорошими слушателями, если сделать им больно, — в ее горле клубится смех, но твари хватает совести сдержаться. — Тебе нужно многому научиться, Аваддон.

— Я ошиблась! — шиплю, вырываю белую, покрытую изморозью руку. Прах осыпался, открыв чистую кожу. Рана свернулась в тугой шов. — Вы все одинаковы! Жадные, эгоистичные, тщеславные, — Плутон дергает головой, чуть опускает тонкие рога, будто готовясь к атаке. Одним прыжком шарахается на другую сторону дороги.

— Вы сделали нас такими, — холодно скрежещет и отворачивается, небрежно подставляя спину с острыми крыльями лопаток. Вспрыгивает на крышу, скрывается за скатом.

Глотая сумеречный запах остывающего города, я глажу новый шрам. Вскоре разбираю голоса. Шелест. Из переулка слева показывается свет, выныривает ослепительная в сгустившихся тенях сфера. Мир перестает двоиться. Тошнота и звон, жар — сходят волной озноба.

Приблизившись, маги гасят заклинание, и улица вновь погружается в вязкий полумрак. Айяка несет кульки. Парни сгибаются под тяжестью пухлых рюкзаков. Наас бухает ношу на крыльцо и садится на ступеньки.

— Держи, сок, — сует мне бутылку. Гранатовый. Еще прохладный. Откуда?

Айяка примащивает пакеты и устало потягивается, держась за поясницу. Девушка собрала волосы в косу и переделалась в джинсы и полосатую рубашку.

— Она приходила? — спрашивает, одергивая воротник.

— Она... да. Да, — маги смотрят, ожидая продолжения. Облизываю пересохшие губы. Снова трясет, но уже от пережитого, стылого страха. — Она хочет, чтобы я осталась здесь и освоилась... с магией. Чтобы после возвращения... после ритуалов не стала как Илай. Тогда и отпустит... нас. Позволит мне открыть портал. Плутон обещала никого не трогать.

— Какое облегчение. И сколько времени это займет? — хмурится Кан. Держится поодаль и выглядит неприступно далеким.

— Я не знаю. Она не знает.

— С твоей силой хватит и монеты, чтобы скрыть способности. Я не понимаю, зачем тянуть с возвращением, — скрещивает руки на груди.

— Не хватит, — раздраженно бросает Наас. — На сорок четыре процента, может быть, и хватило бы, но не на... сколько там на самом деле?

— Семьдесят пять, — брови Кана взлетают вверх. Айяка потрясенно выдыхает и прижимает ладонь к губам. Тони улыбается уголком рта, наблюдая их реакцию. Похоже, Наас рассказал другу раньше.

— Тварь ослабит ее своим присутствием, но все равно — почти сравнимо с Мантикорой. А вы когда в последний раз видели Мантикору?

Кан пожимает плечами. Тони задумчиво говорит:

— В прошлом году. На празднике солнцестояния. Он напился и упал с крыши тренировочного комплекса.

— Он не был пьян, — вдруг возражает Айяка. — Я... я была рядом. Он не был пьян. Наас кивает:

— Он прыгнул. Но выжил. На следующий день в его комнату переселили Эмоя и Рихарда. Вещи забрали санитары из лаборатории. Я выяснил, что его держат в отдельном блоке Заповедника. Как тварь, с охраной и барьером. И еще...

— Безногий, — перебиваю я. — Она назвала одного безногим.

— ... да, — Наас берет меня за руку и подносит ладонь к лицу, гладит красный росчерк. — И это странно. Я точно помню, не так уж он и переломался. В лазарете и хуже собирали, почти не знаю случаев, когда доходило до ампутации. Поэтому тварь права. Зарин необходимо остаться. Нельзя надеяться на Валентиновы фокусы.

— У нас в любом случае нет выбора, — Тони оглядывает марширующие во мрак дома, полосу месяца и проступающие звезды. — Подождем освобождения. Исследуем Отрезок. Подобный шанс нельзя упускать, нас потом проклянут. Если сможем вернуться сами, скажем: тварь поймали сразу, но Зарин долго восстанавливалась. Для сорока четырех процентов это естественно, а про клятву никто, кроме нас, не знает. Из идиотов, которые влезли в ритуал, станем героями, выжившими в Отрезке и поймавшими Высшую тварь. По моему, неплохо. Тем более, еда и вода здесь есть.

— И другие твари тоже, — замечает Кан. — А насчет клятвы ты забываешь: причину разрыва чар в Заповеднике обязательно расследуют. Я не сомневаюсь в способностях Даниеля скрыть посещение кладбища, но мы одновременно покинули периметр сразу перед взломом системы. И вы черт знает где еще наследили до этого. Они поймут, что мы освободили тварь. Возможно, не додумаются до клятвы. Но это не главное.

— По записям я и Наас спускались в архив, — бледнеет Айяка. — Оттуда есть проход в Заповедник. Ты им воспользовалась?

— Он был открыт.

— Ты постоянно ходишь в архив, — отмахивается рыжеволосый маг.

— Всегда одна. Мне не нужны ассистенты, и профессор Перье...

— Бога ради! — обрывает парень. — Ну признаешься, что я просто так напросился. Не знаю, может, нравишься ты мне! Мы не сделали ничего против правил, даже в секции с ограниченным доступом не ходили. Никто не проверит, какие книги брали. Все хорошо!

— Ты думаешь, в охране сплошь идиоты, не свяжут два и два? — шипит девушка. — Ни черта не хорошо!

— Но и не фатально, — спорит Тони. — Совпадение возможно. Прямых улик нет. Наас был с тобой — ладно. У него ужасная репутация, все решат, что просто в очередной раз решил сунуть нос куда нельзя. Зарин чары не могли засечь. Она пока не в регистре. Ночью мы ходили прогуляться в парк. Все ходят. Уверен, еще

человек пять-десять там шаталось. В чем преступление? Если будем держаться единой версии и проработаем до мелочей любые вероятные несостыковки...

— И не умрем, — перебивает Кан. — Повторяю: Отрезки кишат тварями.

— Плутон обещала отметить нас, — я зажмуриваюсь, прогоняя обморочную слабость. — Чтобы другие не нападали.

Наас замирает.

— Что?... — вскидывается Тони.

— Отметить! Это же... — Наас замолкает. Неверяще улыбается. — Навсегда!

— Нам не нужны будут обереги, — подхватывает его друг. — Господи...

— Чтобы тварь дала защиту человеку... охотнику... да за это я хоть год тут проторчу!

— Говори за себя, — но Кан задумчиво касается кармашка на плече, где прячет колбу с прахом. Вздрагивает, судорожно отщелкивает ремешок и достает веревку с оскольчатой короной горлышка.

— Дерьмо!

— Отрезок, — пожимает плечами Наас. — Ничего удивительного. Но печати ничего не страшно! От всех тварей она не защитит, но серьезно: сколько Высших вы встречали? Да и не факт, что от них помогут кости!

Я прислоняюсь к опоре козырька и закрываю глаза. Рядом шуршит пакетами Айяка.

— Ладно. Хорошо, — сдается Нинин брат, — порадуетесь позже. Темнеет. Пока отпечатков на нас нет. Давайте проверим эти дома. Я не хочу уходить далеко от знака, но и ночевать в подвале тоже. Вы трое останьтесь здесь. Будете только мешать. Запустите следящие чары. Если что — стреляй в воздух.

Я хмыкаю, представляя, какое у Нааса лицо. Парень тянет:

— В воздух, ну конечно.

— Мы быстро, — Кан делает вид, что не расслышал насмешки.

Удаляющиеся шаги. Шорох мела по асфальту. Скрипит дверь парадной. Что-то разбивается.

— Стреляй в воздух. Умник, мать его, — бормочет Наас, растягиваясь на крыльце и опуская голову мне на колени. Я вплетаю пальцы в шершавые от праха волосы.

— За что он тебя не любит?

Айяка фыркает. Наас расслабляется от прикосновений. Стягивает резинку, освобождая черненные пряди:

— Когда они с Энид впервые расстались, я как раз попал в Университет. И воспользовался моментом, — парень выгибается, чтобы снова взглянуть на рисунок

поисковых чар. — Энид безумно красивая. Просто невероятно. Я порядком обалдел, когда она вдруг согласилась на свидание, — усмехается, в блестящих карих глазах — отголоски старого удивления, — только ей плевать на меня было. Больше отмалчивалась, а при Кане прямо неземную любовь изображала. Мы прогуляли неделю, но ему хватило, чтобы меня запомнить. Потом я пролез на задание и напортачил. Он вообще новичков никуда не пускает, а тут еще... о, да много чего было! Мне странным образом везет на неприятности. В Университете таких не любят. Там безопасней не выделяться.

Он широко зеваает. Ая протягивает нам по шоколадному батончику.

— Спасибо, — губы с трудом складываются в улыбку.

— Университет — лучше, чем кажется. Даже для магов огня, — девушка тербит обертку, хмурит высокий лоб. — В конце концов, недостатки есть в каждой системе. Но если тварь... Плутон научит тебя управлять стихией — вас обоих научит, — все сразу станет на свои места. А со временем, уверена, мы решим и общую проблему с темными созданиями. Ведь совсем недавно даже оберегов не существовало...

— Если бы ученые не привязались к тварям, нам бы на хрен не сдались обереги, — отрезает Наас.

— Нам с тобой сдались бы, — недоуменно моргает, не сразу понимая. Забыл.

Мы мало отличаемся — сказала тварь. Возможно.

Но не это важно. Главное — не на сколько, а чем.

— Идем! — зовет Тони из темноты парадного. — Мы почти закончили с барьером. Здесь есть горячая вода.

Его лицо белеет на фоне черного проема: умылся. Наас помогает подняться на ноги.

Горячая вода, сок и шоколад. Новый мир кажется вполне дружелюбным, и даже утерянный кусочек прошлого больше не жжется холодом, хоть по-прежнему вынуждает ворошить воспоминания. Значит, завтра станет еще тише, а однажды затрется и исчезнет. Все должно выйти неплохо. Отлично, на самом деле. Что может пойти не так?

***

Огонь свечи. Мягко колеблется, тени танцуют вместе с ним. Золотое тепло — дрожью в кончиках пальцев, раскаленное пятно на ладони. Взмокшие пряди на щеках, дыхание туманом оседает в воздухе. Холодно и жарко. Больно. Как же больно!

— Так не должно быть, ты ведь понимаешь. И не будет. Ты справишься, — голос твари проходится наждаком по нервам. Сжимаю кулак, зажмуриваюсь до черных точек на изнанке век. Ей легко говорить, она вся — морозный сумрак, от загнутых кинжалами когтей до кончиков рогов. Я знаю холод и силу по-птичьим тонких лап. Стискаю стучащие зубы.

Маленькая свечка вот уже три недели является центром моей вселенной. Но ничего не меняется.

Я не меняюсь.

— Забудь о боли. Огонь — часть тебя. Как дыхание. Если ты удержишь дыхание, почувствуешь боль. Так и сейчас. Отпусти его.

Прячу руки на груди. Кожу дергает и печет. Вытираю слезы тыльной стороной кисти:

— Не могу! Я не понимаю, чего ты от меня хочешь! Огонь обжигает! Это чертова физика!

Я дрожу. Мы в подвале, среди припорошенных пылью коробок и стеллажей, широких колонн. У неподвижного знака. Наверху почти летний зной, но здесь, внизу, черные линии покрыты изморозью. Пахнет горелым и мшистой влагой. Кашляю. Легкие, наверное, черные

от подвешенного в воздухе праха. Тварь настояла на этом месте, здесь будет легче, — сказала она. Если сейчас легко, что в ее понимании — тяжело?!

— Злись. Ненавидь меня. Просто дыши, не пытайся понять механизм. Давай. Еще раз, — со стоном возвращаю руку к огню. Лучше бы не убирала: после передышки ожог взрывается болью.

— Поговори со мной. Скажи, ты же хочешь, — Плутон садится напротив и скалится серебристыми зубами-иглами. Еще бы я не хочу. И говорю.

Все, что думаю о ней, других тварях. О ритуалах, ученых и городе, застывшем во времени. Чертовой свечке и даже Наасе, сбежавшем на пятый день истязаний огнем. Под конец срываюсь в крик и плач. Пламя по-прежнему терзает плоть.

— Хватит.

Осторожно касаюсь ледяного бетона, пытаюсь унять боль. Перестать всхлипывать. Как вчера. Позавчера и раньше. Руку рвет агонией. Ноготь на большом пальце оплавился и почернел. Вот, откуда запах.

Чужое дыхание согревает щеку:

— Мы что-то упускаем. Я не могу найти подход к твоей силе. Мне нужно подумать, — гасит свечу мимолетным взглядом. Скотина.

Помолчав, темнота скрипит:

— Отдохни сегодня. Увидимся завтра.

— Стой, — трещат защитные чары. Мрак опустел. Неуклюже поднимаюсь на ноги. На лестнице, ощутив дуновение теплого сквозняка, расслабляю скованные плечи. Кости ломит, колени подгибаются — я присидела так... сколько? С рассвета, когда тварь по обыкновению застыла посередине дороги, противоестественно черная, чуждая солнцу. Звонкая, готовая сорваться с места и исчезнуть от любого моего неловкого жеста. А теперь день клонится к вечеру. Свет меняется: удлинились и остыли тени. Стягиваются под своды заброшенного магазина птицы. Вместо магии, в Отрезке я научилась видеть время.

— Привет, — на крыльце сидит Наас. — Ты сегодня рано.

— Что ты тут делаешь? — пожимает плечами:

— Тони с Каном опять засели за шахматы. Айяка что-то готовит. Скучно. Хотел спуститься к вам, но потом решил не отвлекать. Прогуляемся?

— Да, — сняв куртку, оставляю на ступеньках у входа. Еще горячий ветер пробирается под футболку, путается в волосах. Жмурюсь, подставляю лицо и руки солнцу: пусть прогонит подвальную мерзлоту. Наас нетерпеливо пинает камешки. Золотистый от загара, совсем летний в растянутой коричневой майке и линялых джинсах. А дома сейчас зенит осени.

В молчании неторопливо идем к центральной площади Отрезка. Старые-старые дома вокруг и затопленный цветами фонтан. Алые, вроде маков, переливаются через край широкой каменной чаши и покачивают головками в высохшем бассейне, пробиваются между стыками плит за его пределами.

— Выплеснулись, — прошептала Айяка, когда мы пришли сюда в первый раз. Исследуя город, заглянули в каждый переулок, во многие дома и магазины. Иногда жилые на вид, словно хозяева вышли минутой назад и сейчас вернутся, но чаще заброшенные, разоренные. Слишком скоро стало ясно, что в Отрезке побывало больше людей, чем... чем хотелось бы.

— Ничего себе, — сказал Наас. В квартире над лавкой, где в первый день маги взяли еду, в коридоре оцетинилась ножками стульев полуразрушенная баррикада. На пожелтевших

обоях — кровавая шприховка: кто-то обтерся испачканным боком. Затхлый запах. Вспоротая, залитая бурым кровать. Изломанная мебель. Испражнения. Стрелянные гильзы и искореженное оружие. Твари позаботились, чтобы им невозможно было воспользоваться вновь. И о телах они тоже...

— Я не понимаю. Едят они их, что ли? Не едят же обычно, — до красноты растер переносицу рыжеволосый маг. — Да и вообще... зачем убивают? Как? Младшие не способны... и сюда ведь попадают только в слиянии.

— И что? — выгнул бровь Кан. — Думаешь, раз человек слился с одной тварью, прочие просто оставят его в покое? Всегда найдутся создания посильнее, которым захочется развлечься охотой. Но куда деваются тела, и правда, интересно.

Ответ нашелся быстро. Стоило сразу догадаться: по всему чертову городу мертвые деревья царапают небо черными ветками, сухие травы и выюнки крошатся от прикосновения, и лишь фонтан утопает в молодых цветах.

Айяка, наклонившаяся над краем бассейна, отпрянула так резко, что подвернула ногу и упала.

— Айя! — бросился к ней Тони.

Бордовые стебли и бледные корни туго заплели кости, над рябой вязью гнили — нежные лепестки, трепет волной при малейшем дуновении ветра. Бархатные сердцевинки с крохкой угольной пылью. Девушка указала на место у самой чаши, где из хватки растений выглядывала нижняя челюсть. Наас палкой вспорол соцветия, выскивая костяные осколки. Выкопал треугольник локтя, оголовок бедренной кости. Ребра. Свод черепа.

Плутон отказалась объяснять. Тварь вообще скупились на разговоры.

Появилась в розовых рассветных лучах, когда мы очнулись после первой долгой ночи под яркими звездами Отрезка. Вздернула острый подбородок при виде остальных магов.

— Отпечаток, — Кан застыл, сжав кулаки. По его странным перчаткам побежал шум. Плутон фыркнула — с некоторым презрением, внимательно посмотрела на меня. Я кивнула: давай.

Тварь распалась дымом, ударила в лицо. Рядом закашлялся Тони.

— Я бы могла просто убить их, — клетотом в ушах. Могла.

— Спасибо, что не убьешь, — я ответила на грани слышимости. Прозвучало приказом, и тварь рассмеялась: пересыпалось битое стекло. Я погладила шрам. Плутон сказала:

— Идем со мной, — и я пошла, к роящемуся силуэту в конце улицы. Оглянулась через плечо на сплевывающего тьму Нааса. Рыжеволосый маг улыбнулся грязными зубами и ободряюще кивнул:

— Удачи.

— А ты?

— Позже, — властно оборвала Плутон. — Пора начинать.

Испытания огнем.

— Печать — очень личное для них, — накануне пояснил Тони, вытряхивая пыль из покрывала. На его лице плясал пламенный отсвет. Выбранную квартиру на первом этаже мы расчистили позже, а в ту ночь расположились прямо у входа в магазин, дежуря по очереди, не доверяя тонкой завесе охранных чар. Рядом сновали твари: я чувствовала смерть льдом под сердцем, слышала ее царапающую поступь и хищное рычание. Кан обманчиво расслабленно сложил руки в боевых перчатках на коленях и время от времени трогал знак Университета на груди. Айяка сидела совсем близко к костру. Вылетающие искры гасли на

новых джинсах. Тони и Наас лишь чуть поворачивали головы, когда в зданиях дальше по улице что-то с дребезгом рушилось, скрипело, а за окнами мутная двигалась тьма.

После обжигающего душа, неловкая в чистой, чужой одежде, я спряталась в плед и наблюдала за танцем золотых языков в кольце камней.

— Почему? Проклятья, как я поняла, твари раздают с легкостью.

— Защита — другое. Для печати твари нужно отдать часть себя, а у них и так мало что есть, — друг Нааса поправил угли.

— Я уже объясняла Зарин. Основа любой твари — частичка души хозяина. Воспоминание о чем-то очень важном. Пока тварь мала, оно заменяет ей разум. Поэтому она послушна, — сказала Айяка, гоняя по миске остатки лапши. Чувство голода, яркое поначалу, быстро притупилось, ушло — и не вернулось. Одно из приятных чудес Отрезка. — Но, по мере развития, первоначальный импульс переваривается, изменяется под влиянием темной материи. Процесс изучен плохо. У некоторых сознание угасает до набора инстинктов. У других вырастает в самостоятельную личность. Первые и не могут никого отметить. Это просто убьет их. Защитная печать — результат расщепления оси создания. Кусочек кусочка памяти создателя. Если памяти мало, то нечего и отдавать.

— Печать для твари вроде ритуала для огненного мага, — сказал Наас. — А проклятье — просто колдовство. Как заклинание запустить. Отнимает силы, но не влияет на личность.

Личность Плутона оставалась загадкой. Хоть после перехода тварь больше не напоминала черную дыру, поглощавшую жизнь: нечто зыбкое и неумолимое. Теперь я смогла различить скользкую грацию в ее движениях, ранее скованную тесной камерой Заповедника. Удовлетворение в бездне глаз и злость под взъерошенной шерстью на загривке. Я спросила, растирая шею — прогоняя дрожь: — Почему ей не закрыть меня где-нибудь? Здесь, хотя бы. Меньше проблем, постоянный доступ.

Кан колочке всматривался во мрак и мял незажженную сигарету:

— Магия зависит от настроения мага. Даже не от настроения, а от общего состояния психики. Сила — не постоянная величина, скорее выбросы. В нормальных обстоятельствах они частые и более-менее равномерные. При экстремальных условиях хаотичны. Могут вообще пропасть или прорываться разрушительными вспышками. Нестабильность — тебя тестировал на это Валентин.

— Временная, — вставила Айяка. — Но есть еще врожденная, природная. Когда разрыв между основной и второй по силе стихиями меньше десяти процентов. Тогда маг предрасположен к психическим расстройствам. Ищущая выхода мощь влияет на эмоции.

— Короче, ей надо, чтобы ты была вполне довольна жизнью, — зевнув, подытожил Наас. — Иначе она будет либо слабой, либо раненной. Поэтому Плутон не выбрала меня. Я нестабилен, — тихо добавил он. — Поровну огня и ветра.

Тони серьезно кивнул:

— Точно. Я часто наблюдал у Нааса приступы ПМС, когда... — рыжеволосый маг дотянулся до друга и затолкал глубже в одеяло. Оттуда глухо, но довольно донеслось:

— Видите? Непостоянство и тяга к насилию. Он бы тварь за неделю угробил.

Кан оскалился, Айяка скривила губы в улыбке. Я опустила ресницы, зарылась в шершавое, пахнущее костром одеяло и наконец позволила себе провалиться в сон без сновидений, чтобы утром снова встретить личный осколок ночи.

А спустя самые длинные недели в жизни сижу на нагретых плитах у страшного фонтана. Рядом колышутся могильные цветы, Наас растянулся сверху, на бортике, прикрыв лицо

локтем — угловатый и отчего-то напряженный. Под пальцами пыль, желтая и шелковистая. Мягко струится, мелкие камушки чиркают по коже. Печет и дергает ожег. Тяжелые лучи поцелуями ложатся на щеки, давят, пригвождая к месту. Легкий ветерок сдувает жар с кожи. Неподалеку вспархивают птицы. Через секунду вижу их — тушевые пятна на бледно-голубом небе.

— Мне тоже тут нравится, — говорит Наас. Выгнувшись, пытаюсь посмотреть на него. Хмыкает и ерошит мне волосы. — Здесь идеально для таких, как мы.

— Почему?

Мое внимание по-прежнему держит огонек свечи, но его голос замыкает крылатый шелест мертвого города, связывает, как заклинанием, пустые улицы с беспокойными стаями, где кроме нас и тварей никто не ходит, но зато можно лежать. Набираться сил, чтобы однажды догнать ускользающие тени.

— Плутон сказала, здесь совершили жертвоприношение. От этого и получился Отрезок. Вызывали одного из девяти демонов, из тех, чьи имена нам выпали. Забавно, да? После ритуала до сих пор остался плотный след, поэтому нам всем... — Сытно, — уютно. Спокойно.

— Точно.

— Чего они хотели? От демона? — демоны тоже существуют?... Ладно. Почему бы и нет. Это огромный мир, помнишь? Здесь хватит места для каждого.

Маленькая девочка оказалась куда проницательней меня.

Облизываю сухие губы. Если бы Наас не говорил со мной, я могла бы молчать сутками. Возвращаясь по вечерам, нахожу Тони и Кана, играющих в неизменные шахматы. Айяку с книжкой. Или же влюбленные гуляют, а Кан и Наас обмениваются колкостями, переходящими в оскорбления. Я превращаюсь в невидимку после отрицательного ответа на ежевечерний вопрос:

— Ну как?...

— Просили защитить их городок от чумы, — дергает плечом Наас. — Только они схитрили: принесли в жертву всякий сброд. Преступников, больных и старых. Неравноценный обмен. Демон разозлился, убил всех и свалил обратно. Магический выброс исказил пространство, отрезал площадь от остального мира. Получилась вселенная со своим притяжением. Люди почти не чувствуют его. В нас мало тьмы, а, как ты знаешь, именно тьма лежит в основе любого портала. Поэтому твари легко находят дорогу в такие места. Они и достроили город своими воспоминаниями.

— И люди тоже, — их жертвы. А теперь еще и мы. У каждого из нас есть свое особенное место в Отрезке.

— Да... Тварям здесь хорошо: страх и боль разлиты в воздухе. Просто дыши. Старшим еще и поохотиться на попавших в слияние людей можно, — в его голосе звучит восхищение.

— Почему бы им не жить здесь тогда? — почему на мои вопросы она не отвечает?

— Не выносят компании себе подобных. Если помотришь на поисковые чары, сразу увидишь: точки рассеиваются почти равномерно, чтобы не пересекаться. Но даже так им тяжело терпеть соседство. Плутон постоянно возвращается в нормальный мир, чтобы отдохнуть.

Вдруг понимаю: тени всегда сменяли друг друга рядом со мной. Стоило появиться новой, более яркой, как прошлые исчезали.

— Она говорит, что там происходит?

— Нет, — вздыхает. — Наши переживают, что их семьи с ума сходят. Ладно, у Кана только Нина, она хотя бы в курсе ситуации. А у Тони пять сестер. Пять! Представляешь? Они про Университет ничего не знают. Айины родители тоже, а они еще и пожилые. Обычно администрация прикрывает пропавших, и сейчас должны. Пока не станет понятно, что они... что мы не вернемся. По идее, все в порядке, но...

— А ты? Кто ждет тебя?

— Никто. Тебя?...

Знают ли они, что я исчезла? Если да — волнуются ли?

Вряд ли.

— Тоже.

— Это ничего, — кладет руку мне на макушку. — Иногда так даже легче, правда?

— Сколько у нас времени? Пока в Университете не откроют новый портал... драконий, так?

— Нет, пока — человеческий. Они используют тебя. Меня. Драконий для обратной дороги. Не знаю. Месяц-два. Мантикора и Илай были совсем плохи. Я видел обоих за пару дней до... всего этого. А накопителей с их силой мало. Плюс, надо перенести весь Совет с охраной. Пара ученых напросится. Искатели, медики... целая толпа выйдет. Тяжело.

— Зачем они все?

— Только Совет в полном составе способен создать драконий портал. Таково устройство чар. Советники не сунутся в Отрезок без защиты и целителей.

— Разве они сами не сильные маги?

— Да, но и старые. Из молодых один Цирта. Ну, теперь уже не Цирта, а Советник Коди. Второе имя. Постоянно забываю.

— Чем особенный драконий портал?

— Завязан на драконах.

— Драконы существуют? — я сажусь. — Живые? Огромные огнедышащие драконы?!

Наас смеется:

— Остынь. Да, существуют, но они спят в саркофагах, которые зарыты рядом с Университетом. Их всего три осталось. Части тел — мертвые полюса порталов — спрятаны по крупным городам, чтобы маги относительно быстро перемещались по миру. Никто не видел живого дракона со времен Огненной эпохи. В последний переезд ордена, который из-за войны, саркофаги перезахоронили, не открывая. Боялись разбудить. С останками тоже очень аккуратно обращаются: каждый кусок заперт специальной печатью, чтобы не рос.

— Рос? — маг улыбается:

— Из одной чешуйки или осколка зуба вырастает целый дракон. Представляешь?

— Они так размножаются?

— Если верить книгам. Драконы описываются вроде каменных: не линяют, не теряют когтей. Только в битвах. Поэтому убивать их шли и рыцари, и маги, чтобы быстро купировать отсеченные фрагменты. Иначе из одного получалось бы несколько. Я читал, что от пролитой драконьей крови рождались тысячи ядовитых гадов, которые заселяли места сражений и делали их непригодными для

жизни. Маги древности уничтожали или запечатывали тела сразу после битв, а потом делали порталы. Потенциально вокруг чертова уйма драконов — только выкопай останки и сними печать. Охрененно же, да?

— Да... потрясающе.

— В запасниках Университета кусков пять хранится. Один переправят сюда. Получат стабильный проход: драконьи порталы за счет огромной огненной мощи исходного материала открываются любым магом. И без всяких жертв.

— Плоть для мертвого полюса отнимается насильно. Вот тебе и жертва. Выходит, порталы работают на огненной стихии. Маги огня. Твари. Драконы, — глажу шрам. Месяц или два. Много или мало?

— Да. И темной. Полюса жизни и смерти, помнишь?

— Как тут забыть, — говорю ровно, но он понимает. Садится и нависает надо мной. Обычно теплые глаза потемнели, у губ обозначились морщинки — компания тем, что залегли между бровями. Резко пахнет весной. Прежде запах терялся в осенней свежести привычного мира, но сейчас щекочет ноздри ароматом дождя и первых цветов. Поднимаю руки и провожу по подбородку, мягкой щеке, зарываюсь пальцами в горящие золотом растрепанные пряди:

— У меня ни черта не выходит, — Наас прослеживает перекрестие шрамов на моих запястьях. Накрывает багровую от жара ладонь. — Мне жаль.

Повторяет эхом:

— Жаль... не надо.

— Если я не...

— Пойдем, — соскальзывает с бортика и тянет за собой.

— Куда?

— Я покажу тебе свое место.

***

Мы уже заходили в квартирку под самой крышей узкого дома. Не задержались, пошли дальше по скрипучим коридорам, заглядывая в похожие грязные комнаты. Наас тогда отстал и нагнал только на улице. Теперь я по-новому смотрю на стопки плесневелых журналов в углах, шприцы на подоконнике, сигаретные ожоги и окурки в разохшейся раме окна. Наас не переступает порога, прячется за спиной и монотонно рассказывает, пока за пыльным стеклом умирает день. Хрипло шепчет о том, что боялся приходить домой, но всегда шел. О кислом запахе из материнской спальни и наигранно-бодрых голосах в телевизоре: единственный канал показывал телемагазин, прямо сейчас тревожит оцепенение пустого дома. Реклама тряпки для пола. Набора посуды. Пылесоса. Снова тряпка. Ведущие блещут энтузиазмом, домохозяйки красивы и восторженны. Одно и то же по кругу сквозь синие полосы помех.

Грязный ком одеял на диване. Кажется, будто кто-то лежит. И она продолжает лежать там — для Нааса, пусть давно умерла, — ее сын по-прежнему возвращается в эту комнату за ответами. Прощением. Любовью.

Свободой.

Спустя много лет он опять здесь и говорит:

— Знаешь, я всегда думал, что у меня получится спасти ее. Но и знал, что нет. Что меня никогда не будет достаточно — что бы я ни сделал, каким бы ни был. Долго винил себя, что сбежал в Университет, собрался в тот же день, когда они пришли

за мной. Те пару месяцев были прекрасны, хоть меня еще не подпускали к магии. Я почти не вспоминал, пока не позвонили соседи. Она... ты не представляешь, на что она была похожа. Я едва узнал. Лепетала, что завяжет, весь обычный бред. Одно и тоже повторяла, я тысячу раз это слышал. Смотрел в окно. Там цвела вишня, и ветер пах так сладко и хорошо...

Окно было закрыто, поэтому я не чувствовал запаха, но помнил с улицы. И мне ведь было — хорошо, пока она снова все не испортила, а теперь врала, что исправит. Я просто хотел, чтобы она замолчала. Чтобы исчезла. Перестала меня мучать. Очень сильно хотел. И тогда она захрипела. Стала царапать горло. Я... я отнял ее воздух. Не специально, но... Наас рвано вздыхает:

— Ладно. Дани прав. Я убил ее. И тогда, своим первым колдовством, и еще раньше, когда приводил за собой тварей. Из-за них она и кололась. Из-за меня. Знаешь, на похоронах я понял: я ведь всегда хотел спасти не маму — себя. Хотел... хотеть приходить домой. Хотел перестать искать тайники, признаки, причины... просто жить хотел. Это так мелко и глупо, что даже стыдно, но послушай, — он до боли сжимает мои плечи, — из мелкого и глупого все и складывается, ты складываешься. И это ничего. Понимаешь? Это нормально и правильно. Нет плохого в том, чтобы хотеть маленького счастья. Даже если это кого-то убьет.

— Это уже убило слишком многих. Эрлах...

— Разглядел в тебе убийцу, знаю, — горло перехватывает спазмом. — Я тоже. Сразу. Неважно, послушай: пусть у тебя не получается. Пусть мы проторчим тут два года. Пусть Кан бесится, а Айяка ходит мрачной тенью, пусть нас объявят мертвыми и похоронят, плевать! Забей, помни только о себе и силе внутри. Найди ее истоки, освободи и огонь, и тьму. Себя. А люди... однажды они перестанут иметь значение. В конечном счете, ничего не имеет значения — только честно ли ты поступала с самой собой. Не с ними. Не со мной. И даже не с теми, кого убила. Я накрываю его пальцы.

— Ты любил ее. Куда уж честнее.

— Иногда любовь убивает, — Наас горько усмехается. Почему-то в интонациях мне чудится нечто иное, не имеющее общего с мерцающим экраном телевизора и свернувшимся у ножки дивана жгутом.

— Иногда мы просто любим не тех людей.

— И это тоже.

***

— Пришли за тобой? — на улице я останавливаюсь, пропуская его вперед. Наас растерянно моргает. — Ты сказал, из Университета пришли за тобой.

— Да... верно. Они же ищут огненных магов. Меня нашел Эрлах. Хоть я нестабилен, ученые и таким рады. Дани предупредил, что меня ждет, но я все равно согласился. Тот год был совершенно ужасным. И по части тварей тоже, — поясняет, словно оправдываясь.

— Нина пыталась отговорить меня, — улыбаюсь.

— Как будто можно отговорить от чертовой магии, — Наас невесело смеется.

— Да, — прячу руки в карманы джинсов. Ожог на ладони протестующе печет. — Иди без меня. Я... хочу немного прогуляться.

Парень понимающе кивает:

— Не задерживайся после заката. Мало ли.

Не думаю, что и он пойдет сразу домой:

— Ты тоже будь осторожней. Если что — стреляй в воздух, — Наас коротко хохочет. Салютует на прощание и уходит, сутулясь, — золотой проблеск в холодных тенях. Я иду в противоположную сторону. Впрочем, город не особенно велик. Возможно, мы еще встретимся.

Я точно знаю, куда мне нужно.

К колодцу.

Кованый, изящный и черный, как сама тварь, — маяк на пересечении пяти узких улочек. Единственный в целом Отрезке. Вечность назад в полумраке архива Айяка сказала: Тлалок запер Плутона внутри колодца после рождения, чтобы подчинить. Сделать под себя.

Мощеная булыжником площадь. Наверное, в прошлой жизни между гладкими камнями росла трава. Сейчас лишь вездесущий пепел высохших лепестков из фонтана. Опираюсь о бортик и заглядываю во влажную черноту. Внутри тихонько живет вода. Кидаю камешек, считаю до девяти, до всплеска.

— Говорят, со дна колодца даже днем видны звезды, — вытягиваю из кармана звенящее украшение, наматываю на ручку ворота. Не поэтому ли ее взгляд изменился, когда в Заповеднике я сжала в кулаке сверкающие кусочки металла? Роюсь в джинсах, рассыпаю содержимое карманов по чугунному бортику.

Пустая упаковка от жвачки, складной ножик, деньги, обрывок бечевки, — зачем? Нинин леденец, подросший до виноградины, сизая Валентинова монета. Гильза из дома с расстрелянными стенами здесь, в Отрезке. Зажигалка.

Монета теплая и шершавая на ощупь. Когда я буду в Университете...

Нет. На трамвайной остановке, после встречи с Ниной и безымянной девочкой, я обещала себе:

— Не убегать. Больше не... — отправляю ядовитый кругляшек вниз. Как там: чтобы однажды вернуться? Нет, нет. Не сюда.

Сгребая в кучу купюры и веревку, обертку жвачки. Чиркаю зажигалкой.

Когда огонь разгорается, выплевывая дым, без раздумий заносу отмеченную стеклом и пламенем ладонь.

И вижу Нааса, невероятного солнечного Нааса, испуганным ребенком в дрожащем сером свете телевизора. Сжавшуюся в комок девочку среди заброшенных домов. Тварь в слепящей ловушке камеры. Призраков у могилы — живых и мертвых, и очень горьких. Штормовые глаза Нины и острие под ребрами:

— Люди, люди страшнее всего.

Да.

Смятое лицо сторожа. Папа не пришел за мной в тот день — опять, и навсегда. Он вытерпел многих, но тварь с мшистым запахом сломала его волю. Утром шкаф в родительской спальне блестел пустыми полками. Длинные гудки в телефоне обрывались в голосовую почту. Зеркало на дверце отразило меня: убийцу. Зажмуриваюсь и вижу снова, напротив. Девочка: спутанная, слишком длинная челка прячет глаза и фиолетовые тени бессонницы. Подрагивают губы в ранках. Рукава школьного свитера давно коротки, открывают исцарапанные запястья. На ботинке — кровавый мазок. Мелкая и глупая, жалкая. Самое страшное существо на свете, и бежать на самом деле бесполезно.

Я всегда буду здесь. Пора остановиться. В этом мире хватит места и для чудовища по имени Зарин Аваддон. Эрлах правильно сказал:

— Магия начинается с правды.

***

Сумерки настигают меня далеко от дома. Темные улицы кое-где освещены случайным окном или витриной. Магазин, в котором мы берем еду, сияет новогодними огоньками. Пушистый еловый венок на двери терпко пахнет смолой. Продукты в витринах и холодильниках свежие — хоть сроки годности истекли семь лет назад.

Нам не хочется есть и пить, но каждый вечер Айяка готовит что-нибудь и созывает всех на тесную кухню. Тони обычно уже сидит там. Я часто натыкаюсь на его еще ласковый, адресованный черноволосой волшебнице взгляд.

Едва помещаясь за застеленным клетчатой клеенкой столом, мы передаем друг другу исходящие паром щербатые тарелки и молчим каждый о своем. Нелепый, но странно важный ритуал — единственный общий.

Квартира приобрела обжитой вид. Исчезла пыль с полок, ветхие покрывала, побитые молью ковры и тюки со шкафов. Книжки за резными стеклянными дверцами выстроились по росту. Зеленые шторы в комнате посветлели на три тона. Треснутое стекло в форточке на кухне кто-то жирно заклеил синей изоляцией. Он же, наверное, починил разваливающийся ящик над умывальником, забил досками и заклиниваниями черный вход, ведущий в парадное. Засверкали круглые плафоны в прихожей, и пропали мертвые мухи между оконных рам. Как-то, придя домой, я наткнулась на Айяку, ожесточенно отдраивавшую голубую плитку в ванной от уродливых детских переводок.

— Они меня бесят, — девушка сдула прядь с лица. Желтые резиновые перчатки сплошь в катышках. Половина стены блестела чистотой, с оставшейся улыбалась целая армия мультяшных животных.

— Час ночи, — я привалилась к косяку.

— Не могу уснуть, — волшебница вернулась к прерванному занятию. Я заметила, что на тумбочке в коридоре место древнего дискового телефона заняла синяя ваза с искусственными гвоздиками.

— Бывает, — после дней с Плутоном я быстро отключаюсь. Но остальные вынуждены прибегать к ухищрениям.

Кан добыл приличный запас сигарет и непрерывно дымит, с мрачным старанием забивая банку на подоконнике окурками. Он не сменил своей формы охотника и кажется готовой распрямиться пружиной. Прожигает мрачным взглядом каждого, кто лезет под стол к проигрывателю, чтобы сменить мелодию. Шипящий ящик с колонками и стопкой пластинок притащил однажды веселый и запыхавшийся Наас. Много ретро, чуть меньше рока. Квин и Скорпионс вперемешку с нежными итальянцами и жизнелюбивой Аббой. Айяка выбирает последних или Эдит Пиаф. Тони предпочитает Челентано. Кан расслабляет плечи, когда музыка замолкает. Вкусы Нааса остаются для меня загадкой: маг пропадает сразу после ужина, когда наступает его очередь встречаться с Плутоном. Лишь посередине ночи хлопает входная дверь, тихие шаги неизменно перебиваются ударом о тумбочку у ванной: — Ссуу... — шипит, щелкая выключателем. Свет из туалета выхватывает макушку Тони, оттопыренное ухо и изгиб шеи с нитями скрывающейся под футболкой татуировки. Кан поворачивается на матрасе в углу. Я засыпаю под журчащую воду: теперь можно, он дома.

Сегодня я пропущу ужин и предупреждения рыжеволосого мага. Сворачиваю в проходы, уводящие прочь от нашего пристанища.

За стенами скользят тени, иногда мелькая в освещенных окнах дикими силуэтами. Некоторые дворы утопают в оранжевом сиянии фонарей даже днем. В других свет погаснет с первыми лучами солнца. Следы от пожарниц и разбитые камни отмечают дороги чужих сражений, часто обрываясь в кольце цветочной улицы. Метров двадцать — и красный ковер упирается в зеркальное отражение домов. От пустой арки напротив проридает ознобом: ожидаешь увидеть своего двойника.

Из всех нас лишь Наас переступил неровную кромку асфальта. Почти крадучись, прошел по хрустким костям под паутиной проводов, свернул за угол. Окликнул сзади.

Вот и конец Отрезка.

Я тогда присела на корточки, склонилась над цветами. Совершенно обычные. Багряные венчики, рассыпчатая пыльца. Легко сминаются, мажут кожу прозрачным розовым соком.

— Я ждал красного, — Наас отобрал и сжал в кулаке измочаленные лепестки. Я вытерла руку о джинсы.

— Я тоже.

Я больше не захожу в здания. Это... слишком.

Никогда не угадаешь, что за следующей дверью, запертой или услужливо распахнутой.

Бывает — белье сушится на горячей батарее, свежие фрукты в хрустальной вазе, под свистящим чайником горит газ. Бормочет радио. Киснет посуда в раковине, чашка чая на столе — теплая. На дне не растаял сахар.

Разоренные комнаты... уместней. Я со странным облегчением встречаю пыльную завесу, истлевшие ткани, побитые люстры. Скукожившиеся овощи в пропахшем разложении холодильнике.

Здесь все ясно. Но что ужасного могло произойти в гостиной с лимонными шторами и пахучим пирогом в центре круглого стола?

Тони не ответил. Вцепился побелевшими пальцами в спинку высокого детского кресла. Жалобно звякнула потревоженная ложка. Мы вышли, оставив его наедине со своей памятью.

А через несколько квартир Кан застыл как вкопанный у оббитой черным дерматином двери. Тронул нарисованный вокруг глазка кривой цветочек. Проскреб рисунок ногтями: синий лак никуда не делся.

— Она не должна быть здесь, — со страхом осмотрел парадное. — Это не наш дом. Ручка легко повернулась под его прикосновением.

— Пойдем, — тихонько позвал меня Наас. Айяка уже сбежала на лестницу.

Кан вскоре догнал. Раньше, чем Тони. Смуглое лицо ничего не выражало.

После я вернулась туда. Со стен коридора из разномастных рамок глядели маленькие Нина и Кан — нескладные и улыбчивые, играющие или позирующие с растущим от снимка к снимку рыжим котом. Они и мама, папа, бабушки- дедушки. В зоопарке, на пляже, среди цветущих клумб и на сцене школьного театра. Будущая волшебница в слоистой балетной пачке. Капитан пятого блока гоняет футбольный мяч. Чем дальше от входа, тем реже встречались фотографии с подростком-Ниной. Вскоре я наблюдала лишь прошлое ее младшего брата: вот он с друзьями собирает мотоцикл, чуть выше с гордостью демонстрирует какой-то кубок. А тут сидит на диване в обнимку с хохочущей рыжеволосой красавицей.

На ней история оборвалась, а я попала в комнату, в которой их сфотографировали. Светлые полосатые обои почти скрыты за картинами. Пейзажи и натюрморты. В углу стоит планшет с чистым полотном, а по дощатому полу в беспорядке рассыпаны кисти и тюбики с маслом. Обломки массивной каменной вазы и побледневший веер стеблей. Лаванда. Источник Нинино аромата.

Еще одна вещь не на месте — скатанный в трубу бежевый ковер. Развернулся, стоило потянуть за край. Будто ждал, чтобы выдать свой секрет: широкое бордовое пятно по центру. Даже близко непохожее на краску. Я поторопилась скатать обратно и отступить к выходу, пройти мимо снимков вспять течению времени.

— Что же вы наделали? Кто это был?

Кто убил? Кто умер?

Беззубая малышка-Нина с черно-белой карточки не может ответить. Вряд ли я спрошу девушку, в которую она превратилась.

Пора двигаться вперед.

Вперемешку с вполне привычными, здесь теснятся дома-музеи, словно сошедшие со старинных гравюр. Маслянистые от сажи, до сих пор пахнут чем-то животным. Внутри кажется кощунством трогать вещи, рушить почти живую историю. Впрочем, два кривых, щербатых, но очень настоящих меча все-таки перекочевали в нашу подставку для зонтиков.

Углубляясь в сетку кварталов, выхожу к парку. Ночные тени уже сомкнулись вокруг гладких горелых стволов. Обрывки листвы мягко шуршат под ногами, потом начинают поскрипывать. Ближе к центру сменяются пачкающими сажевыми хлопьями. Деревья в сердце сквера совершенно голые. Пытаюсь отломить будто каменный пруттик. Не выходит. Пальцы грязные. Ветви над головой скребутся друг о друга, роняя черную пыль.

Продираясь сквозь цепкие кусты, иду к поляне рядом с главной аллеей. В зеленой реальности — наверняка идеальное место для пикников и свиданий. Здесь — пейзаж из кошмара.

Упираюсь ладонью в маркую кору дерева, под которым произошло нечто ужасное. Прямо между вспучившихся корней — пустая, с глубокими жесткими трещинами земля. Сочится темной водой, но не становится грязью. Незаживающая рана. Глотаю шершавый воздух и сухой шорох в кронах, заполняя пустоту под ребрами.

Не убегать. Не прятаться с последними лучами солнца. Увидеть.

Как замирают вспоротые дома и отгоревшие скелеты деревьев. Как небо падает вниз: хочешь — бери.

Стань одной из многих теней, подожди вместе.

Поймай, пойми этот момент.

Когда день ломается в ночь.

Далеко и близко трещат оконные рамы. Тонко звенят стекла. Шаги.

— Великолепно, правда? — Плутон улыбается лишенными белков глазами. Встряхивается, распушив мех на горле. Я ищу и не нахожу привычного страха. Осторожно касаюсь ее шеи. Колкая. Мягкая. Теплая. Почему она теплая?

— Ты знаешь, — тварь отвечает на незаданный вопрос, — у тебя получилось.

— Да, — сжимаю левую руку в кулак. Все еще больно, но это — старая боль.

— Ты... Меня ждут, — отступает к деревьям, отворачивается, но не спешит уходить.

— Что? — она идет к Наасу. С ним она разговаривает, не со мной. Ему она скажет, что...

— Видны, — вздрагиваю. — Звезды со дна колодца. Даже в самый яркий день я могла разглядеть... — качает тонкими рогами. — Тлалок приходил по ночам. Днем позволял всем желающим толпиться у колодца, но во время своих... уроков... хотел, чтобы я видела только его. Не понимал, каким маленьким казался: крохотный силуэт перед вечными огнями. Его голос заполнял колодец, а их молчание — целый мир.

Плутон оглядывается на меня. Рвано смеется:

— Я ужасный учитель. Прости. Рыжий мальчишка гораздо...

— Понятней, — тварь скалится. — Но этого мало.

— И меня будет мало. Любых знаний тоже.

Знаю.

Плутон запрокидывает лицо к первым, еще тусклым точкам на синей глади:

— Всегда есть что-то еще, Аваддон. Даже если прямо сейчас ты не видишь, все равно — продолжай искать. Никогда не останавливайся. Пусть твой страх заслоняет небо, но однажды ты найдешь свои звезды — прямо за его плечом.

Я искала. Терялась во дворах и переулках, торопилась догнать гремящих за стенами тварей — никогда не успевала. Забавно: мы поменялись местами. Разгадывала чужие воспоминания по следам на полу и стенах. На той, что начиналась за красной, слоистой от краски дверью нашей квартиры, каждый отсчитанный Айиными часами день прибавлялась царапина. Сколько их наберется в конце? Айяка однажды заметила, что иногда пропускала, и поэтому мы наверняка потеряли неделю. Но я бы сказала — целую жизнь.

Жизнь в подвальном мраке и несмолкающем хриплом шепоте, тонком запахе птичьего помета и биении крыльев под потолком: воробьи все чаще спархивали к покрытому изморозью знаку, а потом бились между колонн и стеллажей в поисках выхода. Многие его не находили.

— Почему моя улица? — спрашиваю Плутона, отогреваясь на крыльце и наблюдая, как с разрисованных шрамами предплечий стекают радужные пятна витражной тени. Тварь щурится, раздувает узкие ноздри. Взъерошена после прохода через защитный барьер вокруг заклинания. Горячие цвета исчезают, касаясь чешуйчатого, теперь очень настоящего лица. В сумерках каменного парка мой кошмар растерял иллюзорный морок. Другие создания тоже перестали отмечаться предчувствием гибели — но только для меня и Нааса. Маги по-прежнему бледнеют и замирают, когда неподалеку оживает тьма. Тру опухшие веки:

— Здесь не произошло ничего ужасного. Случались места и хуже.

Коридор с бурными брызгами: несколько пропущенных уборщиками капелек у плинтуса. Оставались там даже когда я заканчивала школу. Дом с проломленной крышей веранды, затерявшимся внутри осколком — куда после приходили умирать окрестные коты и собаки. И дед тоже попросил отвести его в устланный просевшими телами дикий яблоневый сад, где пронзительно пахло разложением и на единой ноте гудели тяжелые, зрелые мухи.

— Вот здесь. Помоги мне сесть. Пора немного отдохнуть. Мы проделали долгий путь, правда? — в те годы он уже давно не ходил дальше туалета. Морщинистое лицо посерело и блестело от пота. Я размяла плечо, на которое он опирался. Больно.

— Тебе плохо? Принести воды? Я быстро сбегая... — я не спросила, зачем мы здесь. Наверное, знала.

— Да... дда, так будет лучше, — согласился на выдохе. Собирался что-то сказать, но я вскрикнула:

— Я сейчас! — и убежала. А когда вернулась — вопреки обещанию медленно, чтобы не расплескать до краев полный стакан — его больше не было.

Я почти чувствую гнилостный дух и вижу сторбленную фигуру под деревом — будто дремлет, облокотившись о ствол. Но кто станет спать в подобном месте?... Встряхиваю головой, возвращаясь в жаркий полдень Отрезка.

— Суть в надломе. Здесь ты изменилась. Приняла решение и последовала ему, — обещала перестать убегать. Не там, на трамвайной остановке. И кто мы сейчас, если не беглецы?

— Оно ни черта не изменило. Я осталась прежней.

Из подъезда напротив выныривает Наас. Улыбается и салютует сверкающим на солнце мечом. За ним Тони, закинул свой на плечи. Лезвия настолько тупые, что некогда смертоносное оружие теперь тянет лишь на дубинки. Тварь хмыкает, подбирается для

прыжка:

— Как хочешь. Но ты ошибаешься. Мы все кружимся, Аваддон. Блуждаем кругом или взбираемся по спирали — ты ни за что не поймешь, пока не найдешь точку отсчета. Однажды ты оглянешься назад и увидишь: случившееся на этой улице изменило твою жизнь.

— Почему ты называешь меня Аваддоном? Меня зовут Зарин.

— Я так не думаю.

Порыв ветра — и ее нет рядом.

— Пойдем с нами! — кричит рыжеволосый маг. — Тренироваться! Догоняй! — бросает уже на бегу.

Мышцы ноют после вчерашней схватки. Голова кружится — от прогорклой пепельной магии подвала.

В день, когда моя плоть перестала гореть, Кану пришла идея:

— Тренировки, — парень появился на пороге кухни. Загородил проход, отсекая путь к отступлению. Прическа растрепана сильнее обычного. Жара наконец-то победила, и капитан пятого блока снял форму. Но даже без смертоносных перчаток, в обычной черной майке и джинсах, Кан напоминал хищника, почуявшего запах добычи. На запястье блеснул запутанный в ремешках знак Университета.

— Я и тренируюсь, — быстро ответил Наас. Кан прошелся по нему цепким взглядом. Рыжеволосый маг ссутулился, спрятал ладони между колен.

— Оно и видно, — фыркнув, Нинин брат переключился на меня. Я гуляла до рассвета и не нашла Плутона в утренних сумерках на привычном месте, поэтому оказалась дома — не вовремя. Кан склонил голову набок, оценивающе разглядывая мои худые руки:

— Итоговый экзамен включает и физические нормативы. Владение оружием, холодным и огнестрельным, борьбу, выносливость. Мы чаще полагаемся на тело, не на волшебство. Твой год проходит прямо сейчас. Нельзя терять время.

— Это ловушка, он убьет тебя, — громко прошептал Наас. И вызвался составить компанию. Айяка с Тони, посоветовавшись, тоже решили присоединиться.

— Мне ужасно скучно, — поделился Наас по дороге. Было жарко и солнце слепило, заставляя щуриться. Выбеленный светом Кан бежал трусцой впереди к лишь ему известной цели. Мы отстали, чтобы поговорить между вдохами. — Тони или с Каном... в шахматы шпилится... ненавижу... Либо с Айякой... гуляет... Ты... занята... Айя... — парень нахмурился и умолк. Он никогда не заговаривал с черноволосой волшебницей. Я посмотрела ей в спину — тяжелый хвост носился маятником туда-сюда. Тони держался рядом, вот повернулся к своей девушке: все ли в порядке? Айяка рвано кивнула и споткнулась. Она даже слабее меня. Но будущим ученым не нужно бегать.

В боку нещадно кололо, а легкие пекло. Я хлопнула Нааса по плечу вместо ответа и попыталась сосредоточиться на дыхании.

— Я понял... куда! — я тоже. К девятиэтажке, сзади которой — стадион, шаткие трибуны. Покосившиеся футбольные ворота и дымящая пылью земля. Высаженные в шеренгу сухие тополя дырявят небо. Это место неприкосновенно. Я давным-давно обошла все три подъезда, но не смогла открыть ни одну дверь. В Отрезке бывает: как ни ломай — и царапины не прибавишь. Тони сказал про похожий дом:

— Ждет своего человека. Или... не-человека, — добавил, услышав переливчатую трель под лестницей. Мы перестали дергаться при подобных звуках, а Айяка больше не вскрикивает, тут же зажимая рот. Твари днем не показываются, но присутствие ощущается

— хотя бы ознобом в затылке.

Ночью не высовываемся мы, чтобы не нарушить само собой установившееся равновесие.

— Думаешь, город закончен? Построился наперед? — Наас замер у окна. Как замороженный провел пальцами по чешуйчатой от краски раме, подцепил ногтями каменную бахромку. — Знает наше будущее и прошлое.

— Магазин выглядел ровно как я запомнила, — беззащитно нахмурилась Айяка. — Но он был... — в памяти возник седой от пыли и воробьиного помета зал.

— Разорен, да, — девушка взлетела по ступенькам на следующий этаж, давая понять, что тема закрыта.

Ну и ладно. Я отвернулась к Наасу. Он коротко ударил кулаком в стекло. Зашипел от боли, затряс рукой. На окне остался смазанный красный отпечаток. Но стоило моргнуть — чисто. Рыжеволосый маг, зло скривившись, слизал кровь со стесанных костяшек. Я взяла его за руку, переплетая пальцы.

— Достало все это, — бессильно выдохнул. Губы яркие от...

— Еще чуть-чуть, — если Илаю суждено прийти, то — куда? Как понять, где он сломался?

Быть может, прямо здесь? Стадион и девятиэтажка ведь принадлежат кому-то, чье время в Отрезке еще не пришло. Монолитное воспоминание — вплоть до настила из двух дверей на смолистой рубероидной кровле. Я изо всех сил тянула за угол спрятанный под досками плед и топтала забытую на карнизе сигарету. Бесполезно. Прошлое незыблемо: не отломать и сучка в целом парке.

Глупо и мелко — как страшно шептал Наас. Из глупых и мелких вещей вроде одеяла и колючих ветвей в парке складываются целые миры.

Хорошо, если ничего от Илая и других здесь нет. Мы должны уйти раньше, чем замерзшие линии портала оживут и выплюнут мага огня в компании отряда охотников.

— У нас еще есть время, — я разминаюсь в центре футбольного поля, пока по отчаянно дребезжащим трибунам несутся, звеня клинками, Наас и Тони. — Все будет...

— Хорошо, — говорит Кан. Прижимает ладонь между лопаток. — Только держи спину ровнее. Вот так.

Я сбиваюсь с ритма упражнения.

Слишком близко. Запах дыма и пота. И кожи, хоть он давно не надевал своих смертоносных перчаток. Кан занимается со мной каждый день, выбирая момент перед закатом, когда Наас отправляется на поиски рогатой тени. Неизменно перехватывает в узком коридоре, улыбается до ямочки на правой щеке и ловко подбрасывает нож. Рядом на кухне болтают влюбленные. Девушка нежно смеется, свистит закипающий чайник. Их хватило на три тренировки: Тони уже прошел инициацию, а Айяке не нужно уметь бегать и драться, чтобы сдать экзамен второго блока. Я молча принимаю оружие. Верчу в деревянных пальцах. Мне плохо дается эта наука, но Кан, похоже, доволен. Занятия напоминают танец: я отхожу, он наступает.

Я помню про красавицу Энид. Он явно хочет забыть.

В пустом городе, где замирают звуки, сложно забыть что-либо по-настоящему.

— Хотела сбежать от меня сегодня? — с усмешкой спрашивает охотник, перенося вес с носка на пятку. Готовится напасть. Спустя десятки учебных поединков я знаю его привычки и тело чудовищно... тесно. Теперь он мало разговаривает со мной, предпочитая действовать.

Наверное, оттого, что я снова и снова задавала вопросы о Нине. Кан дергал уголок рта

и менял тему.

И кто здесь убегает?

— Променяла на этих двоих? — вплотную. Приходится задрать подбородок, чтобы смотреть ему в глаза, а не между ключиц.

— Да, — вскидывает брови. Перевожу дыхание и убираю со лба влажную челку.

— Почему? Я такой страшный? — нет... Да.

Но и я — такая. Сегодня одна из колонн в подвале раскололась, повинувшись моему желанию и давнему воспоминанию:

— Конечно — она, а кто еще?! Бога ради, комната была заперта снаружи! Она даже впустить никого не... — прикрытая дверь не гасила яростный шепот. Полночь. Я проснулась от боя часов в гостиной и вышла в туалет. Щенок умер неделю назад. Тогда я зажимала уши и прятала мокрое лицо в коленях. Ничего не сделала, чтобы защитить. Не пошевелилась, когда визг наконец оборвался.

Лучше он, чем я.

— Ей только шесть!

— Она сказала, что он умрет! Сказала, только увидев его! Она убила его, она больная, надо...

Я ударила дверь, ударила колонну, папин голос тоже треснул на части — как я и хотела. Он не имел права так говорить.

— Я не знаю. Я тебя не знаю, — возвращаюсь в жаркую реальность.

— У нас еще будет масса времени познакомиться поближе. Когда вернемся, — в тонкой майке и шортах я чувствую себя голой под его взглядом. — Я жду этого с нетерпением. Кстати, как у вас там продвигается с тварью?

Прикусываю губу и пожимаю плечами. Стискиваю скользкую от пота рукоятку ножа. Он еще долго терпел прежде, чем перейти к сути. Не стоит грубить. Мы должны вернуться союзниками, если я хочу выжить в Университете. В пятом блоке охотников.

— Вы в Отрезке, кишашем тварями, Аваддон. Никто не удивится, если вернутся не все, — мягко выдыхает тварь — в моей памяти. Когда Плутон это сказала? В ответ на...?

— Нормально. Неплохо. Думаю, уже скоро, — пусть Кан найдет мою улыбку многообещающей. Пусть думает, что умнее всех. Перехватываю оружие и провожу вполне успешный захват. Парень хрипло смеется и повторяет:

— Хорошо, очень хорошо! — вырывается. Он гораздо сильнее. Заламывает руки, ловит за волосы, заставляя мучительно выгнуться. Выкручиваюсь до ломки в суставах, лезвие режет воздух. Черт. Шепот огнем обдаёт ухо:

— Ты быстро учишься. Мне нравится. Люблю достойных противников.

Сиплю раньше, чем успеваю подумать:

— Тот, кого ты убил, был достойным?

— Чт... — хватка на секунду слабеет. Выдергиваю запястья, бью в солнечное сплетение. Отскакиваю и выплевываю:

— Я видела пятно на ковре. Не ври, что это Нина. Нины здесь нет, а квартира открылась!

Его верхняя губа дергается, на секунду обнажая зубы в оскале. Кан бросается вперед. Я пропускаю удар. Внутренности скручивает. Пытаюсь глотнуть воздуха, но не...

— Ты ни черта не знаешь обо мне и о ней!

Во рту разливается вкус металла. Кан бьет по ногам. Прижимает к земле, навалившись сверху и фиксируя локти до рвущей жилы боли. Слезы обжигают глаза:

— Ты убийца. Она трусиха. Вот и все.

Нинин брат рычит:

— Как будто я хотел убивать ее! — я смеюсь. Кан встряхивает меня, как куклу. Клацаю зубами, прикусывая язык.

— Ты такая же! Не можешь не нарываться! Тты... чертова Нина...! Я не просил многого — только не высовываться! Был хорошим младшим братиком. Украл партию экспериментальных оберегов, их бы на несколько лет хватило! Легче легкого! Наслаждайся жизнью без тварей! Присматривай за родителями! Не раскалывай голову подруге, даже если она увела твоего ублюдочного парня! Неужели сложно?! Но сестренка как всегда умудрилась все испортить своей чертовой магией. И позвонить мне: конееечно, кому еще решать ее проблемы?! Девчонка умирала! Ей бы никто не смог помочь. Думаешь, я не пытался?! — в поясницу упирается колено. Кашляю пылью и кровью — алые брызги исчезают, стоит моргнуть. Кан наклоняется ближе. Мечи перестали звенеть, в наступившей тишине его голос сочится ядом:

— Думаешь, я хотел расчленять тело и топить мешки в болоте? Убегать из дома, как преступник, а потом видеть в новостях свои фотографии и рыдающих родителей? И что она сказала вместо спасибо? — Кан передразнивает совершенно непохоже на Нину:

— Надо было сразу отвести меня в Университет! Хотел сбежать туда один?... Я защищал ее от Хайме, а эта су...

— Не хватит на сегодня? — Тони. За ним Наас, бледный и подобранный. Постукивает мечом о землю. Кан отпускает, я неуклюже поднимаюсь. Руки не слушаются, когда я пытаюсь убедиться, что кости целы. Кан зачем-то тянется к моим покрасневшим запястьям, но Тони рывкает:

— Не трогай ее! — прозрачные зеленые глаза темны от гнева.

— Все в порядке, — каркаю. Наас подходит ближе. Раздраженно качает головой в ответ. Разглядывает, будто впервые видит. Вытираю кровь с разбитого подбородка и фыркаю: спохватились. Мои предплечья давно в ссадинах и синяках, колени разбиты, а на голени не заживает длинный порез.

Кан жесток, но он отличный учитель.

— Теперь я буду ее тренировать, — говорит Тони.

— Да ну? — Нинин брат насмешливо вскидывает бровь. — Не припомню за тобой особых успехов в рукопашной.

— Стреляю я лучше тебя, — хмыкает парень. Капитан пятого блока рассеянно тянется к кобуре, забыв, что оставил пистолет дома. А его нож по-прежнему у меня. Роняет:

— Патронов наперечет.

— Поищем еще. И с рукопашной как-нибудь да разберемся.

— Спасибо, — протягиваю Кану оружие. Пальцы трясутся, но благодаря ему я теперь знаю точно, как вспороть горло одним чистым движением.

Правда, спасибо.

Морщится, отступает:

— Оставь себе. И любые догадки на мой счет — тоже.

— Или что? — сжимает меч Тони.

Кан ухмыляется и отворачивается:

— Полегче, рыцарь. Еще порежешься.

— Почему ты не сказала, что он тебя достает? — шипит Наас, глядя вслед уходящему охотнику.

— Я первая начала. И сама могу себя защитить, — отвечаю в тон. Маг хмурится, сжимает губы. Золотистый хвост треплет налетевший ветер.

— Да ну?! Серьезно? — плечо пронзает болью. Успеваю увернуться от следующего удара и атаковать. Лезвие вспарывает футболку. Боже. Серая ткань расцветает красным. Роняю нож.

— Это я сглупил, — трогает пятно. Осторожно раздвигаю рваные края. Выдыхаю: порез неглубокий.

— Извини... я забыла про нож... — Наас тревожно смеется, накрывает мои дрожащие ладони.

— Я тоже. Прости. Больно?... — плечо? Да, но Кан бьет сильнее. Бил.

— Нет, — притягивает ближе, прижимаясь лбом ко лбу. Против воли всхлипываю: мне его не хватало. Или огня в нем, не знаю. Неважно.

— Против Кана этого мало, — Тони скрестил руки на груди. — Не оставайся с ним наедине. Мне не нравится...

— Со стороны вы выглядели ужасно, — перебивает Наас. Касается моего изсажденного подбородка, заставляя поднять глаза. — Обещай держаться от него подальше.

Зажмуриваюсь. Кан просил о том же в отношении Нааса.

— Ты привыкла справляться сама, — говорит Тони. — Но некоторые проблемы не решить в одиночку. Пожалуйста, в следующий раз помни: мы здесь вместе.

Я всегда одна. И они преувеличивают опасность, потому что не знают про выстрелившую кусками бетона колонну.

Они просто хотят вернуться домой, а я — ключ к portalу. Киваю:

— Хорошо. Извините, что заставила волноваться.

— Обещай избегать Кана.

— Обещаю. Ладно.

Обещание и есть причина, по которой однажды я, выбравшись из вязкой тьмы подвала в хлопающий крыльями пыльный мир магазина, натыкаюсь на Айяку. Зябко охватив себя руками, девушка застыла у стенда с вазонами и землей в пакетах. Дергается, когда я пинаю ту же крышку, что в первый день подцепил ногой Наас.

— Привет, — кутается в легкую вязаную кофту, нервным жестом оправляет коричневую юбку. Торопится объяснить:

— Тони и Наас пошли в тюрьму. Кан остался дома, и Тони попросил...

— Спасти меня от общения с нашим капитаном, — лучше Кан, чем деревенеющая в моем присутствии Айяка. Кана я могу ударить. С ней — лишь молчать и избегать взгляда. — Мы можем тоже пойти...

Тонкие брови сходятся на переносице, враз придавая лицу уязвимое выражение. Жалобно предлагает:

— Может, просто прогуляемся? — ладно.

Снаружи прохладный ветер обещает зябкие сумерки. Над городом собирается бледный закат.

Когда мы забрались в тюрьму, солнце садилось иначе.

Густой оранжевый цвет линеил стены полосами решеток. Мы прошли чешуйчатыми от

облупившейся краски коридорами, спустились в липкую влажность подвалов. Воздух там был плотным и клейким, а под ногами хрупала жирная черная жижа. Айяка первой сбежала наверх, в тюремный двор. После бесконечных железных дверей, клеток и сеток, тряской темноты в углах и неровного света от наколдованного Каном шара, на тесной площадке в каменном мешке дышалось почти свободно.

Возвышающаяся на холме серая громада с опаленным боком видна уже с площади, где фонтан и красные цветы. Можно различить витки колючей проволоки по периметру ограды, самодельные флаги на караульных вышках. Издалека — просто яркие пятна, а вблизи проявляются надписи:

Осторожно, люди!

Здесь безопасно.

Закрывайте двери!!!

Во дворе для прогулок их сотни. А еще имен, дат и — рисунков, стихов, просьб и молитв, исповедей и даже заклинаний: новых и древних, сложных и простых, написанных на старых стенах краской, маркерами, кровью, чернилами, мелом. Выцарапанных и выбитых.

— Защитные, укрепляющие, — тихо сказал Тони, смыкая грязные створки зеленых ворот. По ним и дальше полыхнули магией царапины барьера.

— Почему чары работают? — тревожно оглянулась Айяка. — Наложивший их еще жив? Мы все осмотрели...

— Их создали твари, — раздалось из-за закрытых дверей. Маги вздрогнули, Кан схватился за оружие.

— Зачем? — не понял Наас.

Лающий смешок:

— Чтобы они надеялись, что смогут передохнуть и придумать способ выбраться отсюда живыми.

— Аналог Заповедника, — Тони дернул массивную ручку, разрушая цепь и открывая бронзовую в последних лучах тварь. Плутон морщила нос: на земле у костистых лап потрескивала и сыпала искрами еще одна линия защиты. В пару ей перед тварью блестело мутное пятно.

— Не совсем, — Плутон показала зубы. — Мы даем пленнику решать самому, когда начать новый смертельный эксперимент. Милосердной неизвестности, в которой вы держите нас.

— Милосердной?! — вскинулась Айяка. Ее пальцы лежали на эпитафии:

Фейм М. Рарри, меня звали Боб Тревис Тейлор. 15 мая 1865.

Я почти увидела другие стены. Бар. Фотографии и слова прощания. Я тогда решила, что больно видеть их каждый день, но больно — здесь, где время стирает лица, а истории остаются нерассказанными, обрываясь криком под выдуманном небом Отрезка.

— Милосердной, — согласился с тварью Наас. Девушка посмотрела на него почти со страхом. Парень вздернул подбородок. — Хуже всего, если не знаешь, когда за тобой снова придут. Тебе повезло, раз ты этого не понимаешь.

— Они могли оставаться здесь годами, — Тони кивнул на окна третьего этажа с выбитыми решетками. Лазарет. Самые чистые комнаты в здании. Ряды кроватей с серым бельем. Книги и спекшаяся одежда на полках стеклянных шкафов. Для кого-то вроде Фейма-Боба тюрьма стала домом.

— Рано или поздно все выходят, — не все. Мы нашли скелет в петле на перилах

парадной лестницы. Еще один, с дырой в черепе, — на караульной вышке.

— Почему ты не можешь войти? Я же здесь, — ты моя тень. Проходишь следом сквозь любые преграды.

— В заклинании часть меня. И других... Высших, — она выплюнула человеческий термин как отраву. — Наша сила отпугивает младших. Это место неприкосновенно.

— Тебе бы хотелось поохотиться на нас, — прошелестел Кан, оглаживая новый нож на бедре. — Или уже наелась досыта в нашем мире? Скольких ты убила после возвращения?

— Кан, — повысил голос Тони.

— Вы так остро пахнете, когда напуганы, — ощерилась тварь. — Но я выполняю свои обещания.

— Перестаньте! — где-то звякнуло, разбиваясь, стекло. Плутон склонила голову, прочертив рогами изящную дугу. Повернулась к подобравшемуся Кану узкой спиной:

— Наас. Идем.

Я встала между ними на линии огня, чтобы Нинин брат не решил воспользоваться пистолетом. Наас с грохотом захлопнул за собой ворота.

— Я путаюсь в днях, — говорит Айяка. Смаргиваю воспоминание и переспрашиваю:

— Что?

Девушка скользит взглядом по занятым птицами проводам:

— В смысле, мне сложно понять, что было вчера, а что неделю назад. Кажется, будто мы здесь год или всего сутки. Время странно идет. Ты не чувствуешь?

— Да, пожалуй, — натягиваю рукава куртки, пряча исчерканные шрамами запястья.

Наас и Тони сейчас переписывают имена и прощальные слова мертвецов. Они не могут поступить иначе, хотя понимают тщетность усилий: почти все строки обращены к семьям, а семьи магов обычно ничего не знают об Отрезках, тварях и самом волшебстве.

А мы не имеем права рассказать.

— Большинство из родственников тоже давно мертвы, — пролистывая клетчатые страницы, напомнил Кан. — Зачем вы их записываете? Вот, 1365 год. Даже потомков не найти: он не оставил настоящего имени.

— Иди к черту, — Наас яростно мылил руки, чтобы прогнать кислый тюремный запах. Напрочь игнорируя своего капитана, Тони обнял Айяку, зарылся носом в блестящие волосы.

— Думаешь, у нас получится? — спрашивает девушка, переступая через дыру в асфальте. Трещины расходятся лучами на метр в стороны. Дальше по улице — пролом в стене, накренившееся дерево с обломками корней, угол скалится битым кирпичом. Пунктирная линия чьей-то смерти.

— Вернуться? Да, конечно.

— Нет, потом... что потом? — Айяка почти танцует на каменном крошеве.

— Ответим на вопросы. Не раз, скорее всего. Но им не узнать правды, — я спрашивала, можно ли прочесть мысли. Нельзя. Запутать, внушить ложные идеи, вызвать галлюцинации — не прочесть. Посмотреть воспоминания, да только мы не покажем: притворимся, что не в состоянии запустить чары. Такое часто случается с магами, если заклинание требует сложных чувств. Возможен еще допрос на полиграфе под наркотиками, и мы пока не придумали, как...

— Тебе придется охотиться на тварей когда-нибудь, — осторожно говорит волшебница.

— А тебе и того хуже, если пойдешь к Хайме, — тру шрам на ладони, сворачиваю в переулок. Впереди просвет. Площадь с колодцем. Черт. Не стоило приводить ее сюда.

— Я не пойду к Хайме.

Слова наступают на середине квартала. Оборачиваюсь:

— Почему? — девушка неловко застывает, юбка еще путается в коленях.

— Я... просто передумала.

Врет. Не просто. Ей что-то нужно от меня. Злость прорывается коротким смешком:

— Да ладно? Это важное решение. Просто передумала?

— Нет... да! Подожди! — выхожу на площадь. Мельком отмечаю: мои звезды на месте.

Покачиваясь, ловят последние зыбкие лучи. Я не задерживаюсь, но Айяка за спиной кричит:

— Это же твое... это... это ее колодец, верно?... Да стой же!

— Зачем? — рывкаю, рывком развернувшись. — Чего ты хочешь? Мне не нужна компания, мне не нужна защита — что бы вы там с Тони не думали! Мы не друзья, и потом... вот, что будет потом, после возвращения: мы никогда не заговорим снова. Разве нет?

— Я тебе не нравлюсь, — она трогает пускающее блики украшение. — Я знаю, почему. Я могу рассказать о ваших с Плутоном занятиях и избежать наказания. Даже если они не поверят, что меня обманом заставили провести вас в архив, ничего: маг огня, подчинивший свою силу и Высшую тварь, для них ценнее... — задумывается. Машет рукой:

— Да всего ценнее. Уверена, Кан тоже это понимает.

— И Тони, — холод в затылке. Шрам под ногтями пульсирует болью, в такт мелко дрожащим стеклам в окнах соседних домов.

— И Тони, — соглашается Айяка. — Но я буду молчать не из-за Тони. И не потому, что боюсь тебя... а я боюсь, — ее вцепившиеся в бортик колодца пальцы побелели. — Тогда почему? — под крышей лопается окно. Девушка дергается, сжимается. Молчит, пока падают осколки.

А потом быстро говорит вниз, в гулкую глубину:

— Я убила их.

— Что?...

Кривит губы и коротко, зло смеется:

— Убила. А потом подожгла магазин. Керосин и спички, никакой магии. Магия была до... — девушка отводит взгляд, гладит витые пряди. Я подхожу ближе. — Они... взорвались изнутри. Под одеждой... Этот звук, и как его свитер задергался от... — она опускает голову, но тут же вскидывается, выкрикивает сквозь слезы:

— Я хотела! Я хотела, чтобы они умерли! Я бы убила их снова, и точно так же, даже хуже!

Зажимает рот и отворачивается. Легко касаюсь вздрагивающего плеча:

— Ты защищалась, — вспоминаю ее давние слова.

— Нет, я... я отомстила. Я не смогла защититься.

Сжимаю пальцы:

— Это одно и то же.

Айяка качает головой.

— Нет. Нет. Я выбирала. Я не просто, я... я вдруг подумала, как... я знала, что могу. Раньше и потом ничего такого не было, но тогда я смотрела, как второй одеваешься, и решила. Что сначала сломается спина... я... — она закрывает лицо руками и глухо шепчет:

— Я только хотела посмотреть на витраж. Я не видела их, пока они не... никто не слышал. На пожар столько людей сбежалось, сразу же — целая толпа у входа... а минуту

назад меня — никто не слышал.

— Мне... — жаль. Не то. — Тогда никто не услышал, но теперь ты рассказала мне. Ты что-то решила, поэтому пришла туда сегодня.

Девушка вытирает покрасневшие щеки:

— Да. Я хочу стать охотником. Хочу понять... это тьма спасла меня тогда. Возможно... — она облизывает губы, торопится сказать самое главное, — возможно, я сотворила тварь. Я видела движение, когда они уже... не двигались... Не знаю, я правда не знаю, но думаю...

— Рядом с ними все становится ярче и плотнее, — я разжимаю ладонь, показывая шрам, — отвратительно отчетливым.

Выдыхает:

— Да. Да. Я почувствовала это снова рядом с Плутоном. Твари отвратительны. Они как болезнь, которую не вылечить. Но та спасла меня, а значит — каждая из них родилась не зря. Они жестоки, непредсказуемы и хитры. Их нельзя оставлять на свободе, но и мучить в лабораториях бессмысленно. Что бы ученые не искали, они ищут не тем способом.

— А какой — тот? — давлюсь нервным смехом: слышала бы Плутон.

— Узнать их. Они создаются людьми и не должны сильно отличаться от нас. Теперь мы отмечены отпечатком. Нам нечего бояться. Мы сможем зайти так далеко, как понадобится, чтобы научиться существовать вместе. Чтобы больше никто не страдал.

— Невозможно, — заглядываю во мрак колодца. Голос прыгает, отражаясь от стен. — Всегда кто-то страдает.

— Магия невозможна, — парирует она, по-детски шмыгает носом. Вздыхаю:

— Чего ты хочешь от меня?

— Научи меня защищаться.

— Я сама мало умею. И ты маг воздуха, не огня. Почему не попросишь Тони?

— Тони занимается со мной, но ничего не выходит. Я не могу сконцентрироваться, выбрать свою главную силу. Я постоянно вспоминаю... — Айяка морщится, словно от боли, — я все порчу. Я пыталась забыть, но не могу. И рассказать ему тоже, он будет смотреть на меня иначе, прямо как ты сейчас, — я не смотрю на нее. — Вот именно. Забудь про воздух. Я должна освоить огонь.

Она отталкивается от чугунного бока и обходит колодец по кругу, восстанавливая стену между нами.

— Я даже просила Плутона. Она отказала. Она разве не сказала тебе?

— Нет, — конечно, нет. С силой тру лоб.

— Я не выношу их. Тварей, — синие, широко раскрытые глаза полны сумеречного морока. — Поэтому хотела... препарировать. Заставить раскрыть все секреты — силой. Мне бы это понравилось.

— Наверняка, — чугун холодит ладони. — Твой страх и злость нашли бы выход.

— Именно. Я поняла это только здесь: дело не в тварях, во мне. Мне нужно препарировать себя, чтобы что-то исправить.

— Исправить не выйдет, — закусывает губу. Я почти не верю, что быстро выдыхаю: — Тебе придется проходить через это снова и снова, — в моей памяти маленькая я раз за разом шепчет: возьми, что хочешь, только уходи. Убей, но оставь меня жить.

Девушка грустно усмехается:

— Во мне сорок семь процентов воздуха, девятнадцать — воды и восемнадцать земли. Семнадцать огня, но тьма перевешивает все остальное. Я никогда не буду магом, пока не перестану бояться прошлого.

Переплетает пальцы, ежится. Твердо заканчивает:

— Ты мне тоже не нравишься. Но ты... что бы с тобой не случилось, оно все еще беспокоит тебя. Но ты научилась переступать и двигаться дальше, а я застряла.

— Почему ты решила, что я справляюсь лучше тебя? — обхожу ее, оставляя звезды и Плутонову вселенную позади.

— Ты пырнула Нааса ножом, — резко оборачиваюсь, а Айяка фыркает. Вдруг смеется, неожиданно громко и ломко среди мертвого города, давится хохотом:

— Я бы... так не смогла!

— Случайно! Я забыла про нож! Он первый начал... — но девушка трясет головой, вытирает набежавшие слезы:

— Знаю, знаю! — убирает прилипшие к щеке прядки, — ты понимаешь, о чем я.

Да. Будто сейчас и поняла:

— Я больше не сдерживаю свой страх, — прямо сейчас на мостовой — его осколки. Над нами в зыбком закатном небе с треском пролетают птицы. Я задираю голову к разбитому окну, когда раздается выстрел.

Замираем. Айина радужка напротив чернеет от волнения. Слушаем: птичий гомон нарастает. Выстрел. Еще.

— Тюрьма?! — срываюсь с места.

— Ближе! — точно, неясный рокот звучит будто бы за углом, грохот следом — четче: кварталы от нас. По стенам, выбивая штукатурку и окна, пробегает волна чешуйчатой дрожи. Закрываю лицо, кашляю, давлюсь пылью. Под ногами прыгает земля. Вспышка света за домами слева разгоняет синеющий воздух. Быстрее, быстрее! Я лечу, но улицы меняются до тошноты медленно. Поворот, серия выстрелов, рыжая арка — срежу через дворы. Айяка что-то кричит в спину, но ее голос перекрывает пронзительное до визга шипение. Звук вибрирует и захлебывается, после секундной тишины взрывается хрипом. В воротах на другой стороне двора клубится сажевыми хлопьями дым.

Задыхаюсь, нырнув в жирную черноту, едва успеваю отскочить — в сантиметре порывом ветра проносится металлическая сеть в вязи бликующих чар. Узорное полотно струится и ширится, а потом вдруг звонко схлопывается, как живое существо. Опутывает бьющийся комок блеклых суставчатых ног.

— Прочь! — рычит невидимый Кан. Прижимаюсь к решетке ворот, ловлю за руку и дергаю на себя судорожно кашляющую Айяку. Горло дерет и скручивает, но завеса уже редет до серого, и я подаюсь вперед, забыв об осторожности. Связанная удавкой и заклинанием тварь надсадно стонет. Вихляя покрытым серыми пятнышками телом, рассыпает трескучие иглы-стрелы.

— Отвалите! Она стреляет! — хрипит Наас, заталкивает нас за забор. Я не отпускаю: он хромает, на джинсах — заплывшие кровью дыры.

— Она почти мертва! Останься! — маг рвется обратно, но Айяка тоже вцепляется в его куртку.

Из живота твари льется прозрачная жидкость, под брызгами пузырится асфальт. Опутанные серебром лапы вбиваются в землю в поисках опоры. Подламываются, с горьким хрустом расходятся на лучины. От них ползут трещинки, я чувствую вибрацию сквозь

подошву ботинок. И природу создания — мертвую, давящую. Огромную.

Тварь хлюпает и затихает. Только игольчатая грива колышется с неровным дыханием. Кан осторожно подбирается к ней, застывает, наведя дрожащий пистолет на крючковатый, покрытый струпьями нарост. Лицо...

— Подожди! — Нинин брат раздраженно сводит брови. У него распорота скула, а из правого плеча торчат толстые полуметровые иглы.

— Что?!

— Хватит. Она неопасна, — тварь с сипением втягивает воздух. Ломается еще одна нога. Меня передергивает.

— Где Тони?! — тонко кричит Айяка.

— Там, — Наас неопределенно отмахивается. — Головой ударился, но вроде в себя пришел. Будет в порядке.

— Стой! — успеваю схватить ее за волосы. — Стой!

— Пусти! — тяну, заставляя неловко запрокинуть голову:

— Он будет в порядке, ты слышала, — внутри твари зреет рассвет. Айяка всхлипывает и пытается вывернуться, но я держу крепко. — Ты хотела понять. Это наш шанс. Кан позаботится о Тони. Верно?

Охотник кривится:

— Что ты собираешься делать?

— Тони, — приказывает Наас. Кан переводит взгляд с меня на него, на затихшую Айяку. Фыркает и опускает оружие:

— Вы... — я сужаю глаза. — Да черт с вами!

— Вали уже, — огрызается рыжеволосый маг. Его капитан зло щурится, сплевывает кровь, но неспешно отходит.

Я разжимаю пальцы и тут же получаю хлесткую пощечину:

— Никогда больше... — взвывается Айяка, но Наас перебивает:

— Смотрите.

Тварь мерцает. Тяжелое тело распласталось по асфальту, обломки лап легко покачиваются, словно в такт неслышной музыки.

Я первой опускаюсь рядом на колени и глажу шершавый бок. Она вздрагивает, но не отстраняется. Быть может, просто не может. Свет, к которому они все так стремятся, разрастается в ней прежде, чем погаснуть навсегда.

— Прости, — шепотом, не зная — понимает ли.

Но я почти понимаю. Она теплая, а должна быть ледяной. Тянется за ладонями, и я обнимаю, принося горящей от удара щекой.

Она сильнее Плутона, раз не испугалась ее печати.

Высшая.

Обходя вспенившийся асфальт, Наас и Айя тоже касаются умирающего создания. — Она — чье-то воспоминание. Спасение. Все они... их жизнь — бег по кругу, неутолимая жажда. Поиск света, который кто-то запомнил и забыл, отдав в подарок, — я закрываю глаза.

— Наша тоже, — тихо говорит Наас.

Чем заплатила Айяка в тот день? Что пожертвовал Тлалок ради собственного ручного монстра? Как много потеряли Илай и Наас?

Как много они создали?

Запертой под жестким панцирем искре никогда не разгореться в пламя. Крохотный огонек дразнит и обещает. Лжет. Можно сделать его ярче, лишь сгущая тьму вокруг — броню из чужой боли и страха. Поэтому они охотятся на нас: ради пищи, не приносящей насыщения.

Тварь выдыхает в последний раз и кончается. Гаснет, но не темнеет, остается белой с зеленым, пустой внутри. Кожа под пальцами хрустает. Дает трещину. Кусочек проваливается и стучается в животе.

Наас прав. Мы, я — точно такая же. Расширяющийся ком кошмара, до боли в ребрах мелкая и глупая. Семьдесят пять процентов тьмы. И света, конечно, — света, но... темнота всегда перевешивает. Верно, Айя? Мы постоянно ходим по кругу. Застрали, не в силах отпустить.

Где-то в Плутоне сейчас горит мое пламя. Пока я жива, ей нечего бояться. Когда я умру... она снова превратится в черную дыру, если не найдет того, кто сможет и захочет ее услышать.

— Никто не должен жить вот так, — говорит Айяка.

Вокруг нас собираются птицы. Крыши словно накрыты живым покрывалом. Самые смелые спархивают к останкам.

— Зачем они?...

— Пришли за ней, — Наас, страдальчески морщась, встает и помогает подняться девушке. Воробьи странно молчаливы и будто ждут, пока мы уйдем. Шаги: Кан тащит путающегося в ногах Тони. Айяка бежит к ним, Наас подает мне руку:

— Хватит. Пойдем. Пусть заберут ее.

Притягивает вплотную, видно каждую веснушку на грязном лице. Говорит то же, что сказала черноволосая волшебница:

— Нам придется охотиться на них. — Мы не будем.

— Приказы не обсуждаются.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Мы не сможем. — Мы попробуем.

***

Солнце жарит в макушку. Вездесущие воробьи галдят на карнизах. За спиной открыта дверь домой. Доносится голос Нааса, что-то эмоционально втолковывающего Тони. Прислушиваюсь: опять спорят, как избежать допроса под наркотиками после возвращения. На ступеньке в лужице влаги — чашка с еще прохладным кислым компотом. Айя сварила и принесла. Я вычерчиваю мелом на асфальте символы, сплетая простенькое волшебство. Читаю формулу про себя, нащупывая ритм и верные ударения. Слова путаются, но записывать нельзя:

— Потеряв власть на материке, оставшиеся в живых маги огня сожгли все книги, до каких успели добраться — а обширные коллекции ордена собирались столетиями, — сказала Плутон прежде, чем заговорить на незнакомом языке. — Пожары уничтожили многие магические тексты. В частности, секцию архива твоего тезки, Раймонда Аваддона, в которой хранились трактаты, описывающие принципы создания устных образов. Их врагам удалось сохранить и восстановить лишь записи готовых цепочек. Саму технику те, кто знал ее, раскрывать на бумаге не пожелали, а делились с преемниками лично. Представь, как мало знаний дошло до наших времен. В Университете наберется с дюжину заклинаний, известных обычным магам. Еще с полсотни в личной библиотеке Совета. То, что я даю тебе... вам

двоим, — тварь усмехнулась, вспомнив Нааса, — из этих пятидесяти. Они бесценны.

— Но у меня не получается! Они слишком сложные, а еще нужно ощутить то, что заставит их работать. У каждого же заклятья есть рисунок, зачем...

— Ты справишься. Тренируйся, и однажды сможешь колдовать быстрее любого охотника в этих ваших нелепых перчатках.

Пока мне требуется несколько минут и попыток, чтобы засветить самое простое из слов.

— Как ты запомнила их всех? — спросила я, безнадежно потерявшись в хитросплетениях гласных и дорожках мертвого парка: бить по законсервированным ожиданием деревьям безопасней, чем крошить колонны в подвале.

— Тлалок с возрастом стал забывчив и... беспечен. Он составил список, — ее голос растерял цвет. Как всегда, когда тварь заговаривает о прежнем хозяине. — А позже у меня было полно времени, чтобы вспомнить каждое. Пусть они не действовали в Заповеднике, ты уже знаешь это чувство.

Да. Верно составленное волшебство горчит на языке и холодит затылок. От него тяжелеют ладони, немеет чуть ниже поясицы, где сосредоточие магии. И ничего, что каменные стволы не взрывались щепками — заклинания работали. Повторять и искать в себе нужные чувства сложнее, чем ждать озарения, касаясь рисунка. Но я продолжала, зажмурившись, пока далеко-далеко за горелыми ветвями трещали испаряемые стены.

Теперь за углом нашего дома целый квартал испещрен разломами и пятнами пожарищ. Дырами от пуль в строе меловых человечков — Тони нашел чей-то запас патронов и через раз дающий осечки пистолет. Пули обычные, ими не убить тварь, но для тренировки годятся. Наас уже потратил свои на тварь, бесполезный револьвер пылится в ящике комода. Мы больше не ходим на стадион: далеко, опасно. Рассыпавший иглы монстр показал, насколько мы слабы. Следующая Высшая похоронит нас здесь, и кто-то сложит кости среди алых цветов.

Кан и Тони укрепили барьеры вокруг квартиры и знака в подвале. Колдовство непрерывно вытягивает из них силы, отчего пущенные на пробу боевые заклятия лишь оцарапали асфальт — а раньше оставили бы глубокие раны. Проверив защитный контур на прочность, Наас нахмурился:

— Этого мало. И если вы оба умрете, чары погаснут.

— И что предлагаешь?

— Помощь.

Кан рассмеялся и скрестил руки на груди:

— Ты нестабилен. Если налажаешь с формулой, все развалится.

— О, да отвали! Сделаю отдельный слой! — шарахнул дверью рыжеволосый маг. Он же вывел поисковые чары на пятнистых от старости обоях в коридоре. Теперь я различаю их структуру: где скелет, где сухожилия, где плоть. Странные названия, но очень точные. Источник магии всегда телесен, почему бы и колдовству не быть таковым?

Если приложить пальцы к знаку, что нацелен на темных созданий, и вспомнить безмятежное, равнодушное к ползающим мухам лицо деда, можно увидеть, как линии темнеют и обрастают смещающимися знаками. Раньше мы могли сосчитать их.

Больше нет.

— Нам пора уходить, — сказала я Плутону в рассветных сумерках, когда птицы возвращались от тела погибшего монстра.

— Нет. Ты научилась выпускать свою силу, но не подавлять. Зажигать, но не гасить формулы. Мы на половине пути, — она запрокинула голову, наблюдая за стаей в облаках.

— Они... пришли за ней, — так сказал Наас.

— Они приходят за всеми. И за тобой придут.

— Я не понимаю, — тварь опустила полуночные глаза:

— Никто не понимает смерть. Быть может, птицы уносят наши души к солнцу, туда, где нет места тьме... Или они тоже знают: нет ничего хуже, чем умирать в одиночестве.

— Это глупо, — это всего лишь воробьи.

Плутон грустно оскалилась:

— Всем нужна вечность, в которую можно поверить. Даже таким, как мы.

Я раскрываю ладонь, прослеживаю ногтем слоистый рубец. Белесые полосы в центре красного утолщения рассказывают разные истории. Птицы кричали в кронах, надрывно и переливчато, когда я падала, когда не-падала с крыши. Носились сорванными листьями над могилой Тлалока. Сидели, замерев, среди ветвей, пока меня вели к схороненному в лабораториях знаку из черной плоти. Они приходили и раньше, когда я... убивала. Только я едва обращала внимание.

А они ждали.

Скрипят половицы. Кан. Пропах мятой: сигареты закончились, теперь Нинин брат пьет чай, чашку за чашкой цедит травяной отвар. Наас удачно пошутил на этот счет, но я не могу вспо...

— Вспоминать сложнее всего, верно? — парень кивает на почти готовый рисунок. — Чтобы заставить их работать.

Первые слова, обращенные ко мне после той драки. Предложение мира? Разминаю затекшие плечи:

— Что ты вспоминаешь? Ты маг воды. Значит, твоя сила замешана на грусти. Довольно просто.

— Просто? — прислоняется к косяку. После нападения твари, когда только Кановы испещренные знаками перчатки и сплетенная из удавки сеть спасли наши жизни, он не снимает их даже перед сном. Сейчас чешуйчатая цепь свернулась кольцами на поясе. Я против воли тру шрамы на предплечьях. В висках звенит зреющая мигрень. Кан поправляет кобуру под мышкой:

— В бою не до тоски, — теребит ремешок со знаком Университета на запястье. — Когда каждая секунда может стоить жизни, постоянно думаешь о... разном. Почему так медленно двигаешься. Что сзади. Кто и отчего кричит. Какое заклинание выбрать — побыстрее или помощнее? — показывает кружево чар с точками разрывов на ладони. А выглядит легко. Приложи палец в нужную, вспомни хоть какой печальный фильм и — вперед.

Значит, моя ранящая стихия все же имеет преимущества. Страх или ярость просыпаются легче иных чувств.

— Маги огня несколько веков держали власть над остальными, — Кан угадывает мои мысли. — Сражаться огненными чарами легче. Я бы тоже их использовал, но во мне всего шестнадцать процентов. Чтобы этого хватило, нужно себя до инфаркта довести, — криво ухмыляется.

У Айяки — семнадцать, но...

Носком ботинка растираю рисунок в туманный круг.

— Хайме... или Советник Гофолия сказали, что нас было больше.

— Да. Магов воды тоже. Наше время наступило сразу с окончанием Огненной эпохи. Теперь идет воздушный период, — у него порез на скуле лущится. Кан рассеянно отдирает кусочки корки. Повязки с плеча охотник давно снял, но еще прерывисто вздыхает по ночам, когда, поворачиваясь во сне, цепляет раны от игл. Сколько черточек появилось на стене со смерти паучьей твари? Нужно спросить у Айяки, она их оставляет.

Наас уже перестал хромать. Тони раньше всех оправился, хотя той ночью бился в лихорадке и рвал желчью. С отчетливой мукой размыкал веки, когда Айя тормозила, не давая заснуть. Глядел, не узнавая. Отросшие русые волосы облепили покрытый испариной лоб. Мы сидели у его кровати до рассвета, тогда Кан и выкурил свою последнюю пачку. Лишь к полудню жар спал, и Тони забылся тревожным сном.

А на закате, оставив заботу о парне Наасу, Айяка следом за мной переступила порог самого страшного места в своей памяти.

Чтобы научиться поджигать.

— Какое воспоминание ты выбираешь чаще всего? — боль в голове мерцает и собирается в точку над левой бровью. Вытянув уставшие ноги, прогибаюсь в пояснице. Очень личный вопрос, но Кан уже был со мной откровенен.

— Как я играю в футбол с друзьями, — садится рядом. — Летом на пляже. Пошел ливень. Мы насквозь промокли, но продолжали играть. Ничего особенного. Просто очень хороший был день. А на завтра мы должны были переезжать. Из-за Нины. Снова. Я знал, что больше никогда их не увижу. Это разбивало мне сердце. — Понимаю, — сейчас он кажется не грустным, а спокойным. Уютным — в белой рубашке с небрежно закатанными рукавами. Мягко улыбается прошлому. С таким Каном нестрашно вместе греться под жарким небом.

— А ты? Пробовала водные чары? Что у тебя за воспоминание?

— Я еще не нашла подходящего, — формулы с водой в скелете отказываются оживать под моими пальцами, чувство грусти рвется в горе потери и привычный страх.

— Неудивительно, — хмыкает охотник. — Семьдесят пять процентов. Ты рождена для гнева и страха. Сложнее воды для тебя только земля.

Счастье. Я видела отголосок его счастья в фотографии с рыжеволосой девушкой. Энид?

— Ох, — зажмуриваюсь. Больно.

— Что такое?

— Ничего. Мигрень.

— У нас есть таблетки.

— Я уже выпила две.

За грязными окнами магазина вспучивается пернатая туча. Нарастающий гомон волной несется прямо к нам. Кан вскакивает, вытаскивая пистолет:

— В дом!

Захлопнув дверь, стиснул зубы, замирает. Ищет в себе горе. Трогает одно за другим поисковые заклятья: люди. Ничего. Твари — не больше обычного. Существа и сущности — ни одной точки.

— Какого черта? — полуголый Наас выпадает из ванной и взывает, врезавшись в тумбочку. Айяка, прижав к груди полотенце, застывает на пороге кухни.

Я отворачиваюсь, принимаю к щели у косяка. В узком просвете птицы продолжают метаться под крышей, чиркать о стекло над входом. Часть кружит снаружи. Трепет и истеричное чириканье разносятся по улицам, привлекая внимание...

— Твари собираются, — говорит Тони.

— Плевать на тварей. Людей нет, — напряжение в голосе Кана электризует воздух. Я вздрагиваю.

Из приоткрытых дверей магазина выбегает кот. Стелется по земле, припадая на бок, сплошное черное пятно. Замирает посреди дороги, уставившись будто прямо на меня — невозможно! С утробным воем бросается вперед и через мгновение скребется, пытаюсь прорваться в квартиру. Я отскакиваю, налетая на Кана.

— Что?!

— Кот.

— Чего? — Наас недоверчиво хмурится.

— Кот. Черный.

Зверь орет.

— Как они запустили чары? Если людей нет? — тревожно спрашивает Айяка.

— Он хромал. Ранен? — нащупываю шрам. Кот активировал магию знака? Бред! Кан теснит прочь, заглядывает в глазок. Линза забита пылью, улица за ней — набор клякс, но охотник сообщает:

— Там твоя тварь, — называл ли он хоть раз ее по имени?

— Отойди, — Плутон — словно трещина в стекле. Вытянулась в струнку. Кот теперь вьется у ее ног. Я дергаю засов и ручку:

— Плутон!

Тварь не отвечает. Часто и неглубоко дышит сквозь стиснутые зубы. Животное ковыляет ко мне, оставляя цепочку темных пятен. Выгнув пушистый хвост, трется теплым боком. Обычный кот. Наклоняюсь и нащупываю ошейник на загривке.

— Что происходит? — но Плутон, танцуя, пятится прочь. Встряхивает рогами, глухо рокочет:

— Вам прислали послание, я полагаю. Прочитайте. Я... Вернусь вечером.

— Но... — ушла.

— Что там? — Наас, зачем-то надевший куртку на голое тело, опускается на корточки. Придерживает выкручивающегося зверя, пока я снимаю широкий, распадающийся прахом ремешок с исписанной символами серебристой капсулой. — Дай сюда, — перехватывает кота Айяка. В ее руках он затихает, только зыркает круглыми желтыми глазами. Девушка показывает измазанную красным ладонь.

— Твари успели?

— Тварям плевать на животных. Поэтому его и отправили найти нас и передать сообщение.

— Не открывай. Надо проверить, — Кан сует пистолет за пояс и отбирает у Нааса добычу.

— Накопитель. Так он попал сюда, — говорит Айяка. — А на ошейнике, наверное, было поисковое, замкнутое в цепь.

— Я думал, накопители плоские, — хмурится Тони.

— И плоские тоже, — волшебница гладит кота.

— Все равно проверим, — Кан уже чертит запутанный, неравномерный узор. В нем сплетается тьма и огонь. Не поднимая головы, говорит:

— Зарин. Давай, — кладет капсулу в центр и освобождает мне место. Тренировки закончились. Что бы ни думала Плутон, нам действительно пора. И причина кроется в

звонком от страха животном.

Я возвращаюсь в момент, когда подламывается крыша. Падаю, еще и еще, множество раз прежде, чем рисунок оживает. Накопитель трещит и подпрыгивает, раскрывается кровавым всплеском. Отчего-то резко пахнет свежей краской. Внутри — обернутая полиэтиленом бумажка.

— Вроде без сюрпризов, — Наас отбирает у Айяки полотенце и протирает сверток. Разрывает пакет.

— Дай, — Кан раскручивает листок и деревенеет:

— Твою...

— Да говорите же! — кот жалобно мяукает, стиснутый испуганной девушкой. Я не могу произнести и слова.

— Они проверили наши перемещения, — мертво озвучивает Тони. — Знают, что вы спускались в архив, что кто-то был в Заповеднике. Что мы выходили вместе в парк. Все связали.

— Конечно, они проверили, — шипит Кан. — А вы на что рассчитывали?!

— У них нет прямых доказательств, — Айяка вцепляется в спутанную шерсть. Повторяет мантрой все, что мы уже обсудили тысячу раз:

— Все можно объяснить. Мы не оставили следов на могиле. Чары Заповедника могли лопнуть сами под воздействием силы твари. Износились от времени и...

— Им не нужны доказательства. Им нужны маги огня и драконий портал, — Наас забирает бумагу. Я задерживаю дыхание.

— Держать под охраной. Живой... нестабильна... мы уверены... действовали без преступного умысла... Наас Мерезин... обеспечить устойчивый живой полюс. Двое календарных суток. Отряд охотников... подготовить зону портала к прибытию Совета, — записка рвется под его пальцами, — ненавижу! Максимилиан писал, точно! Я этого выродка узнаю по...

— Где Плутон?! — хрипит Айяка.

— Зачем тебе тварь? — Кан вскидывает брови. — Ты видела, как легко она зажгла формулу. Мы можем возвращаться.

— Нет, — трясет головой Наас. — Зарин запрут в Заповедник. Она не научилась подавлять силу, а это самое главное. Ритуалы убьют ее.

— У нас нет выбора. Скоро придут охотники.

— Нападем на них, — трет виски Наас — Даже нет. Запремся в тюрьме. Твари сделают все за нас. Когда Зарин будет готова — вернемся. Скажем, что долго не могли застать Плутона в Отрезке и открыть портал. Что прятались от тварей и пропустили подкрепление, не успели...

— Хочешь позволить тварям прикончить наших друзей? — взвывается Кан.

— Они знают, куда отправляются! Если выживут, попробуем поговорить!

— Ты сам себя слышишь?!

— Да! И тебе советую послушать! Или хочешь, чтобы они добрались до Нины?

— Нине пора самой нести ответственность за свою...

— Что? Магию? Как будто она ее выбирала!

— Перестаньте! — вмешивается Тони. — Айяка права. Нужно поговорить с Плутоном. У нас нет времени на споры. Она может...

— Опять тварь! — Кан сжимает кулаки. — Вы забыли, что они наши враги?! Всегда

были, всегда будут!

— Не всегда... — шепчет Айяка. — Двести лет был мир.

— Нашла, что вспомнить! — огрызается капитан пятого блока. Наас прячет руки в карманы:

— Плутон...

— Тут ни слова про Плутона, — Тони изучает текст, — будто ее и нет.

— Но она-то есть! Есть целый город, полный тварей! — голос Нааса ломкий от неясного озарения. Вокруг нас закручивается ветер. Тони хмурится:

— А ведь верно. И Айяка правильно вспомнила: двухсотлетний мир. Пакт Серафима. Это может сработать снова. Это выгодно тварям. Если они согласятся, останется... надавить на Совет. Окружить Университет, например. Неприятно и страшно, но не смертельно: тварям не пробиться сквозь барьер, а маги спокойно выйдут, если будут с оберегами.

— Да, да! — часто кивает рыжий маг. — Мир сделает бессмысленными и незаконными исследования темной магии. Мы будем в безопасности!

— Но магов огня тогда было больше, — Айяка шурится и прижимает теснее кота, пытаясь укрыться от внезапно холодных порывов. Вороные пряди вьются змеями, хлещут по плечам. — Они согласились поддерживать тварей, чтобы тем не нужно было охотиться. Прописали лимит смертей на год... Сейчас в Университете, считай, пять волшебников, если с Наасом. Ничтожно мало! Искать других нет времени, и без помощи тварей — почти невозможно!

— Младшим тварям достаточно пугать, не убивать, — говорю, обхватывая себя руками.

— У старших хватит мозгов и страха, чтобы подчиниться Высшим, — Наас оглядывается на тихие от присутствия дома. — Нужно прокормить только Высших, остальных они подомнут, загонят в лимит по убийствам. Старших не особенно много, если статистика искателей верна.

— Если, — с нажимом говорит Айяка.

— Вас не хватит, — трет затылок Тони. — Я не знаю, сколько во всем мире Высших, но...

— Надо поговорить с Плутоном, — тоже говорю я.

— Вы с ума сошли? — Кан судорожно озирается. Наверное, накрыло липким ужасом от привлеченных активностью знака тварей. — Вы... мир... безумие! Твари прибывают! Сколько людей создают их, даже не зная о существовании магии?! Даже пары процентов огня хватит, чтобы сделать новую младшую. Совет не просто так настаивает на их уничтожении, а ученые ищут способ массовой зачистки! Да они заполонят всю планету, если ничего не делать! Людей ведь тоже становится больше, и...

— И наш пятый блок с успехом это остановит! Проснись! Ученые не избавляются от тварей! — рывкает Наас. — Я много раз был... — переводит дыхание, мотает головой, пряча лицо. — Они пытаются их делать!

— Что? — потрясенно фыркает Кан. — Какого черта ты несешь?

— Глухой?

Но Нинин брат быстро возвращает самообладание:

— Значит, нужно для экспериментов! Живыми их сложно достать! Поэтому...

— Поэтому у нас сотни две охотников, но плевать! Прицепились к кучке огненных магов! Мантикора загадочно лишился ног, Янни напрочь не в себе. Илай иногда двух слов связать не может, а Нина после единственного ритуала без косяка жизни не видит! —

кричит рыжеволосый маг, наступая на своего капитана.

— Нина в порядке! — по лицу того пробегает тень.

— Когда ты с ней в последний раз разговаривал? — вздергивает брови Наас. — Дай угадаю. Еще до того, как тебе пришлось сбрасывать труп ее подружки в болото, не так ли? До допросов в полиции и бегства в Университет, откуда тебе теперь не выбраться, да? Как давно ты выходил за пределы парка? Я в курсе твоего прошлого! Выведаль настоящее имя и немного погуглил. Что перекопался, думал, никто не знает, что тебя разыскивают по подозрению в убийстве? Вот, чего ты так трясешься над своим капитанством: больше как в Университете тебе нигде карьеру не сделать. И все из-за сестренки, которая не способна держать свой страх при себе!

Кан бьет раньше, чем я успеваю заметить движение. Только стоял, сжав челюсти, а в следующую секунду прыжком оказался вплотную — и Наас сгибается пополам, давясь хрипом. Тони бросается разнять их.

Безбожно опаздывает.

Наас выставляет ладонь — рубашка Кана вспыхивает. Смерч подхватывает бледные языки, опутывая парня тугим коконом. Кан падает, с ревом катается по земле. Пытаюсь поймать чужое пламя, связать, но оно рвется с пальцев, пробивается даже под градом капель — Тони? Под ударами куртки Нааса — тот словно забыл о магии. Или знает, что способен лишь разрушать. Крики мешают сосредоточиться, в голове мелькают обрывки не той памяти: острой, больной,

страшной. И пол снова уходит из-под ног, а воздух — дробится на части. Крыша! Нет, нет, не то...

Мне нужно другое, момент спокойствия, момент счастья, момент до...

До.

Когда я уже увидела, но еще не поняла. Не связала магию раз и навсегда с болью и смертью. Пока нет... Пока обломки парят в невесомости. Горячая кровь разливается по коже. Капли стучат о шифер. Мир яркий. Ярче, чем когда-либо, а невозможное — нормально, и я тоже. Сжимаю стихию в кулак. Вот оно.

Всего секунда, но пока она длится, я имею право быть собой.

Пламя схлопывается.

Кан мечется. Вопль стухает до стога. Ткань рубашки местами впеклась в красную плоть, форменные штаны дымят, волосы сгорели. Наас застыл, неловко наклонившись.

— Я не... — говорит он, но Айяка вскрикивает:

— Холодная вода!... — у нее расцарапана щека. Кота нет.

К Кану не прикоснуться — сплошной ожег. Он и не дает: шатаясь, встает сам. Тянется за выпавшим на асфальт пистолетом, но я вырываю оружие из слабых пальцев, почти рефлекторно взвожу курок и...

— Конечно, — хохочет. Без ресниц и бровей багровое лицо выглядит жутко, неузнаваемо. — Вы всегда заодно! Стреляй! Чего ты ждешь?!

— Успокойся! Все — успокоились! — перекрикивает ветер Тони. — Кан!... Идем в дом! Мы...

— Неет... — едва слышно. Запекшиеся губы лопаются, он проводит языком, морщится, пятится. — Неет, я поищу местечко побезопасней. Подальше от вашей компании.

— Не глупи! Тебе нужна помощь!

Парень скидывает объятые дымом перчатки. По выбранным чарам пробегает рябь:

— Попробуй, помоги мне.

— Оставь его, — прошу Тони. Пусть идет. Он не услышит ничего из того, что мы скажем.

— Как великодушно, девочка-солнце, — ядовитые интонации. Нинина кличка. Кан никогда не называл меня... у него бегут слезы. Белки розовые от рваных сосудов. Мои руки мелко трясутся, но я не убираю палец со спускового крючка. Замечает и хрипло хихикает:

— Постарайся не выстрелить мне в спину, — но я нескоро вижу его лопатки. Парень отступает, не сводя с нас взгляда и пульсирующих магией рук.

— Я не хотел, — почти шепчет Наас. Но он хотел.

— Мы знаем, — Тони врет за всех. Я опускаю пистолет, когда сгорбленная фигура, качнувшись, скрывается за углом. Ветер уходит вместе с ним.

***

— У нас есть двое суток на план, — на кухне Тони расправляет смятую бумажку. — Потом пришлют отряд охотников, чтобы создать безопасные условия для прибытия Совета.

Помочь — так они написали. Помочь вернуться домой. Ни слова про наказание. Абстрактная угроза — мы знаем, что вы сделали. Но если поможете создать портал в мир тьмы...

— Мы не успеем ничего предпринять, — я обнимаю бледного как смерть Нааса. Дс боли стискивает мои плечи. Кусаю губы: пульсация в голове сменилась обморочной легкостью. Тошнит.

— Умрем здесь или там, — говорит рыжеволосый маг со смешком. — Мы уже мертвы. Умерли, когда попали сюда.

— Замолчи. Это ты нас сюда притащил, — Айяка отворачивается к окну. Вдруг дергает хрупнувшую створку, выталкивает наружу Канову набитую окурками банку. Стекло лопается внизу вспугнутыми птицами.

— Я не хотел, — повторяет мне в волосы Наас. Тони подходит к девушке:

— Айя...

— Ты сама согласилась нарушить правила, — смеюсь, — сама пошла за нами к могиле. Не смей обвинять его в своих ошибках!

— Но она права. Это — моя вина.

Да. И нет.

— У всех нас есть причины, по которым мы здесь. Глупые и мелкие, но и таких оказалось достаточно, — Наас невесело хмыкает:

— Запомнила... — убирает мне челку за уши. — Кан прав. Совет ни за что не примет мир, даже с тварями у ворот. Это — не выход. Выхода нет.

— Всегда есть что-то еще. Просто пока мы не видим, — звезды за плечом Тлалока. Звезды, что вывели Плутона со дна колодца, из белого плена Заповедника. Мы найдем дорогу домой. — Способ вернуться.

— Способ, при котором нас не отправят в Заповедник сразу после того, как сойдем со знака, — Наас шмыгает носом и, кажется, вытирает щеки. — Письмо — приказ. Мы должны сидеть смиренно, чтобы в Университете открыли портал. Если вернемся сами — сразу огребем по полной. Мы под подозрением. Даже заговорить не успеем, какой уж тут мир?

— Пакт подписывали главы ветвей, — говорит в никуда Тони. — Со стороны людей — Совет, против сильнейших из тварей. Если Плутон соберет их, если мы проведем Высших сквозь знак в лабораториях прямо в сердце Университета... у Совета не будет выбора.

— Тогда нечего станет исследовать. Ученые отвяжутся от нас... — Наас, отстранившись, заглядывает мне в глаза.

— Люди погибнут, — проглатываю комок в горле. — Когда мы перейдем, люди погибнут. Ваши знакомые. Друзья. Кого обрадует мир такой ценой? И Совет... они могут заставить нас просто исчезнуть — после.

Наас молчит, ореховая радужка серая от тревоги.

— Могут, — соглашается Тони. — Со временем. Тогда и разберемся. Сейчас нельзя ничего предвидеть наперед. Я не знаю, как отнесутся наши к... — он оборачивается: скрип-скрип. Айяка рассеянно покачивает раму туда-сюда. — Перемирие снимет проклятья тварей. Это дорогого стоит. Если повезет, обойдемся без жертв. Попробуем договориться с ребятами, которых пришлют через сутки. Это точно будут охотники из нашего блока, максимум — искатели. Все свои. Шансы неплохие.

Скрип стихает. В тесном дворике за окном на просевшей желтой машине перепрыгивают воробьи. Я слежу за беспечными птичками, уносящими души к солнцу.

Я не умру в одиночестве.

Впервые эта мысль не приносит утешения. ***

Точка-Кан замерла в тюрьме. Наас, горестно сжавший яркие губы, отнимает ладонь от поисковых чар.

— Не двигается. Он там уже часа три, — и все три часа каждые пятнадцать минут в коридоре раздавались шаги, обрывались рядом со знаками.

— Он способен о себе позаботиться. Восстанавливающие чары сильно поправят дело. Расслабься, — сам Тони так тесно сцепил пальцы, что кости, кажется, вот-вот прорвут кожу.

Я останавливаюсь на пороге гостиной.

— Закрой дверь! — требует стоящая на четвереньках у шкафа Айяка. На полу — цепочка редких пятен. Отыскала сбежавшего зверя.

Наас прислоняется к косяку. Блекло шутит:

— Сколько нужно магов, чтобы поймать кота?

— Закройте!

— Ладно-ладно, — парень уходит на кухню. За ним шагает Тони. Я наблюдаю за безуспешными попытками Айи подманить кота лентой бинта, когда сзади начинает распеваться Абба. Легко ступая по скрипучему паркету, я подбираюсь ближе, чтобы услышать спрятанные за музыкой слова:

— Это самоубийство, — говорит Тони. — Особенно с Каном. Он все испортит.

— Вам необязательно участвовать. Хочешь, свяжем, объявим заложниками? Должно сработать.

— Нет. Оказаться неподвижными в разгар драки — плохая идея.

— Можете остаться здесь, в Отрезке. Если получится, мы вернемся за вами. Или не мы.

— Наас, прекрати. Хватит защищать меня. Теперь моя очередь.

— Ни хрена...

— Без тебя я бы давно умер.

— Или сам бы завязал.

— Конечно. Легко.

— Я не шучу.

— Я тоже.

— У тебя семья. Сестры...

— Да. Если вдруг... если я умру, расскажи им все. Про магию и Университет. Про озеро. Даже про озеро.

Наас невесело смеется:

— У меня шансов меньше, чем у тебя. На нас с Зарин сразу нацелятся.

— Обещай, что расскажешь. Они должны знать, они черти что обо мне думают. Лика спрашивала, не начал ли я снова колотиться. Представляешь?... А что я мог ответить: нет, я пропал на полгода потому, что порошок выдохся, а за каждым оберегом очередь из десяти охотников?

— Тони...

— Меня это с ума сводит! — выкрикивает парень. — Как, по-твоему, администрация прикрывает наше отсутствие? Подсунули леденцы и позволили выдумать причину! Будто они сами плохо справляются!

— Эй, остынь. Обещаю, мы вернемся и все исправим. С отпечатками Плутона... с установленным миром — про прах можно будет забыть. Мы расскажем им обо всем вместе. И про озеро, если захочешь.

— Не захочу.

— Я понимаю.

— Но расскажу.

— Знаю.

— Хорошо. Об Айе не волнуйся. Она испугана, но она сильнее, чем кажется. И выключи это. Невыносимо, — я быстро ухожу в комнату, где девушка уже заканчивает обматывать бинтом вырывающегося кота. Стянутый поперек живота, тот выглядит крайне забавно. Айяка поднимает блестящие глаза:

— Он так сильно порезался. Как умудрился?

На кухне взвизгивает убираемая с пластинки игла. Грюкают чайником о плиту. Я пожимаю плечами:

— Ученые порезали, чтобы принести жертву? Посмотри на него, он не особенно расстроен.

Айяка всхлипывает, обнимая зверя и пряча лицо во взъерошенной шерсти:

— Что мы натворили.

— Понадеялись на удачу, наверное, — опускаюсь к ним на пол, протягиваю коту руку — понюхать. Познакомиться.

— Я представить не могла, чем все обернется. Решила, мне повезло: свожу вас в архив... Наас растрепал, что я влюблена в Тони? Не сейчас, давно... Боже, надо было просто подойти познакомиться! — она смеется, размазывая слезы по лицу.

— Разве не стоило того? Он бы все равно пошел за Наасом, только один.

— Стоило, — чуть успокоившись, говорит девушка. Серьезно спрашивает:

— А ты? Не жалеешь, что приняла ее клятву?

— Нет. Это странно, но нет.

— Почему?

В другой раз я бы ответила: не знаю. Но я знаю, и бывают моменты, когда очень важно, чтобы и другие знали — кто ты такой.

Я долго подбираю слова. Заглянувший в комнату Наас молча уходит обратно. Засвистев, умолкает чайник. Гремит посуда. Айяка гладит замурчавшего кота. Ее голубая блузка выпачкана кровью, а на щеке алеют набухшие царапины.

— Я была нужна ей. Она, — они, твари — хотели мою суть. Все вообще, с потрохами. Не требовали, чтобы я стала кем-то еще. Лучше или проще, — говорю с паркетом и привычно сжимаю левую ладонь в кулак. — Им было достаточно. И мне тоже. Я никогда не хотела быть другой, хоть еще недавно никогда бы в этом не призналась, даже самой себе. Я хотела, чтобы и людям рядом со мной было... нормально хотя бы. Но для них я всегда оставалась чудовищем.

Когда наконец смотрю на нее, Айяка больше не плачет. Выцвели красные пятна на щеках, исчезла скованность в осанке.

— Спасибо. Что ответила.

Киваю — на большее я не способна.

— Эй, хотите чаю? — дергаемся. Настороженно хмурясь, Тони замер у двери.

— Да, — стряхивает неловкость Айя. — Да... пойдём? — прижимает зверя к груди и вдруг берет меня за руку.

— Конечно.

— Наас придумал ему кличку, — Тони пропускает вперед.

— Кличку?...

— Я нарекаю тебя Жополизом! — торжественно и слишком громко сообщает Наас коту. Засучив лапами, тот выкручивается и ныряет под стол.

— Василий, — не соглашаюсь я. Всех котов, какие жили у бабушки и деда, с подачи последнего звали Васями, причем независимо от пола. Дед навеки заснул под деревом прежде, чем кокон из тьмы по-настоящему обрел плотность, поэтому он запомнился мне добрым, он ведь никогда не смотрел на меня как...

— Трус, — улыбается Тони. Я расплескиваю чай.

— С чего вдруг? — спрашивает Наас, заглядывая под стол.

— Разве нет?

— Имеет право. Он еще и поранился... Черныш, — говорит Айяка.

— Банально. Черный Властелин, хотя бы! — Наас скрывается под столом. Оттуда раздаётся рассерженное шипение. — Эй! Ублюдох царапается!

— А чего ты хотел? Мракобесина, — предлагает Тони.

— Неплохо, вылитый монстр. Смотрите, — из-под стола высовывается исполосованная рука. В глубоких царапинах выступают капельки крови. Айяка забывает про кота и переключается на Нааса: заставляет вылезти и обработать ранки спиртом.

— Он прошел через метров пятьдесят воробьиного дерьма, не выпендривайся. Нормально продезинфицируй, — поддерживает Тони.

— Ниггер! — рыжеволосый маг щурится, пока девушка тщательно протирает его изодранное предплечье.

— Нет, вот уж точно нет, — смеется она, — остановимся на Мракобесе. Бес... ему подходит. И не слишком уничижительно.

— Вот именно, — возмущается Наас, отбирая вату. — Ты тоже... дай я.

Осторожно трогает острый подбородок, поворачивая ее лицо распоротой щекой к свету. Мягко промакивает опухшие росчерки.

Почему он выбрал ее? Из всего Университета? Неужели больше ни у кого не было допуска в архив и слабостей, на которых можно сыграть?

Знал, кто ей нравится.

Избегал. Грубил.

Касается, словно боится.

Замечает мой взгляд и беззащитно, грустно хмурится.

Иногда мы любим не тех людей.

И с этим ничего не поделать. Но сидеть здесь, притворяясь, что не видишь очевидного, и гонять по кружке остывший чай — невыносимо. Я выхожу из кухни, из квартиры. Я иду искать Плутона.

***

Обойдя город, устраиваюсь на теплом бортике фонтана. Сажу до вечерней прохлады и после — глядя, как улицы теряют краски. Почти засыпаю, когда тварь наконец выныривает из залитой ночью арки.

Подходит, позволяет прижаться лбом к жесткому плечу. Закрыв глаза, слушаю эхо моего сердца под сотканной из тьмы шкурой.

Она нужна мне.

Понятная и совершенно чуждая.

Парадоксально свободная — после колодца и полувека в заточении. Недостигаемая. Кажется: вот, теплая, дышащая.

Но после гибели другой я не могу перестать видеть суть: искру, что отбрасывает тени, заставляя их плясать бесконечный танец. Пламя рождается, чтобы умирать. И Плутон будто умирает каждую секунду, прямо сейчас становится памятью. Разрушенными стенами Отрезка. Свистом ветра, биением пульса. Осознанием силы.

Пониманием власти.

Над этим городом, увидевшим жизнь — в смерти.

Над этим небом, таким огромным — и маленьким, если только захочешь.

Все становится маленьким, стоит сказать:

— Спасибо тебе.

Вздыхает в ответ.

Отстранившись, протягиваю записку, уже основательно помятую. Плутон мотает головой — знает.

— Мы хотим заключить мир. Люди и твари.

— Пакт Серафима.

— Это возможно? — или только безумная мечта? — Ты сможешь собрать всех Высших?

Подчинятся ли вам остальные?

Рассматривает меня:

— Ты что-то сделала.

— Да. Я нашла нужное воспоминание.

— Расскажешь мне?

— Не сейчас. У нас времени до послезавтра. Если мир вообще...

— Однажды получилось, — ониксовые глаза подергиваются туманом. Тварь щелкает серебряными зубами. Долго молчит прежде, чем сказать:

— Я не успею привести их так быстро. И покорить младших. Мы разметались по всему миру... — узкое лицо застывает. Ей придется встретиться с себе подобными. Говорить. Сражаться?

После вечности в темноте подвала я начала различать напряжение, когда две твари сталкиваются. Будто составили одинаковые полюсы магнитов. Противоестественно. Невыносимо.

Отмерев, она продолжает:

— Послезавтра я буду рядом в любом случае, — вскидывает когтистую лапу, не давая возразить. — Ты не умрешь без меня.

— Новое обещание? — смеюсь: прошлое перевернуло мой мир с ног на голову.

— Старое. Возвращайся к своим. Сейчас безопасно, но не выходи одна. И... позаботьтесь о животном. Оно может оказаться полезным.

— Айя уже придумала ему имя, — зверь в надежных руках. — Бес.

Фыркнув, Плутон качает головой:

— Наши, чем заниматься, — без перехода спрашивает:

— Вы разделились?

— Да, — тру переносицу. Чертов Кан.

— Это проблема? — у нее есть готовое решение, но я отвечаю:

— Нет. Утром разберемся. Он поймет, должен понять.

— Разумеется, — я различаю грусть в мимолетном оскале, и вижу очень явно — вспоминая на следующий день, когда наши крики встречают тишина и запертые ворота. За приоткрытым окном лазарета мелькает тень, но Кан не показывается.

— Надо было оставить тебя дома, — говорит Тони Наасу.

— Да, и Зарин тоже. Он бы живо вышел и вздрючил тебя, а потом застал бы нас врасплох и сдал охотникам. К черту его. Сейчас запрем знак, и я предлагаю ждать в подвале до завтра. Все равно там надо поставить барьер, чтобы Кан не

вломился. Нет смысла возводить еще один вокруг квартиры для нашей безопасности. Только силы потратим. Подождем ребят, договоримся. Выйдем вместе и тогда уже разберемся с Каном.

— Запереть знак... тогда наши сразу решат, что мы настроены враждебно, — морщится парень. — Но ты прав. Надо подстраховаться. Обереги лопнут после перехода. Нельзя, чтобы твари добрались до них первыми. Но все же Кан не идиот и знает, что вляпался не меньше нашего. Никакого помилования не будет, пусть хоть десяток магов огня притащит. Забудем про Нину. Его самого если не выпрут, точно разжалуют из капитанов, а то и из охотников. Карьере конец, а что он еще умеет? Он беглый преступник... ну, подозреваемый. Мир же с тварями вполне может обеспечить ему поддержку блока: администрация посчитается с мнением большинства и оставит Кану должность. Он должен понимать, что...

— Да-да, ты все это орал, а я слышал, — Наас пинает камешек, отправляя на десяток метров вперед. Солнце почти в зените, жарко печет макушку и голые ноги. Канов пистолет давит в косточку на бедре. Достаяю и заправляю за пояс шорт сзади. Стоило взять и нож. Над левой бровью пульсирует мигрень. Прислушиваюсь. В ушах звенит. Щебечут птицы. Пепел с шелестом катится вдоль бордюров, набивается в ямки и трещины. Тони щурится, вглядываясь в пыльные окна. Окна смотрят в ответ. На рассвете поисковые чары роились точками. К ночи тьма погребет под собой линии.

Сбиваюсь с шага — в мозгу фейерверком крошится реальность.

— Зарин?

— Голова раскалывается, — сжимаю виски. К горлу подступает тошнота.

— У меня тоже. Это от недосыпа, — Наас на ходу завязывает косу, отбрасывает за спину — золотая вспышка, непослушные короткие прядки чиркают по напряженным скулам. Черная футболка раздувается от ветра: волнуется. Он всю ночь провел следя, чтобы капитан пятого блока не покидал пределов тюрьмы. Теперь пост в коридоре заняла Айяка. Если Кан

сунется за ворота, она выстрелит в воздух.

Какая ирония.

— Кан больной ублюдок, а вы идиоты, если этого не замечаете, — говорит рыжеволосый маг.

Тони усмехается. Засунул разрисованные заклинаниями руки в карманы джинсов. Маркер кое-где размазался, а татуировки помешали исписать кожу выше локтей, но в походке мага появилась незнакомая грация, какую раньше я видела лишь у Кана и Плутона.

Дымная тварь стелется по крышам, мелькая среди дымоходов оскольчатой улыбкой. Я собираюсь сказать, что она вернулась, когда Тони останавливается. Вдалеке, где крошечный козырек отбрасывает разноцветную тень, на дороге стоит восемь... девять человек.

Нет. Еще рано!

И поздно — я слишком поздно понимаю: боль. Голова болела, когда портал выплюнул кота и послание.

Тихо-оглушительно хлопает дверь напротив вскинувших оружие магов.

— Айяка! — Тони бросается к ним, мы тоже. Звучат первые выстрелы, а впереди еще целый квартал. Один из охотников падает на колени, девушка шарахается обратно в квартиру. Я не вижу, ранена или нет. Остальные поворачиваются.

— В стороны! — кричит Тони. Пули царапают асфальт. Они целят по ногам, надеясь достать нас живыми. Куда подевалась Плутон?!

Я даже не ищу воспоминаний — ни к чему. Слова разрыва, подпитанные страхом, убегают трещинами по стенам, чтобы взорваться битым камнем в фасаде Айинового магазина. Плитка и витраж разлетаются вдребезги, накрывая семерых пригнувшихся. Один неподвижен, другой — не прячется от града осколков, а бежит наперерез.

Он без форменного кителя, левая рука до плеча затянута черным: перчатка. Белая кожа почти сливается с белой же футболкой.

Илай.

За ним устремляется следующий, они говорили в баре, и раньше держались вместе — друзья? В форме охотника, поверх отблескивают серым пластины: сплав, не дающий тварям расплыться и исчезнуть! Илай уклоняется от выкинутых Тони сетчатых чар, но налетевший порыв ветра сбивает его с ног и прокатывает назад. Я торможу, чтобы поймать на прицел:

— Стой! — но огненный маг выворачивается из воздушной ловушки и бросается ко мне, игнорируя направленный в лицо пистолет.

— Перестаньте! Хватит! — кричит рядом Наас. Око тайфуна смещается вместе с ним. Маг в форме-доспехе вырывается вперед, запускает чем-то в Тони — заклятье вгрызается в дорогу. В нос ударяет гарью. Я стреляю, заставляя Илая шарахнуть к домам, когда Плутон появляется между его другом и замершими наготове Тони и Наасом.

— Нет! — не убивай, подожди!

Она оборачивается. Узкое лицо искажено раздражением, верхняя губа вздернута в оскале. Секунда промедления. Парень кричит заклинание — заклинание, после которого не выжить. А ей не сбежать в зоне колдовского металла. Охотник взмахивает руками, но не успевает направить магию на застывшую тварь.

Я стреляю раньше.

Он дергается. Из горла брызжет кровь. Зажимает рану, удивленно глядит перед собой.

— Ниль! — Илай летит к оседающему парню. Плутон переступает на месте, пытливец ловит мой взгляд. Длинным прыжком оказывается среди спешащих на помощь охотников.

Опрокидывает кого-то. Захлебывающийся крик, хруст. Тварь вспархивает с дергающего ногами тела, у него вместо головы — разливающееся алым месиво. Тонко вскрикивает, споткнувшись, единственная в отряде девушка: синяя повязка медиков, красные волосы в небрежном хвосте рассыпаются по плечам. Красавица с фотографии, Энид. Плутон сменяется пеплом и, вспугнув беснующихся птиц, возникает уже на крыше. Я только замечаю, что небо полно воробьев, а в провалах окон плещется тьма. Илай хрипит заклинание, вскидывает полыхающую электричеством перчатку — мощный взрыв выносит рамы.

Зажмурившись, закрываюсь от чиркающего по предплечьям стекла. Рядом что-то жарко шипит, чуть дальше бьется ветер, поднимается на дыбы асфальт.

Едкий шорох оканчивается вскриком: Тони разжимает кулак, ближайший из нападающих валится на землю.

Илай стоит у неподвижного тела. Его невозможные глаза совершенно безумны. Бросается вперед, доставая нож — рваные движения неправильно, противоестественно быстры. Но теперь он моментально останавливается, когда я опять поднимаю пистолет.

Трое других не двигаются. Вокруг них танцует пламя: Наас. Энид сжалась у трупа с разорванной головой, зачем-то нащупывает пульс. Это не все...

— Где еще один?! — сиплю я.

— Что?... — Наас тяжело дышит, шарит взглядом по мертвецам.

— Их восемь!

— Сзади! — крик. Айяка выныривает из дыма. Цела. Девятый вместе с ней, но они странным образом держатся сообща. Девушка надрывно повторяет:

— Сзади! — сзади меркнет свет. Оглядываюсь.

Кан. Перчатки продирает сиянием. Плотная завеса тумана накрывает улицу свинцовой плитой.

Пол накреняется. Столкновение со стеной выбивает воздух из легких. Нажимаю на курок — выстрел теряется в темноте. Ошпаренные спина и бок взрываются болью. Сквозь звон в ушах слышу вопль капитана пятого блока:

— За мной! Быстро! Оставьте их! Твари...! — яркий день теряет краски. Чистое небо гаснет от не вовремя пробудившейся ночи: твари пришли на пир. У прибывших нет защиты Плутона, а обереги должны были лопнуть. Приподнимаюсь на локтях, ищу Нааса и Тони. Мимо проносятся трое охотников... один возвращается за красноволосой девушкой:

— Вставай!

Наас неуклюже выбирается из-под обломков шифера. Трогает рассеченный висок. Перекатившись на живот, надсадно стонет Тони. Вдалеке Кан командует:

— Тюрьма на горе! Туда! — Илай еще здесь. У тела. Кисти и футболка вымазаны кровью.

— Останься. Пожалуйста, — прошу. Едва слышно — но парень поднимает голову. Гремящая сыпучая тень прокатывается между нами, чуть замешкавшись возле огненного мага. Тьма мчится вслед за беглецами под прикрытием зданий. Плутон проявляется роем в ближайшем парадном.

— Кан! Отрежь его! Не убивай, но не дай... — не дай заговорить с ними, мы еще можем все исправить... Четыре трупа на разоренной улице и громоподобный птичий щебет размазываются, отдаляются-приближаются. Плутон исчезает.

Илай тоже.

Незнакомый маг, совсем мальчишка, подходит ко мне:

— Вставай. Я помогу, — девятый. Невысокий, худой и светлокожий, с россыпью веснушек на вздернутом носу. Встрепанная черная челка падает на глаза. Айяка склоняется над Тони. Наас, пошатываясь, встает. Смотрит вслед удаляющимся охотникам:

— Не успеют.

Хватаюсь за протянутую руку, но упираю ствол под ребра:

— Успеют. Твари сегодня получили достаточно. Они захотят растянуть охоту.

— Надо вернуться в дом и найти их по поисковым чарам, — Айяка. — Рики...

— Рики лучше не дергаться лишний раз, — прищуривается Наас. Подобрал чей-то пистолет и тоже направил на парня.

— Да как хотите! Идем же! — рывкает девушка, помогая хромящему Тони перелезть через вздыбленные куски дороги.

Меня ощутимо ведет влево. Если бы не костлявое плечо Рики, я бы упала. Он морщится, когда я впиваюсь пальцами в плотную ткань кителя, но молчит. Отпускаю спусковой крючок, чтобы случайно не...

Господи.

Друг Илая... Ниль. Лицо так и застыло с ошарашенным, пустым выражением. Посеревший от оседающей пыли, выгнулся на бордюре. Кажется, будто пытается вдохнуть — вот сейчас повернет голову и выплюнет стекающую из приоткрытого рта...

— Смотри под ноги, — говорит Тони. Отворачивается от другого тела.

— Шевелитесь, — Наас, пяясь, держит Рики на прицеле. Первым достигает лишившегося отделки дома напротив магазина. Испещренные оспинами стены не узнать, и Айин персональный ад тоже. Девушка неловко ступает по блестящему радужному крошеву. Задержавшись на пороге, судорожно выдыхает.

— Что? — спрашивает Тони.

— Ничего, — неправда. Вскинув тонкую бровь, Айяка разглядывает лежащего ничком охотника и — искривленные опоры с пустыми скатами козырька. Давлю розовый осколок. Витраж, из-за которого ее жизнь навсегда изменилась, вернулся в прошлое. В этот раз Айя не сломалась.

Сломался маг, чье фото со временем окажется на залитой алым светом стене бара, обрастет горькими словами и бледными воспоминаниями.

— Почти добрались, — сообщает Наас из коридора. Подталкиваю Рики ближе к поисковым чарам. Три точки на финишной прямой. Наверняка уже видят зеленые ворота. Одна — в нескольких кварталах к северу. Кан?

— Это, скорее всего, Илай, — Наас говорит о пятой: дрожит на семь улиц к востоку от нас. — Он в ту сторону рванул, я успел заметить.

Почему он не двигается? Выставил барьер? Ранен? Говорю раньше, чем думаю:

— Я пойду к нему.

Парень хмыкает.

— Что? Он незащищен, — опасней половины тварей Отрезка.

— Ну да, — Наас со стоном отнимает ладонь, гася заклинание. — И неадекватен: сразу после ритуала. Но — правильно. Мы должны поговорить с ними. Момент хуже не придумать, но новый отряд может появиться, когда угодно.

— Да, они пгидут следом, — Рики глотает рычащие буквы, отчего его речь похожа на лиственный шорох. — Нам пгиказали гасчистить путь и отпгавить сообщение — охотникам

или искателям. Почему вы не заблокировали знак? Мы думали...

— Мы не успели, — Айяка кривит губы. Глупо, какие мы глупые: отвлеклись на Кана. Поверили, что у нас в запасе два дня.

— Ооо, думали они! Умники! Давай его сюда и иди, — цедит Наас, заламывая парню руку. — Что там про сообщение?

— Не трогай его! Он на нашей стороне! — ощупывая лодыжку Тони, хмурится Айяка. — Лучше и правда займись знаком! Поставь блок.

— Сейчас. Сначала поговорю с личным секретарем Максимилиана, — шипит рыжеволосый маг, толкает пленника в кухню. Свистящий порыв ветра пронесется по коридору, сбивая с полки вазу и рассыпая мертвые гвоздики. — На нашей, как же! А в рюкзаке что? Да он больше тебя!

— Наас!

Брошенный у тумбочки пухлый рюкзак действительно мог бы вместить самого Рики и еще бы место осталось.

— Иди, — говорит мне Тони. — Осторожней там, ладно? Приготовься защищаться прежде, чем разговаривать. Илай сейчас не в себе, может напасть — хоть вы и... одинаковы, — моя магия, моя суть защитит надежней любых заклинаний. — Мы пока пообщаемся с Рики и найдем Кана. Я найду Кана, — поправляется, — Нааса скорее послушают те трое. А ты посторожишь... своего приятеля, — заканчивает с улыбкой. Айяка фыркает:

— Между прочим, ты прав. Мы друзья. С детства. Рики привел меня в Университет.

— Да, они ведь прислали Энид, — парень, морщась, качает поврежденной ступней. — Она прекрасный медик, но, думаю, скорее их отношения с Каном стали причиной назначения. Хикан — мой друг. Благодаря ему я оказался в Университете. Мы были очень близки, пока не...

— Эйса не в тему, — отзывается с кухни Наас. — Карс и Ниль тоже. Еще двоих не опознать... а у этого накопитель на шее! Дай-ка...

— Все они сильные маги. Поэтому и вышли вперед, прикрывая других. Совет продумал оба варианта: если мы в ловушке и хотим вернуться... и если специально выпустили Плутона, а теперь прячемся от наказания. А Эйсандея явно от ученых выбрали.

— Они ожидали, что мы поставим барьер. Поэтому отправили тех, кто может уговорить нас снять заклинание, — скрещивает руки на груди волшебница.

— Чары ненаходимости! И ради этого вы мучили Мантикору? У остальных почему таких нет? Или воспользуются позже?

— Наас! Хватит! — рывкает Айяка. — Ты делаешь ему больно!

— Вы нужны им зывыми, все вы, — сдавленно сообщает ее друг.

— Зачем? — Тони встает и ковыляет к ним. — Мы-то зачем?

— Ели вы могли вызвать в Отъезке с твагами, то ибо осень удасливые, ибо геиальные вошебники, ибо носители отпечатков, — волнуясь, Рики чаще теряет согласные. — Все сконяются к тьетьему. Тваги посьти не отметили людей гавными себе. Ученые наеются изусить метки. Насли стагое заклинание, котое долзно их выявлять. Если оно габотает...

— ...нам конец, — шепчет Айяка.

— Да. Всем: сем больше матегала для исседований, тем лучше.

— Выродки, — выплевывает Наас. Я проверяю патроны. Ставлю на предохранитель — боже мой, почему раньше не поставила?! Считаю выдохи, вожу дулом по шраму на ладони.

Хватит медлить. Иди.

— Чего они ждали так долго? — в тон моим мыслям спрашивает Тони.

— Восстановления огенных. Янни до сих пор... никто не знает, получится ли у него погнестить юдей.

— Кто будет с ним? Почему он, не Мантикора?

— Мантикогу пока пустили на накопители. В гюкзаке ессе два с поисковыми чагами и сообщающимся сосудом. Есси послать пгавильный код, с Янни пгидут его бгат, Сойт Гоэн и Сано Тхеви. Совет с оханой и Мантикоой — после них.

— Черт, Сойт! — ударяет по столу Наас.

— Сано — Свидетель. Значит, это группа для исследования, — говорит Тони. — Сойт Роэн — ее телохранитель. Пустой, твари его не замечают. Отличный выбор. Мария Хектор тоже пустой, и из блока ученых. Но он явно нужен только, чтобы стабилизировать брата.

— А они времени зря не теряли! Накачали энергии аж на три группы!

Перестая слушать, возвращаюсь к выстрелу, активирую чары поиска. Илай на прежнем месте. Выхожу, выбегаю.

Одно лишь его незримое присутствие в Отрезке разгоняет пульс и ширится пустотой за ребрами. Вытираю вспотевшие ладони о майку, перехватываю пистолет удобнее. Безжалостное полуденное солнце высвечивает каждую трещину, каждый камешек прокатившейся битвы. Спотыкаюсь: тела застреленного Айей охотника нет. Лишь багровая лужа отмечает точку, где оборвалась жизнь.

Поворачиваю прочь от пятен. Пусть дорога выйдет длиннее — плевать.

Ускоряюсь, напрягая ноющие мышцы, пролетаю через дворы и переулки. Строения скоро оскальваются кирпичом и бетоном, сменяются руинами. Квартал, выбранный Илаем, основательно разрушен предыдущими жертвами города. Я тоже внесла лепту: вот гора черепков, в которую превратилась аптека. За ней через три здания обгоревший каркас колокольни. Огненный маг скрывается в угловой пристройке следующего дома. На вывеске вдоль фасада сохранились трехцветные буквы: пиццерия. Черное от времени, продуваемое сквозняками дерево тихонько потрескивает. Тонко ноет поворачивающийся флюгель. Я толкаю дверь. Не заперто.

Стоит позвать, чтобы он понял, кто... но мне не произнести и звука. Снимаю пистолет с предохранителя, проскальзываю между баррикад: лестница наверх перекрыта, но Илай на первом этаже. Я не знаю и — знаю. Остро пахнет снегом и металлом. Сердце колотится в горле. Чертов скрип отмечает шаги. Хаотично наставленная мебель — мешанина столов и стульев — превращает просторный зал в лабиринт. Выпутавшись из очередного тупика, оказываюсь перед острыми гранями барьера.

Невероятно.

Литая тьма.

Иссиня-черная вязь плавится, словно тень от свечи. Заношу руку в сантиметре от колеблющейся нити. Холод лижет ладонь.

— Не трогай, — он выходит из-за загородивших угол полок. Пыльные лучи выхватывают половину лица, забрызганную чужой кровью футболку. Левая рука в боевой перчатке выглядит обрубок.

— Почему?

— Это ранит тебя.

— Огонь не ранит.

Прищуривается:

— Это не огонь.

— В чем разница? Они части целого.

— Они противоположны.

Не отводя взгляда, зажигаю огонек на кончиках пальцев.

Комната в миг оживает, барьер вспухает — точь-в-точь вставшее на дыбы животное.

Илай заслоняется от теплого света лущающейся волшебством перчаткой.

Измощенный — кости и мышцы, кожа в лиловых пятнах полопавшихся сосудов. Живой и мертвый одновременно.

— Убери, — почти просит, скривившись, как от боли.

Пламя ныряет внутрь, вычленив скелет пястья. Илай неглубоко и хрипло дышит. Из носа часто капает кровь. Запрокинув голову, парень глядит на меня из-под опущенных ресниц. Темные дорожки расчерчивают подбородок, шею. Спотыкаются о ворот.

Меня бросает в жар.

— Ты больше не можешь использовать огонь? Только тьму? Что они с тобой сделали?

Резким движением вытирает струйки. Этот жест... утро после освобождения твари.

— Ты знаешь, — Илай смеется. Лающий звук повисает между нами, разделив надежней извивающихся чар.

— Все можно исправить, — тени от барьера червями ползают по бледному лицу. Не отвечает, даже не моргает. Но я вдруг вижу.

Илай — искра в коконе смерти.

Едва ли человек.

Вздрагиваю и шагаю назад. Маг бросается сквозь чары, выкручивает руку, заставляя выронить пистолет. Судорожный вдох — и я прижата спиной к жесткому телу. В шею впивается лезвие:

— Я должен отдать тебя им. Вместо себя. Или убить.

— А хочешь? — говорить больно, проглотить слюну еще больнее. — Хочешь? Я убила твоего друга.

— Ты выбрала тварь. Не человека.

— Да. Мне жаль, что пришлось выбирать.

— Почему? Почему она? — горячее дыхание путается в волосах.

— Она спасла меня.

— Она использует тебя.

— А ты нет?

Осторожно накрываю свободной рукой его — с ножом. Провожу по измазанным подсохшей кровью костяшкам и дальше, по холодной коже перчатки. Рывком расстегиваю заклепки, стягиваю до локтя — до бугристых старых порезов. Голос срывается в шепот:

— Ты еще не убил меня. Выбрал отдать им? Думаешь, так купишь себе свободу? Рывком разворачивает, перехватывая за спиной запястья, дергает за волосы. Запрокидываю голову, заглядывая в пульсирующие зрачки за белыми ресницами. От алой радужки осталась лишь тонкая полоска по краю:

— Почему ты не боишься меня?

— Мы одинаковы.

— Нет. Пока нет.

— Ты не ранишь меня сильнее, чем ранили до тебя. Хочешь — убей. Только сам знаешь,

каково потом жить с этим.

Дергается: хватка на секунду слабеет.

— Что ты хочешь вспоминать после? Что принесет тебе покой?

Звякает выброшенный нож.

Меня никогда не целовали. Я не представляла, что поцелуют, и — так. Яростно, отчаянно. Вяжущий металлический вкус на языке, его невыносимый запах — снег и кровь. Больно. Хорошо. Пальцы с нажимом проходятся по позвоночнику. Я обхватываю Илая за шею. Ловлю рваные пряди. Перебираю, сжимаю и тяну, отстраняя. Он выдыхает:

— Можно остаться.

— Нет, — трогаю его запачканный подбородок. — Нет.

— Если мы вернемся, ты скоро изменишься, — в ответ гладит порез на моем горле. —

Мы не можем остаться, — мы сойдем с ума в пустом городе.

— Мы не можем вернуться, — Илай прикусывает рваный рот. — Я... я — не могу.

— Мы заключим перемирие. Прошлое длилось двести лет. Твари защитят нас. Мы станем слабее, придется отдавать часть силы, но...

Качает головой:

— Перемирие ничего не изменит. Не... продлится долго. Мы отличаемся от других. Людей. Никогда не будем равными — они не позволят, — Илай мучительно собирает слова в предложения. Хмурится до острых морщинок на переносице. — Им нужны чудовища, с которыми сражаться. Добро и зло: люди и твари. Мы застряли посередине. У нас нет шанса выжить там.

— Нет, пока прячемся и убегаем. Будто твари. Нужно вернуться. Иначе как они поймут, что мы — не чудови... не только чудовища, — что-то ломается в его взгляде. Я говорю — вспоминая, повторяя, меняя, — далекую фразу из детского мультика:

— Оглянись вокруг. Разве ты не видишь? Это огромный, невероятный мир. Здесь найдется место для каждого.

Место и время — миг невесомости перед падением. Слишком зыбко, чтобы прочувствовать, но достаточно, чтобы знать: даже самые противоречивые вещи способны обрести равновесие. Точку, в которой обрываются-сходятся все линии. Пустоту, где зарождается волшебство.

— Пойдем со мной. Твари...

— Твари не тронут меня, — стоило догадаться. — Мне нужно... время. Пожалуйста. Иди. Я найду тебя.

Легко касаюсь обжигающих губ. Отступаю. Илай задерживает мою ладонь на секунду. Медленно подносит к лицу и оставляет еще один кровавый поцелуй: обещание. Он выглядит устало, но уже не пугающе сломанным. Похоже изменилась Плутон, когда я сказала:

— Да.

Я ухожу, не оборачиваясь. Иначе останусь.

Иначе умру.

***

Она ждет снаружи. Вскрикивает, втягивает воздух: — Что произошло?!

Замираю, прислушиваясь. Тихо. Очень, очень тихо. — Кажется, все нормально, — слишком тихо, но...

— Твое лицо. Его запах.

О. На ладони поверх шрама — алый мазок. Значит, лицо тоже в его крови. Задираю майку и вытираюсь.

— Еще, — хмыкает и уходит вперед.

— Что с Каном? — поежившись от холодка за лопатками, догоняю тварь. Не оглядываться. Не сейчас.

— Сломал ногу, — Плутон распушает шерсть.

— Сам? Или ты ее сломала? — хихикает — будто пенопластом по стеклу:

— Есть разница?

— Конечно, — цежу сквозь зубы, продолжаю заклиниванием: киоск на углу охватывает пламя.

— Ты злишься.

— Они застали нас врасплох. Мы должны были догадаться, подумать, что они могут прийти раньше времени! Почему ты не знала? Ты будто знаешь все на свете!

— Нет. Это не так. Мой источник сказал то же, что было в письме. Я понимаю, ты расстроена, но...

— А ты слишком довольна! — я не должна кричать, но кричу. — Хотя бы попытайся не наслаждаться так явно! Люди погибли! Прояви уважение!

— Тебе уже приходилось убивать. Беззащитных. Что за внезапная щепетильность? Это была честная битва. Они знали, чего ожидать, — тварь перестает ухмыляться. — И ты знала.

— Я думала, что знаю! Я ошиблась, — соленый вкус во рту больше не напоминает об Илае. Меня тошнит. — В этот раз все иначе.

В этот раз убитый мной не был безымянным бродягой:

— Ниль. Его звали Ниль, — отворачиваюсь от нее и полыхающей постройки.

— Ты пыталась остановить меня. Спасти его.

— Я убила его.

— Но ты не хотела, чтобы кто-либо умер. Это самое главное.

Она подходит ближе, кладет тяжелую голову на плечо. Мягко заканчивает:

— Я рада, что ты выбрала меня.

Зажмурившись в попытке удержать слезы, признаюсь:

— Я тоже.

— Помнишь, что я обещала тебе?

— Да, — закрываю лицо руками. Картинки снежной камеры в Заповеднике и держащегося за шею парня путаются. Голос Плутона ввинчивается в мозг:

— Я всегда буду за твоей спиной. Кем бы ты ни была, чем бы ни стала. Каждый раз, когда тебе захочется обернуться — из страха ли, гнева... От горя или... счастья, если такое возможно для нас. Я буду там, отмечая пройденный путь. Я знаю, ты думаешь, у меня не было выбора. Что я всего лишь не хотела умирать. И это верно. Тогда, не сегодня.

— Замолчи, — посмотри, что происходит с людьми вокруг нас. Я столько поняла, а ничего не изменилось: крыша снова рухнула, и волшебство обернулось трагедией. — Сегодня и навсегда, я выбираю тебя, из целого мира людей и чудовищ.

— Почему? Почему я? — выворачиваюсь.

Плутон встряхивается. Рокочет:

— Ты поверила в меня.

— Я растерялась. Не подумала о последствиях. Даже не знала о них! А теперь мы здесь, и люди умирают — из-за чертовой клятвы!

Тварь фыркает:

— Любая клятва — только слова. Глупо бояться слов. Слова указывают путь.

— И куда они привели нас? Слова убивают! Ты учишь меня словам, которые убивают! — стираю влагу с ресниц.

— Убивают не чары, — Плутон выпускает когти. Чадающий киоск распадается, выплескивая дым. Нас накрывает едкой волной. Давлюсь кашлем. — А желание. — Я не...

Я не хотел, — сказал Наас после. Словно не он постоянно прожигал Кана — взглядом, вскидываясь на каждую детскую подколку.

— Аваддон, — она вздергивает рога, сразу становясь выше и жестче. — В конце ты можешь спасти только себя. Всегда найдутся те, кто будет рядом. И другие, которые не останутся — что бы ты ни сделала. Магия вновь и вновь вынудит тебя обращаться к прошлому, но пока линии разомкнуты — смотри лишь в будущее.

Я смотрю — на изрезанные руки. В первую встречу Кан, сам того не понимая, показал Университет, каким его знают Илай, Наас и Нина. Ранил меня не для самозащиты. Не ради подчинения.

Просто из страха перед тьмой, потревожившей барьер.

Зачем бы еще он доставал удавку, когда всегда сначала тянется к пистолету? Вытираю нос:

— Я не против, если ты сломала ему ногу.

Плутон хохочет, мотает головой, рассыпая осколки смеха. Шипит:

— С ним был второй маг воды. Рыжеволосый мальчишка запер знак в подвале и кричал под воротами тюрьмы. Тот новый, с вами...

— Рики.

— Рики. На нем отпечаток. Очень слабый, но все же, — я, наверное, выгляжу удивленной. Тварь усмехается:

— С такой печатью нельзя покидать защитный контур. Поговори с ним. Он интересный, а может оказаться и полезным.

— Личный секретарь Максимилиана, — и друг Айяки. — Ему опасно доверять.

— Может быть, — соглашается и вроде спорит. — Других троих я отметила. Слышала, ученые нашли способ обнаруживать метки... теперь, когда они вернутся, тоже отправятся в лаборатории. Наасу будет легко договориться, — изгибается для прыжка. — Я должна идти.

Отметила. Троих. Не убила. Отдала части себя. В груди теплеет:

— Спасибо, — Плутон скупно кивает.

— Они согласны? Высшие. Кто-нибудь, — шрам липкий от поцелуя Илая. Если Высшие не поверят в возможность мира, нам конец.

Тварь опускает полные тьмы глаза:

— Они хотят верить.

— Нам нечего предложить взамен, кроме безопасности. Чем будет питаться большинство? Они умрут раньше срока, если перестанут охотиться.

— Высших всего семеро. Средняя ступень, которой также необходимо убивать, малочисленна. В прошлом пакте Серафима был прописан разрешенный лимит. Мы удержимся в рамках. Младшим придется обходиться малой кровью, но это хорошая цена за свободу и безопасность.

— Семь... как мало.

— Маги огня, способные создать нас и вырастить, давно перестали рождаться.

— А что потом? — вопрос ловит ее за секунду до ухода. — Если пакт нарушат.

— В прошлый раз была война, — Плутон облизывается змеиным черным языком. Я шагаю назад. Такой тварь я еще не видела — жадно мурлыкающей, искристой от вкусных воспоминаний. — Мир нарушили люди, напав на долину фей. Выжгли дотла. Нас это не касалось: в те времена тьмы на земле было много, а магов, желающих сразиться со смертью, — мало. Но мы поучаствовали, — голос падает до вкрадчивого, с присвистом, шепота:

— Убили человека, который начал войну, зачистили его владения. Каждый город, каждую деревеньку. Везде оставили герб хозяина — кровью. Мы бы пошли и дальше, но началась чума. Младшие отхлынули в города. Они падки до мора, да и кто устоит... у эпидемий особый вкус, ни с чем не сравнить, — тварь до мурашек мечтательно улыбается и потягивается. — Жаль, Черная смерть осталась в прошлом. Тем хуже для людей: теперь нас ничто не отвлечет, а поводов для ненависти прибавилось.

— Только Университет, — я говорю твердо и слишком поспешно. Ногти впиваются в ладони. Внутри бьет воробьиными крыльями страх. — Если мир нарушат, не трогайте других, — сколько человек в Университете? Скольких я готова убить, чтобы...

Забирай, что хочешь. Только уходи, — меня знобит. Тогда я подарила тьме одного. Спустя девять лет способна отдать гораздо больше. Прямо сегодня выстрелила в человека, защищая монстра.

Закрываю глаза, считаю выдохи. Смотреть в будущее, не прошлое.

Но смерть повсюду. Даже прямо во мне, в крови грохочет наша клятва.

Плутон прыгает, оставив на асфальте росчерки от когтей. Отскочив на полквартила, скрежещет:

— Совет и люди из лабораторий умрут до единого. И каждый, кто был там и смотрел, пока они... — тварь зло скалится. Роняет слова, будто раскаленные угли: — Каждый, кого я вспомню. Мы убьем их не сразу. Растянем удовольствие... — жмурится, — на годы, возможно. Десятилетия сытости лучше однодневного пира, — встряхнувшись, рычит:

— Рамон Хайме хотел найти наш дом — что ж, я отведу его туда!

— Дом? — но Плутон отворачивается. Отвечает совершенно иначе, дымным шелестом:

— Мне пора. Будь осторожна. Следи за птицами: они собираются там, где разразится буря. Иные Высшие могут появиться раньше меня, поэтому лучше держитесь барьеров.

— Хорошо, — рвано киваю. Проглатываю комок в горле и произношу одними губами:

— Ты тоже... береги себя.

Тварь теряется в гари затухающего ларька. Глажу шрам, пока дыхание не становится ровным.

— Хватит. Не время бояться выдуманного будущего. Настоящее важнее, и все может выйти иначе. Сейчас мне тоже пора. Пора, пора идти...

Я не сразу вспоминаю, куда. Тишина поглощает догорающие руины. Меня:

— Наас или Тони? — или отмеченный мраком Рики?

— Куда подевались чертовы птицы, почему так тихо?

Опускаюсь на колени и черчу заклинание поиска огрызком мелка. Ощущение потери — отчетливей, запутанней. Вот так: пустые полки, пустые гудки в телефоне. Папа ушел. Под пальцами сами собой линеются улицы, здания. Точки. Одна рядом — Илай. Две дома, Рики и Айяка. Три в тюрьме. Последняя точка... — Последняя?! Где еще две?!

***

Вылетаю в нужный переулочек. Тесный проход упирается в тупик: побитые окна, изъеденные временем черные камни. Живое пернатое покрывало поглотило крышу. Останавливаюсь, согнувшись пополам: боль в боку пронзает внутренности насквозь. За хриплым дыханием гудит тишина — словно ток в проводах. Птицы расселись на скелетах деревьев, гирляндами повисли между столбами, внимательные и молчаливые. Почти падаю вперед. Мышцы протестующе ноют. Бегу, не поднимая взгляда, ориентируясь по бурым кляксам и удлинившимся теням ветвей с беспокойными плодами.

Здесь. Прохладный сумрак парадного, резкий запах кошек и чего-то стариковского, больного. Пистолет оттягивает ладонь.

Канов след тянется по ступенькам вверх. Распахнутая дверь на втором этаже. Темная квартира. Отклеившиеся ленты обоев шуршат под сквозняком. В заставленной пыльной мебелью гостиной — стол на боку. Вязаная зеленая скатерть бордовая с одного края. Торчат ноги... одна неправильно выгнута.

Заставляю себя подойти ближе. Кан. Раскинулся навзничь, грудная клетка под клетчатой рубашкой с чужого плеча смята вовнутрь. Раздутое, глянцево-красное и заплывшее волдырями лицо — не узнать, ничего общего с прежним капитаном пятого блока. Опухшие веки скрывают черные глаза. Кровь из открытого рта будто отрезает подбородок, кисти тоже черные от... Закусываю кулак, чтобы не закричать.

— Он убил Тони, — вскидываю пистолет на незнакомый голос.

Наас.

— Тони?... — пылинки мерцают и вьются, мешают разглядеть... замуриваюсь. Глазам горячо.

— Там, — рыжеволосый маг сгорбился на диване. Руки безвольно лежат на коленях. Обогнуть тело. Опрокинутый стул. Свернувшиеся кольца удавки на полу — перемазаны алым. Рука дергается к шее, где бугрятся рубцы, натывается на свежий порез. Иди.

Узкая дверь. Крохотная комната, занятая целиком двуспальной кроватью. Тони лежит ничком, наполовину съехал на пол, локти связаны за спиной серыми простынями. У головы еще ширится пятно. Не могу заставить себя перевернуть тело. Ощупываю теплую кожу под челюстью. Пульса нет.

— Я не успел, — шепот сзади. Стены простреливает трещинами. Закрываюсь от острой крошки. Сжимаю кулаки, вспоминаю крышу, но разломы продолжают ползти, смыкаясь трескучим кругом.

Наас трогает за запястье, тянет на себя, когда больно обваливается побелка. Обнимает до хруста в костях. Хрипит, уткнувшись в плечо, и страшно дрожит. Я не разбираю слов за мечущейся в воздухе взвесью.

На лестнице топот, но Наас не размыкает объятий. Обхватываю за талию, прижимаюсь щекой к щеке. Если кто-то решит убить нас сейчас — пусть, пусть.

— Тони! Где он?! — кричит Айяка. Отталкивает с дороги. Звонко вылетают окна — внутрь, впуская ветер и птичий хор. Бледный как мел Рики застывает на пороге гостиной. Его глаза прикованы к телу Нининого брата.

Трое магов останавливаются за ним. Энид зажимает рот, падает на колени у мертвеца. Я прячу лицо на груди у Нааса.

— Что произошло?!

— Байех потух, — отвечает Рики. — Чась линий. Мы сгазу...

— Тони, — задыхается парень. Хикан? Тот, кто привел Тони в Университет?

Невидимый, протискивается мимо и сдавленно всхлипывает.

— Кто...?! — сипит Энид, странным образом тише и громче чертовых воробьев и крошащейся штукатурки. Я вцепляюсь в Нааса. Ему, наверное, больно, но отвечает ровно, будто заучил наизусть:

— Он убил Тони.

Сжимаю пистолет, поднимаю голову и ловлю адресованный рыжеволосому магу яростный взгляд. Наас верно описал Энид: действительно, невероятно красива, лучше, чем на фотографии — кукольно-яркая даже под слоем пыли, с опухшим носом и неровными пятнами румянца на щеках. Пристрелю, если дернется.

— Ты всегда его ненавидел, — шипит девушка, баюкая на коленях голову Кана. — Почему он такой...?! Что вы с ним сделали?!...

— Он напал первым, — оглаживаю спусковой крючок. Волшебница замечает и вздергивает верхнюю губу в оскале, собирается заговорить, но охотник рядом с ней не дает:

— Дом горит, — чт... Он прав. Тонкий запах гари ползет от входной двери.

— Надо уходить, иначе пожар перекроет выход.

Энид взвивается:

— Погасите! Мы не можем...

— Мы оставим их здесь, — Айяка призраком возникает на пороге. — Его кости не должны оказаться в фонтане.

— О чем ты говоришь?! — но охотник... не Хикан, значит — Эйсандей, Эйса — подхватывает Энид и перекидывает через плечо. Девушка колотит по спине, срывает голос, пока маг несет ее прочь от Кана.

Наас ведет меня за ними. Оглядываюсь на изуродованный труп, на взявшихся за руки Айю и Рики. Хикан еще в комнате с Тони.

За приоткрытыми дверями квартир на первом этаже пляшет оранжевое зарево. Дышать жарко и тяжело, я и не дышу, позволяя легким гореть вместе с домом. Снаружи рыжие языки вывалились из окон и тянутся к крыше. Энид рыдает, раскачиваясь взад-вперед. Мне не стереть из памяти мертвое лицо Кана, зря только царапаю шрам и пытаюсь воскресить другое: ямочку на правой щеке, когда он усмехался. Суровые морщинки между черными вразлет бровями — когда хмурился и волновался. У носа — когда злился. Кан часто злился. На секунду я вижу его живым, но стоит моргнуть — и черты рассыпаются.

С Тони проще. Картинка возникает сразу. Наша тесная кухонька, вечерний свет. Загорелый худощавый парень сгорбился на стуле. Перед ним шахматы, недоигранная партия. Поднимает взгляд — рассеянный, нездешний, прозрачные зеленые глаза глядят сквозь меня. Ерошит отросший ежик русых волос. Вздрагивает, замечая. Светло улыбается:

— Привет. Ты сегодня рано.

Тони я запомнила правильно. Пусть так и не узнала, но запомнила. Это тоже важно.

В конце ведь только память и остается.

***

Дом горит много часов. Даже когда гореть уже нечему. Полыхает ровно в границах переулка, не поджигая соседние. Мы стоим на противоположной стороне, прислонившись к стене, за которой ворчит и перекатывается смерть — впервые бессильная кого-либо напугать.

В сумерках зарево заливает половину неба. Рушится, выпуская к бледным звездам столпы искр, кровля. Пепельные хлопья невесомо ложатся на кожу, подергивают воздух

рябью помех. Запрокинувший голову к надломленной луне Рики говорит: — У нас мало вгемени.

Да. Айя отталкивает Нааса, когда тот пытается ее увести, и близко-близко подходит к ревущему пламени, под град выпрыгивающих углей. Парень запускает пальцы в волосы, застывает, горестно закусив губу. Тихо говорит:

— Мы должны вернуться домой. Я обещал ему. Пожалуйста. Если мы умрем здесь, никто не узнает. А его семья должна знать.

Эйса помогает подняться Энид. У обоих лица черные от копоти, у нее грязные дорожки расчертили щеки.

— Идем в тюрьму, — говорит охотник. — Там сильный барьер.

— Нет. К нам, — отвечает Наас. — Ближе к знаку. Вы отмечены тварью. Больше не нужно прятаться за барьером.

Он преувеличивает, но я молчу. В висках снова стучит мигрень. Уверена, у Нааса тоже.

Идем домой.

По дороге Айяка начинает рыдать. Они с Наасом останавливаются. Я неловко застываю рядом, переживая усталость и тошноту.

Друг Айи зовет:

— Пойдем. Мы тут лишние.

Зачем-то говорю ему:

— Всегда хотела спросить у Тони, что значат его татуировки, — давлю в точку над бровью, где ноет боль. Слабость холодит поясницу. — Глупый вопрос, знаю, поэтому откладывала до подходящего момента. Мне казалось, успею еще. Но теперь его нет, а я не только про татуировки не спросила. Я вообще почти ничего не...

— Лед, — отзывается идущий впереди Хикан. — Они значили его стихию. Жесткие грани становятся мягкими по краям рисунка, на спине. Напоминание, что любой лед тает и становится водой, с которой ему под силу справиться.

— Линия на локте перекрывает следы от инъекций, — доносится сзади. Наас. — Черная полоса в его жизни.

Дальше мы идем в тишине.

Замечаю скользнувший между домами светлый силуэт. Вместе с ним движется вязкая тьма. Сердце пропускает удар. Сжимаю ладонь со следом крови в кулак. Затухающее пожаращее красит ночь в теплые ржавые цвета. С каждым шагом что-то стирается, меняется или придумывается. Правда — хрупкая штука. Голоса Тони и Кана прямо сейчас теряются в трепете крыльев, а мы расскажем о них совсем не так, как они сами могли бы сказать:

— Жаль, что я не спросила.

Каким запомнит брата Нина? Тем, кто заботился о ней, или тем, кто ненавидел? Господи, они с Тони ведь ежедневно склонялись над черно-белой доской, часами переставляли фигуры! Оба маги воды, стихии грусти, у обоих есть семьи, которые ждут по ту сторону колдовства! Кан выбрал жизнь в границах Университета.

Тони хотел их сломать. Кан не подумал, что печать твари отправит его в лаборатории вместе с нами. Или подумал, но отказался поверить. Злился, боялся, сомневался, но ведь... неужели сражаться, убивать — единственный выход?

— Я проверю заклинание, — говорю у дома.

— Они уже должны быть там, — заторможено оборачивается Наас. — Мы отправили послание. Чтобы прислали не охотников, а исследователей.

В коридоре позади него включают свет. Огонек режет глаза и бордовый сумрак разоренной улицы. Охотники толпятся в проходе, осматриваясь. Эйса подталкивает безучастную Энид к ванной.

— Как? Как послали сообщение? — тру шею, разгоняя спазм. Боль стекает по позвоночнику.

— Сообщающиеся сосуды, — морщится парень. — Меняют цвета. Вроде азбуки Морзе. Неважно. Я запер знак. Они не выйдут за его границу. Мы идиоты, что сразу так не сделали. Не надо было всю чертову ночь следить за Каном, тогда Тони был бы...

Наас запинается. Касаюсь его щеки:

— Жив. Да, — а теперь нам придется жить с этим. — Мы ошиблись. Я... я не поняла что мигрень связана с открытием портала. У тебя тоже сейчас болела голова? Наас до желваков стискивает зубы: да.

— Проверю подвал и быстро вернусь. Побудь с Айей, — и с ними.

Кивает, просит:

— Не задерживайся.

— Будь осторожен.

Наас невесело улыбается:

— Все нормально. Мы договорились. После печати Плутона и спорить-то не о чем было. Тем более, Хикан... неважно. Потом. Главное, мы теперь связаны.

— Вы и были связаны, — друзья, возлюбленные. — Зря Совет их выбрал.

— Надеюсь, — встрепанные прядки нимбом горят вокруг его запачканного лица. Я на мгновение замираю, позволяя картинке отпечататься в памяти.

На всякий случай.

— Ты в порядке? — обычно яркий голос сейчас совершенно бесцветен.

— Это я должна спрашивать.

— Нет. Я не в порядке, — он на секунду оборачивается к тусклой Айяке. — Но сейчас не время. Иди. Убедись, что барьеры работают. Мы не имеем права ошибиться еще раз.

Иду. По обломкам, перешагиваю через раму входной двери. Кубики стекла хрупают под ботинками. Обрывки плаката с обещанием скидки хлопают от сквозняка. Холодно, дыхание клубится. Ажурные фермы пусты: птицы греются у огня. Очертания предметов проступают и тают, стоит пройти мимо.

Я не слышу ни звука, и лестница по-прежнему оканчивается ватным мраком, но эхо чужой жизни заставляет волоски на затылке подняться дыбом. Постояв на первой ступеньке, спускаюсь.

Заклинание прозрения щекочет в висках. Теперь можно разглядеть подвал четко, даже свои покрытые мурашками ноги. Крадучись, обхожу ящики и тюки. Под подошвами тихонько шоркает бетон. Старший из охотников медленно поднимает оружие.

Целится точно в меня, хоть карие глаза лишены золотистого кольца заклинания. Лет тридцать пять, сугулый и загорелый. Лохматые темно-русые пряди,

недельная щетина. Безразмерная куртка с подкатанными рукавами топорщится карманами, на поясе джинсов — кобура со вторым пистолетом. Пинаю камешек через весь зал. Он даже не вздрагивает.

Чуть позади у груди сумок зябко кутается в ярко-фиолетовое пальто молодая женщина. Переступает на месте, едва слышно — вооруженный охотник свирепо щурится. Короткий малиновый ежик на голове волшебницы стоит дыбом: в воздухе потрескивает электричество.

Сано Тхеви. Как сказал о ней Тони? Свидетель? А мужчина, наверное, телохранитель. Сойт Роэн.

Еще двое парней сидят спиной. У одного синяя куртка и огромный армейский рюкзак, а другой замер на карачках у парящей лужи. Янни, должен быть он. Словно в ответ на мои мысли, маг оборачивается. Бледный до синевы, светлые прядки облепили покрытое испариной лицо. Ребенок — говорила Плутон. Почти: не старше пятнадцати. Скребет по знаку пятерней, открывает рот. По подбородку сбегает струйка слюны. Я останавливаюсь.

— Теплая, — говорит Янни. Запахивает красный пуховик. Облизывается. — И холодная. Не понимаю.

Сойт Роэн выдыхает сквозь зубы.

— Тсс, — шипит парень в синей куртке. Брат Янни, Мария Хектор. Отчего-то кажется измученней мага огня, и без боевой формы охотников все они выглядят уязвимыми. Шагнув за колонну, спрашиваю:

— А ты какой?

Сано качается ближе к телохранителю. Янни солнечно улыбается:

— Мне жарко.

— Я была бы не против жары, — женщина говорит неожиданно низким, глубоким голосом.

— Это из-за ритуала, — Мария прикладывает руку ко лбу мальчишки. Хмурится. — Вряд ли ты этого хочешь.

Волшебница бормочет:

— Нытик.

— Может, заткнетесь? — осведомляется мужчина.

— Слушаюсь, папочка, — фыркает Сано. Я прислоняюсь щекой к шершавому камню. Пропустит ли барьер пули? Или стоит сбежать, пока они не рискнули зажечь заклинания или фонари?

Почему они не зажгли фонари?

— Так и будешь прятаться? — насмешливо спрашивает женщина.

Сойт Роэн морщится:

— Что с первой группой? — его тон... ежусь. Будто на допросе. Когда погиб... когда я убила сторожа, со мной трижды беседовали, и сейчас в памяти воскресают старые вопросы:

— Во сколько ты ушла?

— Как вышла?

— Через главный вход? Но тебя не было на записях с камер на крыльце.

— Дверь под лестницей? Минуту назад ты сказала другое. Ты врешь сейчас или соврала раньше? Почему?

— Ты чего-то боишься?

— Как добралась домой, если автобус заканчивает ходить в девять?

— Зачем шла пешком через весь город? Ты могла остаться. Ты и осталась. Мы проверили звонки с твоего телефона и знаем, что минимум до пяти восемнадцати утра ты не покидала территории школы. К этому моменту сторож уже был мертв. Его тело нашли перед единственным освещенным классом. Сто двенадцатый кабинет. Именно там проходит продленка у твоей группы.

— Зачем он приходил к тебе? Во сколько?

— О чем вы говорили? — Как долго?

— Что ты видела?

— Что ты слышала?

— Тебя что-то напугало?

— Почему...

Зажмуриваюсь. Тогда я запуталась и сказала слишком много. Но я была ребенком, а в обычном мире дети не убивают взрослых — сплюснув голову, вспоров живот, плеснув алым в потолок. Мне не поверили, но отпустили к заплаканной, снова и снова набирающей папин номер маме.

Сейчас я — маг огня. Почти чудовище. Враг, а должна стать союзником. Говорю:

— Четверо охотников погибли. Я не знаю, кто. Мы хотели поговорить, но они сразу напали.

— У них был иной приказ, — возражает Сойт Роэн.

Пожимаю плечами — плевать, что им не видно:

— Мы разделились. Айяка осталась дома. Наверное, они не ожидали, что кто-то появится сбоку, — девушка выстрелила первой, но могло быть и иначе. — Открыли огонь. Мы вмешались. Ситуация вышла из-под контроля. Тони и Кан тоже мертвы.

Я позволяю решить, что битва оборвала шесть жизней. Пока опасно усложнять историю. Делаю глубокий вдох и — выпускаю страх. Вспарываю шпукатурку, отступаю за шумом трескающихся стеллажей и ящиков. Кричу из коридора у лестницы:

— Зажгите костер! Знак выдержит.

Выстрел гремит раскатом грома, осколки камня обжигают щеку. Ну и дерьмовый же барьер поставил Наас.

Мужчина опускает пистолет:

— Где выжившие?

— С нами. Они не пленники, — голос бьется о стены. Эхо затухает в углах. Янни раскачивается из стороны в сторону, закрыв уши и не обращая внимания на сбивчивые уговоры брата:

— Не надо, Ал, пожалуйста! Ты же знаешь, что будет, если ты не успокоишься.

— Чего вы хотите? — игнорирует их мужчина.

— Пакт Серафима.

Фыркает:

— Мир с тварями? Невозможно.

— Необходимо.

— Совет не согласится.

— А другие маги?

Он не отвечает. Но поднимает голову Мария Хектор:

— Создавать тварей специально станет незаконным. Значит, пакт положит конец исследованиям Хайме, — словно пробует слова на вкус. Янни макает палец в лужу рвоты и пытается что-то нарисовать поверх черных линий знака.

— Да.

— Там есть пункт, прямо запрещающий физическое изучение темных созданий. Живых или мертвых... — парень вскидывается, — но сама магия огня и тьмы останется доступна. Пакт полностью защитит волшебников, только если...

— Мы поставим себя на одну ступень с тварями, — Наас понял это первым, в ночь у поискового заклинания, пока Кан залечивал ожоги в тюрьме. Мы застыли в коридоре и

сонном оцепенении, лишь кот с громким урчанием терся о ноги. Неподвижный свет лампы крал время: вроде недавно отгорел закат, а Айины часы вдруг показали три ночи.

Я тронула соседний узор. Скоро он потонул в точках:

— Мы давно стоим бок о бок. Мир сделает убийство твари страшнее убийства человека.

Будучи людьми, мы не имеем такой защиты.

— Вас официально перестанут считать... — покачал головой Тони.

— Подопытными крысами, — сжал кулаки Наас.

— Если мир нарушат, ваше положение станет хуже, чем есть, — сказала Айяка тогда, и

Сойт Роэн сейчас.

— Или наоборот, — скрипит Янни. Маги вздрагивают, разворачиваются к нему. Но мальчишка замолкает. Продолжает чертить закорючки.

Или волшебство?

— Верно, — кто-то спускается. Достая пистолет. — Начнется война, и люди проиграют.

— Это не значит, что вы выживете. В Университете хранится ваша кровь. Мы знаем, где найти ваши семьи и даже друзей. Вы не твари, вам есть, что терять.

— Мы готовы рискнуть. А вот Совет — вряд ли. Им терять побольше нашего. Ты прав маги огня всегда отделяли себя от тварей. Пытались быть людьми. И вот, куда нас это завело. Если мы сумеем объединиться, Совет утратит власть над нами из страха перед тьмой.

— Кто же подчинит младших тварей? Кто удержит чертову армию тьмы от господства? — с интересом спрашивает женщина.

— Г'авное догвоиться с Выссыми, — отвечает вместо меня Рики. Спрятал руки в карманы не по размеру большой формы — ткань выглядит натянутой, как кожа барабана. Сбивчивый ритм его речи режет слух. — Те упгавятся со ст'ашими. Младшие же боясь магов. Они по сути безвъедны, только пугают.

— Высшим и старшим нужно питаться.

— И они будут. В заданных пгеделах. Маги огня помогут. А чагы Шейдона Бози позво...

— Я знаю все о чарах Шейдона Бози, парень, — отмахивается мужчина, — что мешает им собраться и напасть на Университет? Почему еще не напали? Беглая тварь знала его расположение. Все блоки в боевой готовности с момента ее исчезновения.

— Тварям не преодолеть барьер, они даже не могут помешать магам с берегами покинуть периметр или вернуться в Университет, — я повторяю далекие слова Тони — еще из нашего мира, когда он стоял рядом с Айякой под волнующимися кронами дубов, живой и невредимый.

— Это только теория. Барьер не ис... пыты-ва... — Сойт Роэн заходится надсадным кашлем.

— Вот именно. Почему бы им не проверить теорию на практике: вдруг чары сломаются, когда на них навалятся все твари мира? — говорит Сано. — Если Высшие способны подчинить прочих...

— Им нужна не месть, а свобода, — Рики улыбается уголками губ, невидяще уставившись прямо в дуло.

— А тебе? Зачем ты здесь?

— Я пгосто хочу помочь.

— Дай мне причину поверить, — обойдя его, превращаю в живой щит. Упираю ствол в затылок. Рики шумно сглатывает.

— Поверить? Ха! Мы поверили, и он втянул нас в это дерьмо! Больше никто не знал цветовой код, — подвал озаряется неровным светом: волшебница держит белесый пламенный сгусток. От колонн тянутся дрожащие тени, Янни отползает прочь, к границе искрящего контура. — Зачем сдавать своих? Обиделся, что Максимилиан отправил на растерзание страшным тварям? — прячет свет на груди, греясь.

— Тваги не т'огают меня, сама знаешь, — Рики поджимает тонкие губы. — У меня сансов вызвать больше, чем у всех вас. И пгиказ дугой: изучить не Отгъезок, а твагей в естественной сгеде обитания. Понять. Только я давно их понял.

— На тебе отпечаток твари, — говорю я, — расскажи об этом. И подними руки, чтобы я видела. Медленно.

Подчинившись, он показывает пустые ладони. В зале наверху что-то глухо стучит, Рики оглядывается, цепляя оттопыренным ухом ствол.

— Стой смирно.

Шаги на лестнице. Двое? Трое?

Нет. Все.

— Зарин, отпусти его. Он же подал правильный сигнал, — надтреснуто просит Айяка. Они с Наасом спускаются последними. Эйса и Хикан держатся рядом, за ними Энид — блестящие щеки, штормовой взгляд.

— Нет. Пусть ответит.

— Что за вопрос? — Хикан, друг Тони. По-звериному желтоглазый — радужка кольцами сияет в темноте. Хрупкий, настороженный, младше меня. Короткие вьющиеся и совершенно седые волосы. Ему тоже явно велика форма охотника, значит — из другого блока. Эйса выше парня на голову и чем-то ужасно похож на...

— Да, Рамон Хайме — мой отец, — вздергивает изящно очерченную бровь. — Что? У тебя все на лице написано. И ты далеко не первая, кто заметил.

Говорит и держится свободней, но идеальная осанка, чеканная линия скул и тяжелый подборок, гладко зачесанная назад прическа просто повторяют профессорские. Даже с пластырем на переносице, чернильными синяками и оцарапанной щекой Эйса аристократически красив.

— А с твоим лицом что?

— Это я. Когда разговаривали у тюрьмы, — поясняет Наас. Странно. Я не обратила внимания раньше.

— Под моим окном ргосло дегево, — внезапно и почти без дефектов говорит Рики. — Стагий дуб с газвилкой прьямо напготив, можно было по ветке дойти. Я там читал летом. Удобно, как... как в крьесле сидишь. А выше было дупло, и из него всегда стгранно пахло чем-то едким. Я чихал постоянно, когда заглядывал...

— Так какой вопрос-то? — перебивает Хикан.

— ... а он прьятался. Боялся, — Рики игнорирует его. — Я оставлял у дупла тьяпки для гнезда, еду, а он забиал. Не ел, пгосто утаскивал к себе, и потом пах еще хуже. Но я не понимал и пгодолжал подкамливать. Никогда не видел его толком, только

лапки: сегые, вгде беличьих. На пгавой не хватало двух пальцев. Он не пугал меня, как и все твай, хотя должен был. Я ведь почему-то совегшенно точно знал, что это не белка и не любое дугое животное. Он был моим чудовищем из шкафа, я так его и звал, хоть он зыл не в шкафу. И навгедить не пытался.

— Конечно, ты ведь пустой, — долетает с другого конца подвала. Сано. Знакомое слово.

Тони сказал, Мария и Сойт Роэн тоже пусты. Мне не нужно спрашивать, что это означает. — Ты не чувствуешь тварей, а они не замечают тебя.

— Эта замечала, — кажется, Рики улыбается. Успокоился: речь потекла гладко. — Он цокал, когда я приходил. Перебирал мои волосы, хоть и прятался, стоило поднять голову. Иногда касался пальца, если сунуть в дупло и подождать... как руку пожимал... Я лазал к нему ежедневно перед сном в течение двух лет. Но однажды меня опередили. Я заснул днем, прямо на учебниках. Мне снилось, что кто-то в черном ходил по веткам за окном, а потом дерево вздрогнуло и посыпались листья. Проснувшись, я сразу полез проверить. Чудовища не было.

— Насланный сон, — тихо сказала Айяка.

— Да. Я попал в Университет спустя несколько лет. Было трудно, но я знал, что искать. То дерево люди обходили по дуге, а когда твари не стало — дети повесили на него качели. И до дупла добрались...

Вздрагиваю. Я ведь видела похожий дуб здесь, в Отрезке. С испещренной именами и ругательствами корой. Дыра над развилкой забита мусором. Тихонько покачивались на ветру две обрезанные веревки.

— Я находил аналогичные места и тварей. Следил за ними. Вышел на охотников. Дальше как у всех. Я почти забыл про Чудовище, пока не увидел его в лабораториях. Впервые целиком, — друг Айяки поворачивается, опуская руки. — Он узнал меня. Успел отдать свой след. Попрощаться... а потом Рамон начал эксперимент. Его убили, а я ничего не смог сделать.

— Я не знал, что у низших есть память, — хмурится Хикан.

— Бывает, — говорит Эйса. — Выборочная.

— Ты был там, когда он отметил меня. — Рики смотрит на него. — Но ничего не сказал отцу.

Парень прислоняется к стене, прячет ладони в карманы и скрещивает длинные ноги:

— Я не обязан ему докладывать.

— Мы с ним неплохо поладили, — усмехается Рики. — Я постарался. Теперь знаю, над чем он работает.

Маленький Янни за его спиной ложится на пол и тянет:

— Застаааавь ееейооо прыыыгннуть! Пууусть прыыыгнеет... — натягивает красную лыжную куртку на голову, поджимает колени к груди, чтобы скрыться от жаркого света. Мария беспомощно топчется рядом.

— Подчинение тварей. Не одной. Способ влиять на всех.

— И что плохого? — Хикан прищуривает невозможные глаза. — Не придется сражаться. Меньше смертей. Понимаю, пока до этого далеко, исследования могут продлиться неизвестно сколько, и до получения результатов охотникам не раз придется возвращаться сюда. Но большой отряд, вооруженный до зубов, имеет все шансы обернуться с хорошим уловом и малочисленными потерями. Тоже лучше, чем выслеживать каждую тварь чертову прорву времени, а потом упустить и остаться без зарплаты. Ну или сдохнуть в процессе поимки из-за дебильных

правил конспирации в жилых районах. Ограничение числа людей в группе до трех — против тварей просто смешно. Совету давно пора пересмотреть устав.

— Да им нассрать, если... все охот... ники пере. дохнут, — давясь кашлем, говорит Соит Роэн. — Завербуют новых. Они хотят создать оружие и продать его подороже.

Рики кивает. Я опускаю пистолет. Парень трет переносицу, где остался красный полумесяц:

— Мы все в курсе о лекарствах и наркотиках, но оружие... мне кажется, это слишком.

— Вообще-то скорее дальновидно, — почти воркуя, возражает волшебница с малиновыми волосами. — Что? Не смотрите так на меня! Сами подумайте: существа исчезают из-за перенаселения планеты. Сущности навострились прятаться, хрен найдешь. Да и толку от них. Только твари и остаются. Через пару десятилетий существа кончатся, и наркоту не из чего будет делать. На что тогда содержать Университет? Колдовать за деньги? Открыть кунсткамеру? Я никого не оправдываю, но, серьезно, — какой выход?

— Хоть бы и никакого, — отвечает Эйса. — Сейчас это неважно. Мы отмечены Высшей тварью. И вы тоже будете. Печать может снять только она сама. Если думаете, что сможете сторговаться и избежать общения с учеными, или что они в своих исследованиях не выйдут за приемлемые рамки — рискуете фатально ошибиться. Пакт — лучший выход. Твари уже признали нас равными себе. Осталось закрепить это юридически.

— ... т-тварью? Ты хочешь стать... — женщина шагает назад.

— Только на бумаге. Почему бы и нет?

— Тварям не место в Университете, вот почему! — рявкает она. — Нас выпрут в тот же день!

— Или нет. Врагов нужно держать близко, Совет хорошо это понимает. Тем более, с заключением мира они потеряют право стереть нам память, а мы знаем слишком много о внутреннем устройстве. Да и пусть выпрут! Магия... — Эйса фыркает, — магия повсюду! Хватит цепляться за Университет. У нас есть все, чтобы не зависеть от него.

— Да ну? У тебя где-то припрятана личная цепь порталов?

— Знак Университета позволит пользоваться текущей. Они легко перенастроят защитный контур, но порталы изменить нельзя. Проходы открыты для любого мага. Чтобы это исправить, придется переделать саму структуру чар, выкопать все мертвые полюса, а то и живые.

— Кстати, верно, — кивает Хикан. — Уйма возни, плюс даже Байра боится трогать саркофаги: заклятия на них слишком древние и плохо изучены. Если что-то сломаем, есть риск не починить. Да и зачем париться? Через метки можно следить за любыми перемещениями. Статус твари этого не изменит. Совет будет с абсолютной точностью знать, где находится каждый, — маг касается места за ухом, где прячется щит из алых линий. — Ну, не считая белых пятен.

— Пусть знают. Плевать! — восклицает Эйса. — Помешать ведь не смогут!

— Отчего ты так воодушевлен? — Соит Роэн вскидывает брови. — Столько энтузиазма... рад, что... — Эйса меняется в лице, — ...сломаешь отцу карьеру? Он всю жизнь отдал исследованиям. В этом дело, да? Папочка больше любил работу, а не тебя?

Сын Хайме до странности облегченно смеется:

— Пятнадцать лет в полиции — и вот, на что ты способен?

— Скажи, что я не прав.

— Прав, — парень спокойно встречает его взгляд. — Если хочешь все упростить.

— Все всегда просто, — мягко говорит мужчина. — Вон, паренек знает, — кивает на Рики. — Маленькие простые вещи вроде страха определяют целую жизнь. Дело-то было не в твари, верно, малыш? Ты слишком отличался от остальных. Тех, кто обходил дерево десятой дорогой. Ты искал не чудовище, ты искал, чем заполнить пустоту внутри себя. И тебе не

очень понравилось то, что ты нашел.

Повисает пауза. Ссутулившийся и покрасневший Рики рассматривает дыру от пули в стене.

— Вы все здесь такие же. Изгои. Обрадовались встрече, заговорили, что мы в одной лодке. Что вместе сломаем текущий порядок. Но у каждого свои причины и скелеты в шкафу... прости: чудовища на деревьях. Вы не знаете друг друга. Так умирают, а не побеждают.

Вздохнув, Рики бормочет:

— Мы были изгоями, — встряхивает челкой, будто сгоняя наваждение. — Никого не трогали. Пгьятались поодиночке. Боялись. Ты говоришь о ст'ахе. И он пгавда опьеделает все. Пьичины неважны. Важно, что цель у всех здесь одна: выжить, освободиться от уг'озы. Победить.

— Отомстить, — трет губы рыжеволосый маг.

— За что ты мстил ему? — Энид сипит на грани слышимости. По бледным щекам катятся слезы.

— Я... — Наас морщится, когда девушка цепляет его плечом, пробиваясь к выходу. В наступившей тишине шаги звучат барабанным боем.

— Куда она? Что такое? — кричит Сано Тхеви. Не услышала со знака.

Хорошо.

— Короче, вы либо присоединяетесь к нам, получаете печать тьмы, либо остаетесь пленниками, — громко отвечает ей Эйса. — Свяжем, запрем барьером в тюрьме, чтобы не мешали. Если все пройдет удачно, вернемся и переправим домой. Последствий не будет. Ну или нас прикончат, защитный контур падет, и останетесь один на один с тварями в их логове... как знать. Подумайте, что выбрать, пока Высшая не вернулась. Рекомендую вспомнить, в руках администрации ваша... наша кровь и черт знает какие чары — старинные и выдуманные техниками, особенно Байрой. Попробуйте вообразить возможности Совета.

— Останься с ними, — говорю Рики. — Пока на них нет отпечатка Плутона.

— А птом? — не глядя и скомкав слова, спрашивает он. — Я уже отмечен. Одинаково загьяженные следы не могут сосуществовать вместе.

— Потом и решим, — ужасно болит шея, а холод словно вьелся в кости. Пистолет оттягивает ладонь. Мышцы давно горят, и дуло начинает заметно подрагивать. Я киваю: иди.

— Пожалуйста, — просит Айяка. — Это ненадолго.

— У них тоже может быть сосуд, — говорит Эйса. — Стоит обыскать.

— Он не сработает в пределах заклинания, — следит за уходящим парнем Хикан. — Порталы всегда частично активны, даже без замыкания. Помехи не пропустят сигнал.

— Не бросайте нас здесь! — возмущается женщина. — Мы схватим воспаление легких к утру.

— Сано, бога ради, ты же волшебница, — Наас ждет, пока Рики ступит на знак, и закрывает глаза. Лицо искажает гримаса, следом вокруг барьера вспыхивает огонь.

— Ничего себе, — выдыхает Хикан. Янни вскакивает, вертится на месте, растопыряя пальцы и тонко вскрикивая:

— Нет-нет-нет-нет-нет!

Мария подлетает к границе чар:

— Уберите! Ему нельзя быть рядом с огнем!

— Так успокой его! Тебя за этим и взяли, — отмахивается Сано. Женщина с видимым

облегчением загасила собственное волшебство и теперь растирает ладони у самого пламени. В ярком сиянии видны ее напряжение и усталость. И возраст — лет тридцать.

— Я не могу! — огрызается Мария.

— Кто б сомневался. А я предлагала взять Риддла вместо...

— Прикрой меня, если что, — я оборачиваюсь к Наасу. — Твой барьер пропускает выстрелы.

Направляюсь между танцующими тенями к свету. Охотники замолкают и настороженно замирают, только мальчишка продолжал стонать:

— Жарко, жарко, убери...!

Прячу пистолет за пояс. Сойт Роэн показал себя отличным стрелком, мне не выстрелить раньше. Останавливаюсь у солнечной завесы и погружаю руку:

— Смотри.

Янни закусывает губу и мычит. На слипшихся стрелками светлых ресницах блестят слезинки.

— Ты тоже можешь. Я покажу тебе.

— Нет-нет. Ты другая. Ты сильная. Вся в холоде, — теревит подвернутые рукава огромной замызганной куртки. Старший брат — вблизи невзрачный и блеклый — обнимает мальчишку за плечи.

— На ней метка твари, — говорит устало. — Не бойся. Тебе же нравятся твари?

— Да... да, — Янни кривит губы в улыбке, всхлипывает и пытается отвернуться, но ему не дают.

— Это значит, что он хочет умереть. А ты слишком глуп или упрям, чтобы принять его желание, — цедит Сано Тхеви. Смотрит на Янни со смесью жалости и страха.

Я хорошо знаю этот взгляд.

— Замолчи, — заставляю языки расступиться. — Янни. Иди ко мне.

Мария открывает рот, но ничего не говорит.

— Он будет в порядке, обещаю, — Мария Хектор едва ли старше меня, но у крыльев носа и под светлыми глазами уже обозначились морщинки. Выдыхает:

— Позаботься о нем...

— Зарин.

— Зарин. Я... Мария.

— Вы скоро увидите, Мария, — поворачиваю кисть ладонью кверху. Парень чуть подталкивает Янни.

— Иди.

Тонкие обжигающие пальцы касаются моих.

— Пойдем, — соглашается маг огня. Его брат отчего-то вздрагивает.

— Идите! Конечно! Вам еще созывать армию тьмы! Илая Мназона где потеряли? Еще с Мантикору сюда, и можно просто завтра завоевывать Университет, — едко

комментирует женщина. — Униженные и притесненные восстали! Как же нам, самым обычным людишкам, повезло стать участниками столь великого момента! Еще и выбор предлагают, с ума сойти!

— Они думали, что Плутон мертва, — говорит Наас, когда мы выходим из подвала. Ведет Айяку за руку, будто стоит отпустить — и девушка останется стоять среди рябых от помета полок. Редкие воробьи перепархивают под крышей, а лунный свет остыл до обычной холодности: далекий пожар потух.

Ежусь после подвальной мерзлоты, растираю предплечья и бедра. Оживившийся Янни мелькает за стеллажами. Вот вертит статуэтку, бережно ставит на место: точно в незапыленный прямоугольник. Вот, зажмурившись, нюхает ароматическую свечку. Через секунду вихрастая макушка уже выныривает впереди, в отделе ковриков. Шлепают о плитку упавшие рулоны.

— Ой, — подходим и ждем, пока он бережно раскладывает их обратно.

— С чего вдруг? — смотрю в спины двоим магам у входа. Нам придется им поверить. Или убить.

— Не знаю. Эйса говорит, им просто сказали: тварь больше не проблема. Забудьте о ней.

— Странно.

— Да.

— Плохо.

— Возможно.

— Им можно верить?

Наас прослеживает мой взгляд:

— Я не знаю. Я бы сказал, да, но...

— Я верила Кану, — невыразительно говорит Айяка. — Ему тоже было, что терять.

— Да, — Наас сжимает ее безвольную ладонь. Я отворачиваюсь. Рики прав: мне не понять, я тут лишняя. Но я должна знать:

— Люди внизу. Кто они?

Янни рисует на пыльном зеркале в витой золотой раме. Подойдя ближе, разбираю: заклинание.

— С его братом ты познакомилась. Мария Хектор, второй блок. Пустой. Раньше был в администрации, потом перешел. Оба живут при лабораториях. Мария присматривает за Янни. Того накрыло после первого же ритуала. Иногда попускает, но... — Янни закончил узор и растерянно озирается в поисках новой поверхности для творчества. Порывшись в карманах, протягиваю ему мелок:

— Спасибо, — серьезно кивает и почти падает на колени, принимается за следующую формулу. В полумраке магазина мальчишке приходится склониться к самому полу, чтобы видеть белесые линии. Отхожу прочь: от него тонко пахнет рвотой и разложением. Точно так дышал знак из мертвых тварей в Университете. — Девушка — Сано Тхеви.

— Ты назвал ее Свидетелем.

Выпуская свет из коридора, хрипит дверь нашей квартиры. Эйсандей кричит из прихожей:

— Пойдемте!

— Сейчас! — отвечаю я. Парень скрывается в кухне.

— Она может видеть прошлое через предметы. Есть особые чары, но мало кто способен

использовать их. В Университете таких трое. Второй — Советник Уэйр, слишком старый для приключений. Третий, наоборот, новичок, только нашли. Ни черта пока не умеет. Сано должна была разобраться в законах Отрезка и отследить связи с нашим миром. Понять, как твари попадают сюда, — Наас на секунду замолкает. Сжимает зубы, вздергивает подбородок. Под потолком зажигаются крохотные огоньки. Янни хмурится и выкручивает рукава куртки, но потом по-совиному смаргивает и возвращается к прерванному занятию. Теперь заклинание споро растет под его руками.

Шепчу:

— А как твари попадают в Отрезок? — глупо, но я понятия не имею.

Покосившись на увлеченного работой мальчишку, Наас притягивает к себе, обдает жарким дыханием ухо:

— Переходят из мест, тени которых есть здесь. Осевых, или их еще называют местами силы. Твари чувствуют, где ось пробивает реальности, и используют ее как портал. По основной оси, наверное, и человек пройти может. Той, что завязана на фонтан.

Отстранившись, продолжает:

— ...Сойта Роэна взяли в качестве телохранителя: тоже пустой, но отлично владеет оружием. Бывший полицейский. Выбился в искатели, а туда пустых обычно не берут. Понимаешь, насколько он хорош? Опасней многих магов.

— Но он один. Если бы Рики отправил сигнал, что задание провалено, вместо искателя и пустых прислали бы целый отряд охотников, — отмирает девушка.

— Знаю. Прости, — говорю я. — Но Рики лучше пока остаться в подвале.

— Он близок к Максимилиану. А тот — представитель Совета, — озвучивает Наас. — Рики при нем чертову вечность, а почему? Должность, допустим, немудреная, но открывает доступ к секретной информации. И кто ее занимает? Какой-то пустой сопляк! Ему сколько, четырнадцать? Должна быть причина такому доверию со стороны Макса. Я ее не вижу.

— Ему шестнадцать...

— ...и это все меняет.

— Заткнись! — вспыхивает Айяка. — Если Рики не захотел говорить, то и я не буду! Я тоже умею хранить секреты!

Янни натягивает капюшон куртки. Наас скрещивает руки на груди:

— О, вроде ты злишься из-за Рики! Скорее, что Тони не рассказал тебе о своем прошлом. Я видел твое лицо, когда Зарин спросила про татуировки, а я ответил. Но мы-то тут при чем? На Тони злись.

— А я и злюсь! Только ему я уже ничего не могу... — она всхлипывает, закрывая лицо. Выталкивает между рыданиями:

— Ничего... я даже не... сказала...

Рыжеволосый маг обнимает девушку:

— Извини.

— Я знаю заклинание, которое возвращает мертвых, — сообщает Янни разбитому вазону. Наас, глядя Айины спутанные волосы, мягко отвечает:

— Мы все его знаем. Но сейчас не время.

— Нет, давай сейчас, — задыхается девушка. — Мы можем умереть. Когда, если не сейчас?

— Я нарисую! — маг огня широко улыбается. Вскрывает и спешит на середину главного прохода. — Вот здесь! Здесь!

— Да. Молодец, — Наас вытирает покрасневший нос.

Мальчишка чертит формулу резкими, отточенными движениями техника. Почти нежно замыкает скелет и осторожно оплетает мышцами.

— Ты... ты знал его лучше всех. Выбери ты, — шепчет Айя.

— Готово, — Янни, пятится от знака, вспугнув сквозняком огоньки. Очень по-детски прячется за стендом, выглядывает из-за частокола садовых лопаток.

— Ты уверена?

— Да.

Наас опускается на корточки.

— Мы так прощаемся, — Айяка перехватывает мой взгляд. У нее дрожат губы. — Обычно перед тем, как повесить фотографию, но...

— Вернемся и повесим, — Наас смотрит через плечо. — Обещаю.

Отворачивается и замирает, прижав кулак к точке разрыва. Свет мигает и меркнет — словно ветер задул. Я подхожу и беру Айю за руку.

— Не знаю, почему, но я часто вспоминаю этот день. Ничего особенного, но именно он ассоциируется у меня с Тони.

Я все еще чувствую сухой запах птичьего помета и слышу крылья собирающейся на ночлег стаи, но вдруг в лицо бьет ароматом дождя. Хвои. Соли. Стены распадаются на стволы, возносящие к белому небу серебристо-зеленые игольчатые шапки. Вдалеке шумит море, а под ногами комкается серый влажный песок. Прохладный ветер забирается под одежду. Оглянувшись, вместо желтого прямоугольника двери нахожу покрытую стальной рябью поверхность озера.

— Я думал, что никогда сюда не вернусь, — говорит Тони. Стоит по колени в воде, подкатанные джинсы намокли от набегающих волн, светлая футболка вздувается на спине, на животе — когда парень поворачивается. Выглядит непривычно открытым: наголо обритый и без оплетающих левую руку острых граней. Черной линии тоже нет, вместо нее — кляксы кровоподтеков. Тони криво улыбается:

— Точно не чистым.

— Знаю. Я тоже, если честно, — мой-Нааса голос звучит смущенно. — Извини.

— Нет. Все в порядке, — зеленые глаза несут след отгремевшей бури. — Я не дурак, и понимаю. Я ведь столько раз обманывал. И тебя тоже, — нервно смеется. — Может, еще буду.

— Не говори так.

— Я серьезно. Ты не должен верить мне. Но ты поверил в меня. Это разные вещи. И второе — причина, из-за которой я сейчас здесь. Спасибо.

— Не только я в тебя верил.

— Неправда, — качает головой, улыбается. — Иди сюда.

— В воду?

— Давай.

— Холодно. Не хочу.

— В тебе достаточно огня, чтобы не мерзнуть и не ныть по пустякам, — Тони лукаво щурится.

— Я маг воздуха.

— И воды. И земли. Их нельзя разделять.

— Но они не особенно смешиваются.

— Идиот. Они едины. Ты постоянно забываешь. Разувайся.

— ... ненавижу тебя.

Странно одновременно ощущать мокрый песок между пальцами, тугой холод прибоя — и твердый пол под подошвами ботинок.

— И что? — а теперь еще тепло его тела. — Лучше бы тебе сказать что-то реально стоящее, — стучит моими зубами Наас.

Тони смотрит на далекий, поросший лесом берег за колкими волнами:

— Красиво, правда?

— Я убью тебя.

Парень рядом смеется. Ветер прокатывается в соснах. Вода перестает казаться ледяной. И я соглашаюсь с Наасом:

— Красиво.

***

— Как долго нам еще ждать? — сын Хайме растянулся на горячем шифере. Дым от его сигареты поднимается вертикально в прозрачное небо. — Тварь могла погибнуть, вы же в курсе.

— Зарин бы заметила, — Наас, размахнувшись, запускает камешком в окно Айинового магазина через дорогу. Пыльное стекло вздрагивает. Несколько потревоженных птичек перелетает вглубь зала.

— Ты уверен? — Хикан сидит на самом краю и болтает ногами. Парень избавился от кителя и отдал одну перчатку Наасу. Поморщившись, сгибает и разгибает затянутую черным руку. Бурчит:

— Дебильная ткань.

— Это кожа, — Эйса тоже без верха, в брюках и белой майке. — Пропитана слезами василиска, чтобы отражать насланный морок. Срезает добрую половину влияния сущностей. Незаменима в охоте.

— Бесполезна в Отрезке, — отсекает Хикан. — Сущностей здесь нет.

— От тварей добавили прошивку металлом.

— Ага. В форме я едва мог шевелиться. У нас в администрации все сплошь гении. Почему миссию не планировали искатели?

— Так некому. Эрлах, Олаф и Смуглянка всех забрали на ежегодичный тест. В блоке сейчас только пара увечных.

— У вас же тест всегда весной? И этой был.

— Да, но Эрлах приказал провести внеочередной. Сразу, как Гофолия затребовал Сано и Сойта Роэна для миссии в Отрезке. Мне кажется, Дани не хотел, чтобы еще кто-нибудь из наших попал под раздачу.

— А ты? — щурится желтоглазый. — Чего не свалил от греха подальше?

— У меня... не было вариантов.

— Рамон, — понимающе кивает Наас.

Я подкатываю рукава рубашки, расстегиваю пуговицы и отдираю прилипшую к спине ткань. Жарко. Стоило надеть майку и шорты, а не джинсы, найти другую обувь вместо осенних ботинок — не мучилась бы теперь.

— Вернемся к твари. Когда она появлялась в последний раз?

— Тогда же, когда и вы, — отвечаю я.

— Плутон отправилась за Высшими, — говорит Наас, целясь обломком кирпича в

трубу. — Те наверняка где-то в Темных землях. Если верить Йемену Дири, дорога туда проходит через обитель демонов, где перемещаться в тених опасно даже тварям. Неблизкий путь.

— Рамон думает, что Йемен фантазер или лжец, и это — Темные земли, — Эйса разглядывает тлеющий окурок. Хмурится. Неглубоко затягивается. Кончается его единственная пачка. У Сойта Роэна с собой сигарет явно больше: я неизменно застаю мужчину курящим, когда спускаюсь в подвал забрать Янни. Мальчишка требует проводить время с братом прежде, чем пойти спать:

— Я рассказываю, что делал днем. Если потом забуду, Хектор будет помнить за меня, — три дня назад пояснил склонившийся над чашкой какао огненный маг. Кот с урчанием крутился на худых коленях и царапал красный пуховик: Янни наотрез отказался раздеваться.

И вымыться тоже. Позволил вытереть подбородок влажным полотенцем, но стоило потянуться к пятнам рвоты на груди — и ткань в моих руках вспыхнула, а маг огня тонко и отчаянно закричал.

— Какого черта?! — в дверях ванной столкнулись Наас с Эйсой. Сжимая нож, вынырнула из кухни бледная как смерть Айяка.

— Извините, — я погасила сгусток пламени в умывальнике. Янни, закрыв лицо, продолжал стонать. Затих лишь когда хмурый спросонья Хикан насильно впихнул ему вырывающегося Мракобеса.

— Не трогайте его, — потребовал парень. — Я серьезно. Пусть хоть под себя ходит — не лезьте. Целее буде... — осекся, схватил меня за запястья и осмотрел чистые ладони. Передернул плечами:

— Короче, давайте без эксцессов. И так дерьма хватает.

Янни согласно всхлипнул.

Сегодня утром он, шурша сладковато пахнущей мертвечиной курткой, гонялся за стонущей в трубах тенью, что обитала этажом выше нашей квартиры. Скучающие маги долго не решались присоединиться к развлечению.

— Да она ничего нам не сделает, — ободрил их Наас. — Печать же. Давай, Хикан, перекрой выход! Эйса, готов?...

Скоро парни с болезненным азартом и до смешного очевидным страхом колотили ложками по батареям. Уронили, отодвигая, сервант с тусклым фарфором — грохот и звон вспугнули птиц за окнами. Оборвали тяжелые алые портьеры, затоптали резной дубовый стол, добрались и до манекена на балконе: Наас нацепил на меня пыльный кучерявый парик, а Хикан примерил респиратор. Не выдержав шума, создание выскочило из туалета и всосалось в открытую печную заслонку. Звук улетел вверх. И вот мы греемся под летним солнцем, а Янни поочередно заглядывает в трубы, тут же отшатываясь, и тихонько зовет:

— Кииииисааа! Киииса!

— Киса, — хихикает Хикан, запуская ложку в полет. Металл звенит вниз.

— Темные земли — тоже Отрезок? — от зноя голова идет кругом. Лежащий рядом пистолет обжигает горяч.

Теперь мы всегда вооружены. Даже дома.

И, не сговариваясь, спим по очереди.

— Хрен их знает. Но скорее всего. Что еще это может быть? — Наас взвешивает затянутой в перчатку руке бульжник и рассеянно колупает ссадину у рта, трогает

схватившуюся коркой рану на виске. На серой футболке под мышками темнеют влажные пятна.

— Разобьешь окно. Не надо, — говорю я.

— Не докинешь, — сужает звериные глаза Хикан. Лихорадочный свет, что горел вокруг зрачков в ночь смерти Тони, потух вместе с волнением, но еще вспыхивает редкими искрами каждый раз, когда парень заговаривает о плане возвращения в мир людей.

— Спорим, докину? Заброшу на крышу, — находит компромисс Наас. Эйса улыбается, выдыхая дым:

— Помимо Йемена, был еще Советник Финигт. Тоже утверждал, что побывал в Темных землях. Описывал их как... уходящие к горизонту леса?... Вроде бы. Зловещие, скрытые во мгле, и все в том же духе. Сказал, к ним ведет дорога из дерева и металла. Правда, Финигт и философским камнем хвастал, а провести показательную трансмутацию отказывался, — Эйса ощупывает переносицу, пожелтевшие синяки. Наас трет оцарапанные костяшки и отворачивается. Его нос тоже разбит, но это — дело рук Энид. — Другие описывали Отрезки как пустошь с каменными столпами и черным солнцем, древний величественный город или геенну огненную — вот третье наверняка выдумка. Иначе они бы не выжили.

— Думаете, наш город можно назвать... величественным! — Наас швыряет камень — грохот металлической кровли отзывается бурей в птичьем царстве. — Ха!

— Айяку и Энид напугаешь, — запоздало предупреждаю я.

— Можно, — отвечает Эйса, — если ты побывал там, откуда никто не возвращался.

— Кто-то из пяти вернулся. Иначе бы мы ничего не знали про Отрезки, — замечает Хикан. — Я ставлю на Лимьяна Борея и Розамунда Яростного. Огненные маги. Сил Лимьяна зашкаливала за девяносто. Он, кстати, тоже упоминал леса. Только вдалеке. Не дошел?

— Я рад, что мы не в лесу. И не на пустоши, — Наас садится рядом с седым магом. Янни оставляет затаившуюся тварь в покое и устраивается с блокнотом возле меня. Перевернув исчерканные заклинаниями листки, начинает новый костяк.

— И что есть не нужно, иначе вы б давно взвыли и вернулись сами, — говорит Эйса.

Облизываю пересохшие губы:

— Вам тоже с собой еду не дали.

— Дали. А остальное прислали бы с подкреплением, — холодно отвечает сын Хайме. В набедренных сумках у него и Хикана — запасы галет. Хватило бы на неделю. Но я хотела сказать иное:

— Вы понятия не имели, что вас ждет. Эта вылазка — почти самоубийство. Почему ты пошел? Что значит — не было вариантов?

Почему не отказался? Почему Хайме позволил?

— Приказы не обсуждаются.

— Брось, — хмыкает Хикан, — не притворяйся тупым. Она спрашивает, как сын любимчика Совета профессора Хайме оказался в компании потенциальных покойников. Мы-то пушечное мясо, а где облажался ты? Отчего Рамон не прикрыл твой зад перед администрацией?

— Не ваше дело, — Эйса тушит недокуренную сигарету.

— Очень даже наше, — встаю одновременно с ним. Сойт Роэн правильно сказал: мы ничего друг о друге не знаем. Незнание уже отняло несколько жизней.

— На мне отпечаток твари! — смеется Эйса. Верно, отпечаток, и — оторванный с формы знак Университета: болтается на шее. У Хикана тоже, составил пару серебряному кресту. Кан не расставался со своим, а потом убил Тони. — Я в таком же дерьме, что и вы!

— Может быть, — двое магов поднимаются на ноги. Янни переворачивает страницу. В светлых глазах плещется туман.

— Нам важно понимать, — чтобы выжить.

— Папаша не подействовал — это факт. Чем ты его разозлил? До сих пор бесится, что не оправдал надежд? Пошел в искатели вместо ученых, — предполагает Наас. — Да нет. Старая история, — хмурится Хикан. — Тут что-то новое, свежее.

— Возможно. Например? — Наас окидывает Эйсу внимательным взглядом.

— Ммм... не знаю. Что важно для Хайме?

— Репутация, — говорю я.

— О да, — техник щурится. — Ты должен был сделать что-то по-настоящему скандальное. Но ты слишком правильный. Всегда такой собранный и серьезный... — подходит ближе. Трепещут тонкие ноздри, словно парень пытается распробовать запах Эйсы. — Никогда не видел, чтобы ты хотя бы немного расслаблялся. Даже сейчас — как палку проглотил, — насмешливо тянет. — Образцово-показательный наследник.

Эйса скрещивает руки на груди:

— Это комплимент или оскорбление?

— А что ты сделаешь, если второе? — ухмыляется Хикан и тут же морщится, получив тычок в живот.

— Хайме же знал, что ты гей? — спрашивает Наас.

— Наас! — Эйса закашливается от неожиданности.

— Да все знают, — отвечает рыжеволосый парень. Седой маг шокировано моргает. — Оу... ну, или почти все. Так вот. Хайме же был в курсе, или я путаю?

— Дда. В курсе... — Эйса достает свою бесценную пачку. Нервным жестом убирает за уши выбившиеся из прически пряди. Прежде зачесанные на отцовский манер волосы уже дня два как небрежно растрепаны. На скулах проступают неровные пятна румянца. — Он разозлился из-за того, что я хочу покинуть Университет. Тишина, повисшая после этих слов, заставляет Янни оторваться от рисования.

— Что?... — переспрашивает Наас.

— Почему? — отказаться от магии?

— Вот и у него такое же лицо было, — невеселая усмешка. Щелкает зажигалкой, прикуривая. — Заявил: ты мне больше не сын. Поспешил первым оборвать все связи, кто б сомневался. Когда меня выбрали для вылазки в Отрезок, он ничего не сделал, чтобы изменить решение Совета.

Хикан склоняет голову набок:

— Уходя, ты должен забыть все, связанное с Университетом...

— Я бы забыл его, — затыгиваясь, кивает Эйса. — Начисто. Сойт Роэн кое в чем прав: Рамона не было в моем детстве. Они с мамой расстались, мне еще месяца не исполнилось. Я считал отчима своим настоящим отцом. Рамон появился позже, через год после папиной смерти. Вдруг решил познакомиться с сыном. Они с мамой опять сошлись...

— У Хайме разыгрались старые чувства? — вздергивает бровь Наас.

Эйса облакачивается о печную трубу:

— Не думаю. Мне кажется, изначально ему просто было интересно, маг ли я. Все

пытался остаться наедине, чтобы дать Камень силы. Он ведь помешан на генах и прочем. Большая часть его ранних исследований завязана на наследственности. Мама пустая, сам Рамон тоже...

— И слава богу, — Хикан морщится. — Еще не хватало... — неопределенно машет рукой.

— Да. Во мне оказалось шестьдесят три процента земли, что сложно проигнорировать. Рамон стал приезжать чаще, затем пригласил куда-то мать... втерся в доверие. Я, идиот, даже радовался, что она снова счастлива. Он казался неплохим. Объяснил причину, по которой бросил нас: Университет. В тот год Рамон начал работать с тварями. Оберегов еще не существовало. Пришлось героически исчезнуть из нашей жизни, чтобы защитить от проклятий замученных им созданий. Следуя протоколу, не рассказал маме о магии, вот она и решила... короче. Главное, что я узнал о существовании волшебства и своей силе. Я был потрясен.

— Могу представить, — хмыкает желтоглазый маг.

— Почему ты хочешь уйти? — повторяю вопрос.

Сын Хайме фыркает дымом:

— Почему вы хотите остаться? Рисковать жизнью из-за прихотей Совета? Насиловать разум ради капли волшебства? Потерять друзей и близких, возможность создать семью? Лгать, предавать, подвергать риску любимых? — Не преувеличивай! — Хикан сжимает кулаки. — Университет — не настолько кошмарен!

— Посмотри, что они сделали с тобой, — Эйса мимолетно касается серебристого виска. Парень дергает плечом:

— Я сам виноват. И не жалею: я спас человека.

— Да, — хмурится Наас. — Точно. Мы не только на ученых работаем, мы спасаем людей! Даем покой умершим. Помогаем существам найти безопасное место для жизни, даже если приказано поймать и доставить в лаборатории! Ха, помните, награды назначали за баргестов? Никто ни одного не притащил, хоть тот же Олаф неделю вонял собачатиной! И магия, она...

— Прекрасна, — мягко соглашается Эйса, — но я хочу другой жизни.

— Я не понимаю, — терзая кончик косы, признается Наас.

— Тебе было ничего терять, — Эйсандей пожимает плечами. Наас наматывает на палец и с силой тянет ржавые пряди. — Я читал твое досье.

— Но...

— А я превращался в отца. Помните, полгода назад обереги закончились? Новых костей никто не мог отыскать несколько месяцев. Возвращаться домой было нельзя. Мама с ума сходила. Я выбирался в парк каждый день, чтобы позвонить, и обнаруживал сотню пропущенных вызовов и сообщений. Перезванивал и бесконечно врал, втянул друзей, чтобы прикрывали. Хуже всего, я не знал, когда это закончится. Тогда и понял, что, если останусь в Университете, лишусь обычной жизни. Променяю на Хайме и бесконечные поиски тварей.

— Но тогда какого черта теперь ты согласился на задание?! — спрашивает Хикан. — За неподчинение выпирают и лишают памяти. Ты ровно этого и хотел!

Эйса пристально смотрит на желтоглазого:

— Если бы я не пошел... они бы отправили человека, который мне дорог. Он способен за себя постоять, но здесь слишком опасно и для лучших из магов.

— Он тоже собирается валить? — Наас будто не может поверить, что кто-то в здравом

уме желает отказаться от волшебства.

— Нет, — Эйса дергает уголком рта. — Он не покинет Университет. Но его я бы тоже потом не вспомнил, так что... — оборвав фразу, щелчком отправляет окурок с крыши:

— Просто не хотел, чтобы он погиб из-за меня. А теперь, — взгляд парня меняется, — даже смогу остаться. Все изменится. Перекроится сама суть Университета. Охота на тварей кончится. Проклятья спадут. Охотники освободятся. Пакт Серафима остановит исследования, над которыми Рамон работал последние двадцать лет. Полная заморозка. Навсегда.

— Ты чересчур оптимистичен, — морщит нос Хикан. — Система Университета заточена под ученых. Пакт просто сломает ее. Орден развалится.

— И отлично! Создадим новый. Равный союз магов. Без Совета, без приказов. Магия должна приносить пользу и радость! Пора вернуть ей былое величие.

— Господи, Эйса! Я действительно думаю, что ты перегибаешь палку. Хайме ублюдок, но из-за этого...

— Он предпочел убить меня, чем позволить забыть о себе, — глухо говорит парень. — Но когда эксперименты прекратят — о самом Рамоне забудут все.

— Забудут, — эхом повторяет Янни.

— И ты тоже однажды забудешь все, что с тобой сделали, — обещает ему Эйса.

— Он свое имя не всегда помнит, — Хикан отворачивается.

Но ведь...

— Когда ритуалы закончатся...

— ...ничего не изменится, — седой маг отходит к краю. Налетевший ветерок уносит слова:

— Я видел подобное раньше.

Опускаюсь на корточки рядом с мальчишкой. Поверх обычной вони разит потом. Слипшиеся волосы с одной стороны торчат дыбом. Увлеченно рисует. Ловко разбрасывает символы по листу, формируя скелет, скрепляет стихийными сухожилиями, наращивает мясо, задавая жесткие рамки действия, постепенно соединяя группы в ясный импульс — воплощение желания. Готово. Осталось лишь пустить кровь.

— Если вопросов больше нет, я пойду вниз, — сообщает Эйса.

— Да... извини, — трет лоб Наас.

— Ничего, — морщится парень. — Я понимаю, почему вам было важно знать мои мотивы. Я ведь его сын, — вертит пачку сигарет. Предлагает ни на кого не глядя:

— Обследуем еще пару кварталов до заката?

— Давайте.

Наас оглядывается у выхода на лестницу, но я говорю:

— Мы догоним. Я хочу зайти домой переодеться. Жарко.

Блекло улыбнувшись, прячет ладони в карманы джинсов:

— Скорей бы она вернулась, да?

— Да.

Долгие три дня бездействия. Неизвестности. Споров о плане возвращения. Идеи догадок и предсказаний. Ссор: в ночь смерти и огня Энид, внезапно выйдя из оцепенения, налетела на Нааса. Он не пытался защищаться, и никто не остановил девушку. Эйса лишь подхватил, когда она, обессилив и давясь рыданиями, осела на пол.

— Мне жаль, — держась за живот, выдохнул Наас. Облизал разбитые губы.

— Уйди, — сказал Эйса.

Айя больше не плакала. Смотрела перед собой и гладила Беса, пока тот не сбежал к Янни, а тогда просто сложила ладони на коленях. Я должна была что-то сказать или сделать, но не смогла выдать и звука. Наас другой: ему хватило храбрости сесть рядом и притянуть волшебницу в объятия.

— Если бы мы только поставили барьер... — всхлипнула она.

— Тсс, не надо, — рыжеволосый маг поймал тонкие руки, погладил дрожащие пальцы. — Не надо. Мы не могли знать. Перестань винить себя.

Прошлого не исправить, а чары, возвращающие мертвых, никогда не заставят их обрести плоть.

— Они забрали Тони и Кана, — говорит Янни.

Вздрагиваю. Оглядываюсь: птицы мирно копошатся на крышах, собрались в крикливые стайки на проводах.

— Они ведь не были тварями или магами огн... — осекаюсь. Смерть для всех одинакова.

— Все — маги огня, — светло-зеленые глаза пусты, но он понимает меня с полуслова.

— А твой брат? — пустой. Наас сказал мне, что лишенных магии людей около четверти в мире. Довольно много. Хотя какая разница, если из оставшихся семидесяти пяти процентов узнают о своих способностях единицы?

— Он тоже.

— Он не способен творить волшебство, — протягиваю мальчишке руку: пойдём. Шаги остальных уже отгремели на лестнице. Внизу взвизгивает дверь, доносится голос Хикана — озадаченный и тихий, но совершенно отчетливый среди пустынных улиц:

— Я и не знал, что Эйса хочет уйти. В смысле, мы же каждый день тренировались вместе... мог бы и сказать.

— Ну, вы вроде ни о чем личном не трепались: я не слышал, — отвечает Наас. — Партнер по спаррингу не значит — друг.

— Да... не уверен, что у него вообще есть друзья в Университете. Странно, он ведь нормальный.

— ... ты буквально вынуждаешь меня пошутить.

— Заткнись.

— Его не научили колдовать, — отвлекает Янни. Вручает лист со сложным узором. — Кого? Что это?

Собирает рассыпающийся блокнот, по одной прижимая бумажки к груди:

— Ты тоже не умела колдовать. Но тебя научили.

— В пустых есть магия?

— Оно пригодится, — уже переключился Янни. Свернув рисунки, запихивает в рукав. — Обязательно пригодится. Не выкидывай. Не выкинешь?

— Не выкину, — прячу чары в карман. Нырью в прохладный полумрак парадной. Лестница на крышу — железная, шаткая. Янни подолгу стоит, прежде чем спуститься на ступеньку вниз.

— Тебе помочь? — не обращает внимания. Примеривается к следующей перекладине. — Тогда я подожду на выходе, ладно? — сосредоточенно кивает, отводит упавшие на щеки грязные соломенные пряди, чтобы лучше разглядеть безжизненную паутинку у люка.

Догонит. Медленно, бесшумно спускаюсь. Магия магией, а тишина защищает лучше любых заклинаний. Соит Роэн едва не застрелил меня из-за шороха шагов.

Надо учиться быть незаметной. Держась за перила, тихонько ступаю по кромкам ступенек. Скольжу через прямоугольник света на площадке. Нагретые доски сладко пахнут и почти не скрипят. Хорошо. Высунувшись в окно, вижу ушедших вперед Нааса и Хикана. Остается преодолеть пролет второго этажа с вновь зашуршавшей в трубах тварью. Прижаться к стене, заслышав:

— Они сожгли его, Эйса! Сожг...

— Тише! — шипит парень. Энид переходит на отрывистый шепот:

— Сожгли! Айяка сказала — случайность! Случайность! Наас пошел туда, чтобы добить Кана! Думаешь, почему тварь заставила нас разделиться? Это Зарин ее послала! И Тони, я уверена, был замешан...

— Ты видишь заговор там, где его нет.

— А ты вообще ничего не видишь! Тебе наплевать, если они убили Кана?!

— Наш единственный шанс выжить — выбраться отсюда вместе, забыла? Или у тебя есть план как не окончить дни в лабораториях? — ядовито осведомляется сын Хайме.

— Да! — выдыхает девушка. — С печатями мы станем лучшими из охотников! Твари теперь нас почти боятся! Даже близко не подходят! Будем возвращаться и ловить их для ученых — кто-то ведь должен, а обереги в Отрезке не помогут! Мы нужны для охоты! Для исследований хватит других, их и так целая толпа. Захватим огненных и заставим активировать чары — пусть только вторую группу выпустят, вместе мы легко победим! Твой отец заправляет в лабораториях, он принимает все решения. Когда вернемся, поговоришь с ним. Я уверена, он...

— Пустит любого в расход, если понадобится, — смеется Эйса. — Ученые не станут разбрасываться ценными подопытными, и им уж точно плевать, сколько охотников не вернутся из Отрезка. Энид, послушай, что бы ни произошло между Каном и Наасом, сейчас не играет роли... тихо! Я знаю, как это звучит. Я понимаю, что тебе больно. И мне очень, очень жаль, но подумай сама, зачем им намеренно убивать Кана?

— Чтобы он не помог нам сбежать от твари!

— А дальше? — парень повышает голос, забыв об осторожности. — Допустим, Высшая бы нас не отметила. Так разорвали бы остальные! Или ты хотела прятаться в тюрьме до скончания веков? Понимаю, с милым рай и в шалаше, но меня с Хиканом в свое безумие не втягивай!

— Ты... Господи, жаль! Тебе — жаль! Конечно! Да тебе ни до кого нет дела, лишь бы папочке подгадить!

По лестнице ураганом галопирует Янни. Я вздрагиваю, с грохотом соскальзываю со ступеньки.

— Напугал, — выкручивая рукава, неуверенно улыбается мальчишка.

— Все хорошо, — внизу Энид выбегает прочь. Я прислушиваюсь: хлопнет ли дверь нашей квартиры?

— Я знаю, куда она ушла! — Янни взгромождается на перила и съезжает прямо в руки поднимающегося Эйсы.

— Куда? — спрашивает тот.

— Откуда пахнет дымом.

Выдыхаю:

— А ведь наверняка ты прав.

— Я прав, — запахивает куртку и сбегает в знойную тишину улицы.

— Господи, ему определенно не мешает помыться, — морщится Эйса.

Спускаюсь:

— Мы не хотели убивать Кана. Он напал первым.

— Хорошо, — сын Хайме закусывает губу, а потом усмехается, отводя взгляд:

— На самом деле, мне действительно все равно — Энид не ошиблась. Даже если вы специально его прикончили. Я едва с ним знаком, а будущее важнее прошлого, — трет шею. — Я ужасный человек, да?

— Нет. Не хуже других. И определенно честнее.

— Я не хочу быть жестоким, но иногда сложно избавиться от мысли, что цель оправдывает средства.

Не жестоким, похожим на отца — прячется между слов.

— Тебе хочется пойти следом, чтобы убедиться, что она в безопасности? — он поднимает брови. Хмурится, раздумывая:

— Пожалуй.

— Значит, не все потеряно.

Рамон Хайме точно не умеет так заливисто смеяться.

За открытой дверью парадного Янни складывает из камушков очередное волшебство.

— Думаешь, ее стоит остерегаться?

Эйса запускает пальцы в волосы, убирает назад непослушные пряди:

— Она горюет. Ждать глупостей вроде подобных разговоров — да. Действий... — выйдя наружу, парень смотрит вслед хрупкой фигурке, — сомневаюсь. Энид та еще трусиха, я уже работал с ней раньше.

— На заданиях? — странно звучит, когда произносишь вслух.

— Да. Разведка в основном: я ведь искатель. Но было здорово, — его лицо светлеет от воспоминаний.

— Но ты все равно хочешь забыть? — закрываю дверь и прислоняюсь к шершавым от слоистой краски доскам.

Эйса достает пачку. Вертит, не раскрывая. Оглядывается на поглощенного занятием мальчишку. Янни, высунув от усердия язык, ровняет линии.

— Да. И вот, почему.

— Что?

Спрятав сигареты, Эйса выпрямляется:

— Посмотри на него. Если бы ты пробыла в Университете чуть дольше, ты бы поняла. Магия не умеет довольствоваться малым. Она забирает все без остатка, выворачивает наизнанку любое желание или мечту. На одно хорошее чудо приходится десять ужасных, которые... — парень осекается. Моргает:

— Сама знаешь. Ты же маг страха и гнева.

— Да. Только мне, как Наасу, нечего терять. Кроме магии, у меня ничего никогда и не было.

Качает головой, выдыхает:

— Послушай. Если мы вернемся, если заключим мир... если ты решишь остаться в Университете — а они предложат тебе остаться, даже не сомневайся, — присмотришь. Ты сразу увидишь.

— Увижу что?

— Охотников, которые маются между заданиями в баре или на ненужных тренировках. Техников, что круглосуточно и без выходных торчат в своем подвале. Ученые, целители... все они одержимы. И всем плевать, что будет завтра. Но волшебство не длится вечно. Оно заканчивается либо смертью, либо увечьем —

и тогда, если ты перестаешь быть полезным, тебе дают непенф, — украдкой нащупываю в кармане граненый ком Нининого леденца. — Половина твоей жизни, самая важная половина, исчезает без следа. Годы, десятилетия просто... — он замолкает, снова вытаскивает пачку: на этот раз чтобы закурить, — пустеют. Я видел достаточно бывших магов, которые превратились в одиноких нищих калек. Ведь все друзья — стерты с памятью об Университете, завести семью обычно не хватает времени и сил жить двойной жизнью, да и оберегов не напасешься — а значит, время от времени тебе просто не покинуть защитного контура. Любая работа тоже страдает, поэтому мало кто серьезно делает карьеру: хорошую должность сложно совмещать с заданиями. Просто не хочется, если честно, — усмехается искатель. — По сравнению с магией, реальная жизнь — скука смертная. Но в конце только она и имеет значение.

Янни любовно оглаживает созданные чары.

— Теперь понимаешь? — спрашивает Эйса.

Киваю:

— Но с пактом Серафима все изменится.

— Люди редко меняются. Для многих уже слишком поздно... Ладно, я пойду, пока Энид не заблудилась, — но он не спешит. Стряхивает пепел и разглядывает сигарету. Отвернувшись, глухо говорит:

— Серьезно, пока тебя ничего не держит, беги от Университета. Это ловушка, даже страховка в лице твари не поможет. Лучше уйти сразу, пока ты свободна, пока там нет никого, кто стал бы тебе дорог. Тем более, вместе мы знаем достаточно, чтобы обойтись без учителей и руководства. Если объединимся, сможем сами решать, что и когда важно, и никто не отнимет сделанного выбора. Ты не проснешься однажды по уши в дерьме, не понимая, как так вышло, и куда ты потратила целую жизнь.

Давлю смешок:

— По крайней мере, сейчас я точно знаю причины своих неприятностей.

Эйса фыркает:

— Да уж!

Прижимая камешек к щеке, растерянно хихикает Янни. Выдохнув дым, искатель кивает на прощание:

— Мне пора, — волшебница с багряными волосами уже скрылась из виду.

— Давай. Мы догоним Нааса с Хиканом.

— Я найду вас потом.

Едва отходит, когда я зову:

— Эйса! Почему Наас тебя ударил?

Засмеявшись, сын Хайме трогает бледный синяк:

— Это... продолжение старого разговора. Он предупреждал меня не делать глупостей, а я... — небрежно пожимает плечами, — вот он я здесь.

— А Хикан? Почему он — здесь? На нашей стороне. В смысле, он не кажется расстроенным из-за печати Плутонна.

Прячет руки в карманах:

— Его положение в Университете немногим лучше, чем у огненных магов. Наас сказал, что Хикан был инфицирован оборотнем?

— Что?

— Наполовину перевертыш. Процесс обращения успели купировать, но раз в месяц Хикан становится... невыносимым. Он много времени провел в лабораториях.

Оборотни ведь теперь редки, а таких, как он, — половинчатых — больше нет в целом мире, — Эйса светло улыбается. — Совершенно особенный.

— Но как тогда его отпустили сюда?

— Он единственный, кто мог повлиять на Тони Луизу, если бы вы заперли знак. Плюс, Хикан был прекрасным охотником, а теперь — в пятерке лучших техников Университета. Он должен был помочь Совету с созданием портала. Да и ученые сейчас от него почти отстали. Провели все эксперименты, до которых додумались, выдали транквилизаторов, хоть засранец их явно не принимает... — парень трет шею. — Но рано или поздно у кого-нибудь появится новая идея, для развития которой потребуются дополнительные исследования. Решение Хикана попытаться счастья с тварями было предсказуемым. Даже без печати Плутона.

— С печатью он особенный вдвойне.

— К сожалению. Тем важнее подписать мир.

Киваю, соглашаясь и — прощаясь. Янни тоже бросает узор и требует:

— Пойдем, — за три дня он говорил так трижды. Обычно значит: хочу к брату, но сегодня солнце еще высоко, а мальчишка проходит мимо Айинового магазина. Торопится в наш тренировочный переулок.

— Подожди, я хочу зайти домой.

Но Янни ускоряет шаг. Ненадолго останавливается у рытвин и паленых пятен на зданиях, двигаясь от точки к точке. Прикрывает глаза и глубоко дышит, будто пытается втянуть ершистое послевкусие разрушения.

— Янни! — Айяка осталась дома совсем одна. Ей ведь не легче, чем Энид. — Давай хотя бы возьмем с собой Айю. Потом...

— Пойдем! — настойчиво повторяет огненный маг, сворачивая в заплетенную мертвым плющом подворотню. Пойманной красной птицей на миг цепенеет в клетке ветвистых теней. Стремительно пересекает дворик и оборачивается. Машет руками по ту сторону арки:

— Пойдем!

Гаденьш. Впрочем, рядом с девушкой я никогда не знаю, что сказать. Не только я: Наас тоже больше молчит. Вертится поблизости, бессмысленно перекладывая вещи и роясь в давно изученных шкафах, пока Айя не взрывается:

— Хватит! От тебя еще хуже! Когда ты так смотришь, мне жить не хочется! Мне и так...

Наас растерянно каменеет, словно не в силах решить: подойти, коснуться, утешить — или действительно уйти, отступая перед ее болью и призраком погибшего друга.

— Пойдем! — у Янни же нет сомнений.

— Да иду я! — где он? Сбежал! Пускаюсь рысью, высматривая алую куртку. Как он может быть одновременно и неуклюжим, и невероятно проворным?...

— Янни? — дворики выглядят неподвижными. Лишь беспечно чирикают редкие воробьи на деревьях.

— Хоть на том спасибо, — могильные птицы стали приходить ко мне в кошмарах.

Вчера я разбудила всех вскриком: приснились бурлящие крыльями тучи.

— Ладно, — опускаюсь на колени, чтобы нарисовать заклинание-карту, когда слышу Яннино далекое и полное восторга:

— Привет!

Рывком развернувшись, напарываюсь на белый скол пространства. Пальцы сами находят шрам:

— Илай, — в тени от полосатого навеса кафе, обходит круглые столики, поднимает с земли и ставит на место плетеный стул. Янни отчаянно машет, прилепившись к витрине изнутри:

— Привеет!

— Иди сюда, — Илай ждет на пороге. Мне нечем дышать, а ладони покалывает от напряжения. Я ведь не раз искала его на карте, касалась описывающей круг по границе Отрезка черной точки. Вчера он был на противоположном конце города. А теперь Янни завел меня прямо в ловушку.

— Чертов маленький... — глотаю ругательства и слюну. Янни не виноват, он просто... ладно, я понятия не имею, что он такое. Деревянно иду навстречу своему наваждению и готовлюсь выхватить нож.

Пистолет давит в поясницу сзади, но я никогда не выстрелю в Илая, пора признать очевидное.

Надеюсь, он...

— Я не трону тебя, — открывает звякнувшую колокольчиком дверь.

Сменил запачканную кровью футболку на чистую, опять в тон кожи. Кажется, не ранен. Кровоподтеки почти сошли. Вооружен: перчатка, кобура под мышкой, ножны на поясе и все что угодно в набедренной сумке. Впрочем, Хикан и Эйса набили свои галетами. Говорю:

— Сначала ты, — Илай улыбается уголком искусанных губ и пятится, не сводя с меня взгляда.

Осматриваюсь. Небольшой зал не несет отпечатка времени. Синие крашенные стены, темная деревянная мебель. Светится витрина с десертами — Янни вертится около нее, отчаянно шуршит пуховик.

Илай заходит за стойку и спрашивает:

— Что хочешь?

Мальчишка показывает на посыпанное кокосовой стружкой шоколадное пирожное, потом передумывает и тыкает в круглое фиолетовое. С мучением на лице возвращается к первому. Илай достает оба:

— Любишь сладкое?

— И вон то еще! — кивает огненный маг.

— А ты? — внимательные красные глаза гипнотизируют, превращая реальность в сон.

— Я не люблю.

— Тогда кофе?

— Да.

Он уверенно обращается с кофеваркой, безошибочно находит выключатель и зажигает лампы на потолке — свисающие на проводах, как в подвале Валентина. Тру росчерки от удавки на запястьях, с усилием отворачиваюсь к окну:

— Это твое место.

— Да, — жужжание и щелчки, звон посуды. Терпкий аромат кофе. Янни кружит по

залу, слизывая крем с пальцев. Я чувствую приближение Илая по разлившемуся в воздухе теплу, но не пытаюсь развернуться, когда попадаю в кольцо сильных рук. Вкладывает чашку в ладони, не размыкает объятий. Откидываю голову ему на грудь:

— Почему тогда ты пахнешь зимой и кровью?

Прижимает теснее и вздыхает:

— Тогда стояла зима.

— Этот запах... что он значит?

— След первого колдовства. Ты — нагретый камень. Летняя жара.

— Крыша. Я упала с крыши. Было лето, — горячие лучи скользили по граням осколка, ветер оседал на языке вкусом пыли и выжженной солнцем травы.

— А здесь стояла зима, — зажмуриваюсь. Мир сужается до шершавого голоса. — За ночь все засыпало снегом. Я разгребал сугроб возле задней двери, когда услышал, что внутри кто-то есть. Родители уехали, кафе было закрыто. Главный вход оставался нерасчищенным.

Янни вскидывается, будто тоже на звук. Отложив недоеденное лакомство на ближайший стол, медленно, почти крадучись, направляется к коридору под табличкой WC.

— Я решил, это твари. Я называл их вампирами.

— Почему? — следуя примеру Янни, избавляюсь от лишней чашки. Переплетаю наши пальцы. Его изрезаны до самых костей — пытался сорвать удавку? Илай освобождается, заставляет разжать ладонь со слоистым рубцом.

— Они боятся света. Высасывают жизнь. И мой самый частый гость напоминал человека.

Проведя по шраму, отпускает. Подталкивает к поглотившему мальчишку темному проему.

— Он прогонял прочих. Он объяснил мне, кто я такой.

— Объяснил? — Янни замер у двери в туалет.

— Да. Он был Высшим, — Илай касается губами моего виска, хрипло шепчет:

— Знал про Университет. Научил меня подавлять силу. Чтобы не нашли. Но они нашли.

— Как?

Невесело смеется:

— Он был рядом слишком долго. Его природа... ты знаешь, как твари действуют на людей. Кафе обходили стороной. Родители даже продать его не могли. Часть соседей съехала. Другие спились. У пары с верхнего этажа ребенок покончил с собой, бросившись под грузовик. Ему было десять. Оставил записку: мне страшно жить. Это попало в новости, его родители дали интервью. Пытались оправдаться, их же подозревали в жестоком обращении. Сказали, что дом проклят. Что здесь водятся привидения. Много чего наговорили. Довольно убедительно. У нас сразу стало полно посетителей. Журналисты лезли с вопросами. Школьники приходили толпами, чтобы было не так страшно, покупали печенье на вынос и тут же сбегали. Трусливые глазели через витрину, а смелые пытались вломиться ночью... Но было еще несколько мужчин. Они не выглядели испуганными или заинтересованными. Молча пили кофе и уходили. Возвращались трижды. Третий раз — тогда, после метели.

Еще один мертвый ребенок. Как просто. Как холодно. Из приоткрытой двери черного входа тянет морозом. Толкаю — кожа примерзает к металлу. Во тьме громоздятся коробки и ящики, на второй этаж уходит деревянная лестница. Далекая светлая полоска открывает кусочек неправильно летнего дворика.

— Я пошел на звук. Звон. Зеркало в туалете. Подумал: опять. Мой вампир ушел, без него приходили другие. Они часто били зеркала.

Мальчишка ныряет во мрак туалета. Хрустит стекло.

— Но это были люди.

Люди страшнее всего.

— Пятеро охотников. Я узнал знак Университета: Сирас рисовал его мне.

— Сирас? — иду за Янни.

— Моя тварь. Он не смог защитить меня, мне пришлось справляться самому.

— Первое колдовство.

Илай прислоняется к стене:

— Еще нет. Я прикончил первого лопатой. Даже не задумался, будто убивал раньше.

Просто ударил лезвием в горло.

Нащупав выключатель, опускаю ресницы.

— Ударил и второго. Он уронил пистолет. Другие пытались поймать меня удавкой, но здесь тесно.

Щелк.

Едкий оранжевый свет озаряет выложенное белой плиткой помещение. Двери в кабинках распахнуты вразнобой. Янни ступает по рисунку влажно блестящих разводов. Брызги на зеркале у входа отмечают первую жертву Илая. Окровавленная лопата валяется здесь же, у порога.

— У них не сразу получилось. Раньше я застрелил еще одного.

Оглядываюсь на бесцветного в полутьме коридора мага. Он глухо говорит:

— А потом загремел замок на входной двери. Родители вернулись. Я хотел закричать, но охотник сказал...

— Один звук — и я убью их, — продолжает Янни. Склоняет голову и отвечает на другой лад:

— Пусть орет. Я хочу услышать, как он будет орать.

— Какого черта, Фрик? Что ты?... Фрик! — мальчишка кричит, падает на колени. Раскачивается, едва не ударяясь лбом о кафель. Его голос неуловимо меняется. Эхом в ушах бьются выстрелы. Плач. Крики: нет-нет-нет. Нет! Что ты наделал? Мама! Мама! Мы должны были стереть им память! Он убил Джейми! Папа, пожалуйста! Он еще жив! Этот выродок прикончил Джейми!

Отступаю прочь от ожившей памяти. Обнимаю Илая и утыкаюсь носом в ямку между ключицами. Под щекой набатом бьется сердце. Янни смолкает.

— Меня несоро выпустили из Заповедника, — на плечи ложатся руки. — Не думал, что выпустят. Повезло: психолог поверил, будто я убил тех троих случайно. Испугался. Они не заметили, что я прикончил пятерых.

— Что?... — сжимает пальцы, сглатывает:

— Отметил. Проклятьем... твари, — кривая ухмылка. — Первое волшебство. Сирас показывал мне, как. Сказал: я не всегда смогу тебя защитить. Но отомстить... не я, так другие. Твари ведь ради этого и рождаются. Даже мудрые, подобные Плутону. Мечь. Ничего больше. Им нельзя верить.

— Потому, что Сираса не было рядом, когда охотники убили твою семью? — Илай морщится. Облизывает искусанные до ран губы:

— Да. Они умерли из-за него. Он привел охотников и сбежал.

— Неправда. Они умерли из-за тебя, — красный взгляд дробится острыми гранями. Вина? Или злость? Не успеваю разглядеть. Отпускает, шагает назад, где тени скрывают лицо. Ровно отвечает:

— Пакт Серафима — мечта или ложь. Твоя тварь никого не приведет. Мира не будет.

— А ты? Останешься здесь? Думаешь, сумеешь спрятаться — теперь? Или просто боишься встречи с Сирасом? Со своим прошлым? — мне стоит замолчать: воздух оцетинивается мраком. Но молчание — тоже бегство. А я обещала себе уже дважды:

— Перестань убегать! Посмотри, что ты наделал, — злость расцветает пламенем, высвечивая две лужи крови прямо под ногами. Женскую сумку у стены. Гильзы, ключи от машины с желтым брелоком, крупный отпечаток руки: его отец пытался встать. Илай застыл — точь-в-точь животное в свете фар. Позволяю силе ослеплять. Повторяю:

— Посмотри. Ты привел тварь. Ты привел охотников. Ты убил их. Но ты не виноват. Прими это. И спроси себя снова: ты действительно хочешь остаться здесь навсегда? Разве с тебя не достаточно?

— Солнце, — смеется за спиной Янни, — ты светишь, как солнце! Похожа на Мантикору! Только он ярче, он — взрыв! Ба-бах! — хлопает по пуховику, еще и еще. — Бах! Бах! Бааабб...

— Нет, — чуть слышно роняет Илай. — Не хочу.

Мальчишка забывает про Мантикору, тянется к бушующему под потолком огню. Щурится, растопыренные пальцы дрожат, но все равно почти касаются мечущихся языков. Солнечный ветер пробирается под одежду и путается в волосах.

— Тогда давай попробуем, — зажмуриваюсь. Под веками роятся черные точки. Нина сказала: бабочки у огня. Прячься — не прячься, а конец один. Но:

— Однажды мы погаснем. Давай сначала вспыхнем так ярко, чтобы увидел весь мир. Все, кто прячет свой огонь во тьме прямо сейчас. Все, кому... страшно жить. Прикосновение. Невесомое, почти дуновение пожара, пробегает по плечам. Оканчивается болью у лопаток — Илай толкает к стене. Прижимает до тяжести в груди. Шепчу, задевая носом его подбородок:

— Пусть перемирие — мечта. Пусть даже ложь. Ничего. Давай попробуем поверить в нее. Иначе нам останется только прошлое.

— Зарин! — доносится из зала. Илай деревенеет.

— Это Айяка.

Пламя впитывается в камень. Упавшую темноту можно пощупать. Мимо проносится, зацепив шуршащей курткой, Янни. Кричит:

— А мы зажгли солнце! И едим торты! Хочешь торт? Посмотри, сколько разных!

— Тты... — звуки подергиваются ватой, когда он целует меня. Лихорадочный, жадный. Выдыхаю в рот:

— Пойдем со мной.

Отвечает укусом. Это да или нет?

Янни что-то роняет: дребезжит витрина. Вибрация отдается в позвоночнике. Слишком сильно... Илай хмурится:

— Чт...

— Ба-бааах! — вопит мальчишка. Вздрагиваю, настигнутая пониманием:

— Взрыв!

Сталкиваемся с Айякой в узком проходе. Девушка вскрикивает от неожиданности.

— Идем! — Илай и Янни уже на улице. Мальчишка кашляет, согнувшись пополам. На щеке — мазок сиреневого крема. Илай скупыми движениями создает чары для поиска людей:

— Живые. Здесь, — трогает движущиеся точки.

— Стадион!

— На них напали! — срывается с места Айяка. Перед тем, как Илай отрывает ладонь от рисунка, замечаю: точки бросаются врассыпную от невидимого врага. — Янни! — тащу мальчишку за рукав, заставляя бежать. Илай скрывается за углом, вскоре исчезает и желтое пятно Айиноного платья. До стадиона полгорода, а чертов Янни постоянно спотыкается, отвлекается на волнующихся за темными окнами тварей, норовит отстать:

— Я устал, — ноет и выдирает руку. — Пусти! Меня тошнит! — весь красный, ровно в тон куртке, но у нас нет времени...

— Значит, стошнит! — рывкаю и тяну вперед. Еще кварталов шесть по прямой. Мышцы горят, а в боку колет. Янни все-таки рвет, и приходится затормозить.

— Еще чуть-чуть, пожалуйста! Им нужна наша помощь, — мальчишка, кажется, не слышит. Уставился куда-то поверх моей головы. — Янни!

— Дом, — мягко говорит он. Зеленые глаза глядят с неясной обидой. Кулаком вытирает бисеринки пота с верхней губы и тихонько стонет между рваными вдохами:

— Калерб. Крыша. Дом.

— Я бы тебя бросила, но это небезопасно. Идем! — замолкает и покорно переставляет ноги. А потом даже срывается в бег.

— Спасибо! — взрывы не повторяются, а пернатые могильщики бесечно перепархивают в проводах. Снова говорю, беззвучно: спасибо.

Вылетев к стадиону, отпускаю Янни и останавливаюсь. Сажусь прямо на землю. — Нашли время тренироваться! — кричит Айяка на трущего затылок Нааса. Эйса и Хикан виновато улыбаются, далекая Энид сгорбилась на нижнем ряду трибун. Даже под безразмерной формой охотника угадывается сковывающее волшебницу напряжение.

Наас оправдывается:

— Извини. Мы не подумали.

— Кретины! — направленный в землю пистолет дрожит в Айиных руках. Рыжеволосый маг осторожно забирает оружие и притягивает всхлипывающую девушку к себе. — Я решила, что...

— Прости.

— Идиоты, — сиплю. Илай опускается на корточки, убирает мне за уши челку. Ловлю горячую ладонь, переплетаю пальцы. Рядом с ним, под пронзительным небом, в давящем на ресницы свете я словно возвращаюсь в летний день на крыше. Шрам пульсирует кровью, а граненный мир становится ярче — можно попробовать на вкус.

Рассказываю ему о привидении. О жаркой улице, где я пряталась от теней и искала жертву, о Нине и девочке в расшитом маками платье. О семье в лесу, подобно нам застрявшим посередине: не люди. Не чудовища.

Нас обступают другие маги, но я вижу только Илая, когда говорю об осколке:

— С него начались твари. Он сломал мою жизнь, но я вспомнила о нем только когда встретила призрака, — и тебя, молчу я. — Тогда, на сорок второй улице, я поняла: я ничем не отличаюсь от других. Мы все ранены, и все хотим одного...

— Зарин? — кровавые глаза напротив крадут солнце.

— Дом, — потерянно шепчет Янни. Улыбаюсь:

— Дом.

Мальчишка мучает край куртки. Поднимаюсь — Илай обнимает, позволяет на секунду спрятаться и вдохнуть морозный запах металла. Хватит. Отступаю на шаг, ловлю понимающий взгляд Нааса, продолжаю:

— Нам всем нужно место, где мы будем в безопасности. Не город из плохих воспоминаний. Не Университет. Когда придут охотники, нельзя говорить о людях и тварях. Проводить границы. Надо сказать о защите. Подобрать правильные слова — и нас услышат. Пакт сделает мир домом для каждого, — а Янни имеет в виду иное:

— Дом, — смотрит на девятиэтажку за пиками тополей, и я могу поклясться чем угодно, что это его...

— Дом.

— Хочешь пойти туда? — Наас касается его локтя. Маг огня возится со змейкой. С третьей попытки застегнув куртку и надев капюшон, мотает головой:

— Нет. Я помню, что там случилось.

— Значит, стадион тоже твой, — только замечаю подпаленные пятна на земле. Цепляю ботинком камушек — послушно откатывается. Чары спали.

— Мой и Хектора.

Наас одними губами поясняет:

— Марии.

Янни отворачивается. Идет по белой линии разметки, расставив руки для равновесия. Закусываю губу, чтобы не окликнуть. Мальчишка не поднимает глаз от полоски под ногами.

Он нашел свой узор.

Хикан стряхивает молчание и ржавую пыль с серой футболки:

— Раз уж мы все здесь, то, может, продолжим?

Наас удивленно поднимает брови:

— Тренировку?

— Ну да, — с хрустом разминает шею техник. — Не знаю, как вам, а мне определенно нужно... выпустить пар.

— Люди против тварей? — разносится по полю. Я дергаюсь, оборачиваясь. Плутон. Оскалилась с верхнего ряда трибун. Энид шарахается к нам. Из двух зол выбирает меньшее? Крохотный Янни вскрикивает и зажимает рот. Повисшая над полем тишина стучит в висках.

— А давайте! — широко ухмыляется желтоглазый. — Но без стрельбы! Чтоб не как в тот раз, когда Ваня и Харди загремели в лазарет.

Будто лопаются невидимые нити. Айяка фыркает, разжимает кулаки Эйса. Лишь Илай не меняет позы — по-прежнему выглядит готовой распрямиться пружиной.

— Да уж! Адамон потом часа три орал и заставил всех, кого смог найти, до рассвета чинить зал, — снимая кобуру, улыбается воспоминанию Эйса. — Дикая была ночь. Еще же Зарин запустила тревогу.

Достаю пистолет из-за пояса и, вытащив магазин, отдаю Наасу.

— Точно, ты же тогда и попала в Университет. Мы встретились у лазарета. Выбрали тебе имя, — дергает меня за хвост и уходит отнести оружие к трибунам. Заглянув под скамейки, вытаскивает мечи.

Один из них принадлежал Тони.

— Да, — отвечаю в никуда. Значит, Наас пришел в лазарет навестить пострадавших. А

встретил меня, и теперь мы здесь — где никто не знает моего прежнего имени.

Быть может, оно мне больше и не пригодится. Зажмуриваюсь: ночные окна отражают палату, бледная Нина на больничной постели, хрупкие страницы с разномастными записями. Картинка из другой реальности.

Где ее брат жив.

Плутон с лязгом слетает вниз. Скачок — кружит около Янни, под костистыми лапами рождаются трещины. Мальчишка хохочет и спешит догнать ветвящиеся концы. Капюшон сваливается с лохматой головы, но он не обращает внимания — и на девятиэтажку тоже. Энид осторожно подходит и замирает рядом с Айякой. Сжимает-разжимает пальцы, поправляет ремешки, скрепляющие перчатки с кителем. Синяя повязка медика сползла на локоть. Наас кидает Тонин меч Хикану, протягивает свой Эйсе:

— Я опробую свою силу. Разойдитесь! Не цепляем друг друга!

Айяка спрашивает:

— Как вы себе это представляете?...

— Вот так, — рассыпая пепел и дым, Плутон бросается ко мне. Удар выбивает воздух из легких. Кубарем по земле, сгруппироваться, затормозить, вскочить. Сжать в кулак законсервированную ожиданием злость последних дней, направить — короткие слова и обнаженное желание.

Волна огня лижет угольный силуэт.

— И это все? — играючи уклоняется от воющей игольчатой тьмы, посланной Илаем.

— Черта с два! — сплевываю пыль, заставляю протестующие мышцы повиноваться. Давай, беги! Скорей!

Пытаясь захватить тварь в кольцо, маги рассыпаются по стадиону. Мелькает рыжая вспышка, за ней — порыв ветра, жжется напалмом. Хикан едва успевает отпрыгнуть. Рычит, продолжает погоню. Настигает создание невероятным прыжком, но Плутон рассеивается прямо под взмахом щербатого лезвия.

— Достал! — ранил бы, если бы металл был заколдован. Тварь скрипуче хохочет, проявляется из воздуха и щелкает зубами у шеи нападавшего. А через секунду Хикан опять один — вертится на месте, желтая радужка горит золотом. Плутон уже далеко, бьет Нааса роем тьмы. Рогами под колени — рыжеволосый маг делает красивое сальто и почти удачно приземляется. Вскакивает и падает от нового удара. Активирует Хиканову перчатку, не успевает использовать — Плутон атакует раньше. Айяка и Эйса спешат на помощь, последний словно напрочь забыл о волшебстве и, подобно Хикану, пытается продырявить ускользящий мрак мечом. Перчатка Илая исходит плавкими молниями, от которых немеет кожа и холодеет в груди.

Оцепление распадается. Меняем тактику и разделяемся на группы — но тварь принимается атаковать самых медлительных, отсекая и расшвыривая по стадиону. Перемещается вместе с вырвавшимся на волю ураганом, и нам остается глотать пыль и слепнуть.

— Наас! Твою мать! — взывает вывалившийся из песчаного столпа Хикан. — Прекрати! Твой ветер?!

— Это не я!

— Энид?!

— Нет, — девушка, держась за бок, силится отдышаться.

— Идиот! Связывай землей, пока я держу! — с трудом узнаю голос Айяки Корнелиуса.

Волшебница властно вскинула руку, сужая смерч и концентрируя

тревожную стихию вокруг твари. Желтое летнее платье изорвалось и потемнело от грязи, волосы стелются по ветру черным пламенем.

— Ну же, Эйса! — не успел. Попробуем еще раз! Вот тебе земля, используй! Взламывая почву до бетонных коробок с хрусткими трубами, посылаю вперед свой страх.

Взрываем, раскалываем, режем, уворачиваемся — и от собственных заклятий в том числе, отбиваемся, отступаем, прикрывая друг друга. Снова атакуем. У нас получится — вместе. Все получится, если будем действовать сообща. Нужно только объединиться, чтобы достать... догнать.

Кто-то цепляет соседнее здание. Град камней, осколки — веером и стеклянной водой. Рев пламени и пляшущая под ногами земля. Воспоминания калейдоскопом собираются и распадаются, меняя времена и отражения в зеркале: напуганные, заплаканные, злые. Бессильные — тогда. Сейчас память горчит на языке, чтобы сорваться с губ дробящим реальность волшебством.

Один миг как вечность. Дорога через целую жизнь, где каждый шаг важен — и не значит ничего. Плевать, что было раньше, когда сегодня ты заставляешь чертов мертвый город жить.

Плутон взлетает на футбольные ворота. Я больно врезаюсь в стойку. Цепляюсь, чтобы не сползти вниз: колени отчаянно подгибаются. Илай, прищурившись и активировав перчатку, замер в нескольких метрах от нас. Неровные пятна румянца на бледных щеках и отчетливая дрожь в пальцах: тоже устал.

— Неплохо, — сжаливается тварь. — Лучше, чем я предполагала.

Эйса вытирает наново разбитый нос и чертыхается. Его белая майка сменила цвет на серо-коричневый и расцвела алыми пятнами. Моя рубашка выглядит не лучше. Хикан ковыляет к трибунам, волоча за собой меч. Держась проведенной седым магом царапины, последним к скамейкам добирается Янни.

Чуть взъерошенная тварь с самодовольным видом вытягивается на верхнем ряду, рядом со мной и Илаем. Щурится на заходящее солнце и словно случайно прижимается мохнатым боком. Я глажу жесткую шерсть, касаюсь теплой лапы с когтями-лезвиями. Втягиваю дымный запах: так пахнет осенняя ночь, когда жгут листья. Пульсирующие болью ушибы и ссадины, подвернутая лодыжка, ноющие мышцы — напоминают о тренировках с Каном.

О его смерти.

Смерти Тони.

Прозрачный розовый закат заливает небо. Растерявший колкость и зной ветерок шевелит прядки у висков, переплетает с нитчатыми узорами сигаретного дыма. Эйса сминая пустую пачку. Пепел сорванной чешуей — вверх. Звуки застывают, прячутся за пламенеющими стеклами Янниного дома.

Ни одной птицы.

Никого, кроме нас.

Быть может, на другой стороне волшебства, в отражении стадиона дети прямо сейчас играют в футбол. Кто-то сидит на скрипучих холодных скамейках и смотрит на свое солнце — блеклое, зимнее, почти скрывшееся за крышами.

Не верится. Неправда.

Угасающие лучи на согретом дереве, на тыльной стороне запястий и изнанке зрачков. Алый огонек сигареты и заполняющиеся сумерками улицы.

Разве где-нибудь есть иное место для нас?

— Они согласны, — говорит Плутон.

Нам придется найти его. Опускаю голову на плечо Илая. Маг запускает грязные пальцы в мои влажные от пота волосы. Стягивает резинку.

— Пятеро хотят клятвы, но я оставила право выбора за вами, — тварь обращается к огненным магам.

— Спасибо, — хриплый выдох обжигает щеку.

— Они скоро будут здесь. Пора отметить тех, в подвале.

— Хектор, — говорит Янни.

— Каковы наши шансы? — Айя рассматривает разбитые колени. — Выжить.

— Я не знаю, — признается тварь. Сидящий ниже Хикан откидывается на скамейке. Звериные глаза светятся:

— У нас не было ни единого до попадания сюда.

— Говори за себя, — отвечает Энид.

— А я и говорю. Тебе тоже советую, — хмыкает.

— Сегодня все должны высказаться, — обрывает Эйса, ввинчивая окурок в металл опоры. — Все.

Но дорогой назад мы долго молчим. В сизых сумерках редкие светящиеся окна чьих-то воспоминаний похожи на маяки: неровная цепочка ведет сквозь лабиринт перепутанных времен. Оглядываюсь на девятиэтажку Янни и Марии и замечаю то, чего раньше не было: три окна в ряд сияют желтым. Мальчишка тоже обратил внимание. Только это и видит — идет задом наперед, не отрывая взгляда от прошлого.

— Странно, что здесь нет Университета, — говорю я. Неужели ни для кого он не стал точкой отсчета новой жизни?

Идущий сзади Хикан подает голос:

— Совсем древний есть. Возле... сквера, — запинается, обозначая свое место в системе координат Отрезка. Когда два дня назад, гуляя по городу, мы вышли к стене черных деревьев, Хикан оцепенел. Эйса звал и тряс за плечи, но оборотень отмер лишь вечность и хлесткую пощечину спустя, чтобы попросить:

— Сожги. Ты ведь можешь — сжечь?

Занявшийся на закате, парк полыхал всю ночь. А мы смотрели, за ним и Хиканом, пока не осталось ни одной целой ветки.

Сейчас парень, стряхнув оцепенение, продолжает:

— Здание в форме подковы, там еще двор с колоннами и фонтанчиком, — видела. Старинное, невзрачное и выеденное пожаром. — У нашего защитный контур усовершенствовали против любого воспроизведения, ведь иначе образовались бы и копии артефактов, книг, документов...

— В стореvшем располагалась только ложа, ничего ценного, — говорит Айяка. — Тогда орден назывался братством Камня, поскольку магический потенциал исключительно Камнем и определяли. Он участвовал в ритуалах посвящения и передавался от одного Главкы к другому. Потом нашли еще восемь, а следом и без них научились обходиться...

— Братство Камня, — перебивает Эйса, — было тайным светским салоном. Члены учились магии ради развлечения. Сходить поохотиться на вервольфа. Прогуляться в долину фей. Нечистью в основном занимались монахи, а их на увеселительные мероприятия элиты не приглашали. Зато именно пожертвования богачей кормили странствующих церковных

магов. До образования ложи те жили за счет монастырей, но чем дальше существа и сущности уходили от растущих

городов, тем реже требовались услуги волшебников. Соответственно, со временем священники стали скупиться на еду и кров.

— А твари? — спрашиваю у Плутона. Они ведь, наоборот, должны стремиться к цивилизации.

— Твари убивают быстро, а перемещаются еще быстрее. Люди постоянно исчезают — как понять, по чьей вине? — сверкает серебристыми зубами. — Раньше на нас почти не охотились. Не успевали выслеживать.

— Только существа и сущности привязываются к ареалу обитания, — говорит Эйса. — Их активность рано или поздно становится довольно заметной. Получаются осевые места вроде проклятых домов или лесов, где часто пропадают люди. Поэтому приходится изгонять или убивать, а зоны влияния чистить. Еще магических животных ловили для бестиариев, но содержать существ в неволе очень трудно, а сущностей — невозможно. Изучать тогда никого не изучали, они ведь сразу исчезают, если умертвить.

Да. На следующий день после гибели паучьей твари от крохотного панциря не осталось и следа.

— Всерьез изучением магических порождений занялись, когда Пифон Хоа открыл способ сохранять тела после смерти, — почти виновато поясняет Айяка. Продолжает, но я не слушаю, поглощенная воспоминанием: многоногая тварь. Высшая.

Не испугалась печати Плутона. Была сильнее моей твари.

Но легко проиграла трем мальчишкам.

— Они все медленно угасают, а хотят сгореть, — сказал однажды Наас. Мне становится холодно. Касаюсь Плутона. Под шершавым мехом перекачиваются мускулы, ходят острые лопатки. Такая живая.

Мертвее мертвого.

Запрокидывает рогатую голову к первым звездам. Не разобрать выражения на узком лице: тварь — вырезанная из мрака фигурка, точь-в-точь рисунок в архиве. Призрачный Илай перехватывает мой взгляд. За его плечом плещется тьма. Выдыхает, сжимая кулаки:

— Он здесь, — Сирас.

Твари проступают из ночных теней. Сбиваемся в круг. Вооруженные перчатками образуют периметр. Илай отталкивает меня в центр. Поднимаю пистолет и направляю на крылатый сгусток перед ним.

— Две, пять, — срывающимся шепотом считает Айяка.

— Семь, — говорю я. Вместе с Плутоном — восемь. Слежу за Энид: часто дышит темные глаза широко распахнуты, а жесткая форма надулась от ветра.

— Ты умрешь одна или прикончив всех нас, — предупреждаю тихо. Девушка вздрагивает, ненавидяще смотрит несколько бесконечных секунд. Рядом, лихорадочно дергая застрявшую змейку, стонет Янни. В звонкой тишине шуршание куртки оглушает. Накрываю нервные пальцы:

— Все хорошо. Они тебя не обидят, — но его природа сейчас вопит другое.

— Я знаю, что вам очень страшно, — сколько раз я просыпалась под торшером от сухого хлопка лампочки, от града осколков, чтобы увидеть, как кто-то ползет из темноты? — Бояться — нормально. Не сопротивляйтесь. Позвольте страху победить. Он — часть вас самих, и не причинит вреда. Он тоже хочет жить... Энид. Пожалуйста. Попробуй

довериться... себе, если не нам.

Волшебница зажмуривается. Закусывает губу. Медленно отпускает волнующиеся чары.

Твари кружат, перетекая и смешиваясь. Тонкие рога Плутона то проявляются сколами пространства, то исчезают — стоит моргнуть. Дикие формы путаются в сознании, а образы разложения и смерти едва успевают отпечататься на сетчатке прежде, чем исчезнуть навсегда.

— Ни хрена себе, — голос Нааса нарушает странный танец.

— Мой, — клекочет гривистое дымное создание с изогнутым телом, скребет асфальт мощными лапами. Наас давится воздухом:

— Еще чего!

— Мой, — настаивает тварь. Непрерывно колеблется, вспухает белесыми нарывами, опадает коростой. Разрушается: ее время заканчивается.

— Она умирает, — Наас или Илай должны остановить это. Но Илай опускает затянутую в сетку заклинаний руку и шагает к иной, угрожающе распушившей перья на локтях. Почти человеческое лицо влажно переплетается голыми мышцами, которые обнажают и скрадывают кости и пустые глазницы черепа. Скелетообразное тело с вывернутыми назад коленями трясется, гремят металлом длинные суставчатые пальцы.

— Ты, — говорит Илай.

— Мооой, — скрипит, съезживаясь от налетевшего ветра, умирающая. Наас заправляет за уши порхающие прядки, цедит:

— Твою мать.

— Янни, почему они не выберут Янни? — Айяка обхватывает себя руками, даже не пытаясь достать оружие.

— Он нестабилен, — глухо отвечает Эйса.

— Ему конец, — бросает Хикан.

— Не говорите так при нем! — рявкает девушка. — И Наас тоже нестабилен!

— Природно, психически он в норме. Это важнее.

— Выбор сделан, — свистящий шелест проникает под кожу. Прикусываю щеку изнутри, чтобы не закричать. Невидимая тварь скользит мимо, заставляя колени подгибаться. Боже мой, невыносимо яркая! Прямо в моей крови: падение и плавленное стекло. Шрам наливается тяжестью, в висках стучит, когда я зову:

— Плутон! — Янни оседает на землю. Кажется, потерял сознание. Круг рассыпается. Кто-то переворачивает мальчишку на спину, кто-то подхватывает меня и встряхивает до хруста в шее.

— Слишком, — язык еле ворочается во рту.

— Слабые, — эхом бьется в груди. — Даже девчонка.

— Что с ними?! — золотые глаза Хикана горят лунами.

Что с тобой — собираюсь спросить я, разве ты не чувствуешь? Но крыша рушится, а белое летнее солнце пляшет в небе под громоподобное пение птиц. В горло набивается запах земли и вязущая пыль. Сладкий цветочный вкус оборачивается гнилью просевших трупов, далекими звездами. Холод смыкается над головой наждачным смехом:

— Неужели тебе этого достаточно?

Я не слышу, что отвечает Плутон, потому что выдыхаю:

— Да.

***

— Вам придется снять барьер, — доносится издали, — если вы собираетесь отметить нас.

Сойт Роэн.

В интонациях путаются напряжение и насмешка. Последние дни его голос неизменно будил меня на рассвете, завершая хрупкие сны, полные птиц и красных цветов.

Каждый вечер, приведя Янни к брату, я обходила защитный контур, пока мальчишка сбивчиво рассказывал о прожитых сутках. Отвечала на вопросы растерявшего кусочки воспоминаний огненного мага и игнорировала бывшего полицейского:

— Каков ваш план? Запереть знак, окружить тварями? Прекрасное начало диалога. Все сойдут с ума от одного их присутствия. Ты забыла, как переносят тьму другие люди?

— Что вы скажете?

— Что сделаете, если вас не станут слушать? Снимете барьер и позволите тварям... проредить толпу?

— Как представляете свое будущее после принятия пакта? Думаешь, сможете без проблем продолжить обучение? Ха! Вы станете темными созданиями, а им не место в Университете. Разве что в Заповеднике. Создадите свой магический орден изгоев? — я моргнула. Сойт Роэн ухмыльнулся. — Угадал? Значит, новый Университет... Допустим. Как он будет функционировать? Как вы используете свою силу и поверхностные знания? Да половина из вас даже не прошла инициацию. Вы едва ли понимаете магию.

— Полагаешь, мир защитит тебя и твоих друзей от несчастного случая? А ваши семьи? Твоя, допустим, не в счет, я все про вас знаю, но остальные?

— Считаешь, никто не будет винить вас в смерти охотников, что уже погибли здесь, — и тех, кому только предстоит умереть?

— Кто убил их? Дай угадаю: ты и Наас. Простой вывод, всякий его сделает. Для большинства волшебников огненные маги и твари едва отличимы. Мало кто в курсе, что ритуалы Хайме являются причиной вашего безумия, а не излишек огня и тьмы в разуме. Как вы докажете... свою человечность, если хотите отказаться от нее?

— Чего ты хочешь достичь?

— Почему не отвечаешь мне? Боишься? Или нечего сказать?

— Боиится, — протянула Сано, следуя за мной по пятам за пламенной завесой. В подвале было жарко и тяжело дышать, дым оседал на коже. Женщина двигалась плавно, словно в медленном танце — шуршало ультрамариновое платье, звякали медные браслеты на запястьях и щиколотках. На щеках — траурные полумесяцы осыпавшейся туши. — Они все боятся. Это их природа. Вы — загнанные в угол крысы, а кто всерьез воспримет крыс? Вон пацан из того же теста, и чего он достиг? Носит бумажки за Максом и ноет о мертвой младшей твари. Забирай его с собой, только раздражает.

Покрасневший Рики сверкнул глазами из-под спутанной челки. Сойт Роэн отстранил Свидетеля:

— Подожди.

Я остановилась. Мужчина напротив потер покрытый щетиной подбородок. Черные от праха руки оставили разводы на потной загорелой коже. Жестом отослал волшебницу прочь. Сано надула губы, дернула голым плечом, но подчинилась. Сойт Роэн рассматривал мои шрамы. Я впилась ногтями в самый важный — тот, что он был не в силах увидеть.

— Идея пакта неплоха, — он заговорил тихо, но в гулком подвале слова разлетелись до

скрытых во мраке углов. — Подумай хорошенько. Вы все должны верно расставить приоритеты. Чего ты хочешь. Чего хотят твои друзья. Чего хотят твари. Не догадки. Правда. Сано кое-что поняла про это место, и тебе стоит: Отрезок появился из-за гордыни. Люди решили, что могут повелевать демоном. Прямо как вы сейчас.

— Они принесли ложную жертву, — напомнила я. Мы же достаточно заплатили.

— Цена неважна. Нельзя купить верность. Демон преподал им этот урок, — внимательный взгляд задержался на моей сжатой в кулак левой руке. — Поэтому, повторюсь: подумай. Чему и кого хотят научить твари?

Сейчас Сойт Роэн будто продолжает начатый тогда разговор, повторяя излюбленный вопрос:

— Чего вы хотите?

— Безопасности, — отвечает Наас. Голос крошится от горечи. В лицо ударяет жаром. Поднимаю свинцовые веки, чтобы увидеть, как стена огня вокруг знака лижет закопченный потолок и опадает к ногам создателя, мелькнув прощальной вспышкой в золотых волосах. — Право выбирать.

— Тебе понравился выбор, что ты сделал сегодня? — почти поет Сано. — Клятва связала тебя с тварью до конца жизни... а может, и дольше.

Два луча продырявливают темноту: вновь облачившиеся в форму охотники зажгли фонари. Сколько же я была без сознания? За спиной Свидетеля тревожно застыли Мария и Рики, мелькает дымная тьма.

Тварь Нааса.

— Вполне, — роняет маг. Различаю злую усмешку. За ней последует ветер. Вот — холодит шею, пробирается под рубашку. Над ухом кто-то вздыхает... Айя. Сажусь, сотрясаясь от дрожи. В голове не рассеивается обморочная легкость. Сзади на лестнице гремят шаги. Порывистый воздух приносит морозный запах крови. Горячие руки ложатся на плечи:

— Как ты? — тень Илая живет собственной жизнью.

Моей нет рядом.

— В порядке. Помогите мне встать, — с картона от коробок, на котором лежит и Янни. Касаюсь бледного, в испарине, лба. Ледяной. Айяка расстегивает врезавшуюся мальчишке в подбородок змейку:

— Он спит, Энид наколдовала, — даже насланный сон не разгладил морщинки на детском лице. Илай поднимает меня и долго не отпускает, высматривая что-то в глазах. Возвращаю вопрос:

— Как ты? — касаюсь искусанных до ран губ. Снова волновался. Слизирует кровь и стирает влагу с моих ресниц. Шепчет:

— Все будет хорошо.

Наас говорил то же самое: первая ночь в Университете.

Он чудовищно ошибся.

Пережидая волну тошноты, опираюсь на Илая. Левая нога опухла и болит. Сойт Роэн мучает рыжеволосого мага старыми вопросами, на которые нет правильных или простых ответов.

Морщусь: сколько можно? Но потом слышу — кое-что изменилось:

— Как мы обретем безопасность в Университете или вне его, если подвергнем риску жизни магов?

Мы. Мы. Он уже принял решение.

Закашливаюсь, нахожу незаживший порез на горле.

Подарок Илая. Сказал тогда, маги огня навсегда застряли на границе двух миров: между людьми и чудовищами. Прошу:

— Пойдем к ним, — ноги не слушаются. Если бы не Илай, я бы упала.

Если бы не его выбор три дня назад, я бы умерла.

Наас говорит о клятвах, тварях, охотниках и печатях, но Сойт Роэн перебивает:

— Забудь о логике и выгоде. Они услышат вас, но не послушают. Самое главное — показать людям, что вам и тварям можно доверять. Как...

— Легко, — слова вырываются с хрипом раньше, чем успеваю обдумать неясную идею. — Мы позволим им напасть.

— Что? — оборачивается Наас, дергается Энид. Хикан и Эйса хмурятся, лишь Сойт Роэн спокоен под прицелом белых лучей.

— Позволим прийти сюда. Оставим барьер проницаемым к атакам.

— И что это изменит? — кривится Сано.

Я смеюсь: как просто.

Все. Это изменит все.

— Уравнивает шансы выжить, — Мария и Рики подходят ближе. Оставив Янни, присоединяется Айяка. Сойт Роэн убирает ладонь с пояса — от пистолета. — Поставим еще один барьер чуть шире. Прямо за нами. От тварей. Мы окажемся посередине.

Как всегда были. Как всегда будем.

Не люди, не чудовища.

Застражили в месте, где сходятся свет и тьма.

— Если они нападут первыми, — подхватывает Хикан, — если убьют нас — чары падут, и им конец. Но и нам тоже.

— Не вижу разницы, — фыркает Свидетель.

— Мы требуем защиты для всех, — голос Айяки дрожит. Девушка обхватывает себя за плечи, грязная юбка надувается колоколом. — Неприкосновенности жизни — любой. Равенства. Его нельзя добиваться в неравном противостоянии. Просто нечестно.

— Мир или смерть, — будто взвешивает слова Сойт Роэн.

— Но твари выживут, — Сано ловит шелестящий подол. Выкрикивает:

— Да прекратите! Ветер! Кто психует?!

Наас кривится:

— Ничего не могу поделать. Я только с огнем нормально управляюсь.

— Ты маг воздуха! — рывкает женщина. — Соберись и вспомни, чему тебя учили весь сраный год!

— Не могу! Сама... — Наас осекается, когда Айяка берет его за руки. Что-то шепчет на ухо, касается скул, век — заставляет закрыть глаза.

Заслышав шуршание, оборачиваюсь. Янни смотрит прямо на меня:

— Фонтан.

— Что?

Одновременно вскрикивает Мария:

— Алек!

— Фонтан, — с нажимом повторяет маг огня. — Ось Отрезка. Дорога назад. Дракониный портал...

— Невозможен, — заканчиваю я. Черт. — Пакт пактом, а открывать магам путь в Отрезок нельзя. Мы не сможем вернуться: нам не хватит сил.

Кивает, опадают сведенные плечи:

— Нужен новый знак. Центр — главная ось, фонтан. В нем сойдутся все линии. Мы замкнем кольцо. Используем след демона. Смерть каждого человека и твари. Чары. Я дал тебе.

Чары. Точно. Достают и показываю бумажку:

— Вот.

— Дай сюда, — Хикан подскакивает и отбирает листок. Щурится, разбирая узор. Вокруг нас опадает ветер, Айяка и Наас замерли: лоб ко лбу, переплетенные пальцы. Стихия в последний раз проносится между колонн и затихает.

— Стабилизатор, — озвучивает техник. — По типу формулы в драконьем портале, но завязан на тьму. Демон? — Янни пожимает плечами. Отворачивается, потеряв интерес. — Я никогда не видел ничего подобного. Это... кажется, направит притяжение Отрезка по любому заданному вектору!

— Или переместит нас к демонам, — говорит Сано.

— Нет, — Хикан смотрит на Янни. Звериные глаза высветляются до огненных точек. — Нет. Направляющими перехода останутся Зарин, Илай. Наас. Янни вряд ли. Совет использует Мантикору для открытия. И мы тоже, для шага назад: закрепим связь энергией оси. Портал останется активным, пока этот орган включен, — парень поднимает рисунок. — Стоит отсечь его и дать импульс — нас вытолкнет отсюда! Даже выкинет, жестко, вместе с полюсом... то есть, со всеми огненными магами! Освободившись, сила демона разорвет знак, путь в Отрезок исчезнет. Идеальная схема! Я должен посчитать... время, силу... коэффициент Мантикоры. Он может не выдержать...

— Янни, иди сюда, — зовет брата Мария Хектор, ловит мальчишку лучом. Но тот, едва поднявшись, исчезает среди сгустившихся теней. Хрустит трещинами колба на груди у Свидетеля: твари прибывают.

Господи. Если та невозможно острая снова окажется рядом, я умру, взорвусь.

— Меня устраивает, — вдруг говорит Сойт Роэн. Моргаю. — План несовершенен, но идея... идея хороша. За такую можно умереть.

— Ты с ума сошел?! — взвизгивается Свидетель.

— Нет. Просто он тоже изгой в Университете, — смеюсь: вот, к чему его вопросы. Сойт Роэн тоже жаждет свободы, но боится стоящей за ней неизвестности. — Пустой среди магов, но выбился в искатели. Достиг потолка возможностей и теперь хочет большего.

Мужчина невесело хмыкает:

— Почему бы и нет?

— И ты ведь особенная, Сано, — склоняет голову набок Айяка. — Разве тебе нравится, как тобой пользуются? Разве ты хотела оказаться здесь? Пошла бы в Отрезок по собственной воле?

— Нет, — говорит вместо женщины Сойт Роэн. — Но, в отличие от нас, ей есть, кого терять. Только я уверен, Ульрих окажется среди охотников, которых Совет выберет для своей защиты. Тварь может отметить и его — после заключения пакта. Тебе больше не придется рисковать жизнью ради прихотей ученых, а ему не

понадобятся обереги. Сколько Ульрих не покидал периметра? С прахом сейчас туго.

— Или Совет откажется подписывать мир! Что тогда? Вы правда убьете всех? Своих

друзей?! Вы действительно это сделаете?! — Сано вцепляется в разрушающийся оберэг. Вертится, заметив...

— Хватит. Пора решить. Мир или смерть? — рокочет Плутон близко и далеко. Барьер у знака искрит, вспенивается каменной крошкой. Женщина взвизгивает и закрывает лицо, Рики отпрыгивает к центру, Мария и Сойт Роэн выскакивают за разорванную линию: первый озирается и кричит имя брата, второй вскидывает пистолет. Иллюзорные твари пляшут среди бьющихся в припадке лучей. Кто-то влажно отирается о мои ноги и щелкает зубами у щиколотки. Илай обнимает крепче.

Чему они хотят научить нас?

— Мир или смерть?

Рогатый силуэт рождается из дыма в полуметре от мужчины. Он не успевает прицелиться, когда Плутон осыпается в пепел. Дразнит.

— Выбирайте сейчас, — знакомый клекот. Тварь Нааса.

— Каждый, — обдувает поясницу: еще одна. Тонко вскрикивает Энид.

— Выберете смерть, — звучит прямо в мозгу.

— И станете пленниками нового заклинания, — слышится в скрипе под потолком.

— Сможете заново ответить на этот вопрос вместе с Советом, — на долю секунды оцетинивается иглами человекоподобное создание. Сплав света и зыбких фигур стеклянно лопается, ночь закупоривает подвал.

— Кому вы готовы вручить свою жизнь?

— Теперь, когда отмечены, — дрожащее пламя выхватывает Нааса с Айей и сверкающий металлом дым. Гаснет. Надсадный кашель и проклятия Свидетеля бьются о стены, многократно усиливаясь эхом.

— Але... ек! — давится Мария.

— Мир, — говорю я, шепчет Илай. Выкрикивают другие: Наас, Айяка, Хикан — желтые точки глаз в крошечной тьме. Эйсандей Ветта, сын главного врага вопрошающих монстров. Рики нервно комкает: миг, миг! Мария — отзывается, услышав звонкий голос брата. Хрипит так и не выстреливший Сойт Роэн.

Спустя вечность молчания выдыхает заветное слово Сано, за ней сипит Энид. Вокруг движется воздух. Обжигающе-горячий Илай — спасательным кругом, единственной константной. Кто-то опять закашливается, шуршат по бетону подошвы. Холодок в позвоночнике, сопровождающий присутствие тварей, уходит следом за ними. Лишь Плутон еще здесь — не вижу, но знаю. Протягиваю руку и натываюсь на чешуйчатую щеку.

— Придется начертить новый знак, — говорит мягко. Обвожу будто вырезанные из гранита черты.

— Это плохо?

— Ннет... нет, — чуть качает головой, — это... правильно.

— Ты в порядке? — странно спрашивать подобное у ожившего кошмара. Чувствую кинжальную остроту клыков, когда тварь ощеривается в улыбке:

— Да.

***

— Ненавижу, — запрокинув лицо к небу, Сано рассматривает погребенные под пернатым покрывалом балки. — Вы не оставили мне выбора. Чертова тварь отметила меня без моего согласия!

— Свой дар ты тоже не выбирала, — трет виски Наас. — Хватит ныть. Вроде без печати

тебя по лабораториям не таскали. Ты сказала: мир. Никто за язык не тянул. Могла выбрать Университет. Полгодика тестов и ритуалов — и ученые бы от тебя отстали.

— Конечно, я бы дольше полугода и не продержалась, — парирует женщина. Магазин залит серебристым сиянием. Воробьи копошатся и перепархивают среди ферм. Я ловлю падающее перышко.

— Они приходят, когда все кончено, — Мария оборачивается к Илаю. Найденный Янни покорно останавливается возле брата, тербит застежку на его рюкзаке. Прозрачные глаза прикованы к месяцу за окном.

— Они всегда рядом. Ты же знаешь, — Илай опускает белые ресницы.

Сойт Роэн и Энид уже вышли наружу. Сквозь выбитые витрины видно, как мужчина ловко ступает по засыпанной обломками дороге, а девушка едва поспевает за ним. Хочет поговорить.

— Заклинание Янни, — Хикан бережно разглаживает помятый листок. — Невероятное. Мария вздыхает.

— Пацан не просто псих, он чертов гениальный псих! — Хикан проходит по другому начерченному Янни узору. Айяка огибает по дуге. Ее путь повторяет Наас. Остальные идут прямо по хрупким меловым линиям — воспоминанию о Тони, соснах у озера и волнующейся сталью воде.

Илай не дает последовать за друзьями:

— Подожди.

В зимнем свете маг выглядит младше и спокойней. Или спокойствие подарила ему заплетенная кровящими мышцами тварь? Молчит. Сжимаю жаркие сильные пальцы. На улице спорят: кажется, Энид настаивает на ночевке в тюрьме:

— Там безопасно!

— Для нас здесь везде безопасно, не тупи, — устало огрызается Наас.

— Пошел к черту! Полный город безмозглых тварей, а ты думаешь, что договор с несколькими Высшими может...

— Что она сказала тебе? — между светлыми бровями обозначаются морщинки. Я отчего-то сразу понимаю, о чем он спрашивает, и могу повторить каждое слово, но... нельзя. Они только наши.

— Обещала быть рядом. Всегда, — почти слышу перекатывающийся осколками смех Плутона:

— Какие бы решения я ни принимала.

Что, если сегодня я ошиблась? Что, если мы все погибнем, выступив против девяти Советников и чертовой толпы охотников? Свидетель права: умрут не твари. Только люди.

Не этого ли они хотят? Я так легко доверилась своему чудовищу, но ведь вера — лишь тень одного на двоих страха.

Где правда? В чем ложь?

Илай подходит вплотную, касается подбородка, заставляя смотреть на него. Охватывает за шею, прослеживает росчерки от удавки. Такой же Кан перерезал

Тони горло. И в первую встречу, рядом с умирающей Ниной, был готов затянуть петли. Шепчу:

— Я совсем запуталась. Мы верим им...

— Из-за магии, — усмехается. — Но мы и есть магия, разве не ты мне это сказала? — Слишком просто, — и коварно: слова из прошлой жизни, — а твари не просты.

— Они никогда не поступали вот так, — проводит ногтями по рубцам, почти царапая. Больно. Верно. Твари не ранили.

Хватка слабеет. Илай трогает ранку от своего ножа.

— Люди страшнее чудовищ, — повторяю давнее Нинино пророчество. Сглатываю, перехватываю жилистые, искалеченные шрамами запястья. — Они... изменили тебя. Ты почти погас, будто тварь, а не человек. На что это похоже? По сравнению с прошлым.

— Я не знаю, — опускает белые ресницы. — Я давно перестал понимать разницу. Ты должна видеть ее.

— Я не вижу, — или не хочу замечать, — но та тварь, Сирас. Нашел в тебе огонь. Значит, не все потеряно.

Кривит губы в улыбке:

— Он просил прощения. Поклялся впредь защищать меня от людей. От людей! — фыркает, но темные глаза не смеются.

— Только от них и нужна защита, — раздаётся за спиной. Огненный маг обходит меня и выставляет прострелившую ершистой тьмой перчатку.

— Эй-эй, притормози! — Сойт Роэн. Выдыхаю. Направляю на него пистолет. Стоящий за порогом магазина мужчина закладывает пустые ладони за голову:

— Вот: без фокусов, — улица уже опустела. Светящиеся щели обрисовали прямоугольник закрытой двери: Наас победил в споре. Или они разделились.

— Чего ты хочешь? — моя очередь задавать вопросы.

— Поговорить, — его безразмерная куртка полна карманов. В них может быть что угодно. Я выстрелю, если придется.

— Говори, — выбранное Илаем заклинание электризует воздух, потрескивает в волосах.

— Ваш план — безумие.

— Тебя все устроило, — цедит маг огня.

— Мир или смерть — простой выбор, когда и так умираешь.

— Что? — пистолет кажется чудовищно тяжелым, усталость бесконечного дня давит на плечи. А он нашел время прийти и сказать:

— Рак. Год-полтора в запасе есть, если повезет, — опускаю ствол и растираю ноющее предплечье. Илай не меняет позы.

— Не веришь, — понимающе хмыкает мужчина. — Молодец. Но я не вру. Спроси у своей твари. Они это чувствуют за километр.

— Допустим. И? — отвечает ровно.

— Все здесь надеются выжить. Но есть те, кому нечего терять, и те, кто ничего никогда не лишался, — бывший полицейский переступает сверкающую стеклянными зубами раму. — Что бы они там не сказали тварям, они еще обдумывают варианты. Совет будет готов к переходу в Отрезок. Просчитают любую ситуацию. Разработают стратегию и выступят единым фронтом, чего пока нельзя сказать о нас. Я вижу слабые звенья.

— Сано, Энид. Рики, — говорю я.

— Сано Тхеви заинтересована в мире с тварями не меньше вашего. Она злится, но поймет. Я поговорю с ней. Но Энид Чаритони и Рики Беата — проблемные. Еще Эйсандей Ветта. Я верю в его намерения, но встреча с папашей может заставить парня... потерять самообладание, — Сойт Роэн останавливается перед узором на полу. Кивает на смазанный рисунок. — Айяка Корнелиус тоже вызывает вопросы. — Не она, — холод за лопатками. Мы с Наасом втянули Тони и Айю в этот кошмар, а теперь Тони мертв. На волшебнице печать

Плутона. Ее семья наверняка во власти Университета. — Айяка первая заговорила, поверила в пакт Серафима.

— Это было до или после гибели Тони Луизы?

Страхиваю наваждение: девушка выкрикивает сквозь слезы:

— Я хотела! Я хотела, чтобы они умерли! Я бы убила их снова...!

Те люди сломали ей жизнь.

Мы тоже.

Поднимаю взгляд на надколотую луну. Меняю тему:

— Хикан. Скоро полнолуние. Он будет... вмняем? Справится с новой формулой? Илай гасит чары. Слышу влажный шорох и постукивание костей о плитку.

— Он станет вспыльчивым. И только, — огненный маг смотрит в просвет между стеллажей, где мерцают металлом перья. Паучья кисть роняет звонкие пули. Сойт Роэн вздрагивает и ощупывает запасные магазины на поясе, проверяет пистолеты: — Зараза!

Илай кусает губы. Ему нужно простить свою тьму.

Он не может.

Сойт Роэн давится кашлем. Лицо мужчины серое от копоти и усталости. Они провели в дымном подвале долгие трое суток, гоняя воздух из птичьего царства с помощью чар. Даже вечно напряженная, словно сжатая пружина, Сано Тхеви выглядела изможденной. Пора заканчивать разговор: время отдохнуть.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает Илай.

— Отправить всех, кто вызывает сомнения, на знак. Я не уверен, как среагирует заклинание: перенесет их взамен Совета и охотников или оставит на месте?

Илай сужает кровавые глаза:

— Я бы и тебя...

— Если он правда болен, то представляет не меньший интерес, чем Хикан, — переплетение болезни и печати при полном отсутствии магии. Уникальное сочетание. Мужчина наклоняет голову, скрываясь за маской из теней:

— Я достаточно потерял. Я не отдам лабораторным крысам свои последние дни, — безоружный, пустой — но угрожает двум магам и всем невидимым тварям:

— И вам тоже.

Прячу пистолет за пояс:

— Мы выступим вместе или проиграем. Дело не в Совете. Советники не услышат нас, ты сам прекрасно понимаешь. Но с ними будет охрана.

— Охотники, которые вынуждены пахать ради оберегов, — звучит с улицы. Сойт Роэн рывком оборачивается. Наас, засунув ладони в карманы, замирает снаружи под искореженным козырьком. Позади в освещенном проеме кутается в кофту Айяка. — Те, кому приходится отказываться от прошлого ради волшебства. Мир не принесет Совету ничего хорошего. Он нужен только нам.

— Если Рики Беата или Эйсандей Ветта ударят в спину, когда портал сработает, вы не успеете даже заговорить о пакте, — усмехается мужчина. — Ваше желание произвести хорошее впечатление на охотников нелепо.

— Но тогда они тоже умрут, — Наас дергает плечом. — Хватит. Пора отдохнуть. Сообщение Совету отправлено. Завтра начинаем выстраивать новую формулу. Хочешь искать возможных предателей — без проблем, но потом. Сегодня лично я чертовски устал, а без вас отсюда не уйду.

— Трогательное единодушие... во взгля. дах, — выкашливает Сойт Роэн. Касается носком ботинка меловых линий. — Как же вышло, что двое мертвы?

Наас скрещивает руки на груди:

— Энид с удовольствием расскажет тебе свою версию, — прищурившись, рассматривает мужчину. Фыркает:

— Уже, да?

— Хочу узнать вашу.

— Господи, когда же это закончится, — раздраженно бормочет Наас. Отворачивается:

— Пойдем. Прогуляемся.

— Наас! — вскрикивает Айя. Парень отмахивается:

— Все нормально. Валите спать. Мы поговорим и скоро вернемся. Давайте, идите, — обращается к нам с Илаем. Сойт Роэн ступает по битому стеклу. Илай оглядывается на чернеющий спуск в подвал, откуда тянет гарью и теплом. Кладет ладонь мне на талию. Говорю:

— Он прав. Все — завтра, — дай себе время подумать.

— Д-да. Пойдем, — мрак редет. Маг огня расслабляет плечи.

Спустившись с крыльца, вдыхаю запах остывшего города. По утопающей в лунном сиянии улице удаляются две фигурки. Ночь уравнила цвета, и Наасова коса сейчас не ярче песочной куртки Сойта Роэна. На секунду их подсвечивает огонек: мужчина закуривает сигарету.

Айя смотрит вслед, дрожит, натягивает на пальцы рукава кофты, хотя ночь теплая.

— Он будет в порядке. Смотри, — указываю на дымное пятно над трубами. Смещается, будто гонимое ветром. Но ветра нет.

— Ему пришлось принять ее клятву, да? — хмурится.

— Он спас ее.

Волшебница морщится и уходит в дом. Опускаю ресницы, защищаясь от колкого электрического света. Проходя по коридору, провожу по царапинам на стене:

— Мне кажется, мы здесь уже несколько лет, — признаюсь Илаю.

В ванной монотонно журчит вода. На кухне склонились над застеленным бумагой столом Эйса, Хикан и Мария. Закипает чайник, пахнет сигаретным дымом и шоколадом: чистый и очень маленький в одном лишь растянутом свитере Янни устроился на подоконнике, крутит в ладонях чашку. Айяка, громко хлопая дверцами, что-то ищет в шкафчиках. Из темной комнаты в обнимку с котом появляется Сано. Переоделась в огромную желтую футболку и ерошит мокрые прядки. На запястьях по-прежнему тонко позвякивают медью фенечки и браслеты, пальцы унизаны кольцами, а в ушах блестит добрая дюжина сережек. Без макияжа и пепельных разводов на щеках женщина выглядит гораздо младше, чем в полумраке подвала. Да что там — другим человеком, даже взгляд синих глаз изменился:

— Вы поразительно беспечны. Везде открыты форточки, он мог сто раз сбежать, — сует мне мякнущего зверя. Машинально глажу:

— И что? Свою миссию он выполнил.

Свидетель до странного серьезна, в низком голосе нет обычной насмешки: — Это вряд ли. Разве тварь не сказала беречь его?

Илай трогает мягкую черную лапу:

— Ты что-то увидела?

— Больше не злишься? — спрашиваю я.

— Может быть, — из ванной выходит, вытирая голову полотенцем, Рики. Женщина, воспользовавшись моментом, исчезает за дверью. Щелкает задвижка.

— И что мне с ним делать? — Бес вертится, пытаюсь освободиться.

— Киса! — вытягивает шею и улыбается Янни.

— Отдай ему. С котом он справится, — Илай трогает ссадину у моих губ. Запускает пальцы в волосы, наклоняется ближе — я перестаю замечать происходящее вокруг. Воркуя, отбирают кота: Янни. Кто-то проталкивается мимо в кухню. Там спорят, но не разобрать и слова. Важна лишь горячая кожа под моими руками и срывающееся дыхание — одно на двоих.

— Быстро вы нашли общий язык, — ехидно тянет Свидетель. Когда успела вернуться? ... — Интересно, если бы послали Мантикору...

Илай отстраняется и обжигает женщину взглядом. Та смеется:

— Он гораздо сильнее тебя. А вы, огненные, слишком зависите от инстинктов, и... — Не заканчивай эту мысль, — хрипло советует маг.

— Я уже, — она скалится и ретируется в комнату. Прячу горящее лицо у него на груди, втягиваю металлический запах. Ругань за прикрытой кухонной дверью становится громче. Хикан насаждает на Марию:

— Хватит подтирать ему нос, он работал и с более сложными чарами! Под моим контролем справится.

— Он рисует только то, что хочет, — терпеливо, как ребенку, объясняет Яннин брат. — Когда Алека заставляют... в последний раз разнес лабораторию и потом неделю отказывался от еды.

— Здесь голодовка не станет проблемой, — упорствует техник, — стихийные выбросы силы тоже. Это сложнейшие чары. Я сам не справлюсь. Необходимо модифицировать знак с учетом кучи параметров. Утром я перерисую старый и тогда точно пойму масштабы работы, но уже сейчас знаю: помимо стабилизации и расчетов точной величины импульса для изменения вектора перемещения, надо как-то облегчить всю систему. Полярность соблюдена: формула в Университете завязана на смерть, жизнь у нас есть, но...

— Смерть? — переспрашивает Мария.

— Так называется мертвый полюс, — отвечает Эйса. — Заклинание, которое составлено из плоти. Противоположный конец — ее хозяин. Он обязан быть живым, чтобы образовался переход. В нашем случае — Зарин, Илай, Наас. Много, хорошо. Проблема в открывающем — Мантикоре. Ось Отрезка поможет ему, но расход сил может быть неравным.

— Гибельным, — торопится перейти к сути Хикан. — Если Мантикора умрет, пока мы будем болтать с Советом, — портал захлопнется раньше времени. Нас выбросит в Университет, но твари останутся за границей знака: здесь. Даже если никто из охотников не психанет и не начнет бойню, без явной угрозы под носом Совет не подпишет мир. Нам придет конец. Надо обеспечить Мантикоре всю возможную поддержку. У нас есть три огненных мага. Твари... может быть, хотя слишком много тьмы в уравнении... ладно, потом. Жертва пригодилась бы. Мы

двинем назад по сложному пути, от жизни к смерти, но энергия разрыва знака поможет. Или ее не хватит. Или окажется много, и нас размажет. Зажмуриваюсь. Слишком много переменных.

— Нас трое. Мы справимся, — чуть слышно ободряет Илай. Он тоже не считает Янни, и отличие от Марии:

— Здесь четверо магов огня. Неужели не хватит?

— Проблема в том, что сейчас все ложится на плечи Мантикоры. Порталы разрушительны именно жесткой завязкой на открывающего. А у Мантикоры даже с его девяносто двумя процентами не хватит сил долго держать проход активным. Только открытие выпьет беднягу наполовину. Надо каким-то образом разомкнуть и дополнить связь другими огненными магами. Плюс, один из них должен будет дать импульс к переходу назад. Для этого понадобится... — техник долго молчит. Вздыхает:

— Я понятия не имею.

— Ты разберешься, — мягко говорит Эйса. С нажимом заканчивает:

— И Янни тебе поможет. Даже если взорвет при этом полгорода.

Мария неразборчиво возражает. Оборотень перебивает:

— Можно прикончить кого-то. Жертва чертовски поправит ситуа...

— Замолчи! — рявкает сын Хайме. Добавляет тише:

— В тебе говорит луна.

— А еще знания и здравый смысл, — бормочет желтоглазый.

Шепчу в шею Илая:

— Мантикора.

— Что?... — напрягаются мышцы под тонкой тканью футболки.

— Если он не умрет, то сломается.

— Хикан найдет способ помочь, — теснее сжимает объятия. Почти больно. Ровно настолько, чтобы еще пару мгновений побыть вне сердитых голосов и царапающейся за стенами ночи.

Нас стало так много, но хватит ли, чтобы вернуться домой — особенно далекого, едко пахнущего краской Мантикоры?

— Хватит, — обещает Илай. — Мы больше не одни, помнишь?

Скрипнув, входная дверь приоткрывается в темноту.

Спустя несколько часов — Сано, Рики, Мария и Янни давно ушли спать, — в коридоре слышатся шаги. Я отставляю чашку с остывшим мятным отваром. Айяка поднимает голову со скрещенных рук.

— Привет, — улыбается ей Наас, снимая перчатку. Рядом к косяку прислоняется Сойт Роэн. — Как успехи?

Хикан выгибается до хруста в пояснице:

— Если Мантикора восстановится на все девяносто два процента к моменту активации портала, шанс удержать проход минут двадцать-тридцать есть. Больше пока ничего сказать не могу.

— Хороо-шо, — зевает Наас. — Вы как хотите, а я спать.

— Там места нет, — примащивается обратно на краешек стола девушка. Я устроилась на подоконнике, облокотившись о стекло. Плечо греет Илай, на коленях свернулся Бес, а сзади, за тонкой преградой, волнуется мрак. После обжигающего душа клонит в сон.

— Пойдемте на второй этаж. Там бардак, но мало пыли и есть кровати. Переночуем без барьера, — предлагает Эйса и отбирает у Хикана карандаш. Парень зло щурится. Скривившись, массирует виски, вытягивает из-под майки крестик и знак Университета. На его шее, там, где серебро цепочки касается кожи, красными пятнами цветет воспаление. Сын Хайме бережно складывает исчерканные бумаги:

— Луна?

— Да, — поджимает губы оборотень. Вздыхает и, зажмурившись, говорит:

— Я буду полным мудаком в ближайшие дни. Не обращайтесь внимания: ничего личного.

— Ты постоянно хамишь. Никто и не заметит разницы, — успокаивает Наас и скрывается в ванной, по пути стягивая пропыленную футболку — открывая длинную хвостатую ссадину под лопатками. Встречаюсь взглядом с Сойтом Роэном. От куртки искателя пахнет старым, прогорклым дымом: они ходили на пожарище. Были и у фонтана, пока мы следили через поисковые чары. Возвращались в магазин — к узору под покатыми сводами? Способны ли пустые увидеть облаченную в волшебство память?

— Ты получил ответы? — у него чернильные синяки под глазами. В свете ламп до дрожи очевидно: не смоются вместе с гарью. Мужчина дергает уголком рта:

— Да.

— А у меня есть вопросы, — встает Хикан. — Пошли наверх.

Я сгоняю теплое зверя на пол.

Улица встречает пустотой. Илай хмурится, задерживается. Последним ныряет в парадную и взбегает по лестнице. Когда Эйса включает свет в квартире, тень огненного мага сминается, ломается в коленях, тонкие пальцы удлиняются на несколько суставов.

— Мне понадобится помощь, — говорит Хикан, едва закрывается дверь. — Рики Беата. Я знаю, он тоже изучал системы порталов. И текущую, и те, что были до нее. Вопрос: могу ли я ему доверять? Учитывая их нежную дружбу с Максом, есть вероятность, что пацану не грозят лаборатории. Тем более, его печать очень слабая, даже не факт, что ее выявят. И я не понимаю, чего он хочет.

Прихожая с тусклой цветочной люстрой и отстающими желтыми обоями слишком

тесна для семи человек, но никто не заходит в гостиную: из-под ног Илая туда рванулась отчетливо живая тьма.

Наас заплетает мокрую косу:

— Черт его разберет. Эти байки про тварь на дереве... сопливая чушь. Я ему не верю. Он шестерка Макса. А Макс на побегушках у Хайме.

Айяка кривит губы и трет покрасневшие веки.

— Хайме — любимчик Советника Гофолии, который всю карьеру в Университете педалирует исследования тварей и магии огня. Плохая компания для защитника темных созданий, — Сойт Роэн достает сигарету. Протягивает вторую Эйсе.

— Откуда ты знаешь, что я курю? — прищуривается сын профессора. Мужчина выдыхает дым к заплетенному паутиной потолку:

— Я многое знаю. Например, что все родственники Рики Беаты волшебным образом испарились три года назад, — Сойт Роэн смотрит на Айяку. — Вы росли вместе. Он привел тебя в Университет. Ты должна знать его прошлое и мотивы.

— Он сам все рассказал, — девушка скрещивает руки на груди. — Я не знаю, что добавить.

— Или не хочешь.

— Или не хочу.

— Помоги нам понять, — Хикан отбирает у Эйсы сигарету и тоже затягивается. — Почему он пролез в помощники Макса, если так обожает тварей?

— Максимилиан сам предложил Рики место в администрации.

— И с чего вдруг? — Наас прячет ладони в карманы спортивных штанов. Растянутая черная майка висит на нем мешком. Айя тянет кофту до подбородка: — Рики обнаружил систему белых пятен, — девушка вздергивает подбородок. — Они и вывели его на Университет. Мало кто способен на подобное, Максимилиан разглядел в Рики потенциал.

— Белые пятна? — спрашиваю я. Маги морщатся. Хикан быстро поясняет:

— Места, которые твари избегают посещать. Противоположность осевым. Их очень сложно обнаружить. Признаки... зыбкие. Поэтому карта пятен не менялась со времен Пламенной эпохи, хотя, я уверен, ее есть, чем дополнить. Многие искатели пытаются.

— Зачем?

— Чтобы скрываться от тварей, — отвечает Эйса. — Порталы вокруг Университета, например, находятся в белых пятнах. Перевалочные базы по всему миру — тоже.

— Чтобы понять тварей, — Айяка хмурится и делает ударение на втором слове. — Что-то их отпугивает? Или они просто не видят таких мест? Почему?

— То есть, Рики помогал найти способ управлять перемещениями тварей. Очень интересно, — оборотень ближе всех к гостиной. Ежится и отодвигается от дышащего холодом дверного проема.

— Нет! — взвизгивает Айяка. — То есть, да, но он скрывал результаты своих наработок и специально путал формулы! Рики согласился на должность только потому, что мог саботировать исследования! Да, ему нечего терять, в отличие от нас, ведь его семья... это не ваше дело! Он не шпион Совета, я могу поклясться, если хотите!

— Ты тоже мечтала работать у Хайме. Вместе с другом, — опираюсь о стену. После сражения с Плутоном ушибы ноют, подвернутая лодыжка опухла и пульсирует болью. Айяка передергивает плечами:

— Да. Мне важно понять природу образования тварей. Текущая теория порождает

больше вопросов, чем ответов. Должен быть способ...

— Ты не вернешь то воспоминание, — Айяка вздрагивает. В синих глазах мешаются недоверие и обида. Я задела ее витражную тайну, и цветные осколки вот-вот брызнут злостью и страхом. — Ты создала тварь в обмен на память и...

— Месть, — понимает Илай. Смотрит в темноту непустой комнаты.

— Месть, — касаюсь его локтя. — Сделка состоялась. Ничего не исправить.

— Ты создала тварь? Ты же маг воздуха? — поднимает брови Сойт Роэн.

— Как у тебя получилось? — склоняет голову набок Хикан. — Что произошло? Девушка краснеет пятнами и сжимает кулаки. Мутное зеркало рядом со мной идет трещинами. Маги подаются назад.

— Скажешь им — я убью тебя, — обещает Айяка.

— Но Рики ты сказала, верно? Поэтому он привел тебя в Университет? Подумал, что ты маг огня. Хотел подарить ученым. Но Камень показал всего семнадцать процентов пламени. Твой друг, должно быть, очень разочаровался.

Стекло звонко осыпается на пол.

— Он не... не... — ее лицо раскалывается пониманием.

— Ваши дороги тогда и разошлись, да? — мягко спрашивает Сойт Роэн.

— Ты думала, это из-за тебя, — почти шепчет невидимой твари Илай. — Решила, что изменилась. Стала... хуже. Поэтому он и другие ушли. Поэтому ты до сих пор и всегда будешь возвращаться к дыре в своей памяти. Искать способ заполнить, чтобы исправиться. Но дело не в тебе. В нем.

Илай скрывается в гостинной. Он говорил не только об Айе. О себе, обо мне. Наасе Янни. Незнакомце-Мантикоре. Каждый из нас пытался исправить себя, чтобы заслужить любовь людей, неспособных даже понять.

— Рики предал тебя. Мы не можем ему верить.

— Ты не можешь знать наверняка, — девушка отводит взгляд. Покачнувшись, уходит на кухню. Шаги замирают в тених. Иду следом, но напарываюсь на Нааса: горячая кожа жжется, в глубине зрачка — колючие искры.

— Оставь ее в покое, — шелестит ветер у висков. Отвечаю в тон — чуть слышно:

— Я права. Сам знаешь. Ты защищаешь ее только потому, что чувствуешь вину: из-за тебя мы оказались здесь, и Тони умер, — от удара в мозг вспыхивают звезды. Проверяю языком гудящие зубы и облизываю соленые губы.

— Какого черта ты творишь?! — выставляю полыхающую пламенем руку, не давая Хикану приблизиться, цепляюсь за майку Нааса, притягиваю вплотную и выдыхаю на ухо:

— Тони. Кан... Ниль. Другие охотники. Пока ты винишь себя, кто-нибудь этим воспользуется. Ты нужен мне свободным. Иначе мы умрем здесь — все до одного. Вырвавшись, отшатывается, запускает пальцы в волосы. Затравленно смотрит в сторону кухни. Я отворачиваюсь.

Повисшая тишина полнится сигаретным дымом. Эйса озвучивает новое имя:

— Энид.

— У нее есть причины ненавидеть ме... — сутулятся Наас.

— Нас, — поправляю. — Она никому не верит.

— Ей нужно время.

— У нас нет времени, — сужает звериные глаза Хикан. Эйса зевает:

— Свяжем ее и Рики. Освободим, когда подпишем пакт.

— Пусть Сано попробует поговорить с ней, — предлагает оборотень. — Прощупать почву. Сано не замешана в смерти Кана, и... ну, тоже женщина.

Сойт Роэн фыркает.

— У тебя есть идея получше? Мне кажется, они могут понять друг друга.

— Зачем?

— Без помощи Рики я... надеюсь, что справлюсь. Но даже при максимально удачной формуле открытие портала сильно ударит по огненным магам. Совет прихватит с собой медиков, да вряд ли те помогут. Поэтому нам чертовски нужна Энид, — Хикан стягивает испещренную знаками перчатку и разминает руку. На сгибе локтя и запястьях отпечатались красные полосы складок. — Кто там еще на повестке дня?

— Эйсандей Ветта, — пристально разглядывает парня Сойт Роэн. — Увидит папочку и психанет. Последняя ваша встреча стоила Университету лаборатории. Еще повезло, что потолок не обрушился. С твоей силой давно пора уметь держать себя в руках.

Хикан отвечает неожиданно жестко:

— Эйса справится. Тема закрыта.

— Сойт Роэн, — предлагает сын Хайме, смерив мужчину ядовитым взглядом. Оборотень моргает:

— От него несет смертью. Ученым понравится.

— Унюхал...

— Что? — не понимает Наас. Мужчина заходится кашлем.

— Он умирает, — веки кажутся налитыми свинцом. Сползаю на пол, на выстроенную вдоль стены пыльную обувь. Один сапог откололся от общей кучи, на украшенном прихотливой вышивкой голенище стоит грязными ботинками Сойт Роэн. Говорит:

— Полагаться только на силы Мантикоры и оси опасно. Если он погибнет, нас выкинет в лаборатории до подписания пакта. Необходима страховка.

— Например? — Наас бледен, на носу ярко проступили веснушки. Промакиваю рот футболкой. По светлой ткани расползаются алые кляксы.

— Рассекретить расположение Университета, — серые клубы путаются в тюльпанах-плафонах. — Отправить тварей к защитному контуру. Это противоречит вашей прекрасной идее равенства, но...

— Тварям не пробраться внутрь, и помешать магам с прахом выйти или войти тоже не получится. Никто не умрет, но барьер буквально взорвется, — прикидывает Хикан. — Польшать будет до небес. Все перенервничали от появления Зарин и бегства Плутона. Здесь просто обалдеют.

— Тогда преимущество будет на нашей стороне, — хмурится Эйса, — наша смерть запрет людей без оберегов в пределах периметра. Им придется искать новое место, выстраивать барьеры с нуля, каким-то образом перевозить оборудование и артефакты, драконов... и все — маленькими группами. Короткими вылазками. Переезд растянется в вечность, а всякая другая работа встанет.

— Но никто не умрет, — говорит Сойт Роэн.

Они просто потеряют связь с внешним миром. Со своими семьями. Наас говорил, в границах Университета телефоны не работают. Неравенство сил очевидно. Стискиваю челюсти до тяжелой боли. Эйса тушит сигарету о разрисованные вензелями обои. Выдыхаю:

— Мы поступим не лучше Совета.

— Разве? А какой выбор они предложили тебе?

Мне нечего ответить. Морозным сквозняком возвращается Илай. Опускается на колени, трогает мой подбородок. Я силюсь улыбнуться, хоть рот полон железной слюны:

— Неважно. Я... я надеялась, что мы отличаемся.

— Мы и отличаемся, — сын Хайме роняет окурочек на пол. Размазывает по паркету. Илай садится рядом, берет за руку. Эйсандей Ветта продолжает говорить, а я пытаюсь найти название чувству, от которого сжимается горло и печет глаза.

— После подписания пакта нужно быстро уйти. Спрячемся в белом пятне. У меня есть несколько вариантов на примете. Помехи не дадут отследить нас по меткам, а Хикан возведет барьеры не хуже Университетских. Как обустроим защиту, пустим слух о новом ордене. Посмотрим, что из этого выйдет, но я уверен: будет масса желающих избавиться от власти администрации. Пусть твари отметят и их тоже, тогда никому не сотрут память о магии. Конечно, предприятие выйдет благотворительным: платить-то нам нечем. Пока. Но и любые миссии сделаем добровольными. Магов интересуют в первую очередь приключения, а деньги

заработают где-нибудь еще. Без проклятий тварей и принудительных миссий колдовство превратится в развлечение, как было в эпоху Возрождения. А потом, когда нарастим...

Не слушать. Считать вдохи. Успокоиться, иначе тьма снова вырвется наружу и что-нибудь... кого-нибудь сломает. Молчать. Наблюдать.

Запоминать. Быть может, однажды и эта горечь обретет смысл в волшебстве.

Я смотрю на четырех магов снизу-вверх — далеких и разных, загнанных в ловушку тусклых стен. Вот-вот за окнами засинеет рассвет, зачирикают, пробуждаясь, птицы. Когда мы проснемся, солнце уже взойдет высоко, выбелит город до тонких трещинок и сотрет тени этой ночи, разрушит хрупкий сплав: надежду и страх, что связывает нас крепче всяких чар.

Сегодня начнется путь к иной судьбе — дорога для одного. Сможем ли мы пройти ее вместе?

***

Днем я сбегаяю на крышу. Здесь красиво и — никого. Прозрачный воздух расступился до самой тюрьмы на окраине Отрезка. Слышно, как внизу во двореке ругаются Хикан и Мария Янни гремит металлом, разгуливая по капоту вросшей в землю машины. Качается верхушка дерева: Наас зачем-то взбирается по голым ветвям. Возвращаюсь к рисунку на ржавом железе у желоба водостока. Под пальцами оживают линии: люди-точки гуляют в лабиринте жарких улиц. Две, две, одна, одна. Кто где? Не угадаешь. Хочется думать, что вон та, в мертвом парке, — Илай. Можно расчертить другую формулу и проверить, с кем появится клякса твари, но память жалит, и я спешу отнять руку.

— На что это похоже? — вздрогнув, оглядываюсь. Соит Роэн подпирает чердачную дверь. Подкрался бесшумно. Стряхиваю мел с ладоней, вытираю о шорты. На что похожа магия?

На гаснущую искру внутри еще живой твари. На голоса из темноты — злые и честные.

— На жажду, — которую нельзя утолить.

— Поэтому вы, маги, так легко попадаетесь на крючок Университета? — усмехается, но карие глаза серьезны. Избавился от куртки, переоделся в синюю футболку. Накинутая поверх рубашка оттопыривается под мышкой: кобура. Вторая, крепившаяся к поясу, исчезла.

— Наверное, — растягиваюсь на горячем шифере. Сверху — сизые слои ветров, у горизонта бурлят облака. Трогаю шрам, опускаю ресницы:

— Я просто хотела, чтобы кошмар закончился.

— Твари?

— Да, — очерченная торшерным светом полночь, вокруг оживает тьма, а родителя спят в другой комнате — в другом мире. Кажется: стоит только вскрикнуть, позвать... но звать нельзя. Услышат и придут, но будет хуже, ведь твари спрячутся, а мама с папой не поверят и не захотят знать.

Понять.

— Зачем тогда связалась с Высшей? — пахнет сигаретным дымом.

— Она хотела того же, — где сейчас Плутон? Почему не приходит?

Прячется? От чего?

Сойт Роэн не отвечает. Переворачиваюсь на живот, чтобы пистолет не давил в поясницу, и — увидеть его. Присел у выхода на лестницу, лишая возможности сбежать. Трет заросший светлой щетиной подбородок:

— И все? — поднимает брови.

— И все, — сжимаю кулак.

— Я не верю тебе, — подставляет смуглое лицо пекучим лучам.

— А я — тебе. Какого черта ты забыл в Университете? Почему согласился отправиться в Отрезок? Зачем тебе память о магии — теперь, когда умираешь?

— Бах! — далекий Янни хлопает дверью машины. — Бах! Бах! БАХ!

Хикан хрипло рывкает:

— Прекрати!

Я улыбаюсь. Грохот продолжается. Сердитый голос оборотня мешается с мягким баритоном Эйсы и бормотанием Марии: парень пытается унять брата. Нааса звуки не выдают.

— Я дорожу всей своей памятью. Ты должна понимать, почему, — говорит Сойт Роэн.

— Прошлое определяет твою личность и будущее, — ветерок забирается под футболку, оглаживает спину. — Но променять год жизни на день — безумие. Твари могли разорвать тебя сразу после перехода в Отрезок.

— Что ты хочешь услышать? — спрашивает устало. — Что я жил работой и думал: остальное успеется? Что сделал чертовски много, а кажется — ничего вообще? Что предпочел умереть быстро, побывав в другом мире, который до меня почти никто и не видел — чем медленно погружаться в болезнь, сожаления и поредевшие воспоминания? — мужчина невесело хмыкает:

— Что бы ты сама выбрала?

Я прислушиваюсь к тишине во дворике:

— Эйса предпочел забыть.

— Эйсандей Ветта идиот, — кашляет дымом, легко улыбается. — Я бы назвал его слабаком, учитывая инфантильность конфликта с папочкой, но слабаки не рискуют собой ради любимых. Поэтому — идиот.

— Если бы он отказался...

— Хикан Гели — один из талантливейших магов Университета. Два года был охотником, выполнял задания класса А. По непонятной мне причине перешел в техники — и сразу же выбился в пятерку лучших. У него шансов выжить вдесятеро больше, чем у любого из нас. Присутствие Эйсандея ничего не изменит... что?

Я мотаю головой:

— Эйса сказал... — слишком много. Неудивительно, что соврал об объекте своих чувств. — Неважно.

— Неважно, — соглашается мужчина. — Мы все что-то оставили при себе. Ты прячешь прам на ладони. Наас Мерезин скрывает тьму за ветром. Айяка Корнелиус — притворяется, будто справляется со своей травмой, чем бы она ни была. Илай Мназон... — он смотрит на мертвые без магии поисковые чары. — Я расскажу тебе кое-что. Я частенько бывал в лабораториях. С поста охраны обзор лучше, чем полагают ученые. Их, как и твою подружку, интересуется только процесс рождения, но это не главное. Главное — там, — кивает вниз, где бьются о стены неожиданно громкие и чистые Яннины слова:

— Моя связка пойдет сюда. Сотри это. Здесь, он будет здесь!

— Он... — вскакиваю и подхожу к краю крыши. Маленький Янни стоит посреди вязи заклинания и древесных теней. Запрокидывает голову и глядит прямо на меня.

— Сумасшедший и гений. Его личность разрушена: твари забрали ключевые воспоминания, — Сойт Роэн останавливается рядом. — Те, что определяют судьбу. Мальчишка машет нам обеими руками, худой и нескладный в подкатанных джинсах и светло-розовой футболке. Широко улыбается. Отсюда не чувствуется его тихий запах: рвота и гниль. Не смывается водой и цветочным шампунем. Хикан быстро правит формулу, пока Янни не отключился от действительности.

— Он породил многих. В основном, мелких, но самая первая была старшей. Она и стоила ему разума. Не прожила долго: сразу напала на ученых. Ее убили на месте. — Пыталась защитить.

— Или просто надеялась спастись.

Эйса и Мария, осторожно ступая, чтобы не спугнуть чудо, окружают мальчишку. — Связь между тварью и магом держится, пока оба живы. В дни, когда над тварями проводили эксперименты, я следил за их создателями. Они менялись — сильнее, чем наш оборотень в полнолуние.

— Твари компенсируют дыру в сознании, — платят за подаренную жизнь.

— Возможно, — с проводов у магазина вспархивают птицы. Перелетают над забором и путаются в ветках, суетливые тени пляшут по неоконченным чарам. — Я уверен: время от времени пацан способен видеть вещи под особым углом.

— Нечеловеческим.

— Да.

— Значит, Илай и Айяка тоже понимают мир по-иному.

— Если их твари еще горят, — кивает Сойт Роэн.

— Тлеют, — опустившись на корточки, склоняюсь над пустотой. Воробей пронесется совсем близко, едва не зацепив крылом. Сидящий на дереве Наас хмурится, ловко спускается на землю. Кричит:

— Спускайся! — пересекает знак и исчезает из виду. Взвизгивает рама: парень забирается домой через окно кухни.

— Что? — не понимает мужчина.

— Тлеют, — спешу уйти. Да что там, опять сбегаю. — Они тлеют. Горят — маги.

Вот и вся разница между нами.

— Подожди! — ловит за локоть. Стискиваю зубы, задерживаю дыхание, но кирпичные трубы вокруг уже вскрываются трещинами. Сойт Роэн лишь сжимает пальцы:

— Не бойся. Послушай. Твоя клятва — дверь в сознание Высшей твари. Она вряд ли

говорила об этом, но ты тоже можешь научиться понимать больше, чем способен человек. Не случилось уже?

Верные догадки, пришедшие из ниоткуда. Да. Но я молчу. Мужчина хмыкает:

— Как хочешь. Но советую тебе потренироваться. Ты сильнее Янни и даже Илая. Умнее. После пакта мир изменится. Совет легко не сдастся. У нас не будет знаний и возможностей Университета. Их сеть по сбору данных обширна и недоступна посторонним. Нам пригодятся любые способы удержать позиции.

— Отпусти.

— Еще пара слов. Я пришел сюда вот зачем: в Университете считают, твоя тварь мертва. Ученые были совершенно уверены. И крайне огорчены.

— Да? Странно, — вблизи отпечаток болезни и возраста заметен сильнее. Морщинки-лучики разбегаются от уголков тяжелых век, глубокие складки — от крыльев хищно изогнутого носа. бронзовый загар не прячет синяков и серого оттенка губ.

— Связь с мертвым Советником делала ее особенной. Делает, — говорит мужчина. — Спроси у нее. Возможно, на этом получится сыграть.

— Спрошу, — отпускает, но теперь я сама касаюсь его руки. Бывший полицейский вопросительно выгибает широкую бровь. Помедлив, прошу:

— Позволь, я хочу попробовать... — осекаюсь: сложно объяснить. Чары, показывающие магию. Плутон говорила, их используют для обнаружения артефактов, существ и волшебников. А Янни, сломанный ребенок, сказал — даже в пустых есть сила. Чужая мысль преследует меня. — Хочу увидеть больше, чем обычно.

— Пробуй, — косится на роняющие кусочки камня дымоходы.

— Не бойся, — хмыкает. Зажмуриваюсь, выбирая подходящее воспоминание. Я ищу правду, правду...

— Меня от нее прям в дрожь бросает, — поделился с друзьями парень, в русский затылок которого я смотрела чаще, чем на доску или учителя. Я замерла. Одноклассники не видели меня.

— Не увидят, если повезет, — я подумала: он может говорить о ком угодно.

Но холод за ребрами зашевелился раньше, чем собеседник переспросил, называя мое имя.

— ... точно. Стремная, как какая-нибудь баба из ужастика, шарите? Вроде сейчас заиграет жуткая музыка, а потом у нее клыки вылезут. Или там, окровавленный тесак из сумочки достанет.

— Ты аккуратней возвращайся с тренировки, а то темнеет рано. Тесаком пригрозит, затащит в кусты, и капец! — смеется кто-то в далеком прошлом, а здесь и сейчас я скраиваю заклинание: ломкие согласные, мятая середина, быстро вытолкнуть завершающие рычащие буквы. Сойт Роэн вздрагивает под моей рукой. Дрожит тело — не суть. Плутон тряслась черным пламенем и закатным солнцем, Наас — тугим ветром, опаляющей болью, течением жизни в венах и шелковистой пылью на коже. Ржавый город насквозь пропитан волшебной горечью, но мужчины передо мной словно не существуют вовсе. Стираю непрошеную влагу со щек и убираю ладонь, чтобы на ощупь найти и накрыть его сердце. Что-то железно лопается, хлопают крылья. Он вздыхает, но не отстраняется. Теплый, пульс частит. Под ребрами хрипло клопочет воздух. Повторяю формулу, заглядываю назад в школьные дни:

— Да я чуть не обосрался, когда она ручку вчера попросила. Если ночью встречу, меня тупо инфаркт сразу хватит!

На лестнице грохочут ботинки. По спирали приближается знакомый сплав силы. Размытые пятна — трое магов — цветут внизу.

— Твой друг волнуется, что я тебя обижаю, — низкий голос вибрирует в груди. Комкаю ткань, надавливаю, впиваясь ногтями. До хруста перехватывает кисть:

— Хватит.

Не просьба — приказ. Тоже вспомнил былое.

Чары начинают рушиться. В виске горячо стреляет боль.

Пусто. Будто глаза обманывают, и я одна на крыше.

Нет, уже нет:

— Зарин, — затягивая крепление перчатки, Наас переводит взгляд с меня на мужчину.

— Живая и невредимая, — Сойт Роэн склоняет лохматую голову набок.

— Это мне судить, — щурится парень. Убранные в высокий хвост волосы сверкают янтарем. Светлая рубашка с подкатанными рукавами грязная на животе. Силюсь улыбнуться, но губы не слушаются:

— Я уже иду.

Наас трет лоб:

— Давай. А тебя зовет Мария. Не может разобрать твой почерк.

— Сейчас спущусь, — кивает искатель, неторопливо достает сигареты и сразу роняет. Ругнувшись, неуклюже наклоняется за пачкой.

Задерживаюсь:

— Что ты ощутил? — почему теперь так неловок?

Сойт Роэн не отвечает. Долго чиркает зажигалкой, выбивая лишь искры. Стискиваю кулак, воплощаю злость и протягиваю пойманное в клетку плоти пламя. Мужчина отступает на шаг, но тут же возвращается. Прикуривает, прячется за опущенными ресницами:

— Ничего.

— Неправда, — гашу огонь, трогаю его запястье с пульсирующими венками. — Ты взволнован.

— Не люблю огонь. Никогда не любил, — фыркает дымом, вздергивает подбородок. Позволяет слушать свою кровь.

— Ты тоже что-то скрываешь, — разрываю связь.

— Поговори со своей тварью, — меняет тему.

— У нее есть имя, — Сойт Роэн сводит брови на переносице. — Скажи.

— Зачем?

— Она заслуживает большего, чем называться просто тварью, — выдыхаю и ухожу. Как можно говорить о равенстве, когда мы продолжаем делить мир на людей и безымянных чудовищ?

Наас молча пропускает вперед.

Почти скатываюсь с металлической лестницы, ободрав локоть, перепрыгиваю через четыре ступеньки и прямоугольники света на площадках. Вылетев на улицу, сворачиваю к израненному заклятьями переулку.

— Что случилось? — кричит сзади Наас.

— Ничего, — ничего не происходит. Я искала Плутона все утро. Волна шороха за стенами катилась прочь: твари бросались врассыпную, а я звала свою, пока не сорвалась в хрип. Кричала даже в черное зеву колодца.

Сдавшись, пошла во дворик к магам, где Хикан собирал на асфальте кусочки узора.

Стирал одни символы и выводил поверх другие, жирнее, и — опять стирал, шипел, обжигая пальцы о камень:

— Дерьмовый мел. Получше нет? — Эйса рассеянно поднял голову от разложенных в стопки листов. Мария поправил очки в прозрачной оправе и подсунул сыну Хайме новую бумажку:

— Не помнишь, что там с интервалами проверок было? Я бы сделал полугодичные, — брат Янни работал в юридической фирме, а в Университете изучал сложные взаимоотношения магических ветвей, важнейшей вехой в истории которых считается двухсотлетний мир. Поэтому Мария выучил пакт Серафима едва ли не наизусть. Из-под огрызка его карандаша споро рождались убористые строчки

старинных юридических выражений, но грифель неизменно зависал в воздухе, когда доходило до описаний любых магических ритуалов. Тогда подключались маги:

— Да... да, — отвлекся от созерцания оборотня Эйса. — Нормально. Чаще чары Бози нельзя использовать.

— Почему? — Сойт Роэн вносил пометки в уже отложенные записи, приводя формулировки в современный вид и выискивая противоречия.

— Они будут ощущаться. Всеми: и людьми, и тварями. Я не уверен, как именно, но лучше не частить. Наши-то поймут, а кто не в курсе про магию — нет. Так что остановимся на встряске раз в полгода, — ответил Хикан, хлопая Янни по рукам: мальчишка бросил недописанную связку и принялся вырисовывать кота с огромными усами прямо в центре знака. — Эй! Эй!! Малюй сухожилие Абраксаса, але! Фу! Перестань!

— Он не животное, — не отрываясь от письма, сообщил Мария.

— Укушу, — насупившись, Янни сел на незаконченный хвостатый силуэт.

Хикан вздернул верхнюю губу, демонстрируя выступающие клыки. Глаза с точками зрачков выгорели из золотого до болезненно-лимонного, следуя за округляющейся луной Отрезка.

— Укусишь...? — прошелестел парень.

— Плохой оборотень, — мальчишка отполз, смазав пару линий. В горле седого мага заклокотало рычание.

— Хикан, — Эйса положил папку на землю. Не вставая, на коленях подобрался к побледневшему до голубоватой сетки сосудов технику. Я тоже села, а Сойт Роэн потянулся к пистолету.

— Все хорошо, — мягко прошептал Эйса то ли Хикану, то ли нам. — Без резких движений...

Утром, пока оборотень был в душе, сын Хайме собрал всех в гостиной и коротко проинструктировал:

— Когда Хикана накроет — а его точно накроет, — медленно присядьте. Станьте ниже, чтобы он перестал воспринимать вас угрозой. Лягте, если понадобится. Не пытайтесь закрыться руками, наоборот: держите их на виду, расслабленными...

— ...чтобы было удобней добраться до шеи, — вставила Сано.

— Да, — Эйса серьезно посмотрел на женщину. — Ему достаточно подчинить оппонента, не убить. Он же всего наполовину оборотень.

— Какое облегчение, — хмыкнула Свидетель. — Надеюсь, хотя бы не заразен.

— Согласно тестам — нет.

— Тестам на людях? — спросил и зашелся надсадным кашлем Сойт Роэн.

— ...нет, — признался сын Хайме. — Но тем не менее: не паникуйте, просто опуститесь на землю.

Янни, похоже, вспомнил наставления, потому что лег на спину и раскинулся звездой. Попросил:

— Давай сначала дорисуем. Они не смогут сами.

Мария спрятал лицо в ладонях.

Эйса ткнулся лбом Хикану в плечо:

— Тише. Ты в безопасности, — парень застыл, жадно втягивая его запах и разглядывая мальчишку:

— Он пахнет, как мертвец. Хочет, чтобы я убил, — вытолкнул сквозь сжатые зубы и совершенно по-звериному облизнулся.

— Ты, — с нажимом выдохнул Эйса, — Ты. Не хочешь убивать... правда?

Хикан разочарованно клацнул челюстью. Моргнул, подавился рыком:

— Я... нет, — опала выгнутая для прыжка спина. Секунду-другую он словно еще раздумывал, но потом запустил пальцы Эйсе в волосы, потерся щекой. — Не хочу... извините.

Сойт Роэн убрал руку от оружия. На дереве над нами завозился Наас. Мария качнувшись, поднялся и помог встать Янни, притянул вяло сопротивляющегося огненного мага к себе:

— Говнюк.

— Ты обещал, — тихо ответил тот, отчего Мария скривился, как от боли. Я отвернулась.

— Знаю, — горько прошептал парень, а я ушла: на крышу, к солнцу и нагретому шиферу, откуда видно далеко-далеко, чтобы найти тварь, которая тоже кое-что обещала.

А нашла Сойта Роэна. Новые вопросы без ответов. Наас тоже спрашивает:

— Что с тобой?

— Плутон исчезла. Я... волнуюсь, — звучит дико: волноваться за тварь. — Она странно вела себя перед уходом. Вернее, не странно, но... мне показалось, она чем-то встревожена.

— Да? — подходит вплотную, пятерней зачесывает мне челку назад, привычно тянет за хвост. Ловит взгляд. — Я не обратил внимания. Да и напряженный выдался денек. Большинство тварей свалило из Отрезка, ты заметила?

Да. Утром проверяла чары. Почти пустая карта показала четыре до смешного равноудаленных точки. Испугались Высших?

Но Плутону нечего бояться. Так какого черта?!

— Ученые думают, она мертва, — хуже того — уверены.

— Решили, что погибла, когда мы изгнали дух Советника? Лишилась источника силы — и все. Обычно они умирают не сразу, но Плутон жила очень долго. Мгновенное выгорание после разрыва связи возможно, — предполагает маг. — Вряд ли эти умники способны вообразить, что ты приняла клятву твари.

— Да, но...

— Не парься, — Наас натянуто улыбается. — Скоро появится, смотри: тени удлинились.

— Закат, — еще нет, но воздух уже полнится вечерней прохладой, редуют стаи на проводах. Он прав. Плутон придет. Должна прийти. Ее не было целых пять дней. — Тем более, чары и пакт продвигаются неплохо. Я боялся, Хикан не справится, но, благодаря Янни, он грозит закончить прототип до ночи.

— Прототип? — желтоглазый техник перекроил знак из подвала до скелета. Вычерченная им новая плоть не имеет ни малейшего сходства с покрытым изморозью узором.

— Зарин, — зовет Наас. — Успокойся.

— Я спокойна, — выходит слишком быстро, и он хмыкает:

— Ты кусаешь губы, и ветер не мой, — порыв подхватывает слова. Мимо проносятся, закручиваясь и взмывая к небу, лепестки пепла; мелкий мусор чиркает по голым ногам. — Если кто и ведет себя странно, так это ты.

Мы не говорили с ночи, когда я обвинила его в смерти Тони, а он ударил в ответ. — Я должна извиниться. Мне не стоило говорить...

— Но ты сказала, — прищуривается. — И извиняешься не потому, что тебе стыдно. Ты просто напугана и хочешь, чтобы я тебя успокоил. Но знаешь что? Если искать виноватых, то Тони и остальные мертвы из-за тебя. Ты приняла клятву твари. Мне же стоило просто оставить тебя умирать. Позволить барьеру Заповедника выпить твою силу до дна.

Птицы разом взлетают.

— Стоило, — зажмуриваюсь. Дышать нечем. — Вокруг меня все рушится, ты сам сказал — помнишь?

Звонят выбитыми стеклами дома. Хлопают крылья. Небо тускнеет, будто на город вот-вот опустится ночь. Наас встряхивает за плечи:

— Перестань! Хватит ныть и цепляться за прошлое! Что там насчет свободы? Ты только бесконечно копаешься в себе. Прячешься! Ты не найдешь там ни ответов, ни прощения. Поверь мне, я пытался! Я до сих пор пытаюсь — ни черта не выходит!

— А что еще мне делать?! Как иначе все исправить?! — я перекрикиваю завывания урагана и тревожное воробьиное чириканье.

— Никак! — рывкает Наас. — Мы убили их! И все, кто умрет дальше, умрет из-за нас. Часть тебя всегда будет разрушать. Тебе нужны страх и боль — пища для твоей силы!

— Как тварям... — ветер будто напарывается на стену.

— Да! Как тварям! — в наступившей тишине его голос взвывается до крыш.

— Но я не тварь! Мне плохо, а им хорошо от чужих страданий! Я не хотела никого убивать, — глазам горячо. Вытираю щеки. Наас перехватывает запястья.

— Знаю, — прослеживает шрамы. — Ты не хотела. Вот и главное. Чего ты хочешь. Не что тебе нужно. Чего ты хочешь. Это огромная разница и самый главный вопрос. Не кто ты. Не зачем. Чего. Ты. Хочешь. Скажи мне. Только не про прошлое. Чего ты хочешь от будущего.

— Я... — вытираю нос, — я хочу...

Чтобы Тони и Ниль были живы. Чтобы Айяка не плакала по ночам, свернувшись калачиком и накрыв голову подушкой. Хочу, чтобы Илай перестал замирать, кусая губы, у бурого пятна на асфальте — каждый раз, когда мы выходим из дома. Хочу изменить прошлое, не будущее. Но никакая магия не позволит вернуться назад и переписать историю. Наас прав: я увязла в сожалениях, где нет решений, а одна лишь вина.

Я хочу... иметь достаточно смелости, чтобы подойти к Илаю и прикоснуться к сжатой в кулак ладони. Попросить прощения. Утешить.

Хочу найти правильные слова и отвлечь Айю от ее горя — хоть на минуту.

Хочу...

— Хочу, чтобы мир подписали добровольно. Не Совет, остальные. Не хочу запугивать

их. Так мы действительно станем чудовищами, и не только на бумаге — в сознании всех магов Университета. Эйса думает, люди с радостью придут к нам, если сделать магию развлечением. Но она — гораздо больше...

— Говори, — требует Наас, стоит замолчать. — Не думай, сначала говори.

Говорю. Быстро, не давая мыслям оформиться и пойти по кругу:

— Страх. Гнев. Грусть, тревога, ревность, потеря... спокойствие и радость, все чувства составляют волшебство и нас самих. Магия сложная, ранящая, переменчивая. Никогда не была и не будет простой. Мы ведь не такие, а мы и есть магия! Поэтому Университет продолжает существовать в несправедливости, лжи

и трусости. Мы не умеем иначе. Пакт всего лишь проведет черту между людьми и не-людьми. Мы освободимся, но ничего не изменим. А потом кто-нибудь нарушит мир и — что? Что будет? Война?! Скорее — бойня!

— Да, — роняет, отводит взгляд.

— Ради войны твари готовы объединиться, — смех звучит колотым льдом.

— И ради мира тоже, — напоминает Наас.

— Или они просто ждут возможности напасть на весь Совет, весь Университет разом. Вдруг они врут нам? А мы верим из-за общей природы... — он открывает рот, но я не даю сказать. Обхватываю бледное лицо, заставляя смотреть на меня, глажу прохладную кожу. — Было просто верить Плутону, пока никто не умер. Но теперь все иначе, и я боюсь. Ее тоже боюсь, видел бы ты, как она говорила о прошлой войне. Я не вынесу, если... Послушай, ты ведь привел меня к ней. Рискнул собой, мной, Айей — чтобы выполнить данное обещание. Я не понимаю, зачем. Она помогла тебе спрятать силу от ученых. И что? Ты мог нарушить слово. Она даже не человек, — Наас кривится: я говорю, как сказали бы другие. — А ты делал вещи и хуже. Что в ней особенного?

Рыжеволосый маг шепчет:

— Ничего.

— Но тогд...

— А разве у тебя было иначе? Ты-то почему приняла клятву?

— Моя сила больше, и... — широкие брови сходятся на переносице:

— Чушь. Но я тоже не могу объяснить...

— Тогда покажи! — до желваков стискивает зубы. — Пожалуйста! Покажи мне! Вздыхает. Отстранившись, опускается на корточки. Прикладывает пальцы к асфальту. Ничего не происходит — с минуту. Отхожу, отворачиваюсь, и тогда сухой треск наполняет дрожью колени. Вокруг Нааса прямо в камне прорезается знак: близнец чарам, что перенесли нас к озеру у сосен и живому-мертвому Тони. Маг поднимает лихорадочно блестящие глаза:

— Готова?

— Да, — конечно. Это же всего лишь воспомина...

Боль скручивает внутренности. Я дергаюсь — раз, другой, — запястья и лодыжки примотаны ремнями к бортикам каталки. Мигающий зимний свет пульсирует пискom в ушах. Гаснет — звук рвется. Загорается — и я выгибаюсь от визга серены. Сменяется красным полумраком. Мимо пробегают люди, крики теряются в утробном вое.

Боевая тревога.

Надо мной мелькает человек в белом халате. Отталкивает каталку в сторону. Мир поворачивается. Удар. Гром железа, резь внутри горячо лопаются. Я захлебываюсь воплем.

Судорога скручивает кости.

— Отвезите его в лазарет! — рывкают рядом.

— Хайме сказал устранять выброс! Идем!

— А тварь?!

— В клетке! Забей! Пошли!

Поворачиваю голову, чтобы увидеть, как четверо санитаров выбегают из помещения. Мониторы на вогнутых стенах мерцают помехами. На полу — формула, жирные линии бугрятся черным мясом. Едкий кислотный запах дерет горло, и я кашляю до нового острого спазма внизу живота.

— Тише, — шелест сквозь рев сигнализации. Солнечное сплетение накрывает тяжестью. Оглядываюсь и встречаюсь взглядом с рогатой тьмой за прутьями клетки.

Плутон.

Когти вспарывают тонкую ткань больничной робы. Силуюсь заговорить, но слова ломаются о стучащие зубы и пенятся на губах.

— Спокойно. Я помогу, — но я бьюсь, хриплю, силуюсь вывернуться: в точках, где ее пальцы продырявливают кожу, зарождается холод. Стремительно расползаясь, сковывает тело, даже дыхание оборачивается паром.

— Сейчас тебе станет легче, — паника выплескивается узорчатыми трещинами на потолке. Тварь фыркает:

— Сильный мальчик. Свежий. Ты соришь очень ярко, — боль вдруг стихает. Покалывание прогоняет лед из крови. Жадно глотаю химический воздух. Знобит. Тварь склоняется надо мной, прижимаясь лбом к потемневшей от магии решетке. Там, где металл касается угольной чешуи, плоть дымится, птичью лапу браслетом охватывает темное пламя. Стону:

— Отпустиии...

— Это повторится. Раз за разом они заберут твою память. Огонь. Душу. Ты уже видел других?

Я... Наас — почти видит их сейчас. Воспоминание в воспоминании. Янни забился в угол, царапает запястье. Алый в сиянии барных ламп Илай смотрит в пустоту. Ниль трясет его за плечо, но маг огня даже не моргает.

— Я умру здесь, — понимаем мы оба.

— Нет. Если я научу тебя прятать свою силу.

— Зачем? — барьер ранит ее, но тварь придвигается ближе.

— Ты хочешь жить. Я хочу умереть. Я помогу тебе, ты — мне.

— Как? — смеюсь. Прямо сейчас мне не шевельнуться.

— Если послушаешь меня, больше не вернешься сюда. Но появятся новые огненные маги. Рано или поздно. Приведи ко мне следующего прежде, чем его впишут в систему барьеров, пока он невидим для заклинаний. Из архива есть проход в Заповедник. Пусть спустится туда. Дальше я сама направлю.

— Как? — повторяю шепотом. Но она слышит и сквозь сирену. Скалитесь:

— Я здесь несколько столетий. Моя сила пропитала даже ваши охранные чары. Я почувствую. Я заставлю его почувствовать. Просто приведи в архив. Обещай мне смерть, и я подарю тебе жизнь.

Тревога смолкает вместе с ней. Щурюсь от вспыхнувшего света. Когти впиваются глубже.

— А если обману и не вернусь?

— Вернешься. Вы всегда возвращаетесь к нам, убегая от людей.

— Наоборот...

— Разве? Только во тьме ты можешь быть собой без оглядки.

Решетка искрит. Пахнет горелым мясом, с дымом к потолку поднимаются сажевые хлопья, но Плутон будто не замечает. Лишенные белков глаза в считанных сантиметрах от моего лица:

— Так позволь тьме помочь.

Разглядываю взерошенную макушку с тонкими рогами. Набухающие глянец волдыри на обожженных прутьями щеках. Она просит смерти, а я вдруг вижу желание: не жить, но — остаться собой. Настолько сильное, что от него крошатся стены, гаснут мониторы и вновь заходятся воем сигнальные чары.

Я вижу сходство.

Я обещаю:

— Да. Я убью тебя.

— И все? — собственный голос кажется чужим. Порыв ветра смывает запахи лаборатории. Трогаю живот. Маг усмехается и задирает футболку, показывая полукруг из пяти рубцов.

— И все. В ней не было ничего особенного. Просто испуганное создание. Я видел такое же в зеркале и вижу сейчас перед собой, — легко толкает меня в грудь. — Мы одинаковы. Вот и подумай. Как бы на ее месте поступила ты?

— Я убивала ради месяца без тварей. Сейчас на кону слишком многое.

Наас фыркает, обхватывает за плечи:

— Ты лучше, чем думаешь о себе. Это правда, не извинение, — коротко гладит мой разбитый подбородок. — За твоими поступками нет зла. Но если ты еще раз обидишь Айяку, я опять тебе врежу.

Выдыхаю. Он серьезен, но честен.

— Договорились.

Запускает пальцы в волосы:

— Гибель Совета ничего не изменит. Выберут новый. Даже если твари прорвутся в Университет, всех не прикончат: внутри хватает автономных убежищ. Часть магов выживет. Со временем восстановят силы и продолжат охоту с удвоенным рвением. Мир не особенно выгоден старшим тварям: придется ограничивать себя в питании. Хотя не нужно будет постоянно менять ареал обитания, прячась от магов... особенно для Высших это важно. Их присутствие очень заметно. Плюс, Высшие еще получили подпитку от нашей магии. Но вот младшие — для них пакт станет спасением.

— Но они ничего не решают. Все в руках Высших, а те уже получили личных магов огня. Клятвы не расторгнуть, — структура поразительно напоминает Университет: Высшие — Совет, старшие — ученые и администрация. Самые слабые — охотники, искатели, техники и прочие, которым не хватило способностей или удачи добраться до власти. А клятва подобна метке на шее: не спрятаться, не стереть.

— Верно. Но теперь они зависят от нас, помнишь? Когда ты паникуешь, твоя сила не только снаружи все ломает, — Наас оглядывается на лишившиеся краски и лепнины дома. — Ей сейчас больно. Успокойся. Она потому и не приходит. Быть с тобой рядом — невыносимо.

Я отступаю. Наас успокаивающе поднимает ладони:

— Потерпи. Осталось чуть-чуть. День, максимум два. А потом...

— Что потом? После пакта? — беспомощно качает головой:

— Жизнь? — жизнь скользит совсем рядом, за старыми стенами и мутными провалами витрин. Танцует дымом в тени рыжеволосого мага. Я нашла ее по эту сторону пламени, но что ждет нас на другой? — При лучшем раскладе — останемся в Университете. Ты права, идея Эйсы с собственным орденом — чушь собачья. Его не особенно любят, даже не воспримут всерьез, профессорского сынка-то! Вот если бы Сойт Роэн предложил... им все восхищаются... но неважно. Без денег, на одном энтузиазме никто долго не протянет. Поэтому останемся. Почти заложниками — Совету только это и надо, но, с другой стороны, твари пройдут за

нами даже сквозь защитный контур. Хорошо, что не все Высшие связаны клятвами: даже если нас заманят в ловушку и убьют, на свободе останутся твари, которые объединят старших и младших для мести. Совет не рискнет... да ты сама понимаешь. Прятаться под носом у врага проще: мы будем на виду у кучи людей, которые не поддерживают политику Гофолии. Продолжим изучать магию, сдадим экзамены и начнем выполнять задания. Приключения, путешествия, невероятные существа... ты не представляешь! Они не похожи на тварей и на нас тоже. Рядом с ними реальность перекраивается, получают места даже более сумасшедшие, чем Отрезок! По-хорошему сумасшедшие, — смеется маг. Солнце путается в сияющих золотом прядях. Его запах — влажная земля, цветущие деревья. Первое волшебство: весенняя свежесть в ветхой комнате с наглухо затворенными окнами. Первое убийство.

— Я однажды... боже, это не пересказать. Послушай, магия... ты ошибаешься. Она бывает не только страшной или злой. Иначе никто бы не цеплялся за чертов Университет. Знак у тебя за ухом, — трогает отзывающиеся дрожью линии, — да — метка, исключая бегство, но и пропуск дальше, чем можно вообразить! Я покажу тебе, когда вернемся! Пройду инициацию и возьму с собой на первое же задание. Кан разозлит... — осекается. Забыл. Забыть очень легко. Растерянное выражение надкалывается морщинками у ярких губ. Обнимаю, глажу между лопатками.

— Все хорошо.

Наас глухо говорит:

— Кан сказал: Тони сам напросился.

— Что?

Горько усмехается:

— Когда связался со мной. Сказал, что мы опасны, что была бы его воля — запер бы всех магов огня в Заповеднике, как Манतिकору. Сказал то же, что и ты: мы портим все, к чему прикасаемся. Поэтому он и не хотел, чтобы ты и я жили вместе. И вообще встретились. Сказал: когда огненные маги объединятся, это станет началом конца. Сказал, что Тони умер из-за меня, — голос пляшет от сдерживаемых слез.

— Прости, — мотает головой:

— Вы оба правы. Но он хотел убить нас, а ты — спасти. Может быть, этот путь действительно — начало конца, но мы пройдем его вместе или умрем. Говори мне, что хочешь. Плевать! Пока ты стараешься, все в порядке.

Ничего не в порядке.

Но в его взгляде боль переплетается с решимостью.

Однажды Наас отыскал дуновение надежды за смрадом болезни и вины. Не растерял веры в людей и тварей даже теперь. Я закусываю щеку изнутри, чтобы не расплакаться — вот, где скрывается настоящая магия:

— Это грандиозный мир, Зарин. Ты не видела и десятой его части. Я притащил тебя сюда. И Тони... Кана. Айю. Я идиот, я должен был... я не хотел ничего такого. Но обещаю, потом будет лучше. С Университетом или без.

— Я бы в любом случае приняла ее клятву, даже зная о возможных последствиях, — прошлое не изменить, ведь чтобы сделать другой выбор, нужно быть другим человеком.

— Знаю, — со смешком выдыхает мне в шею. Легко целует. — Кажется, уже тогда знал.

— Спасибо, — что выбрал меня. И все еще выбираешь.

— Всегда пожалуйста, — хмыкает маг.

— Я серьезно, — отстраняюсь, чтобы заглянуть в теплые глаза. — Иначе я превратилась бы в Янни, — или загадочно искалеченного Мантикору. — Я влипла, когда не съела предложенный Ниной леденец. Ты спас меня.

— Подожди говорить о спасении, — морщится.

— Нет. Самое время, — отпускаю его, шарю по карманам.

— Что?

— Я не выкинула, — достаю граненый камешек. — С его помощью можно стереть воспоминания?

— Или превратить в сон, в услышанную историю. Изменить еще тоже, — хмурится. — Только память? Или... приоритеты? — избавить Энид и прочих от картины смерти Кана было бы верным решением. Простым. Но я не в силах принять его.

— Одна мысль способна изменить все. Что ты хочешь сделать?

— Я сама пока не уверена.

— Осторожней с непенфом, — просит. — Я бы сказал: избавься, но их чертовски трудно достать.

А иногда и несправедливые меры необходимы — остается несказанным.

— Да.

— Если захочешь внушить мысль — дождись начала действия непенфа и назови человека по имени. Иначе он запомнит все нереальным, хотя прямые указания почти наверняка исполнит.

— Почему? — Нина не спросила моего имени. Значит, была уверена, что даже с искаженной памятью я не выброшу колбу с прахом.

— Не уверен, — Наас чешет лоб. — Включается какая-то подсознательная суеверность, или вроде того. Знаешь, когда люди обходят черных кошек или избегают ступать на трещины? У каждого есть свои страхи и ритуалы, чтобы успокоиться. Желание исполнить требования, озвученные рядом с приемом непенфа из этой же серии. Тупое, но неодолимое.

— Ясно. Хорошо, — леденец отсвечивает травянисто-зеленым и клеится к коже. Прячу в карман.

— Прогуляемся? — Наас отступает, опускает ресницы: пытается убежать от своей обретающей плотность тени.

— Ты говорил с ней?

— Нет, — ерошит волосы на затылке. — Надо, знаю. Сегодня ночью, — повышает голос, обращаясь к клубящейся под ногами тьме. — Сегодня ночью они придут утвердить пакт, — бледно хмыляется маг, становясь странно похожим на мелькнувшую за его спиной

и пыльной витриной гривистую тварь. Коротко оглядывается.

— Иди к ней, — ты же хочешь. Тебе же нужно.

— Я... — сутулится и прячет руки в карманы джинсов.

— Боишься. Ничего. Иди.

— Ты тоже боялась Плутона? После клятвы? — на переносице прорезаются глубокие морщинки. Их следы уже не исчезают, даже когда Наас улыбается. Признаюсь:

— Я была в ужасе.

— Правда? — удивленно взлетают рыжие брови. — Мне показалось, вы сразу поладили.

— Нет. Я до сих пор ее не понимаю, — где она? Трогаю шрам на ладони в поисках ответа. Парень ежится:

— Кошмар.

— Да, — он не двигается с места, поэтому я ухожу первой. Коснувшись на прощание прохладной щеки, встречаюсь взглядом с облачившимся в плоть чудовищем. Крестообразные зрачки неподвижны, плоский череп с роговыми наростами на скулах обтянут дымной седой шерстью. Тварь просачивается сквозь стекло, охаживает впалые бока тонким, с проступающими позвонками хвостом. Мощные львиные лапы не вяжутся с изогнутым костлявым телом, но она грациозно переступает по битому асфальту, струится, будто привидение. Наас рывком разворачивается, едва создание заговаривает:

— Ни-ве-тишшш, — треугольная пасть легко падает, показав три ряда акульих зубов, и медленно, с усилием, поднимается. Маг застывает, сжав кулаки, — только грудь под рубашкой ходит ходуном.

— Ниветишш, — повторяет тварь ровнее.

Облизав губы, Наас хрипит:

— Наас. Наас Мерезин.

— Мой, — шелестит она. Я тихонько иду прочь.

— Моя, — доносится сзади.

***

— Ударю, — шипит под настезь открытым окном Хикан.

— Бей. Я знаю, как ты бьешь, — насмешливо отвечает Эйса.

— Не в полнолуние, — на грани слышимости.

— Я не хочу оставлять тебя одного, — Янни и Мария ушли. Когда я проверяла в последний раз, на стадионе появились две точки. Соит Роэн скрипит паркетом, расхаживая кругами по комнате. Тянет табаком. Остальные рассыпались по волшебной карте, но мне некуда пойти. Завариваю мятные листья, которые пил Кан, стараясь не выдать себя неосторожным звоном ложки о фарфор. Маги в синем от сумерек дворе зажгли торшер из гостиной. Теплые отсветы ложатся на дерево и машину, притихших птиц среди ветвей. В коридоре по полу протянулся размытый прямоугольник: гаснет на мгновение через каждые девять шагов. Кухню давно затопили тени, но я сижу в темноте и грею ладони о чашку.

— Эй...

— Что еще?!

— Тони. Мне жаль. Я должен был раньше сказать...

— Забей. Мы не общались последние годы. Когда я перешел в техники, стало трудно поддерживать связь.

— Почему? Что случилось? Почему ты вообще решил сменить блок?

Хикан огрызается:

— Слишком много вопросов.

Облокотившись о стену, подтягиваю колени к животу, едва помещаясь на шаткой табуретке. Закрываю глаза. Чай остывает, но мне перехотелось пить: чертова мята горчит во рту.

— Ну как? — Эйсандей спрашивает уже в четвертый раз. Оборотень отчетливо клацает зубами:

— Так же! Ты достал! Я же объяснил: магия фонтана дискретна. Я не вижу системы в выбросах. Для нормальных расчетов мало тех побрякушек, которыми снабдили Сано. С ними понадобятся недели наблюдений, а у нас нет времени! Жертвы тоже нет, разве что выбрать кого-нибудь самого сумасшедшего и...

— Хикан!

— Да шучу я... а ты заткнись. От этих выкладок зависит и твоя жизнь, между прочим.

— Ты же закончил с мясом. Дальше просто.

— Да. Осталось настроить связки, чтобы крепко держали источники силы и полюса, не разорвались в случае магической атаки, но легко лопнули от точечного огненного импульса, когда нам понадобится запустить портал назад. Тот еще геморрой. Мы не можем полагаться на удачу.

— А Мантикора? По твоим расчетам, он справится? — понижает голос Эйса.

— Я не знаю, — устало отвечает оборотень.

— Сними его.

— Что?

— Крестик. Серебро же ранит тебя, когда луна округляется. Почему не снимаешь? — Он напоминает о необходимости контроля. Как только начинает печь — пора следить за поведением. Как остывает — можно расслабиться.

— Это пытка. Ты и так мучаешься, а еще и...

— Эйса. Перестань. Не тро... отдай!

— Нет. Теперь я буду твоей совестью. Сосредоточься на формуле.

Его ничего не выдает — но я ощущаю холодок у виска раньше, чем дыхание снега и жаркие руки.

— Насекомые, — Илай непонимающе моргает:

— Что?

— Если бы бабочки вились у света, пели сверчки — Отрезок ничем бы не отличался от дома, — обычный вечер. Только напряжение сковывает плечи, копится в сцепленных пальцах и морозит позвоночник. Качается сияние за окном. Невидимый Хикан вдруг рывкает:

— Не трогай!

— Тебе же не видно.

— Поставь! И убирайся!

— ...иначе ударишь, я помню. Рисуй давай.

Я шепчу:

— Нина сказала мне, что маги огня и твари совсем как фонарь и мошкара.

— Нет, — улыбается Илай.

— Нет, — соглашаюсь. Слишком просто. Тогда нас бы здесь не было, а бабочка- Плутон сгорела бы дотла в нашу первую и единственную встречу.

Илай садится на стол и берет меня за руку, подносит к губам:

— Завтра все изменится.

— Завтра? — так скоро?

— Да. Чары почти готовы. Твари придут в полночь. Утвердят пакт. Нам лучше уйти. Не стоит пересекаться с Алвой. Чересчур сильна. Ровня Мантикоре, — я не увижу Плутона. Не и ту ужасную тварь — Алву — тоже.

— Вы с Наасом не потеряли сознания, — вытягиваю ноги, разгибаю затекшую спину.

— Она не обратила на нас внимания. Ты горишь ярче.

— А Янни?

— Наоборот, очень слабый.

— Алва... — гладкое имя. Властное. Ей подходит. — Что с Сирасом?

— Он рядом.

Треснутое стекло в форточке жалобно звякает. Коротко рычит Хикан. Илай улыбается уголком рта.

— Исполняет свое обещание, — хлопают крылья: воробьи мечутся в паутине веток. От ствола отрастает согбенная фигура. — Следит: вдруг я причиню тебе вред?

— А хочешь? — всего несколько дней назад я спрашивала его о том же. Вязкий взгляд из-под морозных ресниц держит крепче сильных пальцев. Наклоняется, трепещут ноздри — вытягивает мой запах. Нагретый камень, да? Даже сейчас, когда солнце давно закатилось за щербатые крыши. Понимает без слов:

— Хочешь, — впитаться в яркие губы, прикусить, чтобы лопнули затянувшиеся ранки. Распробовать металлическую суть его колдовства. Хрукает окно. Он кусает в ответ — больно, правильно.

Как осколок, проткнувший ладонь однажды. Магия ранит:

— Это в нашей природе.

Стеклянно лопнув, снаружи гаснет свет. Темнота оглушает. Касаюсь его груди, провожу по плечам, спускаюсь по обнаженной коже правого предплечья с узлами шрамов — не вижу, но помню: серебристые на белом, куда светлее моих. Царапаю прохладную шероховатость перчатки: сними. А, впрочем, неважно. Накрываю запястья. Зажмуриваюсь и возвращаюсь назад в поисках правды:

— Я думала, что отличаюсь. От тварей.

Сладкая ложь. Вроде без бабочек фонарь перестанет светить.

— Что они — зло. Не я. Нужно лишь прогнать.

Долгие летние месяцы без тьмы. Колба с прахом маятником качается под одеждой. Что я сделала с внезапной свободой?

Приковала себя к столбу на забытой богом парковке, чтобы найти людей более страшных, чем когда-либо знала.

От рычания оборотня волосы на затылке встают дыбом.

— Они уходили. Приходили новые. Исчезали, чтобы вернуться.

Сплетаю чары, целуя. Кровь на языке скрепляет волшебство.

— Летели на свет.

Тянет гарью.

Илай будто пожарище. Пламя тлеет в углях под слоем сизого пепла, еще горячий дым набивается в легкие. Рывком поднимает на ноги, дергает к себе:

— Что ты пытаешься увидеть? — часто моргает, словно ему тоже жарко и едко.

— Тебя, — багряный жар плавит воздух, обжигает горло.

— И хочу показать, — изменить ключевую связку, произнести вслух. Смотри, гляди же:

— Это всегда была только я.

Лицо Илая ломается удивленным, уязвимым выражением. Осторожно разжимает хватку. Трогает ямочку между ключиц, надавливает. Закрыв глаза, погружаюсь в колкую память — пусть волшебство длится. Смотри:

— Я не хотела отнимать его жизнь. Мне очень, очень, очень жаль.

Сзади взвизгивают половицы.

— Хватит, — тихо просит огненный маг.

— Все нормально? — доносится из темноты коридора.

— Да, — говорит мне Илай.

Я вытираю щеки. Во дворе занимается мутное зарево. Голова Хикана показывается над подоконником, Илай напрягается под моими руками: оборотень скалит заострившиеся клыки. Лимонная радужка ядовито полыхает, а зрачки сузились до вертикальных щелей.

— Тогда какого хрена вы творите?! — интересуется сиплым от ярости голосом. Тяну Илая за футболку — вниз, сейчас мы недопустимо выше. Но он неподвижен. Отвечает, прищурившись и тяжело роняя слова:

— В полночь придут твари. Закончить пакт. Знак будет готов?

За спиной техника, затмевая робкий свет, поднимается мрак. Чернее ночных теней, плотнее знакомых силуэтов тесного дворика. Шелест мышц и похрустывание суставов заставляют передернуть плечами. Илай не сводит с парня пристального взгляда. Тот вздыхает, трет воспаление от цепочки, фыркает:

— Отвали.

— Полночь. Мы уходим сейчас. Одна из тварей невыносима, — дает ему время обдумать услышанное и тянет меня за собой.

— Куда? Рано, — в дверном проеме застыл, скрестив руки на груди, Сойт Роэн.

— Пусть идут, и тварь прихватят! — кричит Эйса. — Иначе мы не сможем продолжить!

Наколдованное им сияние не прогонит Сираса: твари жадны до свежего страха. Оглядываюсь. Хикан по-звериному морщит нос, раскачивается, вцепившись в косяк, — поскрипывает рама. Ногти впиваются в разошедшееся дерево. Оценивающе рассматривает нас: хороша ли добыча? На кого наброситься сначала? Шуршание ткани и писк паркета — бывший полицейский меняет позу. Готовится выхватить пистолет. Илай кажется расслабленным и держит ладони на виду. Только перчатка вздыбливается чешуйками.

Я могу убить одним лишь желанием и несложным словом. Если успею.

Если захочу.

Сойт Роэн отступает, освобождая путь. Густые брови сведены на переносице:

— Без глупостей, — вполголоса предупреждает, когда проходим мимо. — Все мы хотим благополучно вернуться домой.

Провожает до выхода, опирается о стену у поисковых знаков.

— Не уходите далеко, — но подразумевает другое: мы будем за вами следить.

Для него магии огня непредсказуемо опасны. Он не видит особой разницы между нами и тварями.

Я тоже больше не в силах отыскать ее.

***

Выйдя из дому, поворачиваю направо — прочь от бурых следов на усыпанном камнями тротуаре, но Илай говорит:

— Сюда, — шелестит чары, позволяющие ориентироваться в глухой темноте наступившей ночи. Повторяю за ним. Прозрев, перешагиваю через черную кляксу: здесь упал застреленный Айякой охотник. Пыльное пятно с короной брызг отмечает убитого Плутоном. Погибший от рук Тони ничего после себя не оставил, даже лицо стерлось из памяти.

Ниль снился мне сегодня. Во сне он умирал целую вечность, зажимая разорванное горло блестящими алыми руками. Илай опускается на корточки, кончиками пальцев касается засохшей крови. Достает мел.

Мне холодно. Обхватываю себя за плечи, чтобы не отвернуться. Нельзя.

Магия начинается с правды.

Ею и оканчивается.

В небе клубятся и толкаются тучи, скрывая Плутоновы звезды. Ни единого просвета — как в такие дни найти дорогу из тьмы?

— Я не помню ничего особенного, — ровно говорит Илай асфальту. Ладонь зависает над дырой в белесом узоре. — Он был моим другом. Прикрывал перед администрацией. Врал ученым в докладных, чтобы увеличить интервалы между ритуалами. Убедил, что я слабоумен. Неопасен. Спас мою жизнь, а я не могу... ничего не приходит на ум. Одни глупости.

— Глупости важнее всего, — они перевешивают вину и страх. Заполняют лакуны жизни.

На крышах шуршит дождь. Я вдруг замечаю, что иных звуков и нет, а за черными окнами домов — стоячее болото из мрака. Младшие твари ушли, подобно нам не желая встречаться с Высшими.

— Просто выбери, каким ты хочешь его запомнить, — живым. Не изломанным и напуганным, глядящим в бесконечность. Сморгнув, прогоняю видение: вогнутая грудная клетка, обожженная, без волос и бровей, голова с распухшими, неузнаваемыми чертами. Чертов Кан. Тони... Ниль. Что же мы наделали?... Глазам горячо, хоть меня трясет в ознобе.

Илай наклоняется, закрывая чары от частых капель.

Моя футболка мокрая насквозь, между лопаток текут ручьи, когда он наконец трогает заклинание:

— Ниль Д. Пхакпхум, — протягивает громадную ладонь смуглый широкоплечий парень с выбритыми висками. — Твой сосед.

Комната — копия жилища Нааса и Тони. Только на шкафу нет вещей, а четыре кровати одинаково аккуратно застелены синими покрывалами.

Я не спешу с ответом. Охотник напротив без кителя и оружия, но под серой форменной майкой перекатываются литые мускулы. Хмыкает:

— Да.

— Что? — мой надтреснутый голос лишен интонаций.

— Ты правильно угадал. Меня приставили к тебе нянькой. Макс сказал: начнешь чудить, как Гилберт, — разобраться.

— Гил-берт? — почти шепчу. Морозит, слабость накатывает волнами, к горлу подступает тошнота.

— Точно, ты же новенький, — Ниль проходится внимательным взглядом. Вздыхает и приближается вплотную. Сжимаю кулаки. Он гораздо выше, а мир качается и звенит в ушах, вяжет слюну кисло-горьким вкусом рвоты.

— Отойди, — я не в силах сдвинуться с места.

Потолок накрывается.

— Или? — парень поднимает пробитую пирсингом бровь. — Что ты мне сделаешь? — Сейчас — ничего, — чужой-мой смешок полнится невысказанной угрозой.

— Ну, попробуешь потом. А пока заткнись и слушай, — непроницаемо-черные глаза серьезны. — Я не собираюсь подтирать тебе сопли, если ты сломаешься. Не стану бить — разве что, в крайнем случае. Дерусь я отлично, кстати.

— Тогда зачем ты здесь? — в залитой яркими лучами комнате неуловимо темнеет. Ниль игнорирует вопрос и перемены. Ловит за руки, поднимает запястья к тускнеющему свету. Показывает.

Вздрагиваю и снова чувствую дождь. Я не замечала эти шрамы раньше, легко не заметить — короткие вертикальные разрезы перечеркивают сходящиеся крест-накрест рубцы:

— Этого больше не будет.

— Почему? — Илай рывком освобождается, шагает назад, ударяется бедром о подоконник. Волна головокружения заставляет задержать дыхание. Не успеваю спросить: что меня остановит?

— Они выбрали меня из всех по одной простой причине, — говорит Ниль Д. Пхакпхум. — Я тебя не боюсь.

Его губы продолжают двигаться, но я странным образом не слышу — Илай не слышит. Рассматривает человека напротив и перебивает:

— Правда? — тот осекается. Непонимающе хмурится. Позади, на дверцах шкафа, высветляется квадрат окна с двумя силуэтами: солнце возвращается. — Что не боишься?

Ниль фыркает. Улыбается. Прищурившись, кивает — на колечках в брови вспыхивают блики. Блестящие капельки чиркают по смуглой коже. Завеса воды, сверкая звездной пылью, разделяет нас:

— Конечно.

Илай ему верит.

Илай хочет плакать: впервые его не боятся.

Ливень сметает сияние и призрак убитого мной парня. Лупит по голове, плечам, размывает лужу под ногами. Прячу лицо в ладонях. Внутренности скручивает спазм. Лучше бы я помнила его мертвым — темной фигурой в баре и раньше, в комнате отдыха: всего лишь незнакомец рядом с огненным магом.

Горячие руки прогоняют холод, Илай прижимает к себе, гладит по спине, убирает налипшую на лоб челку. Жесткие пальцы вплетаются в волосы, не давая отвернуться:

— Все хорошо. Хорошо, — но в темных глазах золотистым кольцом чар стынет боль. Он криво усмехается, ласково перебирает пряди на затылке. — Он бы тоже убил тебя, если бы пришлось. Не раздумывая. Ниль действительно ничего не боялся, — рвано смеется, на секунду снова превращаясь в изувеченного ритуалами безумца.

— Мне жаль, — тебя, не его.

— Знаю. Но я показал тебе его не чтобы... — зажмуривается. — Я хочу, чтобы ты поняла: мира мало. Будет война.

— Ч..т — голос срывается и тонет в шуме воды. Жаркие губы касаются моих:

— Она нужна всем. Даже нам. Мы слишком много потеряли. Слишком много сделали. Кто-то должен заплатить за его смерть, за все смерти. С миром ничего не закончится. Совет хочет управлять тьмой, но не из-за денег. Магия умирает. Пора заявить о ней — или

потерять навсегда. Сано Тхеви права: через несколько поколений существа вымрут, сущности сбегут еще дальше. Все наработки ученых окажутся бесполезными без сырья. Останутся твари, но пакт сделает их недостижимыми. Совету придется открыть магию миру, но и тогда пригодятся только боевые чары. Университет начнет готовить военных, получит шанс занять важное место в политике. Диктовать условия и продавать формулы.

Дождь редет, за ним проявляются другие звуки: плеск, шарканье ботинок. Обернувшись, вижу вдалеке Нааса, Янни и Марию. Илай замолкает. Обнимает теснее. Хрипло выдыхает:

— Но если просто открыть двери для всех — долго ли еще править Советникам? Они рискуют потерять контроль и попасть в зависимость от правительства. Им нужны твари. Если не в подчинении, то врагами. Твари угрожают каждому, их легко ненавидеть. Они везде, даже в нас самих. Чтобы удержать власть, Совету необходимо зло, против которого выступит любой человек. Но оружие, знания — будут только за защитным контуром Университета, — в личной библиотеке Совета. Ежусь, трогаю шрам. Снова спрашиваю себя: что же мы наделали?

Но разве мы могли поступить иначе?

— Все в порядке? — Наас держит Янни за руку. Мальчишка, похожий на мокрого воробья, запрокинул лицо к темному небу и ловит капли ртом. Почти не отрывает подошв от асфальта, чтобы не спотыкаться на засыпанной обломками дороге. Его брат горбится и прячет ладони в карманах куртки. Илай говорит:

— Нам лучше исчезнуть. Сразу, когда пакт вступит в силу.

— Что? Почему? — вскидывается Наас. Мария подходит ближе. Утыкаюсь носом в шею Илая, пока он объясняет, что не будет учебы, экзамена, приключений, а магия еще надолго останется темной.

Для таких, как мы, свои правила игры.

— Это всего лишь предположение. И деваться некуда, — Наас облизывает губы, тянется к знаку за ухом. Тонкие красные линии накрепко привязывают нас к Университету.

— Темные земли, — говорит Янни, раскачиваясь на пятках.

— Опять Отрезок? — Наас кривится, оглядывается. — Зачем тогда уходить?

— Сирас сказал, там хранятся книги, которые удалось спасти от уничтожения. Часть архива Раймонда Аваддона в том числе.

— Ты имеешь в виду рукописи Огненной эпохи? — Наас вздрагивает. Склоняет голову, прислушиваясь. Кивает на приоткрытую дверь через дорогу: по переулку приближаются голоса.

— Да. Заклинания. Ответы. Возможно, там мы узнаем, почему магов огня становится меньше. Или найдем способ избавиться от меток Университета.

— Но если архив у тварей, что помешало им воспользоваться книгами? — Плутон говорила, он сожжен.

— Все магические трактаты защищены от не-людей, — поясняет Наас. Нырнем в магазин с обнаженными манекенами в разбитой витрине. Ступая по хрустящим осколкам, замираем у окна. Янни пытается вывернуться и сбежать вглубь, к шеренгам вешалок с остатками одежды, но рыжеволосый маг успевает перехватить его, прижать беспокойные руки к бокам:

— Тише. Мы прячемся.

— От кого? — свистящим шепотом интересуется мальчишка. Прозрачные глаза сияют в

полутьме.

— Тсс.

Поначалу слышен лишь ручеек чужой речи, но вот я уже выхватываю отдельные слова, а вскоре они складываются в предложения:

— ...ше никто не умрет. Не нужны будут обереги, не придется жить в общагах. Охотники займутся работой, ради которой Университет и затевался! Помнишь, что написано в клятве инициации? Я пришел, чтобы беречь равновесие и

защищать слабых, — напевно цитирует Сано Тхеви. — Со времен Мерлина мы здорово извратили кодекс чести ордена. Пакт Серафима напомнит охотникам, если не администрации, ради чего мы учимся управлять своими чувствами.

— Ради чего? — вопрос целителя обрывает шаги.

— Ради будущего, — в грудном голосе Свидетеля звучит нежность. — Ради человечества. Мы привыкли мыслить в узких рамках Университета. Отделять себя не только от монстров, но и от людей, которые ничего не знают о магии. А мы ведь собрались вместе именно ради них. Пакт спасет множество жизней. Сейчас старшие твари убивают без удержу, не из-за голода, а ради развлечения. Их мало, но жертв — тысячи. Мы сократим число до сотен.

— Но что будет с нами? — вскрикивает Энид. — Мы потеряем все!

— Только Университет. Создадим свой. Без Совета. С правом голоса для каждого. Равенство, демократия, если хочешь. Многие маги перейдут к нам, вот увидишь! Пусть тебе не нравятся огненные — скоро они потеряются среди наших друзей. Сыграют свою роль и превратятся в невидимок, как было всегда. Мы зложим фундамент новой, лучшей системы.

— Фундамент на костях! Они убивают всех несогласных! Они отметили нас, они убили...

— Кана, — шелест. Сдавленные рыдания. Стыскиваю зубы. — Да. Кан боролся за свою правду. Он проиграл. Я очень тебе соболезную. И хочу, чтобы ты нашла покой в собственном выборе. Постарайся хоть на секунду забыть о Кане. Подумай о себе. Твое будущее. Ты достаточно долго была в Университете, чтобы предсказать, каким оно будет там. И можешь представить альтернативу. Сравни.

— Я не могу, — всхлипывает девушка. — Не могу перестать думать о нем. Постоянно вижу его лицо! Мы поссорились... я видела его с Зарин. Обнимал ее, улыбался! Специально, чтобы заставить меня ревновать! Я так злилась... накричала... сказала... я не хотела... не хотела потерять его. Но не смогла признаться, и столько гадостей наговорила! Я не хотела...

— Знаю. Знаю. Тише, ты не виновата.

— Мы всегда ссорились. И всегда мирились! Я думала, и в этот раз... помиии...рим...ся! — я зажимаю рот, чтобы не выдать себя звуком. Слезы холодят щеки. Фотография, где Энид и Кан счастливо смеются — стоит перед глазами. Плач режет шорох капель и сумеречные улицы. Илай обнимает за талию.

Спустя вечность, когда Энид затихает, Сано Тхеви говорит:

— Мне очень жаль. Я знаю, сегодня кажется, что жизнь окончена. В некотором смысле, так и есть. Но однажды твои эмоции изменятся, я обещаю. И лучше, если к этому моменту мир вокруг тоже станет другим.

Энид не отвечает. Звякает битое стекло, шуршат камешки.

— Пойдем. Ты замерзла.

Осторожно пробираюсь между пластмассовыми людьми, чтобы увидеть — хоть

мельком — Сано и идущую следом девушку. Голова опущена, обнимает игрушечного медведя с огромным белым бантом.

Тесно, словно иначе рассыплется на куски.

Сано переделалась: бледно-розовая прозрачная туника шлейфом плывет за ней, едва касаясь земли. Под легкой тканью светятся майка и брюки, вместо балеток — грубые сапоги. Браслетов на предплечьях теперь раза в два больше.

— Кажется, они нашли свои места в Отрезке, — шепчу, отступая назад.

Вздыхает Янни. Наас ерошит его мокрые волосы. Спрашивает, горько нахмурившись:

— Пойдете с нами? — Мария молча смотрит на брата. — Мантикору возьмем. Тебе же нравится Мантикора? — касаюсь плеча Нааса. Блекло улыбается в ответ. Не хочет говорить об Энид. О Кане. Я вижу боль в черных провалах зрачков и что он готов сбежать в Темные земли — не от войны или Совета.

— Мантикора смешной. Пахнет краской, — улыбается и морщит нос огненный маг. Зажмуривается. — Лучше, чем я. Я воняю.

— Почти незаметно, — врет Наас. Я говорю:

— Нина, она частично маг огня. Должна получить печать и уйти с нами.

Имя повисает в воздухе. Наасу предстоит встретиться с сестрой Кана — рано или поздно. Он не отвечает. Кладет подбородок Янни на плечо, следит за срывающимися с козырька магазина капельками.

— На самом деле, всем опасно оставаться, — мы обязаны сказать остальным.

— Они не захотят опять оказаться в логове тварей, — возражает рыжеволосый маг. — У них должен быть выбор.

— Если завтра все получится, поговорим об этом, — Илай сжимает мои пальцы. Если мы выживем. Если освободимся.

— Х-холодно, — жалуется Янни.

— Да, — Наас глядит в пространство перед собой. — Мне тоже.

***

Кафе, где сломался Илай, становится нашим убежищем до предрассветных часов. Теплый свет отсекает ночь зеркалом стекла, а аромат кофе теснит к дверям дождливую сырость. Поднявшись на второй этаж, Илай приносит сухую одежду. — Это... — догадывается Наас.

— Мой дом.

Я глажу мягкую ткань черной рубашки. Мокрые шорты липнут к коже, но длины подола не хватит, чтобы полностью прикрыть бедра. Уткнувшись лицом, вдыхаю запах прошлого Илая — мыло и что-то терпкое, хвойное.

Чужое.

— Не ходи в туалет, — Янни склонился над витриной с по-прежнему свежими десертами. Беспокойные пальцы комкают на животе белую футболку.

— Ладно, — Наас передевается в такую же. Тянет носом, прикрыв глаза. — Господи, мне чертовски не хватало нормального кофе. А за банку пива с чипсами я убить готов! Или пепси. Или...

Я смеюсь: закуски, газировку и алкоголь в Отрезке размели до нас, не говоря уже о сладком. Теперь скинувшая каменное оцепенение кофейня — почти чудо.

— Да уж. Мария много упустил, — брат Янни ушел к остальным, чтобы помочь с текстом пакта.

— Я отнесу ему... вот это! — выбирает лакомство мальчишка.

— Остальные обзавидуются, — хмыкает Наас.

— Может, не надо? Еще передерутся, — говорю я.

Ближе к полуночи высокие окна покрываются изморозью. Доедающий третье пирожное Янни деревенеет, роняя кусок на пол.

— Они здесь, — Илай отступает от заплетенной белесыми узорами витрины, засовывает руки в карманы форменных брюк. Подойдя к нему, касаюсь

напряженной спины, провожу между лопаток. В нескольких кварталах отсюда определяется наша судьба.

— Тогда стекла тоже обледенели, — он смотрит в темный коридор, ведущий к туалетам. Прикусывает нижнюю губу.

— Илай... — кривится:

— Я... не возвращался после... Даже не знаю, где они похоронены, — стирает кулаком выступившие бисеринки крови. Обнимаю. До боли стискивает мои плечи.

— Ты поговорил с Сирасом?

— Да.

— Еще злишься? — мальчишка размазывает пальцем крем по тарелке.

— Да, — отражение Илая хмурится. — И нет. Не знаю.

— Но ты принял его клятву, — перехватывает мой взгляд. — Ты мог выбрать кого-то другого.

— Нет. Только Сирас связывал меня с прошлым. А ты? Тебя...

— Никто не ждет, — легко срывается с языка.

— Мы выпили чай, — вертит ложку Янни. — С конфетами. И нас забыли.

Наас методично рвет салфетку на мелкие кусочки. Громко тикают часы на стене. Голые ноги обдувает теплом из кондиционера, а призрачный Илай в плену оконной рамы целует меня в висок.

— Я не рассказал Хектору, что сегодня делал, — вздрагивает Янни. — Мы много гуляли, но он вспоминал маму с папой и Аллой, а я только слушал.

— Расскажи нам, — мягко предлагает Илай.

— Но... — маг огня нервно двигает блюдца, переставляет чашки: пытается собрать заклинание из посуды.

— Утром мы разбили колбы, помнишь? — утаскивает нож Наас. — Сообщающиеся сосуды. Ты кинул очень далеко!

— Я... — мальчишка застывает. Отпускает сахарницу. Изможденное лицо просветляется:

— Они взорвались зеленым! А потом Рики сказал...

Наас с улыбкой кивает. Мы садимся за стол, чтобы разделить еще одну историю.

Проснувшись как от толчка, сажусь на матрасе. Сердце колотится за ребрами. За окном тесный дворик купается в солнечных лучах. В гостиной негде ступить из-за собранных из тряпок постелей, а воздух тяжел от дыхания. Разглядываю спящих — спокойные лица и взъерошенные затылки, — привычно считаю: раз, два, четыре, шесть, семь... Восемь: Сано с головой завернулась в плед, но вон видны яркие прядки, значит — на месте. Энид уткнулась носом в потертого плюшевого медведя. У игрушки не хватает одной лапы.

Илай шарит по моей подушке. Во сне он кажется хрупким и уставшим, некрасивым: резкие черты, искусанные губы. Синеватые тени под белыми ресницами. Легко, чтобы не разбудить, касаюсь поцелуем щеки, уголка рта. Выпутываюсь из простыней и подхватываю ботинки, вытягиваю из-под матраса теплый пистолет. Паркет едва слышно скрипит под босыми ногами, ворочается в кресле Наас.

На пустом спальнике у тумбочки свернулся Бес: Соит Роэн уже встал. В кухне закипает чайник. Там спали Хикан и Эйса. Постояв немного, сначала иду в ванную: слишком рано для новых разговоров. Вчерашняя ночь еще ноет в позвоночнике, сонное оцепенение делает мысли вязкими, заставляя бежать по кругу вслед за частящим пульсом. Мы вернулись в сизых утренних сумерках и почти сразу пошли отдыхать — после прочтения пакта Серафима и Хиканова раздраженного:

— Отвалили! Все равно ни черта в этом не понимаете! — оборотень собирал воедино кости заклинания с разных листов. Бумажки погребли под собой обеденный стол и подоконник. Зевающий Эйса держал на коленях особенно ценные фрагменты:

— Мы закончим сами. Чары по сути готовы. Идите спать.

— Готовы, — прошипел Хикан, — конечно! Готовей некуда!

— Мы притащили постели, — проигнорировал его сын Хайме, — чтобы не разделяться. Там тесновато, но поместимся.

— Чем второй этаж плох? — хмуро поинтересовался Наас.

Эйса тронул опутывающую запястье цепочку с крестиком и хмыкнул:

— Кое-кто психует. Лучше не спорь.

Обернувшись и напорвшись на штормовой взгляд Энид, я дернула рыжеволосого мага за кончик хвоста:

— Иди первым в душ. Ты жаловался, что замерз.

Мне тоже холодно — до сих пор. Но туман в сознании не желает рассеиваться, и я пытаюсь смыть наваждение прохладной водой, пока за дверью рушится тишина. Вот кто-то проходит мимо. Другой останавливается и дергает ручку. Звякает посуда. Выезжает шкафчик. Дребезжит... я оборачиваюсь. Стекло в узком окошке под потолком ходит ходуном.

— Плутон.

Скинув вещи на пол, ставлю в ванну стул. Шатается, но держит. Высоты хватает, чтобы, поднявшись на цыпочки, выглянуть во двор — длинный и темный, до краев залитый асфальтом. Тварь замерла по центру, напряженная, будто готовая сбежать.

С трудом открываю разохшуюся раму. Громкий треск прогоняет воробьев с балконов:

— Привет.

Скалится своей игольчатой улыбкой:

— Привет.

— Я ждала тебя раньше, — кладу подбородок на подоконник. Замечаю: мы поменялись местами. Момент в Заповеднике — тогда она была по ту сторону окна. — Знаю. Я чувствовала, — пятится.

— Прости. Я ранила тебя?

— Ерунда. Ты волновалась. Почему?

— В Университете считают, что ты мертва, — Плутон переступает птичьими лапами.

Отводит взгляд:

— Они не в состоянии представить, что кто-либо в здравом уме мог принять клятву твари. А без связи с останками я бы...

— Представляешь, как они удивятся, когда поймут? — смеюсь. Глава Совета Гофолия, наверное, догримасничается до судорог. Воздух рвется — Плутон

коротко хохочет. Ежусь: по мокрой коже пробегает сквозняк. В дверь стучат. Наас спрашивает:

— Эй! Все в порядке?

— Да... я сейчас. Скоро, — стул качается. Плутон отворачивается. — Подожди! Застывает вполоборота. Сотканный из мрака рогатый силуэт похож на дыру в картинке.

— Мы не знаем, как именно сработает знак, — я отгоняю видение: маслянисто отблескивающие внутренности под ногами, тяжелеющая от боли и крови кисть. — Хикан говорит, риск огромен. Не только для Мантикоры, полюса... мы тоже в опасности. Энергия оси плохо предсказуема. Если она окажется слишком яркой, когда вырвется на свободу, мы можем стать...

Как Янни. Прикусываю губу. Плутон шагает навстречу:

— Сработает. Вы не пострадаете. Ни о чем не волнуйся.

— Почему ты так уверена? Хикан постоянно напоминает о жертве. Что без нее не сохранить достаточно энергии для обратного импульса. Мне кажется, он считает, что жертвой станет Мантикора. Возможно, даже внес это условием в формулу. Смерть лежит в основе темной магии. Нет ничего сильнее страха смерти, поэтому узор в лабораториях — мертвый полюс — составлен плотью убитых созданий. Наши же чары будут начерчены мелом. До смешного наивно верить, что этого хватит.

Хикан и не верит. Он мог подстраховаться.

— Плутон? — но она лишь снова отступает прочь, уходя от ответа. Быстро говорю: — Илай хочет отправиться в Темные земли, когда все закончится. Он говорит, будет война.

— Скорее всего, он прав, — кривится, вздыбливается шерсть на острых лопатках. Значит, придется идти. Если останемся, умрем первыми.

— Что там? — леса или пустошь? Преисподняя?

— Начало, — лишённые света глаза словно ищут что-то в моем лице.

— Я не понимаю, — вцепляюсь в раму, подтягиваюсь выше. Чешуйки краски забиваются под ногти, а Плутон ускользает:

— Поймешь.

— Объясни мне, — пожалуйста. Просьба ловит ее за миг до прыжка. — Поговори с мной еще немного! — не бросай меня, я ведь не оставила тебя в той клетке! Приблизившись, запрокидывает узкую голову. Изящная и тонкая. Моя.

— Я должна закончить кое-что. Ты найдешь все ответы в Темных землях, поверь. Сейчас не время... — осекшись, вдруг продолжает тише и мягче:

— Мне жаль. Я не хочу уходить, но так нужно.

— Ладно, — смотрю на пролетающих над крышами птиц. — Иди. Ты же вернешься.

Рокочет чуть слышно:

— Да. Конечно.

— Но сначала, обещай мне, — зажмуриваюсь. Я должна была сделать это дни назад, но струсил. Дальше бояться нельзя. Наклоняюсь вперед — на подоконнике трепещут камушки, ползут трещины, а край больно врезается в грудь. Я собираюсь просить слишком много:

— Обещай, что когда в следующий раз посмотришь назад — там буду я. Не Заповедник. Не Тлалок. Не колодец. Не чертовы звезды. Только я, и ничего больше, — щекам горячо, а под веками роятся черные точки, но мне некуда дальше молчать, она правильно сказала: не время. Секунды утекают сквозь пальцы:

— Сегодня прошлое потеряет смысл. Скажи мне, что у нас одно будущее. Помоги мне поверить.

Плутон не отвечает бесконечное число ударов сердца. Отпускаю хрупнувшее дерево и опускаюсь на пятки, прислоняюсь лбом к холодному кафелю.

— Спроси меня еще раз — позже, — шелест за стеной. — Зарин? — зовет Айяка. Во дворе никого.

По плитке простреливает ветвистый разлом.

— Иду!

Выровняв дыхание, подбираю мятую одежду. Взгляд падает на отражение в зеркале. Убираю отросшую челку за ухо.

Скулы и нос обострились, а под глазами залегли тени. Синяк на подбородке вылинял до зеленовато-желтого. Морщинки въелись в кожу переносицы — не оттереть, как и алые пути рубцов на шее и предплечьях. Смешно. Любому магу сразу понятно, кто я такая:

— Угроза, — закатываю рукава рубашки до локтей, оставляю расстегнутыми верхние пуговицы. Завязать хвост, пистолет — спереди за пояс шорт, ледяная тяжесть внизу живота. Пусть видят.

Едва переступив порог, врезаюсь в Рики.

— Извини, — парень роняет тетради. Те, в которых мы записывали последние слова погибших в Отрезке.

— Пгивет, — почти падает на колени, собирая разлетевшиеся листки. — Я здал тебя. Мозем...

— Зарин! — кричит издалека Айяка. — Наас и остальные уже на улице.

— Конечно, — иду на голос, в кухню. Пахнет мятой и сигаретами, у зажженной люстры вьется дым. Бледный Хикан склонился над разложенной на столе газетой с жирно выведенным маркером знаком. Центр узора пустует: здесь чары замкнут в кольцо фонтан.

— Я не понимаю, что значит Яннин кусок вот тут, — оборотень с силой трет виски. — Сраный ублюдок ничего не объяснил, но требует оставить.

Техник указывает на густое звездчатое плетение, тяжеловесное на фоне ажурной вязи. Эйса пожимает плечами:

— Ну и оставь. Когда Янни чего-то требует, он обычно более-менее в себе.

— Более-менее, — цедит Хикан, дергая седые пряди. — Я уже не знаю, сработает ли формула вообще. Я попытался учесть все источники сил, но хватит ли их для открытия портала... им же устанавливать связь с новым знаком...

— Успокойся, — Эйса перехватывает его руки, коротко гладит. — Перестань мучать

себя. Янни вчера одобрил. Я в него верю. И в тебя тоже. Все получится.

Сойт Роэн и растрепанная Сано безучастно глядят на них, устроившись на подоконнике. Рядом на табуретках дышат паром стаканы с зеленоватым чаем, лежат две копии пакта, уже заверенные восьмиликой смертью и спеленутые чарами Бози. Одна достанется людям, другая — тварям.

Если соглашение нарушат, экземпляр невиновной стороны сторит, оповещая о начале войны. Впрочем, Хикан утверждает, что даже без огня каждый человек и тварь ощутит и подписание, и разрыв.

— Хочешь чаю? Я только заварила, — спрашивает Айя, тщательно протирая стол полотенцем. В коридоре мелькает багряная вспышка. Энид.

Не хочу.

— Да, спасибо.

Пока она звенит посудой, сбегая проверить поисковое заклинание. Плутон ушла, но напряжение по-прежнему электризует воздух. Значит, тьма вернулась в город. Собираю обрывки горестных воспоминаний, но они путаются и рвутся, не оживляя вытравленной на обоях плоти волшебства.

Рядом скрипит паркет.

— Не получается? — спрашивает Энид. Вертит медвежонка, разглаживает обвислый белый бант на его шее. Позади, у ванной, мнется Рики.

— Не могу сосредоточиться, — признаюсь осторожно.

— Когда волнуешься, всегда так, — девушка глядит в сторону. Убирает волосы за ухо. Засматриваюсь: алые, сияющие шелком пряди разметались по плечам и грубой черной ткани формы.

— Сложно тогда, наверное, лечить раны, — качает головой:

— Нет. Быстро привыкаешь и перестаешь нервничать.

Из кухни выглядывает Сойт Роэн. Усмехается и ретируется обратно. Отворачиваюсь к чарам и подбираю слова:

— Надеюсь, сегодня эмоции не помешают нам... спастись.

Энид бережно усаживает игрушку на тумбочку, к вазе с искусственным букетом. Поправляет пыльные красные гвоздики — цветы для мемориалов и похорон.

— Я сделаю все, что потребуется, чтобы мы смогли вернуться в Университет. Почти предложение мира. Киваю:

— Спасибо.

Тронув нос медведя и не подняв глаз, Энид уходит в комнату. Через секунду, вновь опередив Рики, появляется Айяка. Помощник Максимилиана просачивается мимо. Хлопает входная дверь.

— Идешь? — девушка оборачивается вслед целителю. Дает мне запотевший горячий стакан с листовенной взвесью. Мятная горечь обжигает ноздри. Волшебница выглядит больной в строгом черном платье. Теревит скрывающие запястья манжеты. Сутулится, когда с потолка, сопровождая чью-то мелкую поступь, сыпется штукатурка. Рассеянно спрашивает:

— У тебя хватает патронов?

— Да. Все хорошо

Нервно оправляет лямку кобуры:

— Если начнется стрельба...

— Будем надеяться, никто не потеряет самообладания и не забудет, что наши жизни удерживают барьер вокруг знака от падения.

— Ваши твари все равно смогут пройти. Защитят нас в случае паники.

— И спровоцируют новую, — слишком много давления. Хватит с магов чудовищ снаружи.

Айяка дергает подбородком: с нее тоже — хватит. Животный ужас от скопления тварей отравляет ее разум и бетонной плитой навалится на всех, кого выплюнет сегодня портал. Стоит одному выстрелить, и...

— Ты уверена, что справишься с Рики, если он попытается что-нибудь выкинуть? — хмурится. Поджимает губы. — Его свяжут, и он пустой, знаю, но и твой друг тоже. Чувства... сложная штука.

— Друг? — роняет. Криво улыбается. — Может быть. Или ты права, и он привел меня в Университет из-за магии огня, — гладит рукоятку пистолета. — Не волнуйся. У меня хватит сил позаботиться о нем.

— Да, я видела, на что ты теперь способна, — пронзающий небо смерч на стадионе. Парализующий страх из ее прошлого уступил место воздушным течениям тревоги. Но он может вернуться — в любой момент. Память коварна, но я молчу, хоть стоит сказать: вдруг ты прямо сейчас ступаешь под радужную тень витражного козырька?

Наас просил не обижать ее. Вздыхаю:

— Просто помни все, чему научилась, и будь осторожна.

— Буду. Ты тоже. По-моему, Рики что-то от тебя хочет.

Ждет снаружи. Наверняка.

— Я пойду. Спасибо за чай, — который в момент растворяет камешек непенфа. Рики сидит на крыльце. Форменный китель замялся горбом между лопаток. Огненные маги и Мария Хектор застыли через дорогу, перед входом в магазин. Янни опять надел огромную красную куртку... папина, верно. Нельзя забыть ее здесь. А вот Наас свою выкинул — сразу после попытки затушить охватившее Кана пламя. Передергиваю плечами: хранящий дождливую свежесть ветерок пробирается под одежду. Земля еще влажная, а по умытому небу, заслоняя солнце, со стороны тюрьмы надвигается пелена. Моя вытянутая тень то наливается мглой, то почти исчезает. Закрыв дверь, присаживаюсь рядом с другом Айяки:

— Вот, — протягиваю стакан. — Айяка приготовила, а я не хочу... не смогу и глотка сейчас выпить, наверное.

Рики коротко улыбается. Черные глаза полны тревоги. Обводит по ободку граненое стекло, касается тетрадей. Пальцы ненадолго висают над обложкой прежде, чем открыть, достать сложенный до пухлого прямоугольника лист кальки.

— Восьми.

— Что это? — в гуще слоев видны заштрихованные фигуры и цифры.

— Кагта белых пятен, о кото-ых не знают в Унивеситете. Выберите любое, чтобы сп'ятаться.

— Метки покажут, где мы.

— Нет, — Рики поднимает брови. — Ты не знаес? Белые пятна дгобят и искажают сигналы от меток. Попавшие в зону помех отображаются с'азу в десятках мест по всему мииу, пг'ичем дажде спустя некотоое вьема после выхода из пятна. Совет сгазу поймет, в цем пьичина, и отпгавит искателей пгочесать известные им пятна. Вам стоит занять дугие.

— Нам? А ты? — Наас оборачивается, жестом показывает: идем. Киваю: сейчас. Рики

должен сделать глоток.

— Я останусь. Вам понадобится человек внутри Университета.

— Зачем тебе это?

Парень дует на чай. Долго смотрит на людей впереди. Хмыкает:

— Я всегда ненавидел магов.

— Что?...

— Не из гевности... зависти. Нет. Вы создаете чудовищ, котоых не хотите понимать. Вы загнали магию в дгемучие леса, запегли, как даконов под земгей. Вы месеаете чудесам. Без вас они вегнутся. Постепенно, неского — чегез века, но нисего. Одназзды магия снова будет зыть среди людей. Я вегну ее.

— Чушь.

— Сто имено? Сто ты вообще знаешь о магии? — кривится он.

— Больше, чем когда-либо поймешь ты, — улыбаюсь Илаю. Огненный маг хмурится, сжимает кулаки, но не подходит. Наблюдает.

Рики выдыхает:

— Туше, — надпивает зеленоватую жидкость.

— Значит, ты помогаешь нам из-за мира с тварями. Чтобы они были в безопасности.

— ...а Унивегситет законсился. Без исследований огден быстго газвалится.

— Или найдет альтернативу.

Рики слепо улыбается:

— Я не позволю.

— Как?

— Не твоя забота. Вы должны спгятаться, чтобы Совет не нашел вас и не убил, нагушив миг. Займите белое пятно. Иг'айте в магию, пегеманивайте людей. Пусть Унивегситет опустеет. Ученые газбегутся, Совет гастегяет силу и сгинет. Охотники насладятся свободой и пгиключениями — бесплатными, пгавда, — Рики умолкает, встряхивает головой. Продолжает плавно, почти воркуя:

— Но ничего, найдут нормальную работу. Сейчас они перебиваются охранниками, грузчиками. Живут в общежитиях, едят бесплатно в кафетерии. Носят форму... а тут денег станет не хватать. Придется искать что-то солидней должностей вышибал в клубе, вспоминать, на кого учились до Университета. Там уже заведут новых друзей, семьи и нормальную жизнь, в которой со временем не останется места колдовству. Все закончится, даже огненные маги — вы уже исчезаете.

— Тогда никто не удержит тварей от нарушения мира, — его взгляд стекленеет. Непенф подействовал.

Если Рики говорит правду — сейчас я совершаю ошибку: наши цели пока совпадают. Но если он лжет, то представляет угрозу.

Он умен, изворотлив. Мог бы такой искренне привязаться к твари? По- настоящему мечтать вернуть миру жизнь, описанную в сказках и легендах? Вполне.

Но и привести Айяку к ученым смог.

Назвать имя. Стереть воспоминания:

— Максимилиан. Рамон Хайме. Члены Совета. Ученые. Администрация. Ты забудешь их слабости. Секреты. Мотивы. Перестанешь понимать. Доверять. Восхищаться. Запомнишь: Университет опасен для тебя. Маги опасны. Магия опасна. Непостижима. Безгранична. Она повсюду. Как ты и мечтаешь. Как ты и боишься, — расплескивая кипяток, стакан

выскальзывает и разбивается об асфальт. Рики не замечает, хоть бледные кисти расцветают красными пятнами. — Ее больше, чем ты способен осмыслить — но не хватит, чтобы заполнить пустоту внутри тебя. Ты должен искать спасение вне чудес и драконов. Этот путь не для тебя, — встаю. Щелкаю перед его носом. Парень, вздрогнув, подскакивает. Судорожно отряхивает брюки:

— Твою мать!

— Обжегся? — замерев в неловкой позе, растерянно щурится:

— Я... да... ты что-то спашивала?

— Да. Я спросила: ты отдал Айю ученым потому, что думал — она маг огня? Хмурится

Поднимает тетради и прижимает к груди:

— Такие, как вы, не должны сусуществовать.

— Она была твоим другом.

Рики засмеялся:

— Дугом! Как будто я д'гужить хотел! — отступаю. Под ботинками хрустит стекло.

Парень трет висок, глядит мимо. Осмысливает свою новую реальность.

— Возвращайся в дом. Тебе опасно выходить за барьер, — с шумом втягивает воздух.

Повторяю напугавшее его слово:

— Опасно.

Прячу кальку с картой в карман шорт и перехожу дорогу.

— Что случилось? — спрашивает Илай. Обещаю:

— Потом.

— Да. У нас мало времени. Надо уничтожить старое заклинание, — говорит Наас

Откидывает тяжелую косу за спину. Волнение высветлило золотистый загар, прорисовав каждую веснушку. Белый как кость Илай протягивает закованную в перчатку руку.

Смаргиваю: призрак, нет — картинка, которую показывала мне девочка. Прозрачная фигура с отчего-то закрашенной в черное ладонью.

Даже улица — та.

— Птицы улетели, — Илай облизывает яркие от новых ран губы. Всматриваюсь в отражающее облака окно: фермы под арочной кровлей пусты.

— Они у фонтана, — предвкушают финал.

— Ненавижу, — шипит Наас.

— Пойдем, — смеется Янни и первым скрывается в сизом полумраке. Замороженная формула колется с сухим лязгом, вроде сминают консервную банку. Мария сбивается с шага, когда расчлененные трещинами линии впитываются в бетон. Мы обходим знак, продолжая дробить остистый скелет и пол подвала. С потолка сыпется известка. Наас отфыркивается и звонко чихает.

— Тут меня стошнило, — топчась по засохшей луже, счастливо сообщает Янни. — Надо тоже убрать. Почему не убирается?

Останки тварей исчезают без следа.

— Забей. Идем, — отмахивается рыжеволосый маг. Идем. В последний раз взбежать по узкой лестнице. Скользнуть сквозь столп пыльного света: полукруг окна выгнулся прямо на начерченных мелом чарах.

— Это тоже я сделал! — мальчишка хохочет, раскидывает руки и, изображая самолет, облетает полустершееся колдовство.

— Да. Ты молодец, — почти ощущаю жалящие брызги прибоя. Что случилось на озере в

сосновом лесу? Сколько еще историй оборвалось в молчании мертвого города?

Снаружи Айяка застыла у размытого бурого пятна. Широкая юбка вьется в коленях: ветер усиливается. Магия или непогода? Облачный фронт подкрался совсем близко, вот-вот сомкнется.

Девушка вертит сияющий киноварью осколок витража.

Выкидывает, а Янни зачем-то подбирает.

Вон остальные — вдалеке, совсем крошечные. На ресницах повисают разноцветные блики, мешая разглядеть людей и запертую временем улицу.

Айяка спрашивает:

— Вы поговорили с Рики? Чего он хотел? Он странно себя ведет. Будто напуган.

— Дал мне карту. Сказал, на ней неизвестные Совету белые пятна, — в моем голосе — эхо напряжения, хоть я не вру. Просто замалчиваю половину правды. — Конечно, он напуган. А ты нет?

— Он будет связан во время... переговоров, — добавляет Наас. — Если начнется бой, его жизнь будет зависеть только от тебя. Не пойми меня неправильно, но любой бы занервничал.

Девушка, открывшая рот для ответа, ничего не говорит и отворачивается.

— Пока, Спайк! Пока, Джоба, — отставший Янни прощается с погибшими охотниками по дуге огибая каждую темную розу на асфальте. — Спасибо за свитер, Карс. Извини, что я его потерял... Пока-пока, Ниль! Ты был классным! Илай теснее переплетает наши пальцы.

— Откуда он... — хмурится Наас.

— Янни видит больше других, — Мария неотрывно наблюдает за братом. Его лицо с тонкими, будто высеченными из синеватого мрамора чертами, несет отпечаток чужой жизни — подобно домам по обеим сторонам дороги.

— Должно быть, твари, которых он создал, — повторяю слова Сойта Роэна, — продолжают жить. Связь открывает Янни путь в их мир.

— Он зашел слишком далеко, — говорит Илай.

— А нужно еще дальше, — чуть слышно отвечает Мария, подводя итог вечности в Отрезке. Шорох шагов и стоны сквозняков среди старых стен отдаются вибрацией за лопатками. В нескольких кварталах от площади над головой перепархивают воробьи. Стайка рассаживается по проводам, сразу затихнув: ни движения, ни писка. Следующие ждут за поворотом. Чем дальше, тем плотнее становятся их ряды. Когда показывается фонтан, карнизы, балконы, крыши, трубы и антенны вокруг скрываются под плотным пернатым покрывалом. Деревья одеваются коричневой листвой.

— Дерьмо, — говорит Наас, едва мы ступаем на площадь. Изучающий газету с телом знака Хикан поднимает лихорадочно светящиеся глаза.

— Господи, — шепчет Мария. Я сглатываю слюну.

Здания вокруг дышат, перекачиваются звуками. За каждым окном громоздится тьма — непроницаемо плотная, до последней капли боль отрезанного мира.

— Мы умрем? — тихо спрашивает Айяка, детским жестом прижав руки к груди.

— Нет. Нет. Я этого не допущу, — отвечает Наас птицам и гривистой тени среди дымоходов. Ниветиш. Влажно мелькает бескожий Сирас. Меня знобит: скоро появится и Алва.

Под пристальным вниманием тысяч могильщиков Эйсандей Ветта опускается на колени. Вычерчивает чары. Нижний слой на разбитых плитах, песком и каменной крошкой,

вверх уходит второй, затем третий уровень — эти уже повисают спиралью. Маг сжимает в кулак булыжник, венчающий узор. Командует:

— Встаньте на фонтан, — земля начинает пылить. Мы спешим уйти с подрагивающей плитки и взобраться на бортик бассейна. Эйса, утративший всякое сходство с надменным профессором Хайме — коричневая куртка вздувается пузырем на спине, шторм полощет каштановые волосы — медленно поднимается и шагает назад, отводя руку и отпуская раскручивающееся заклинание. Камни пляшут вокруг него, набирая скорость. Тонкий свист просачивается в уши, под кожу. Дрожь пронзает от ботинок до макушки. Ураган рвет одежду, толкает вниз, где смыкаются трещины, заполняются бетонным крошечным дыры — плотно, притираясь кусок к куску. Оглядываюсь: алые цветы в припадке трясут головками. Следующий порыв выскребает сухие лепестки, завертев, швыряет высоко-высоко — задираю подбородок и почти падаю. Пепельные хлопья, кружась, разрезают дымчатое небо ломкими краями, солнце

дергается: я пытаюсь восстановить равновесие. На несколько ударов сердца кажется, что падаю — вверх, в прозрачное море, из которого не выплыть. Успеваю упереться пяткой в край, Илай перехватывает за талию. Эйса снова вскидывает кулак, завершая колдовство.

— Ты в порядке? — Илай будто светится изнутри. На скулах черные росчерки. У меня наверняка такие же. Позади него Айяка придерживает вспухающую колоколом юбку, воронные пряди стелются по ветру. Хикан хмурит седые брови и прячет под футболкой драгоценную газету со знаком. Сверкающий янтарем Наас затягивает крепление перчатки. Сано Тхеви с котом на руках, похожая на бабочку в своем нежно-розовом одеянии. Янни кутается в пуховик, его брат напряженно вглядывается в переплетение стеблей у чаши. Задеревеневший от бурлящей магии Соит Роэн вцепился в кобуру. Прекрасная Энид с глазами раненного зверя прижимает к груди сумку с волшебной аптечкой. Встрепанный худенький Рики, серый от страха... как и целитель в черной форме пятого блока

Здесь должен стоять Тони. И даже Кан.

— Мне страшно, — отвечаю Илаю. — Но это нормально.

Правильно.

Невесело улыбнувшись, отводит челку с моего лба и целует в висок:

— Да. Но нечестно. Никто не заслуживает... бояться.

Растираю шею, прогоняя озноб: он прав. Даже Рики не заслуживает. А я его напугала — навсегда.

— Готово. Можно чертить, — говорит Эйса. Хикан спрыгивает на разгладившуюся площадь:

— Погуляйте пока. Я сам.

— Ты уверен? Время... — начинает Наас, но осекается, напорившись на свирепый взгляд. — Ладно. Без проблем.

Айяка смотрит на часы:

— Полдевятого, — они откроют портал в двенадцать.

— Помогите Эйсе с барьером от тварей. Рисуйте пошире. Если что-то потом не поместится, я тебя прикончу.

— Чего сразу меня-то? — возмущается Наас.

— И за этим присмотрите, пусть не суется к формуле, — оборотень кивает на забравшегося в фонтан мальчишку. Янни ерошит соломенные пряди, опускается на корточки и почти исчезает: куртка сливается с цветами, красное на красном. Сажусь на нагретый

бортик. Однажды мы сидели здесь с Наасом. Тогда я еще шарахалась от огня и собственной тени. Теперь морозный мрак буднично обжигает локоть: Илай сплетает нацеленные на тварей поисковые чары.

— Боже, — сипит Рики. Плавкий знак трясется в руках огненного мага, лопается и отслаивается по краям. Я вздрагиваю: тепло. Дымно... а в красных глазах пляшут искры.

— Твоя магия, — Илай зажмуривается. Кивает. Лицо искажается страданием, а рисунок багровеет, наполняясь жаром. Вспыхивая.

— Возвращается, — с белых ресниц срывается слезинка. Заключенный в золотое кольцо заклинания центр Отрезка — единый сгусток пламени, лучами расходятся охваченные пожаром дома. Самые пугливые твари мерцают далеко на периферии, где карта замыкается мощеной останками улицей. Не двигаются, подобно оцепеневшим птицам.

— Как?... — когда колдовство гаснет, обнимаю. Прижимаюсь к мокрой щеке, с силой провожу вдоль позвоночника, по закаменевшим мускулам. Трогаю вертикальные рубцы на запястьях. Илай хрипит на ухо:

— Сирас, — горячий, на виске пульсирует жилка. Я смеюсь, мы смеемся. Наверное, выйдем безумцами: отпрянув, Рики сбегает на границу площади, где маги начинают возводить защитный купол.

— Он научил... я... я по-прежнему многого не помню, но, кажется, перестал забывать. Раньше одно тянуло за собой другое, — стираю влагу с бледной кожи. Прикосновение на миг расцветает розовой полосой. Илай рвано выдыхает:

— Дыры после ритуалов никогда не затянутся. Но и расти не будут.

Проглотив комок в горле, обещаю ему и себе, срывающему кровавые бутоны Янни и звонкому от тревоги Марии:

— Мы выберемся отсюда. Выберемся и создадим новые воспоминания взамен потерянных.

Спустя несколько часов, когда над нами уже мерцает кружево барьера, а тонкие линии портала тянутся до самых зданий, местами взбираясь по стенам — воздушные и почти незаметные, — я подхожу к Сойту Роэну. Протягиваю карту белых пятен. Развернув кальку, мужчина хмурится. Касается чисел у жирной точки в центре:

— Координаты Университета. Что это?

— Белые пятна, — я оглядываюсь. Рики на другой стороне знака. Илай связал его запястья, и сейчас колдует над головой. Айяка проверяет набедренную сумку: там должны лежать только тетради, никакого оружия. — Рики говорит, в них можно скрыться. Я не знаю, стоит ли ему верить, но полагаюсь на твое мнение. Пусть карта будет у тебя.

— Почему? — сигарета в уголке его рта роняет пепел.

— Мы не останемся с вами. Мы хотим найти Темные земли, — поднимает брови. Трет заросший щетиной подбородок. — Вам придется строить новый орден самим. — Интересно. Но я имел в виду: почему я? Отдай Эйсандею. Он у нас активист.

— Этого мало. За ним не пойдут. За тобой — да, — мужчина щурится. — Только от тебя зависит, будет ли существовать альтернатива Университету.

— Почему? — повторяет, будто насмехаясь. Но карие глаза не смеются.

— Наас сказал, тобой восхищаются. Неудивительно. Ты не маг, но стал искателем. Значит — сильный, и понимаешь волшебство лучше многих. Наверное, потому, что каждую секунду помнишь о смерти.

— Что? — резко выпускает дым вниз.

— Я пыталась разглядеть магию внутри тебя, помнишь? У меня получилось, — подхожу вплотную и касаюсь его груди там, где под тканью футболки клокочет дыхание и тяжело бьется сердце. — Ты хочешь оставить след. Память о себе. Как и все мы, ведь нет ничего важнее. Каждое крохотное воспоминание способно определить будущее: через мудреные формулы или простые слова. Не нужно быть волшебником, чтобы сотворить чудо. Эйса... — присел рядом с Хиканом, указывает на разрыв в плетении символов. Улыбаюсь:

— ...мечтатель. Он видит, что Университет стоит на костях, но надеется построить собственный малой кровью. В нем не хватает жестокости и страха. Тебе же болезнь подарила их в избытке.

Сойт Роэн пристально рассматривает меня. Жалобно шуршит под ветром калька.

— Ты спрашивал, чем цепляет магия, — на что она похожа. Я ответила: на жажду, но не сказала главного:

— В заклинаниях прошлое обретает смысл, а жизнь — ценность. Мы все живем ради наследия, но забываем об этом, потому что не хотим думать о смерти. Но мы должны, иначе опоздаем. Понимаешь? Кто-то должен помнить за всех, что время кончается.

— О чем болтаете? — обернувшись, обнаруживаю Сано. Женщина поправляет венки в розовых волосах. Рядом на бортике Мракобес сражается с белой лентой, перетягивающей мохнатое тельце ровно посередине. Бант с медведя? Похоже... Волшебница смеется и дергает, протаскивая кота вперед. Сойт Роэн выкидывает окурок, складывает карту и прячет в карман куртки. Говорит:

— Обсуждаем, есть ли жизнь вне Университета.

Растираю покрывшиеся мурашками предплечья: похолодало. Небо с мутным солнечным оком сплошь чешуйчатое от серебристых облаков.

— Хороший вопрос, — Сано наблюдает, как зверь дерет пути. Спрашиваю:

— Есть предположения? — качает головой. Венки съезжает на затылок и рвется, когда женщина пытается вернуть его на место.

— Ну вот, — сминая нежные цветы в кулаке, отводит взгляд. — А я хотела быть красивой. Помада хоть не размазалась?

— Нет. И ты очень красивая, — честно отвечаю я. Сано дергает уголок яркого рта: — Незабываемо красивая, надеюсь, — расправляет тунику, — иначе легко затеряться в братской могиле.

Выбрасывает испорченное украшение обратно в бассейн, целя в скалящий зубы череп.

— Ты поэтому никогда не носишь форму? — Сойт Роэн закуривает новую сигарету. Сано шмыгает носом:

— Разумеется. Если меня не станет, я хочу, чтобы это заметили. Даже те, кто не был знаком со мной, но видел мельком в Университете. Одного человека легко заставить забыть. Всех не обманешь.

Обхватываю себя за плечи. Под ребрами лед: крохотный Хикан вдалеке смыкает узор. Рассыпавшиеся по площади маги одинаково неподвижны, словно заразились от птиц и тварей. Следят, как срастается плоть волшебства. Даже кот сдается и замирает лапами вверх. Волшебница чешет его за ухом:

— Ты здесь самый важный, малыш. Остальные не в курсе, но мы-то с тобой знаем. — Знаете, что? — она говорила подобное и прежде. Сано напевно воркует, склонившись над Бесом:

— Что в нем кусочек твоей твари. А в кусочке — немножко от ее хозяина. Столетия

назад профессор Люциус У. Тлалок присягал на Камне силы, чтобы стать Советником Тлалокком. Все члены Совета до него и после тоже проходили посвящение. Единение душ сквозь века — так, помнится, обозвал церемонию Гофолия. Падкий до пафоса ублюдок.

Сойт Роэн хмурится:

— Речь в день инициации Цирты.

— Советника Коди, имей уважение, — закатывает глаза Свидетель. — Теперь Цирта в прошлом. И вот здесь, — кладет руку на разомлевшего от ласки Беса. — Все они здесь.

— Тварь расщепили? Я не думал... у них не получалось подделать слияние, подселить искру в живое существо. Ты уверена? Видишь с помощью своего дара? — мужчина тоже наклоняется над животным.

— Да. И разумеется, уверена! У них получилось. Папаша Эйсы — гений, — тихонькс сообщает коту волшебница.

— К чему ты клонишь? — понижаю голос, хоть рядом никого — только Янни копошится в цветах фонтана.

— Поэтому ученые думают, что тварь мертва, — продолжает Свидетель. — Две частицы уничтожаются в момент встречи. Его отправили с посланием не ради сообщения, а убить Плутона раньше, чем она прикончит Совет.

— Она не смогла бы, — возражает Сойт Роэн, — для тварей чары этого порядка закрыты: как магические трактаты и Университет. Создатели ритуала посвящения в Советники не были полными идиотами.

— И Плутон жива! — вскрикиваю. Мальчишка морщится и прячет лицо в охапке алых бутонов. Оглядываются Илай и Наас.

— Физическая оболочка помешала? — предполагает мужчина. — Или клятва защитила тварь?

— Видимо. Здесь ученые просчитались, — Сано Тхеви протягивает мне свободный конец ленты. — Клятва Плутона лишь связывает вас, но слияние даст тебе власть над жизнями Советников. Тварь не может убить их, верно. Ты — сможешь. Это лучший стимул к подписанию пакта и наш золотой билет домой. Возьми. Шарахаюсь от трепещущей белой полоски. Маги огня приближаются через внезапно потемневший узор. Хикан поднимается с колен.

Знак закончен.

— Я не... — чувствую знакомое онемение чуть ниже поясницы. В висок ввинчивается мигрень: чары готовятся ожить. — Слияние сводит с ума!

— Ты выдержишь. Ты приняла тварь, в отличие от остальных. И в коте лишь кроха памяти — ее и Тлалока. Меньше, чем ты можешь представить, и меньше, чем заметишь после соединения.

— Это только догадки! Ты понятия не имеешь!... И что, по-твоему, нужно сделать? Свернуть ему шею?! — уничтожить... физическую преграду. Бес мурчит, помахивая пушистым хвостом.

— Нет, — доносится сверху. Над чашей фонтана вздымливается мрак. Ветер закручивается в тугую спираль, пригибая цветы к земле и обнажая заплетенные корнями кости. — Ты знаешь, что делать.

— Я не...

— Спроси еще раз, — Плутон прыжком оказывается в звездчатом узле. Вглядываюсь: его нарисовал Янни и не понял Хикан. — Я услышу. Обязательно услышу.

— Конечно, ты ведь будешь рядом, — слабость в коленях замедляет шаги.

— Да — когда его искра перейдет к тебе. Мы станем единым целым.

— С ним! Ты тоже останешься, — я цепляюсь за воздух.

Плутон кривится — будто рябь по воде:

— Прости. Без жертвы не связать знаки. Не открыть портал.

Из-под когтистых лап рвутся темные струйки, стремительно наполняя заклинание.

— Нет! — но кровавая паутина ширится. Чирикание накатывает приливной волной, выплескиваются лепестки из могильника, а твари — из-под прикрытия дрогнувших стен. Бросаюсь к ней — птицы разом падают в небо, треск тысячи крыльев звучит раскатом грома. Тени отсекают бледное солнце.

— Все хорошо, — она качается, но стоит. — Мне давно пора уйти.

Шерсть обжигает льдом. Пытаюсь столкнуть с выкачивающих жизнь чар:

— Хватит! Перестань!

Плутон прикрывает глаза и тяжело опускает голову мне на плечо:

— Я жила очень долго. Теперь твоя очередь.

— Не смей! Ты обещала! — но она только выдыхает холод, оседая. — Помогите! Помогите поднять ее! — и кто-то помогает. Все они, наверное — пытаются оторвать ломкое тело от вспухающего плотью узора, но Плутон выскользывает, вновь и вновь сливаясь с ним в неразделимое целое.

— Не надо, про... шу те...! — слова расплываются и рушатся в клетке заклинания. Просачиваются сквозь пальцы — столько рук, белые на черном. Пыль жжет кожу, рокошущий голос опалает шею:

— Ты освободила меня однажды. Отпусти и теперь.

— Нет! Пожалуйста, хватит! Плутон... Не отпускайте ее! — но они отступают, расплываются до похожих силуэтов. Смагиваю слезы: только голова в моих ладонях. Тонкие рога осыпаются пеплом, жидкая тьма морозит колени. Лицо лопается оскалом:

— Часть меня всегда будет с тобой, Аваддон, — ее глаза сияют, как чертовы звезды. — Не плачь, тише... Я ни о чем не жалею, — клацают игольчатые зубы, разбиваются. Секунда — и руки пусты. Сердце колотится в горле. Беснуются в небесах воробьи. Один за другим по спирали спускаются ниже, к останкам. Зажмуриваюсь, сжимая виски.

— Зарин... — Соит Роэн. Показываю трясущиеся ладони. Смехом вырывается:

— Вот. Вот, чего хотят твари. Вот, вот!

— Свободы, — осторожно говорит он. Птицы слетают вниз. Нет!

— Вы не заберете ее! — пламя разворачивается в груди — Плутоновым стеклянным смехом. Вспыхивает рубашка.

— Зарин! — я бью, раскалывая камень. Сотни огоньков расцветают вокруг и взмывают ввысь. Разжать кулак — горите!

— Перестань! — Наас трясет за плечи. Выставить ладони — отшвырнуть прочь, удар отдается в запястьях. Стая распадается, спасаясь от хватких языков, но огонь гонится следом: я не позволю им выжить.

Меняется рисунок барьера: я больше никому не дам умереть.

Первые воробьи с хрустом врезаются в плиты. Через мгновение дождь из мертвых тел колотит по спине. Желанием испариваю шрам, роняю горячие капли, мешая с ее кровью. В памяти тлеют шерстинки — мертвый полюс на другой стороне портала. Живой притаился в звере совсем рядом — связать. Потянуть.

Трупы влипают в формулу.

— Она открывает портал! — хрипит невидимый Хикан. В легкие набивается едкий дым.

Щека вспыхивает: Наас.

— Оставь ее! Помоги! — Илай. Дернувшись, знак приходит в движение. Краснеют линии: огненные маги спешат наполнить волшебство своим страхом. Далекая четвертая сила щекочет ноздри запахом свежей краски. Мантикора.

— Иди сюда, — боль простреливает позвоночник, взрывается в мозгу.

Твари за барьером отвечают ревом.

Закрываю глаза, впуская рванувшую навстречу чужую магию и позволяя узору вытравиться на сетчатке. Звездчатая дыра Янниных чар перекраивается в точку разрыва — я вижу и не вижу, и будто бы понимаю: как захлопнуть дверь, когда мы уйдем по дороге от жизни к смерти.

Бережно собранное Хиканом тело заклинания разлагается до костей, заплывает месивом жил и плоти, чтобы переродиться в совершенно новое существо. Его первый крик всасывает стылый послед демона.

Второй заставляет магов рухнуть на колени.

Третий стирает настоящее, запирая сознание в моменте из прошлого, моего и — больше нет. Я опускаюсь на землю, прижимаюсь щекой. Прошу, как уже просила тьму однажды:

— Забери все, что хочешь. Любую память. Но не трогай их, — пусть что-то исчезнет, когда я оглянусь назад. Нестрашно.

Плутон будет там. Наверняка.

Улыбнется серебром, острая и незыблемая.

Улыбаюсь в ответ. Небо падает на землю. Тревожно перекликаются люди. Зажигается знак, фигуры очерчиваются светом, словно искры, танцующие в пожаре: мимолетные, смертные. Больше, чем ночь над колодцем, и гораздо меньше, чем приходящие за мертвецами крылатые тени.

Меня одной хватит. Среди солнечных улиц Отрезка теперь не отыскать хрупкий рогатый силуэт, но Мантикора не умрет, Янни не забудет. На запястьях у Илая не прибавится вертикальных разрезов, а Наас ни на мгновение не вернется в прогорклую комнату, где на повторе рябит помехами телемагазин.

Во мне плавится воздух. Янтарь под кожей, текучий и обморочный, неожиданно цепок. Правильно: я расколола душу. Облака продолжают переливаться золотым пламенем, хоть птиц не осталось. Поднимаю раненую ладонь, накрывая круляшек солнца. Сквозь звон в ушах долетают обрывки фраз.

Перевернувшись на бок, откашливаю сгустки металла. Легкие набиты жженой ватой, из носа бегут горячие струйки. Вижу ноги в тяжелых ботинках, как же их много. Одинаковые форменные брюки, одинаковые стойки. За ними еще ряд, и еще, ни единого просвета. Картинка расплывается, стоит качнуть головой, пересыпаются калейдоскопом осколки лиц, оружие и вспыхивающие шорохом боевые перчатки. Зажмурившись, пытаюсь справиться с тошнотой, но проигрываю: горькая желчь обжигает горло. Свет гаснет, теряется в прикосновении и морозном дыхании.

Снова вижу полыхающую вязь в небесах вечность и миг спустя. Надо мной наклоняется взъерошенный и грязный мальчишка. Русые прядки сияют нимбом. Шепчет:

— Кииссса.

Из его огромного полурасстегнутого пуховика испуганно глядит кот. Отрываю свинцовую руку от земли и трогаю зверя: настоящий, не кажется.

— Киса! — он будто чего-то хочет. Тихо и ужасно пахнет смертью.

— Киса, — соглашаюсь, сворачиваясь калачиком. Резь в животе и тряский озноб ярче гримасы незнакомца и волнения в стройных рядах... охотников. А мы — дичь. Судороги выкручивают суставы, реальность то наваливается букетом звуков и

запахов, шершавыми от праха — ее праха, господи, — плитами под щекой... то вдруг тухнет до колкой боли и тяжести слева в груди. Щекочет ноздри химическая вонь. Краска? Кто-то говорит. Ритмично, вроде читает с листа. Громко, но все равно едва слышно: черная стена людей жонглирует эхом вопросов, ответов, предположений и надежд:

— Обереги...

— ... не надо на них...

— Тварей ловить не придется!

— Где остальные?

— Кан Александер был с ними...

— Джоба! Вы видите Джобу? Такой, кучерявый!

— Нет!

— Нет кучерявых...

— Кааарс! Карс!

— Правда обереги не нужны будут?!

— ... береги...

— ... рям нельзя верить!

— Сколько же их здесь?!

— ... нарушат пакт как только...

— Почему им просто не убить нас?

— ... знают, где Университет...

— Хотят, чтобы мы расслабились и сняли обереги! Перебьют по одному, никто и не...

— ... чары Боди, Боги, как их там...

— Бози, идиот!

— Нельзя...

— Бред!

— Карс! Кааарс...!

— Да мертв он! Заткнись!

— Господи...

— Наас! Эй! Какого черта вы творите?!

— ... твари...

— Посмотрите туда! В фонтане! Череп!

— Спасаем свои задницы! И ваши в придачу! — звенит от ветра знакомый голос.

Вытираю рот и приподнимаюсь на локтях, не отрывая взгляда от лужи крови и слизи. Мир накреняется и смазывается, руки подламываются — я должна упасть, но, наоборот, взлетаю. Вместо людей впереди мерцает полотно света, за которым танцуют сумерки. Прикусываю язык, давлуюсь вскриком.

— Прости, — внимательные красные глаза. Прикладывает ладонь ко лбу — обжигаяще горячую, хоть пахнет снегом. Стряхиваю прикосновение ценой новой волны головокружения.

— Прости, — опять говорит он. Губы алые от ран. Тянусь дотронуться, слизать, прогнать кислый вкус рвоты и крови. Его жар печет щеки. — Знаю, жарко. Как тебя зовут? Ты помнишь?

Конечно, я... Хриплю:

— Зарин, — выведено на желтоватой клетчатой странице. Девушка, бледная до синевы на белых простынях. Рядом сидит очень похожий... ее брат. Парень с волосами цвета меда заглядывает через плечо, кончик длинной косы чиркает по столбикам имен...

Наас. Наас Мерезин. Второе имя — как у демона. Мое тоже:

— Аваддон. Зарин Аваддон.

— А до этого? — пальцы впиваются, жгут — не вырваться. Хоть бы отпустил. Хоть бы притянул ближе.

— До Зарин! Кем ты была! — встряхивает, разрывая на части. Виски пронзает иглами. Запах краски разъедает легкие. Сиплю, смаргивая слезы:

— Какая разница? Это неважно! — важно, что толпа смолкла, стоило заговорить кому-то дребезжащему и ломкому. Его я тоже видела в день, когда получила имя. Старик, лицо сминалось и разглаживалось, а мне было так...

— Больно! Голова...

— Мигрень. Знаю. Портал активен, — кривится. Внутри него чадит незатухающее пожарище. А во мне, что во мне?

— Илай.

— Да, — улыбается. Красиво. — Имя. Твое. Думай. Не слушай их. Вспоминай. Воздух над нами выгорел до белого золота. Огненные вихри почти задевают дымящиеся мраком крыши. Она ведь тоже не знала моего имени. Плутон — обратившаяся пылью звездная ночь. Никто не знал. А теперь и не узнает:

— Я не могу. Не помню, — слышала миллион раз, но в памяти вместо звуков лишь интонации, с которыми его произносили: много страха, а еще больше вины.

— Киса, — требует Янни. Боже, конечно — Янни, как я не узнала?

— Не сейчас. Она не сможет, — Илай застегивает малышке змейку до подбородка, пряча Беса. — Держи его крепко, чтобы не убежал.

Выпрямляюсь и осматриваюсь. Картинка скользит и заваливается вместе с непослушным телом. Между нами и посланниками Университета полукругом застыли отмеченные тварями маги. Напряженные спины, стиснутые кулаки, им нет нужды, подобно охотникам, вскидывать заплетенные чарами руки. Достаточно клубящийся тьмы позади солнечной сетки барьера. Айяка и деревянный от блестящих сталью пут Рики держатся особняком. Девушка неловко сжимает пистолет. Будто не может определиться: направить на пленника или против охотников.

— Попытайся понять, как ты здесь оказалась, — Илай оглядывается, хмурится до глубоких морщинок на переносице, — возвращайся от конца к началу, хорошо? Если покажется, что чего-то не хватает — не двигайся вперед, пока не вспомнишь. Ладно?

— Да...

— Как голова? Я позову Энид.

— Не уходи, — не бросай меня.

Целует, металлически-свежий и горький от огня. Кусает — и я возвращаюсь к первому поцелую. А после к Плутону: тогда она обещала...

— Вспоминай. Пожалуйста. Это необходимо.

Осторожно разжав хватку, отступает к остальным. Дергает за локоть Энид, занимает ее место. Целитель опускается на колени рядом. Накрывает запястье, считая пульс.

— Посмотри на меня, — ослепляет светом. — Смотри!

Смотрю и вижу фотографию на стене, где она смеется в объятиях Кана. Обожженное лицо и вдавленную грудь под нелепой чужой рубашкой — вот, каким

был бы последний снимок, завершающий историю от черно-белого младенца на руках матери до...

Тони. Почему он убил Тони? Кажется, я говорю вслух. Энид, вздрогнув, отшатывается. Шипит:

— Кан никого не убивал!

Но я видела удавку. Тони перерезали горло. Трогаю шрамы на шее, запястьях. Раскрытую пухлую рану, открывшую портал.

— Он бы не... твой дружок был там раньше всех! Никто не видел, как и когда они погибли, — штормовые глаза сверкают яростью и непролитыми слезами. — Наас ненавидел Кана и любил Айяку! Он убийца! Не Кан!

... Наас?

— Нет...

— Конечно, ты так не думаешь! — коротко хохочет. — Вы с ним одинаковы, все вы... Одинаковы. Верно. Поэтому в ветре над ручьем я сказала — да, когда едва знакомый парень попросил убить запретную тварь. Поэтому, спустившись под землю, не убила.

Мы одинаковы, и твари, и люди. Только люди это отрицают.

Я могу ответить, что руки Кана были в крови — а ладони Нааса лишены следов, когда убийца наверняка бы порезался об острую цепочку. Но она не услышит, ведь так проще. Другие тоже слушают не правду, а меняющего личины Гофолию: — Вы угрожаете нашим жизням и говорите о мире? Хуже того — о равенстве! С кем? Вы видите здесь равных? Потому что я вижу лишь диких зверей и глупцов, которые возомнили себя дрессировщиками!

— Тогда почему вы еще живы? — насмешливо спрашивает Эйса.

— Убить вас легко. Перейти в Университет и прикончить остальных — еще легче! — хрипит Сойт Роэн.

— Если твари им подчиняются, то и мир поддерживать будут! — выкрикивают в толпе. Одобрительный гул отдается в плитах.

— Подчиняются?! — голос Советника надламывается на высокой ноте. — Тогда что случилось с прочими магами? Где капитан пятого блока, Кан Александер? Где Тони Луиза? Ниль Пхакпхум?

— Карс Росмо! Охотник! — отчаянный вопль прокатывается над морем голов.

— Джоба Филипп! — вторят ему.

— Спайк! Спайк Шуок!

— Но и Плутона здесь нет, — выходит неожиданно громко. Первые ряды замолкают. Я встречаюсь взглядом с охотником. Немолодой мужчина потрясенно моргает, направляет на меня пистолет. Безухий — замечаю прежде, чем он расплывается, подергивается влажным туманом. Вытираю горячие щеки:

— И сотен тварей. У тех даже имен не было. А маги огня... все умерли в лабораториях от экспериментов ученых, а один умирает прямо сейчас, но никому нет дела.

— Что? — оборачивается Эйса.

— Мантикора, — острая вонь пульсирует под веками. Меня нехватило. Портал выпил единственный источник живого огня на мертвом полюсе.

— Мантикора! — говорит Янни.

— Ритуал сломал его, — Илай.

— И Янни тоже! — надтреснуто кричит Мария в вибрирующей тишине. — Мой брат! Вы все видели, что с ними происходит, но никто и слова не сказал! Не

притворяйтесь, что не знали правды! Как будто никого не было в лаборатории, когда Алек... Ученые сделали это с ним! А теперь... где теперь его память? Где... где Джокер? Где Висия?!

— Гилберт, — говорит Илай.

— Розалин, — безухий опускает оружие.

— Мантикора! — с надрывом шепчет Янни.

В нарастающем ропоте перекликаются голоса:

— Тот безногий...

— Что с калеккой?

— Там же Янни Збигнев, из техников. Он тоже...

— Создал тварь! Мы убивали ее!

— Я был там! Видел! Пацан вырубился в ритуале! Ничего не соображал!

— Таким и остался...

— Помните Висию? Друг Эрлаха!

— Висия Фредерик!

— Поджег общагу!

— Тео Модфор!

— Покончил с собой!

— Джокер тоже...

— Гилберт!

— Лирой! Из медиков!

— Илай! Он ведь сейчас здесь, да?

— Мантикора Оретт!

— Иоанн Фарадей! Гилберт Хогал!

— Розалин! Розалин Падда! — выкрикивает одноухий мужчина, поворачиваясь спиной.

Все больше их, вспоминаящих имена, смотрит в другую сторону, туда, где скрывается Совет.

Позвоночник пронзает молнией. Всхлипываю от жгучего холода. Энид, побледнев, отползает прочь. Вцепляется в волосы Янни.

— Твою мать, — качается, но не меняет положения Наас.

Алва. Ужасная даже сквозь зарево барьера.

— Отдайте его мне, — грохочет кровью в висках.

— Вы смеете утверждать, что...

Издалека доносится, потопив ответ Гофолии, чей-то рев:

— Зачитайте пакт!

— Читали уже! — кричат в ответ на разный лад. Я кусаю пылающий агонией кулак, чтобы тоже не заорать: голова раскалывается от ширящейся пустоты. Впиваясь зубами в рану, наполняю рот металлом — лишь бы удержать схлопывающуюся реальность.

— Там никому не слышно, — говорят будто над самым ухом. — Может, если с фонтана, то все смогут разобрать, о чем речь?

— Давайте, мы вас пропустим!

— Даже прикроем от Совета! — обещание встречается громоподобным смехом.

— В обмен на Мантикору, — требует Наас. — Ему нужна помощь.

— Вряд ли ученые отдадут, — ввинчивается в мозг.

— А мы заберем. Эй! — вжимаюсь лбом в землю, стискиваю челюсть, вгрызаюсь, но боль в руке стремительно гаснет, унося свет и новую волну голосов:

— Отдайте им Мантикору!

— ... ют пакт! Пропустите к фонтану! — Расступитесь! Давай его сюда...

— Господи...

— Что за...

***

— Зарин! — жаркий шепот в темноте. Не надо. Пожалуйста, хватит.

— Зарин, — горячие пальцы с нажимом проходятся по ключицам, опускаются ниже, огненным цветком раскрываются на животе. Другая рука путается в волосах, оглаживая затылок. Губы касаются моих:

— Она не тронет тебя. Мантикора здесь.

Набираю полные легкие ядовитого от краски воздуха. Мантикора. Алва пришла за ним, не за мной. Закашлявшись, смотрю на Илая.

— Как ты? — он в короне из пламени, бледен до синевы. Давлюсь шершавым запахом и сиплю:

— Почему он так пахнет?

— Ритуал. Ты тоже пахнешь, — но я не чувствую. — Зачем ты... Ты могла умереть! — рычит, притягивая вплотную, комкает ткань рубашки. Накрываю его ладонь.

— Или из-за меня умер бы еще один человек. Хватит. Клятва Плутона разрушила достаточно жизнью.

Илай тяжело дышит. Зрачки до краев заполнили кровавую радужку.

— Он не понимает, — откуда-то сзади говорит Янни.

— Энид? — Наас не оставил поста между нами и охотниками.

— Я влила в него все, что можно, — сухо отвечает целитель.

— Надо больше! Главное, чтобы пришел в себя. Хуже уже не будет, — хуже некуда. За химической вонью пульсом бьется тонкая нота разложения. Осторожно высвободившись из объятий Илая, оборачиваюсь.

Маг огня лежит головой на Янниных коленях.

— Помогите ему, — растерянно просит мальчишка. Под дутой курткой царапается кот.

Мантикора Оретт короткий, обрубленный: серая больничная роба смялась ниже культи. Слишком велика для худого человека. Вздрагивают исписанные татуировками плечи и нарисованные крылья, охватывающие шею, дергается кадык, когда он сглатывает — но струйка слюны все равно сбегает по подбородку. Неровно остриженные воронные пряди налипли на щеку и крупный, хищно изогнутый нос. Янни убирает их, задевая звонкие колечки в ухе. Мантикора кривится и распахивает непроницаемо-черные глаза.

— Привет, — улыбается Янни. Но, похоже, тот не слышит. Охотник из первого ряда окружения опускается на корточки и подталкивает к огненному магу бутылку с водой:

— Держи. Попробуй смочить ему лоб.

Верно:

— Ему же жарко, а ты горячий.

— Надо отнести его ближе к границе барьера, — поднимается на ноги Илай. Я тоже встаю и едва не падаю. Мир описывает дугу, на секунду темнеет. Удержав равновесие, шаг за шагом иду по вмерзшей в плиты крови Плутона. Кто-то далекий в ветреной тишине монотонно читает пакт Серафима. Эйса? Хикан? Не

разобрать. Сейчас не время плакать, но ее прах на моих ладонях — все, что осталось. Пыль в разломе пульсирующей раны, чернота в лунках от зубов и трещинках. Так мало и легко удержать... ничего общего с неуловимой, смертельно живой тьмой.

— Ты в порядке? — Илай, уже помог Янни и Энид перенести огненного мага и вернулся.

Нет.

— Зарин.

Прислониться к жесткому, обжигающему телу, зажмуриться до пляшущих кругов, прогоняя слезы. Позже.

Если выживем.

Молчит. Не дает мне упасть. Вечность спустя говорит:

— Пойдем, — подхватывает под локоть. Идем — туда, где вдруг хрипло стонет Мантикора. Мигрень наполовину ослепляет, колени подгибаются от слабости. Несколько метров через знак до отделяющей день от ночи линии барьера занимают вечность.

— Нужно замкнуть клятву, — шепчет Илай.

— Ты знал? Что она собирается сделать? — я ударю его, если знал. Уничтожу.

— Нет, — выдыхаю. — Сано рассказала, пока открывался портал, — в прошлый раз мы ждали часы прежде, чем узор замер. Как же долго я пробыла без сознания?

— Никогда. Не делай. Ничего. Подобного! — цепляет за подбородок, заставляя смотреть на него. — Никогда больше. Ты могла стать, как Мантикора! Хуже, чем мертвой!

— Я этого хотела. В тот момент...

— Мне плевать, — его ярость клеймом плавит кожу. — Я. Я — этого не хочу.

Ищет что-то в моем лице:

— Не смей забывать обо мне.

Силюсь улыбнуться, но не выходит:

— Я помню все о тебе. До последнего слова.

— Ты забыла, когда активировала портал!

— Нет, — провожу по коротким вертикальным шрамам на его запястьях. — Нет. Но я не должна была решать за тебя. Прости.

— Какого черта вы там возитесь?! — кричит Наас. Рядом с ним замерли Сойт Роэн и Мария — оглядывается на брата, неуверенно держит пистолет. Откуда?... С пояса исчезло оружие. Айяка, подтолкнув Рики, присоединяется к живому щиту. У парня руки и шея обмотаны... кровью?

— Что вы с ним сделали?

— Что? — Илай хмурится. — Рики? Вывели кровь наружу. Если разорвет — истечет до смерти. Идем, забудь о нем, — тянет к выгнувшемуся в судороге Мантикоре, белой от страха Энид и вцепившемуся в пуховик Янни. Утробно воет Бес. Царапается, пытаюсь выбраться наружу.

— Ему дышать нечем, — говорю я. Мальчишка потерянно уставился перед собой. Не обращает внимания, когда я чуть расстегиваю змейку на куртке.

— Я б-больше ни-чего нне могу сд... делать, — Энид, роняя пузырьки с лекарствами, собирает аптечку. Из мрака за пламеющими нитями защитного контура проступает многорукая фигура.

— Боже! — красноволосая волшебница деревенеет в неловкой позе.

Сжимаю левый кулак до отрезвляющей боли.

Алва составлена из останков — человеческих, звериных. Гниющих и совершенно живых. Бесплезно торчащие конечности болтаются, подпрыгивая при каждом шаге, места сочленений с подвижным панцирным туловищем перемаргивают и открывают полные зубов рты. Короткие лапы подгибаются под тяжестью, скребут когтями асфальт. Очерченная порослью шипов шея кончается выходящими из блестящей плоти позвонками.

— Иди к остальным, — трогаю плечо девушки, но Илай качает головой:

— Она нужна здесь, — Энид, кажется, даже не слышит.

— Ты узнаешь меня? — Илай склоняется над огненным магом. Теперь, когда желание твари сосредоточено на Мантикоре, я почти не ощущаю монолитного давления ее природы, но охотники вокруг шарахаются прочь, заслонившись колкими от магии перчатками. Первый ряд полностью скрывается за мерцающей завесой щитов.

— Ддд...да, — выталкивает Мантикора. Он вряд ли старше тридцати, а похож на старика — с чернильными синяками и покрасневшими, тяжелыми веками, обметанными белым губами, проступившей сеткой сосудов и подергивающимся в тике правым глазом.

— Тварь присягнет тебе. Прими ее клятву. Это спасет твою память, — говорит Илай. — Жизнь. Ты понимаешь?

Мантикора с ужасом смотрит на создание более увечное, чем он сам. Я зову и обещаю:

— Все закончится. Ты не вернешься в лаборатории. Перестанешь забывать, — мужчина переводит на меня настороженный взгляд.

— Почему он, а не Янни? — за спиной стоит Мария. Лицо как маска, готовая расколоться, ствол бессильно направлен в землю, палец дрожит на курке. — Почему? Он ничем не лучше! Даже...

— Он сильнее, — светло улыбается Янни.

— Ты тоже сильный, — горько скривившись, Мария подходит и, отложив пистолет на

плиты, обнимает брата, ерошит спутанные русые пряди.

— Недостаточно, — я сплетаю кружево правды, протягиваю Янни руку. Ответное касание — свеча на ветру, но Мантикора...

Огненный вихрь, жгучие искры. Распад, из каких рождаются новые миры. Его сияние ослепляет, поджигает что-то во мне самой, вынуждая разорвать контакт. Янни был прав: взрыв, иначе и не скажешь.

— Мне жаль.

Мария зажмуривается, утыкается носом в шуршащую Яннину куртку.

— Я... — тихонько шепчет калека, — я могу... ей верить?...

Энид, забыв про аптечку, медленно отползает прочь, к закаменевшим полукругом магам.

— Да.

На ощупь нахожу запястье Илая, где под зажившими порезами бьется пульс. Любой выбор в конечном счете сводится к вере. В кого-либо или себя.

Илай просил вспомнить, пройти от конца к началу. От полувековой тени в выбеленной камере Заповедника, от подобного шторму Нааса — прямо сейчас его ураган возносит лепестки над площадью, — от Нины и ее мотыльков... до хижины в лесу с застывшим на пороге призрачным ребенком. Страшным и незащищенным. Поколение за поколением искавшим человека, который рискнет заглянуть за личину смерти, осмелится поверить.

Его спасла маленькая девочка. Меня — гаснущее чудовище.

Мое имя сгорело вместе с ней. Годы сотрут детали, и наступит день, когда призрак Плутона упростится до картинки неизвестного художника: силуэт и две светящиеся точки. Но даже тогда мне не повернуть назад.

Даже если очень хочется:

— Ты можешь жить. Это ничего, если ты не хочешь. Но ты можешь. Доверься ей. В зрачках напротив плывет туман, химическая гниль пропитывает меня насквозь. Мантикора болезненно морщится и всхлипывает, выгибаясь в судороге. Тело под больничной робой холоднее льда.

— Помоги ему, — прошу безликую Алву у кромки вспухающего острыми гранями барьера. Чары полнятся багрянцем от ее молчаливого присутствия. Структура ползет. За нами в шорохе шагов растет зона отчуждения. Эйса — теперь я различаю, это он — продолжает зачитывать закон старого-нового мира. Опершись о плечо Илая, поднимаюсь на цыпочки. Получается разглядеть сына Хайме и Сано Тхеви — женщина наполовину скрыта седой от времени чашей фонтана. Где-то за резным камнем должен быть Хикан. Эйса замолкает на мгновение, переворачивая страницу. Теперь он говорит об основе пакта Серафима:

— Заклинание Шейдона Бози инициирует проверку памяти раз в шесть месяцев от даты подписания. Согласно предлагаемой формуле, каждый человек и каждое существо имеет право на самозащиту. Причиненные в данном случае ранения или смерть не нарушают условий пакта. Также, тварям с потенциалом выше шестидесяти позволено питаться: три жертвы в год. Любые взаимодействия в условиях давления, повлекшие негативные последствия для угнетаемой стороны, приведут к расторжению...

— Я отпущу тебя, если захочешь, — почти нежно, чуть слышно шелестит Алва прямо в моей голове, и другие звуки теряют смысл и объем. Дергается Янни, втягивает сквозь зубы морозный ветер Илай. — Разорву клятву. Умру, но позволю тебе выбрать свободу. Убью —

если попросишь.

От слов веет холодом, но сжигаемый внутренним пламенем Мантикора размыкает растрескавшиеся губы:

— Обе. щасешь? Убить, — не дожидаясь ответа, говорит вместе с ней:

— Да.

По защитному контуру пробегает рябь — отражение установившейся связи. Вскрикивают в толпе: задымившая тварь легко пересекает линию чар. Барьер тревожно дышит, вспышка за вспышкой выбеляя узорчатый купол в такт поступи чудовища. Опускаю ресницы, позволяю свету затопить сознание, прогнать липкий зной надломленной памяти. Считаю шаги: три, четыре, пять...

Удар в спину вышибает дух. Не успеваю выставить ладони, и щеку ошпаривает болью. Рядом вгрызаются в плиты пули, грохот выстрелов и крики бьют по ушам. Развернувшись, пытаюсь заслониться — простенькое заклинание, всего несколько слогов, но магия отказывается оживать, а плечо взрывается. Илай вскидывает увитую черными молниями перчатку. Мария закрывает собой Янни, рядом валяется забытый пистолет. Подбираю. Мир на секунду меркнет, мелькает изломанная тень, с визгливым рыком рассыпается пеплом. Выстрелы становятся глуше, влипая в завесу, лишь последний звучит ярко и близко.

Затылок Энид лопается кровью.

Сойт Роэн держится за стремительно заплывающий красным бок, оружие ходит в руке. Сквозь дымку позади мужчины видны тела на земле. Охотники оттаскивают раненых за вновь сомкнувшийся строй щитов, поверх второй ряд ощеривается рвущимся в бой колдовством. Встает, шатаясь, Наас, его правая рука висит плетью. Айяка... Айяка исчезла. Рики тоже.

— Айя! — кричит Наас, хромя в туман.

— Стой! — бросаюсь следом, цепляюсь за труп рыжей волшебницы — синие глаза стеклянно глядят в небо. Едва успеваю схватить за футболку, наваливаясь и сбивая с ног.

— Там Айя! — хрипит, вырывается. Нахожу строгий силуэт ее платья среди разметанных по знаку мертвецов. Жива: под спутанной копной волос вздрагивают плечи. Скручивается, подтягивает колени к груди.

— Они прикончат тебя! — девушка по ту сторону дымного облака, всего в нескольких метрах от охотников — перекошенные лица, взъерошенные лихорадкой чары. Наас отталкивает меня, но Илай оказывается рядом и перехватывает парня за сломанную руку, выворачивает до звонкого крика. Эхом долетает еще один. От фонтана! Вскочив, высматриваю алую прическу Свидетеля, но на парапете возле чаши — никого, лишь волнуется море голов. Знакомый-незнакомый голос вопит:

— Он укусил меня! Укусил! Уку...

— Вырубите его!

— Держи!

— Не смей его трогать! — ревет Эйса.

Крадучись, сотканые из мрака монстры обходят нас и выступают вперед. Распавшись прахом, присоединяются к Алве. В зыбком мерцании проскальзывают плети мышц и игольчатые перья, рождаются и гаснут образы из кошмаров — карикатуры стоящих напротив людей. Раззявленные рты, чернота пустых глазниц. Покореженные конечности и гротескные позы. Калейдоскоп увечий, болезней, старости. Смерти. Будущее, которого каждый страшится. Маги, толкаясь, пятятся. Грохочут новые выстрелы.

Трогаю простреленное плечо, набухшую острую рану на ладони.

— Не стреляйте! На них держится барьер! — разносится по толпе. Оглядываюсь. За пламенной структурой защитного контура больше нет города: сплошной мрак до налившихся дождем туч. В нем двигаются силуэты и хрупают стекло — будто весь мир вдруг истончился и вот-вот разобьется.

— Твари уже здесь! Они...

— ... напали на нас! Чего вы ждете?!

— Айя, помоги ей! — стонет Наас. Его тварь дымкой возникает над девушкой. И под градом пуль.

— Назад! Уходите! — слишком поздно кричу я. Пули сделаны из металла, способного ранить тварей! Ниветиш обретает форму, отскакивает назад, следом оборачивается собой Сирас. Алва еще держится, хоть знак под ней жадно впитывает частые черные капли. — Алва! Защи...

Голова тяжелеет и полнится шорохом. Я замираю на середине слова, не в силах сомкнуть челюсти. Выскальзывает пистолет. Твари тоже каменеют, прекращает колебания искристая взвесь. Тихо зовет Сойт Роэн:

— Что с вами? Зарин... — прикосновение расплзается по коже пекучей обморочной слабостью. За ребрами разворачивается пустота, во рту появляется соль: горячие струйки опять текут из носа.

— Расступитесь! Пропустите Советника! — командуют издалека. Лицо Сойта Роэна серое и искривлено страданием:

— Что такое? — сильные пальцы впиваются в плоть, но я даже не морщусь. Я едва дышу.

— Он поймал их, — сипло шепчет невидимый Янни.

— Тихо. Молчи, — говорит его брат.

— Он внутри, — не унимается мальчишка. — В их крови.

— Молчи, пока про тебя забыли!

— Кто? — зажмурившись, мужчина сжимает зубы и мое раненное плечо — до багряных звезд, — чтобы сесть и освободить вторую руку. Щелкает взводимый курок. Звук глухой: спрятал мое оружие под полами безразмерной куртки.

— Гофолия. Он не боится меня и не тронет, — в шуршании пуховика отвечает огненный маг. Тихонько скребется кот... Кот! Мне нужно...

— Маг воды, — понимает Сойт Роэн. Покорный чужой воле, пульс набатом бьется в висках. Быстро-быстро, медленнее. Задушено шипит Бес. Размыкается строй охотников, перемаргивают силой щиты. Я вижу сутулую фигуру Советника и людей за ним. Тащат связанного удавкой Эйсу и спеленутого смирительной рубашкой Хикана. Нежно-розовый всполох: Сано. В груди нарастает жжение. Удары все реже... вон Рики — растирает свободные запястья.

Сердце колет. Я ошиблась. Надо было стереть память Энид. Рики — убить.

Убить. Убить. Убить!...

Советник останавливается у скульптуры Ниветиша. Запрокинув голову и заложив ладони за спину, разглядывает пленников.

— И это Высшие твари? Я ожидал большего, — под его ногами в увеличивающейся луже всхлипывает Айя. Остальных бросают ничком рядом. Падают в кровь растрепанные страницы пакта. Хикан, немисливо выгнувшись, вскакивает. Оказывается под прицелом:

— Прикончу, — обещает ближайший охотник.

— Если успеешь, — рычит оборотень.

— Стойте! Я сам его пристрелю! — по живому коридору стремительно проходит встрепанный человек в некогда белом халате. Рамон Хайме. Прижимает к щеке насквозь алый платок.

— Дай сюда! — вырывает оружие под надсадный смех Хикана:

— Как будто это что-то изменит! Давай, стреляй! Вам для исследований и одного оборотня хватит!

— Я не оборотень! — взвизгивает профессор, отшвыривая комок ткани. Хикан хохочет: в рваной дыре белеют челюсти. Хайме пытается прицелиться трясущимися руками. Он явно дальше, чем способен попасть, но страх перед желтоглазым магом не дает приблизиться.

— Ты не знаааешь, — очень по-звериному хихикает тот. — Не знаешь! Незнание хуже всего!

Выворачиваясь в режущих путах, Эйса хрипит:

— Убьешь его, и я...

— Не горячитесь, Рамон, — добродушно советует старик, склоняясь над Айякой. — Они нам еще пригодятся. Мы же хотим вернуться домой, не так ли? Соответственно, наши огненные маги должны желать того же, — коротко подмигивает мне. Морщины складываются в демоническую маску. — Откройте

портал, и никто не пострадает. Вашим друзьям нужна медицинская помощь, — ногой переворачивает волшебницу на спину.

Сердце замирает.

Наклоняется вперед Сойт Роэн.

Айяка часто и с клекотом дышит, на губах вздуваются красные пузыри.

Глянцевое пятно под ней слишком большое, чтобы успеть...

Нет.

Я тянусь к Плутону. Глаза печет, вздрагивающая девушка становится черно-белым туманом, охотники и старик сливаются в единую массу. Сознание плавится в крошечной тишине. Быстрее! Моя тень совсем близко, бьется внутри хрупкого кошачьего тела. Или тоже оцепенела, скованная силой мага воды?... Не умирай. Ты обещала быть за моей спиной, когда бы я ни обернулась! Волоски на затылке поднимаются дыбом. Свет меркнет, и на секунду я почти вижу острый силуэт со стальным росчерком улыбки. Иди ко мне.

— Пакт Серафима — занятная идея, но будем реалистами: вы не в состоянии контролировать тварей, — мягко говорит Советник.

Это не твари, это Энид — но никто не видел напавшую в сиянии барьера девушку. Она выбрала идеальный момент для мести.

Для смерти.

Прохладная влага сбегает по щекам. Мучительно медленно поворачиваю голову. Мимо скользит задеревеневший Илай — упирается коленом Наасу между лопаток, рука отведена для атаки. В расширенных зрачках застыло беззащитное удивление. Рыжеволосый маг выгнулся, пытаясь освободиться. Господи, он смотрит прямо на Айяку.

Скорее же!

— После возвращения я гарантирую вам справедливый суд. Сами понимаете, рассекретить месторасположение Университета — тяжкая провинность. Вы подвергаете риску жизни коллег. Но мы проявим снисходительность к тем, кто оказался в данной

ситуации не по своей воле, и...

Дребезжащий голос отдается в груди, горле, робким ударом пульса. Вот он, Янни. Сидит в центре своего звездчатого узла, у замерзшего в судорожной дуге Мантикоры. Брат держит за плечи. Бойтся, что мальчишка наделает глупостей. Оба серые, только Мария — от страха, а Янни от...

Криво усмехается и показывает вспоротую ладонь. Роняет кусочек пунцового стекла из Айинога витража. Начало ее истории.

И конец.

Он замыкает круг.

Оставив кровавую полосу, проводит по бугру на куртке, где схоронился едва живой Бес. Легким движением врисовывает в знак последний символ. Не отнимает тонких пальцев.

Сердце с грохотом пускается вскачь, черным роем вспыхивает мигрень.

— Пора, — произносит огненный маг. Прозрачные зеленые глаза глядят ясно, незнакомо. Облизываю соленые губы, чтобы попрощаться:

— Спасибо тебе.

— Что? — отмирает Мария. С тревогой тормозит брата. — Ал?... Что?

— Пора. Помнишь? — я опускаю ресницы, возвращаясь к темноте, из которой мы все созданы. — Ты обещал отпустить меня, когда придет время.

— Нет... Нет! Алек! Не сейчас! — вскрик обрывает журчащую речь Гофолии. Я тоже обещаю — огоньку во мраке и на груди мальчишки:

— Я буду твоей памятью и продолжением.

Ветерок путается в волосах.

— Найди маму и папу. Теперь будет можно. Заставь вспомнить нас. Скажи, что я не хотел, — говорит Янни.

— Мне кажется, мы потеряли нить беседы. Рамон, будьте добры, привлечите внимание наших друзей. Но не перестарайтесь.

Шуршит пуховик. Мария отрывисто шепчет:

— Ты сказал, что вернешься! Уйдешь, чтобы...

Выстрел раскалывает воздух. Зажмуриваюсь. Нечеловеческий рык вибрирует у висков:

— Эйса! — треск, дикий вопль. Продолжаю:

— Я выжгу новый мир.

— Господи, это же его сын, да?!

— Держите его! — визжит Хайме.

— Я соврал. Прости, — роняет Янни. В ржавом мареве за веками вспухает боль: портал отвечает на импульс. Размыкаю спекшиеся губы:

— Я сотворю новые звезды.

— Давайте возвращаться домой. Сейчас я отпущу вас. Любая глупость будет стоить очень дорого, поэтому хорошенько взвесьте...

— Ал, пожалуйста!

— Береги себя, ладно?

— Эйса! — не слушать, говорить:

— Я закончу то, что начал твой создатель и каждый из нас.

За барьером взывает ночь и стеклянно бьется город:

— Вселенную, в которой страх имеет плоть и право жить.

Закрываю лицо руками: плиты взрываются, обжигая кожу, обломки падают вверх.

Крики и выстрелы, треск колдовства. Ударом грома заканчивает существование чаша фонтана. Гаснет чужая воля в венах. Гаснет солнце. Защитный купол. Гаснет Янни. Боль в голове. Я глотаю шершавый от пепла ветер:

— Ты принимаешь мою клятву?

Трепет летящих лепестков. Резкий запах снега — Илай. Кто-то стонет. Впиваюсь ногтями в кожу под ключицами, где обретает звучание связь: переливчатый гомон, шорох неизвестных слов, голоса давно умерших и живых. Колочий смех. Плутон. Выдыхаю:

— Привет, — сотрясаюсь от накатившей слабости. Над ухом грохочет пистолет — Сойт Роэн. Я открываю глаза, чтобы увидеть, как в лучах фонарей, держась за живот, Гофолия оседает среди дрейфующих камней. Хикан в разорванной смирительной рубашке освобождает Эйсу от удавки. Рядом с ними лежит Сано — свет выхватывает искаженное страданием лицо, стянутые путами до мяса предплечья. Охотники, Хайме и Рики исчезли за стеной обломков. Творение Илая: перчатка переливается волшебством, кровь из закушенной губы стекает по подбородку. Приглушенные крики мечутся беспокойными птицами. Бессильно опустив руки, Наас застыл над телом Айяки. Тварей не видно, но они здесь.

— Прекрати это, — Сойт Роэн тяжело опускается на танцующие линии знака. — У тебя ведь получилось? Ты теперь можешь? — сцепленные в замок ладони прижимают куртку к залитому черным боку.

— Да, — голоса в венах упорядочились до восьмерки незнакомцев. Присутствие свербит в затылке, но... — Я могу подчинить их. Гофолия так и делал. Его могущество шло не изнутри.

Советник брал займы чужую силу. Поэтому только он и пришел сквозь коридор охотников: остальные не могли пошевелиться. Они... мы — части заклинания. Жизни переплетены, не разорвать. И каждый способен потянуть за ниточку... тянет.

Током по позвоночнику, невесомостью в голове, пытается украсть мое пламя. Смеюсь. Сойт Роэн вздрагивает.

— Не выйдет, — выталкиваю сквозь зубы. Тень Плутона стоит между нами. Пелена чудовищно тонка: горло перехватывает от враждебного присутствия. До огненных пятен на изнанке век стискиваю вспоротую ладонь.

Прочь. Убирайся!

Морок отливает от висков. Господи. Каждая царапина и ушиб отзываются воющей болью, рана на плече пылает. Обнимаю себя, чтобы не рассыпаться на куски:

— Я могу погасить их, если захочу, — качнувшись, поднимаюсь на ноги. Несколько шагов до припорошенного пылью трупа Энид, подобрать сумку с аптечкой. Сано Тхеви была права: форма обезличивает. Под дымным саваном стерлись черты и краски, и я больше не вижу прекрасной девушки с фотографии. Просто еще одного мертвеца. Подхожу к Илаю:

— Отпусти, — щурится. — Все хорошо. Давай, — стена с грохотом рушится.

На нас пересекаются лучи. Под прикрытием огня невидимые люди молча ждут развязки.

Или возможности напасть.

— Передайте Совету: мир или смерть, — говорю бьющему в лицо свету. Отвернувшись, возвращаюсь к Сойту Роэну. Рассыпаю пузырьки, нахожу бинт и вату, рулон пластыря.

— Тот узкий флакон. Клей, — сипит искатель.

Под курткой и насквозь мокрой футболкой дыры от пуль маленькие, обманчиво неопасные. Мужчина стискивает челюсти, когда я останавливаю кровотечение вязким гелем,

накладываю повязку.

— Не уследил... поверил девчонке...

— Я тоже. Думала, она слишком напугана, чтобы мстить сейчас, — разорвав рукав рубашки и прикусив щеку изнутри, заклеиваю простреленные мышцы в плече, потом обрабатываю порез на ладони. Руки немеют.

— Только после возвращения, — соглашается и замолкает. Невесело фыркает. — Твою мать!

— Молчи лучше. Держись, еще немного, — бинты легли туго, хоть и неровно. Но внутри кровь продолжает разливаться.

— Несколько часов, — морщась, выдыхает. — Я не протяну.

Придавливает раны. Накрывает скользкие пальцы:

— Нет, нет. Не часов, минут.

— Поче... му?

— Янни. Его импульс был гораздо сильнее, чем нужно.

Смотреть назад, откуда доносятся тихие рыдания, почти больно, но я должна — встретиться с белыми от горя глазами Марии и пустым взглядом Манतिकоры.

Янни словно спит, положив голову на колени брату. Я вдруг вижу, что он старше, чем кажется... был старше. Заклинание правды слетает с губ.

— Что с ним? — спрашивает Сойт Роэн.

— Ничего, — темнота. Шторм портала задул Яннину свечку. — Его больше нет.

К телу мальчика под распахнутым пуховиком жметя Бес. Скребется, стараясь спрятаться под мышкой. Мария нежно перебирает спутанные пшеничные волосы. Все трое пусты, как ночь без звезд — ни единого проблеска. Я отпускаю чары, стираю влагу со щек:

— Пора, — у Совета было достаточно времени подумать и понять. Запертые в клетке ребер искры мигают, когда я снова говорю, но теперь уже — им:

— Пора.

Пройти между парящими сколами плит, опуститься на корточки рядом с Наасом, сжать закаменевшее плечо. Тронуть холодную Айину руку.

— Это моя вина, — шепчет Наас.

— Это ее выбор, — все мы ужасно ошиблись.

Непоправимо.

Расступаются лучи: приближаются Советники. Картинка плывет от слез. Смаргиваю влагу и поднимаю обе копии пакта из липкой лужи. Снизу бумага напиталась алым, но не растеряла четких строчек и блестящих, сплетенных из металла помарок — подписей тварей. Шесть, одной не хватает.

— Плутон не расписалась.

— Теперь ты — Плутон, — Сано, скривившись, обматывает израненное запястье обрывком туники.

— И девятый Советник, — в холодном свете футболка Илая рябая от крови. Кивает назад.

Труп Гофолии сломанной марионеткой подвешен на дрейфующем обломке. Чтобы все видели.

— Она не присягала на Камне, — скрипучий голос. Совет прячется за слепящими огнями. Похоже, наверное, Плутону являлся создатель. Смеюсь: да он же ее до смерти боялся!

— Тлалок присягал. Связь установлена, — безразлично дергает плечом Свидетель. — Иначе вы бы сюда не пришли, — выплевывает Хикан. Золотые глаза горят лунами. Оборотень по пояс обнажен: затягивает скрученную жгутом майку на бедре Эйсы.

— Что там Гофолия говорил: подчиняйтесь, и никто не пострадает? — усмехается сын Хайме. Хикан шумно выдыхает.

— Мир, — шорох трущихся мышц проникает в мозг. Сирас.

— Или смерть, — обещает тварь Нааса, на секунду обретая форму.

— Свободу, — пленникам Заповедника. Кладу одну из копий на осколок плиты и толкаю вперед.

— Ваши требования невыполнимы! — звонко вскрикивают. — Это... это шантаж!

— Как и участие в ритуалах, — цедит Илай.

— Через пару минут три Высшие твари окажутся в сердце Университета, — отвечает Эйса. — А еще три, вместе с армией себе подобных — снаружи, у защитного контура, который Советник Аваддон может с легкостью снять. Лучше бы к моменту перехода ваши подписи скрепили договор.

— С чего бы тварям просто не перебить нас? — доносится издалека. — На хрен эти танцы?

— Вот именно! — гомон поднимается вспугнутой птичьей стаей. Я провожу ногтями по ране, цепляю рваные края. Шрам дергает, обжигает кипятком. Прогулка по ветхой крыше привела меня в странное место, где каждый шаг — согласие, бегство. Блики в пыльных стеклах. Обещание. Цветы и кости, мертвое чудовище. Горящий дом в ночи, рябь на стальной воде и запах снега, помехи в телевизоре. Слишком мало и всегда — очень много. Если я оступлюсь, никакое волшебство этого не исправит. Сжимаю пакт Серафима и — ладонь в кулак:

— Вы для них — боги, — шурюсь от ослепляющего сияния. Фонари стирают реальность, будто я одна против целого мира.

Тень в белой камере Заповедника.

— Все они — кокон из страха и боли, а внутри — чья-то память. Они не понимают ее. Они не понимают нас. Но кроме нас у них ничего и нет.

Молочная белизна взрывается рокотом:

— Но они убивают! Убивают даже...

Молчу, пока крики не сминаются в тишину.

— Они не умеют иначе. И вы, их создатели, тоже! Оглянитесь вокруг, — пламя срывается с пальцев. Выше, ярче! Хватит прятаться за звездами!

Новорожденное солнце красит вскинувших оружие черно-белых людей золотом и багрянцем. С тяжелым вздохом соскальзывает на землю и складывается пополам тело Советника Гофолии.

— Это жизнь, которую вы выбрали. Ради этого вы лишились прошлого: чтобы оказаться здесь и сейчас! Таким же будет и будущее, если продолжите бежать от своих страхов, — проглотив комок в горле, разглаживаю мятые страницы пакта, оставляя красный след. Вторая стопка листов зависла перед людьми в серых одеждах — одинаковых, хоть и совершенно непохожих. Равнодушно смотрят, словно не замечая вздрагивающей от ветра бумаги. К черту. Выдыхаю:

— Не хотите мира — не нужно. Мы заберем тварей из Заповедника и уйдем, Университет не пострадает. Ни сегодня, ни потом. Все будет ровно по-старому, вы лучше

меня знаете, как именно, — не могу сдержать смехок: я провела в Университете единственный день. Зажмуриваюсь, переживая дрожь:

— Только скажите, что выбираете это будущее. Вы сами, не Совет.

Пламя разбивается о потолок. Стоит моргнуть — вокруг смыкаются стены, рассыпают фонтаны искр дымящие мониторы, истерический писк испаривает воздух. Рывком оглядываюсь. За спиной вместо черноты Отрезка — занавешенное стекло, расстрелянное и исписанное заклинанием.

— Привет, — маг в старомодном коричневом сюртуке... Даниель Эрлах. В другой жизни и штормовой ночи он помог прогнать дух Советника Тлалока, а сейчас расслабленно прислонился к прозрачному прямоугольнику двери, от руки по узору расплзается волшебство. Барьер. Кольшутся обрывки занавески — конференц-зал, где я разговаривала с Максимилианом, полон встревоженных людей в форме и белых халатах. Вглядываюсь в лица, искаженные паутиной выстрелов, а вижу иное: Университет, оплетенный защитой, как кровеносными сосудами. С силой тру веки, но картинка не уходит, будто вытравилась на сетчатке. Вот слепое пятно Заповедника, от него ответвляется кишка архива. Рядом пульсирует тьмой точка — что там? Густая сетка лежит на лабораториях и складах у бара, но ярче всего горит контур.

Нет, теперь полыхает.

Взывает сирена. Низкий звук вибрирует в костях: чары определили вторжение. Я сжимаю листы, возвращаюсь к моменту на крыше. Невесомость перед падением, когда боль еще не пришла, когда страх еще не родился. Когда — все в порядке:

— Хватит. Все правильно, — и неисчислимы голодные твари снаружи, и дымное облако внутри. Они не враги нам. Успокойся.

Вой сворачивается, утекает под землю.

— Неплохо, — кивает Эрлах. Любой из Советников способен вновь всколыхнуть тревогу, но они по-прежнему странно безучастны. В рассеянном белом свете, который излучают сами стены и даже пол, пепельная завеса между нами роится, скрадывая детали: твари стоят на защите хозяев. Веет холодом. Поежившись, поворачиваюсь к магу земли.

— Я так понимаю, ничего еще не окончено, — над сверкающей медью макушкой в стекло беззвучно вгрызаются пули.

Дергаю плечом. На языке вертится тысяча вопросов, но ни один по-настоящему не имеет значения.

— Что вы выбираете, — глухой, почти незнакомый голос принадлежит Наасу. Рядом с ним у тела Айяки замирает Сано, встают с побледневших ошметков знака Хикан и Эйса. Сын Хайме тяжело повисает на оборотне, штанина под жгутом темная от крови. В позе Илая читается та особенная мягкость, что обычно предшествует нападению. Заметив мой взгляд, маг улыбается уголком губ, коротко вытирает распоротую щеку. Страшный, острый. Пламя в нем рвется наружу, заливая радужку цветом жарких углей.

Охотники молчат. Напирают, толкаются: огромный зал забит под завязку. Передние ряды вынужденно делают несколько шагов вперед. Отклонившись, деревенеют в метре от облака тьмы.

— Какое будущее вы хотите: новое или старое? — я почти шепчу, но слова гулко перекатываются под потолком. Мониторы на столах по периметру перемаргивают пиками графиков, красными и желтыми: заключенный в пиксели огонь. Без тени под ногами я будто голая. Все мы — грязные, раненные, оборванные и мертвые — чужие среди чистых линий и

резких углов, просчитанных вероятностей и безликих мундиров. Таким нет места в жесткой структуре стихий и блоков.

Надо уходить.

Отступаю назад, сплетая формулу разрыва, когда кто-то далекий и невидимый за другими, а потому смелый, говорит:

— Подписывайте!

Вздрагивает, оглядываясь, один из Советников. Самый молодой, широкое лицо и тонкие руки. Сано, а еще раньше Наас, называли имя: Цирта Коди. Старики хранят спокойствие. Конечно, у них моя кровь. Кровь каждого. Они знают, где найти наши семьи.

И что нам некуда бежать.

Они умнее, опытней и сильнее. Колючие от ярости искры во мне — лишь проекция восьмиглавого созвездия. Реальность куда многогранней.

— Давайте! Что мы теряем? — выкрикивают в толпе. Вы — ничего. Совет — власть, и прямо сейчас, когда одинаково одетые и покорные люди вдруг заговаривают на разный лад:

— Хуже не будет! Некуда!

— Вдруг получится! Стоит рискнуть.

— Так обереги не нужны станут, да? Вообще?

— Мир!

— Твари все равно освободятся! Надо подпи..

— ...сывайте! Я дома полгода не был!

— Мир! Я за мир!

— Давайте!

— Мир!

— Мир!

Мир. Мир. Мир. Встречаюсь взглядом с Советником Коди. Киваю на отмеченный смертью пакт перед ними. Касаюсь ямки между ключиц, где пульсирует ненавистью крохотная вселенная. Мужчина сужает светлые глаза.

Крики смазываются в вязкий шум, на мгновение расплываются чертеж Университета и ухмылка Коди. Царапаю горло, чтобы сделать вдох. Вспыхивают болью зажившие рубцы, полуобморочная темнота отбрасывает в прошлое: я вновь с удавкой на шее под заревом потревоженного барьера. Кровь на руках — Нины. Если запрокину голову, то увижу Кана, затягивающего цепкие петли..., нет, нет. Его лицо сгорело, а ребра сломались вовнутрь. Кан тоже сражался, а лучше бы сумел проиграть. Отнимаю пальцы. Это только плоть. Коди использует мой страх против меня же. Как просто, как изящно.

— Зарин! — комната дробится калейдоскопом, когда я медленно оборачиваюсь. Огнисто-ржавое пятно Эрлаха, вспышка — машинально ловлю что-то звонкое и прохладное. Между лопаток упирается ладонь, дыхание зимы щекочет затылок. Успокоиться. Мне нужно... пятиконечные кусочки металла, витая цепочка. Я оставила их на колодце по ту сторону волшебства, но теперь, когда стискиваю кулак, звездочки впиваются в кожу. Вдруг слышу в памяти стылый, пропитанный дымом вопрос умирающего искателя:

— Чему и кого хочет научить твоя тварь? — зажмуриваюсь.

Плутон ведь сказала мне это давным-давно, среди сумеречных деревьев: за страхом всегда скрывается желание жить.

— Надежда, — лишенное основы, глупое чувство.

Но из глупого вроде соскучившихся по покою людей вокруг складывается:

— Мир! Мир!

— Она хотела научить меня надежде, — можно искать бессмертие в небе, но оно повсюду. Выбирай.

Отпусти.

Поверь: в чудовище из камеры Заповедника. В рыжеволосого незнакомца, в сломанного страхом огненного мага. В привидения, в обещания и — мальчишку, что едва помнит прожитый день. В себя, других и мир, где есть место для каждого:

— Для убийц, для проклятых. Для меня.

Украшение соскальзывает, исчезая. Вместе с ним горячо лопаются и рассыпаются морок, растекается сверхновой звезда по имени Цирта Коди.

Согнувшись, жадно глотаю морозный воздух, звуки, прикосновения. Позади стало человеком меньше. Подарок безымянной девочки обратился серебряной водой.

Погасли крики.

В шероховатом молчании пульсом бьется писк компьютеров.

Накрываю руку Илая. Обнимает теснее.

Под ногами — стеклянное крошево. Стена и барьер за спиной Эрлаха разрушены, но никто не решается войти, пока Даниель стоит на пороге.

Что он такое?

Скрипят по кафелю шаги. Стучит трость. Опускают оружие охотники.

Шуршит бумага.

Что-то неуловимо меняется. Я ищу различие, нахожу, но не понимаю. Оно просто есть.

— Серхи. Главный после Гофолии, — жарко шепчет на ухо Илай. Выдыхает:

— Мы победили.

Вслед за первым магом перекраивают закон второй, третий, четвертый... после седьмого приходит мой черед. Но Илай не отпускает:

— Нет, подожди.

— Пакт Серафима должен быть подписан Советом в полном составе, иначе документ можно оспорить, — говорит Сано Тхеви. — Необходимо избрать девятого Советника и провести инициацию.

— Да вон же Эрлах, — сообщает кто-то. — Считай, выбрали.

Ему вторят другие:

— Дани в Советники!

— Даниеля! Эрлаха!

— Едва ли данный вариант голосования можно назвать всеобщим и честным, — вкрадчиво произносит надколотый старостью голос. Отрезает ропот. — Особенно, когда речь идет о главенстве в Совете.

Тишина липнет к коже.

— Да наплевать, — хрипит Наас.

Выворачиваюсь из рук Илая и иду к нему.

— Допустим, — насмешливо улыбается пожилой мужчина в жемчужно-серых одеждах. Прямой как жердь, из-под воротника кителя до подбородка змеится густая вязь знаков. Сухой лысый старик рядом... Серхи — замечаю блестящую сталью трость, — что-то говорит ему, заставляя чуть наклониться. Кивнуть. Выпрямиться:

— Церемонию инициации не провести без Камня.

А Камень вы не получите — остается несказанным. Они тянут время, ищут лазейку.

Советник Коди лежит между нами: розовый, полнокровный, набухший. — Значит, война, — спешит выплюнуть Наас. Вокруг него плавится тьма, пахнет прогорклым пожарищем.

— Как удачно, что я позаботился об этом, — мягко говорит Даниель Эрлах. Он о многом позаботился. Мне бы испытывать благодарность, но...

Мария обнимает тело брата. Скрючился в обмороке обрубок человека — Мантикора. Сано, поднявшись на цыпочки и баюкая раненные запястья, напряженно высматривает возлюбленного среди черных мундиров. Темный от боли Сойт Роэн провожает меня цепким взглядом. Его время кончается. Я касаюсь Нааса:

— Не надо, это никого не вернет, — горячий и закаменевший, до тошноты весенний. Рвано качает головой, не давая заглянуть в лицо. Смотрит на Айяку. Вне нас по капле умирают секунды, волнуется море людей. Вспышка беспокойного лимонного света отзывается в костях — звезд снова восемь. Я роняю листы на пол и кусаю губы, чтобы не заплакать.

Застывшая в трупном оцепенении девушка — заострившаяся и чужая. Наас стер кровавые пузыри с ее подбородка, но даже так она выглядит чудовищно мертвой. — Она бы убила их, — чуть слышно отвечает Наас. — Она бы...

Сожгла, пусть в ней теплилась всего искра огня. Айя — яростная, храбрая, одинокая и напуганная, потерялась где-то в клетке кварталов Отрезка или позже, в черноте между двумя мирами. Всхлипываю, утыкаясь ему в плечо:

— Но не ты, не сейчас.

Сано подбирает копию пакта. Терпким ароматом прелой земли мимо проходит Даниель, легко минует дымный барьер из тварей.

— Однажды, — обещает Советник Эрлах.

— Однажды, — Наас гладит меня по волосам. Оборачивается.

Ореховые глаза совершенно пусты:

— На что это похоже, — спрашивает он, — когда раскалываешь душу?

Ты знаешь — хочу сказать я. Но, тронув мокрую, изсаженную щеку, вдруг нахожу единственно верное слово:

— На молитву.

— Молитву? — ты отдаешь лучшее в тебе. Все, чем являешься и хочешь стать, в надежде, что этого будет достаточно для чуда:

— Магия не всесильна. Когда мало и страха, и гнева, остается только верить, что все не напрасно. Что кроме причины есть и смысл. Надеюсь, когда-нибудь мы найдем его.

Равновесие в хаосе обломков. Волшебство в кишачей чудовищами темноте.

— Дай нам шанс. Хотя бы сегодня, — прошу я. Эрлах и Совет подписывают обе копии пакта: рушатся и отстраиваются наново связи между вещами. Я сбиваюсь со счета, умирая и рождаясь раз за разом. Вот опять: Наас хмурится до глубоких изломов на переносице.

— Если мира не хватит, будет война, — обнять за шею — близко-близко, одно дыхание на двоих. Никто не услышит. Совсем как вечность назад он шептал в вихрях над ручьем, каждым словом определяя нашу судьбу. — Если Айя, Плутон, Янни, Тони и даже чертов Кан умерли напрасно, если мы убивали зря — заставим их заплатить. Но не раньше, чем...

— Пора, — Эрлах протягивает окровавленные бумаги.

— Не раньше, чем наша копия сгорит, — Наас берет, раскрывает на последней странице, где поверх формулы Шейдона Бози, рядом с металлическими помарками, краснеют подписи Совета. Его руки дрожат, трясется живая мгла, роняя хлопья пепла. Куски

плит опустились и теперь висят в полуметре над полом. От Эрлаха... Главы Совета Эрлаха веет чем-то нездешним, золотой след Камня еще тает в карих глазах, словно мужчина сумел поймать отблеск заката — в надежно отрезанном от солнечного света подвале.

— Спасибо, что вернул мне... — что? Украшение? Воспоминание? Причину бороться? Маг легко улыбается, понимая:

— Долг.

— Долг?

— Я расскажу после.

Чужие голоса в венах перекачиваются жидким стеклом, когда я дважды прикладываю левую ладонь с пачкающей раной, скрепляя пакт Серафима.

— Мир заключен, — издали произносит Эрлах. Мигают и гаснут стены, захлебываются визгом компьютеры. Умолкают. Наступившая тишина совершенна

— ни шороха. В непроглядном мраке, тяжело провернувшись, все обретает свое место.

Зажмуриваюсь до яркой карты барьеров, нащупываю прямые молочные линии и вычурные петли. В точках концентрированной тьмы отсвечивают металлом. Снять. До последнего зимнего всполоха в центре Университета — отключить защиту. Говорю невидимым тварям:

— Заберите всех и уходите. У вас пять минут. Не дайте им кого-либо ранить, — чиркает по голым ногам собирающийся воедино дым, трется о кафель кости и плоть. Коротко скребут когти, когда тварь Нааса делает прыжок.

— У нас огненные маги! Источник вашей жизни! — испуганно угрожает кто-то, но давящее чувство, сопровождающее созданий, уже ушло.

— Они в курсе, — нервный смех блуждает по залу. Острыми клинками загораются фонари. Моргаю: Совета нет.

Прижав к груди нашу половину свободы, замираю от липкого бессилия, пока в паутине лучей Даниель Эрлах зовет врачей, прогоняет редких людей в белых халатах и негромко, но цепко командует охотникам:

— Разбиться согласно протоколу Б45. Обойти периметр и убедиться в прочности связок. Просканировать прилегающую территорию. В девять общий сбор на центральной площади. До этого момента — удвоить патрули.

— Но барьер...

— Восстановится через несколько минут. Поспешите занять позиции, — толпа рассыпается, направляясь к выходу. Люди огибают нас, точь-в-точь вода камни. Ежусь под внимательными взглядами. Мелькает встрепанная черная макушка. Рики.

— Нам нужно уходить, — Илай, горячая ладонь оглаживает шею.

— И поскорее. Теперь мы тоже твари, помните? — Хикан морщится, будто от боли. Настороженно озирается, насколько позволяет прислонившийся к нему Эйса. Сын Хайме выше и массивнее хрупкого оборотня, но тот, кажется, не испытывает особых трудностей.

— Заберем... тела, — говорит Эйса, вздрагивают проходящие мимо охотники. Наперекор их течению из зардевшегося багрянцем коридора проталкиваются маги с синими нашивками третьего блока. Такая же, скрученная в жгут, по-прежнему оплетает локоть Энид.

— Сюда! — Эрлах присел рядом с Сойтом Розном. Потолок, секция за секцией, озаряется неярким мерцанием. Медики застывают в нерешительности. Мужчина рявкает:

— Это приказ!

— Но они уже не... не люди, — озвучивает целитель.

— И что? Вы работали вместе много лет, а теперь это больше не имеет значения? Пусть он умрет, да, Руни?

— Нет, я не это имел в...

— Ну так думай прежде, чем говорить, — Советник Эрлах усталым жестом убирает назад непослушные ржавые пряди. Тяжело опирается о землю:

— Послушайте, я знаю: вы сбиты с толку. В девять я все объясню и отвечу на любые вопросы. Но сейчас просто помогите им. Если вам плевать на общее прошлое, подумайте вот о чем: неизвестно, как чары Бози расценят его смерть. Слова встречаются неуверенным молчанием. Наконец, один из врачей, раскрывая на ходу сумку, идет к раненому. Отмирают и другие. Полный парень, запинаясь,

просит у оборотня разрешения осмотреть Эйсу. Я прячу лицо на груди у Илая, растворяясь в тепле. Под веками стремительно выцветают, лишаясь узников, внутренние контуры. Периметр, наоборот, ощеривается сталью: твари ждут нас. — Уле! — всхлипывает Свидетель. Рваный ритм удаляющихся шагов.

— Принесите протезы Мантикоры, — требует Эрлах. — Одно... два инвалидных кресла.

— Этому необходимо в операционную, — возражают целители.

— Тогда одно кресло. Эй, Картер! Томас и Пвин! Вы отвечаете за него передо мной лично. Никого, кроме врачей, не допускать. Иные приказы не рассматривать. Понятно?

— Да, сэр! — вздрагиваю. Успеваю поймать замутненный мукой взгляд Сойта Роэна:

— Мы вернемся за тобой, — мужчина до желваков стискивает зубы, когда его перемещают на носилки. Короткий хруст и вскрик: Наасу вправили перелом. Под выстроенной медиком из каменного крошева формулой продолжает вспухать и опадать плоть, заклинание закручивается вокруг руки, вытраиваясь воспалением на коже.

— Зажми вот здесь и держи не меньше получаса после того, как пройдет зуд, — парень заставляет Нааса вцепиться невредимой рукой в место чуть выше локтя, где сходятся линии и срastaются кости.

— Знаю, — кривится рыжеволосый маг. — Спасибо.

Ноздри щекочет знакомый запах свежескошенной травы: Эйсе обрабатывают запястья пузырящимся фиолетовым раствором. Рана в разрезе шганины перемотана темными от зелья бинтами.

— Я проверю ваше состояние, — предупреждает целитель прежде, чем сотворить волшебство. Между нами тело Айяки. Тонкие черты поблекли от пыли, посерело черное платье и разметавшиеся в беспорядке витые пряди — а вокруг в разгорающемся искусственном свете колдуют, переговариваются, шуршат пластиковыми мешками и торопятся жить люди.

— Давайте обработаю порезы и пулевое, — но Илай качает головой.

— Нет, — говорю я.

— Выпей, — Наасу прикладывают к губам крошечную склянку, вручают спеленутому чарами поперек обнаженной груди оборотню шуршащий пакет. Я и не видела, что он тоже пострадал.

— Примете часа через три красные капсулы, потом дважды в день белые таблетки — пять суток. Воздержитесь от алкоголя. Я положил клей, антисептик, бинты и заживляющую мазь. Обрабатайте ссадины от камней, — врач прячет лекарства в сумку. Шепчет в пол:

— Удачи.

— Спасибо, — лучезарно улыбается подошедшая Сано. Ее обнимает высокий светловолосый маг с полумесяцем шрама, рассекающим правую щеку от виска до подбородка. Жених. Сойт Роэн называл имя... Ульрих... Ульрих Пата. Охотник. Но вместо боевой формы на нем джинсы, военная куртка поверх коричневого свитера. Говорит:

— Пойдемте.

Рисунок Университета почти растерял серебро, только запертая в плотный кокон лаборатория еще нервно плавится от моего присутствия.

От следа Плутона в моем сердце.

— Куда? — спрашиваю я.

— За периметр, для начала, — Ульрих теснее сжимает Сано.

— А потом, — хрипит Эйса. Замечаю в толпе у выхода его отца. Всего на секунду и впервые — совершенно растерянным.

— Не здесь, — подождав, пока мимо пройдут медики с упакованным в пластиковый мешок трупом, парень тихо добавляет:

— Многое произошло за время вашего отсутствия. Вы даже не представляете...

— Пора восстанавливать барьер, — приближается Эрлах. — Я провожу вас к выходу. На всякий случай.

Безразлично кивает Ульриху:

— Пойдешь с ними. Поможешь перенести погибших.

— Так точно, сэр, — тону не достает почтительности, а в серых глазах плещется больше понимания, чем должно. Илай выпускает меня из объятий, шепчет:

— Я понесу ее, — Айю. Наас болезненно хмурится, пальцы впиваются в чары на плече.

— Я помогу... Марии, — вспоминает имя Ульрих. Легко забыть: тот и раньше напоминал тень, что слепо повторяет каждый шаг хозяина. А теперь Янни, солнечный ребенок Янни выгорел дотла, и Мария недвижимо застыл, впервые по-настоящему опустев. Кажется, даже не понимает, зачем незнакомому парню забирать его брата. Вздохнув, Сано направляется к ним.

— Мантикора... — скрыт за белыми халатами. — Что с ним делают?

— Подключают протезы к нервам и мышцам, — проследив за моим взглядом, поясняет Эрлах. — Он сможет идти самостоятельно.

— За хорошее поведение ему разрешали погулять в теплицах, — ядовито шелестит Хикан. — Не надо, — это уже охотнику, подкатившему инвалидное кресло.

Илай поднимает тело Айяки.

Дикий вопль разрывает прочие звуки в клочья. Мантикора. Иду вслед за Илаем и бредущим будто на ощупь Наасом. Люди расступаются — слишком широко, чересчур поспешно, бросают мертвецов и Мантикору, обхватившего угловатые, испещренные знаками конечности из старого железа.

— Сможешь встать? — дернувшись, мужчина втягивает голову в плечи. От него по-прежнему звонко пахнет краской, хоть гниlostная отдушка выветрилась. Просторная больничная роба подчеркивает чудовищную худобу, пятнистая от синяков и татуировок кожа обтягивает суставы. В изможденном лице мало эмоций, а еще меньше воли. — Меня зовут Зарин. Ты помнишь свое имя?

Молчит, пристально рассматривает. Правое веко дергается в тике. Опускаюсь на корточки:

— Это важно.

Шуршит Янина куртка: Мария встает, бережно прижимая брата к груди. Ульрих Пата держится поблизости, чтобы помочь, если силы парня иссякнут. Выныривает из-под стола Сано с отчаянно мяукающим котом под мышкой. Хикан и Эйса ждут у рваной кромки битого стекла.

Мантикора каркает:

— Почему?

Едва не переспрашиваю. Имя. Он хочет знать, почему... Я лишь повторила вопрос Илая. Он угадал, что именно я забыла. Наверное, имя исчезает первым. Ведь...

— Это первое, что ты о себе запоминаешь. Точка отсчета.

— Тогда ты не Зарин, — по-птичьи склоняет голову набок. Коснувшись ворота, тихонько звенят колечки в ухе. С натужным бряцанием выпрямляет ноги... протезы. Прокручивает ступню с пластинчатыми пальцами, надавливает на гладкий шарнир, заменяющий коленную чашечку. Механизм пощелкивает, наполняется жидким шорохом. Оплетенная синими венами кисть на темной стали — симбиоз живого и мертвого. Моргнув, прогоняю наваждение. Признаюсь:

— Я не помню, кем была раньше.

Обнажает желтые зубы в улыбке:

— Я тоже.

— Но знаю, кто я сейчас, — возвращаю усмешку. Давай. Твоя очередь. Огненный маг облизывает обметанные белым тонкие губы, морщит лоб:

— Мантикора... Оретт.

— Хорошо. Нам нужно уходить из Университета, Мантикора Оретт. Ты свободен. Пойдем, пока не поздно, — пока длится хрупкий мир. Момент невесомости в любую секунду может обернуться падением — как сказать, как объяснить, когда он едва собирает мысли воедино? Черные глаза полны призрачной мути, зыбкой и лживой. Я теряюсь в ней, таю, не достигая дна.

— Каталка? — говорит Ульрих. Нет. Необходимо, чтобы он вышел сам, чтобы запомнил каждый чертов шаг. Прочувствовал и нашел разницу. Иначе ему не разобраться, где начало и конец, а значит — не вернуться к себе.

Стискиваю кулак с раной, позволяя боли взвыть в костях. Алые капли пятнают его больничные одежды.

— Зачем? — неотрывно следит за расцветающими кляксами.

— Боль — лучший маяк, и проведет дальше, чем ты способен представить. Сейчас тебе проще забыть все случившееся в этих стенах. Но тогда ты останешься здесь навсегда.

Раскрыв черную от крови ладонь, предлагаю поддержку:

— Встань. Вспомни. Пусть будет больно. Это ничего, ты ведь больше не один. Мантикора, не мигая, озирается. Собравшиеся у компьютеров лаборанты спешат отвернуться, но охотники замирают — в страхе? Или — давая мужчине время и возможность понять?

Думай, давай же.

Дергается кадык, тянутся обнимающие шею крылья. Странно нежный рисунок для... выдыхаю, ощутив прикосновение. Чуть не падаю, помогая встать: Мантикора тяжелый, а порез взрывается до искр под веками, но главное — мы уходим. Под спотыкающийся лязг искусственных ног, прочь от ледяного электрического света, бесконечных коридоров из заколдованного камня и одинаковых металлических дверей. Частые решетки раздвинуты, но

я все равно борюсь с ознобом, когда переступаю через очередной рубеж. В прошлый раз они непрерывно грохотали, пропуская людей — будто челюсти перемалывали пищу. Стоит любому из Советников захотеть, и... нет, они не станут. Не сегодня. Повторяю снова и снова, не сводя взгляда с качающихся маятником волос Айяки: не сегодня. Сегодня больше никто не умрет.

Я уже говорила подобное. В нашем жарком городе с вечной весной, где незабытые дома населяют призраки и птицы.

Я ужасно ошиблась. А Нина была права: люди страшнее всего, и худшая часть во мне — человеческая.

Будто в ответ на мои мысли, девушка вылетает из-за поворота и резко останавливается. Веет лавандой. Застывает Наас, оборачивается к нему Эйса. Нина ищет брата и, не найдя, всхлипывает, зажимает рот.

Эрлах устремляется вперед, на ходу бросая тихое:

— Молчите.

Но Нина сбегает прежде, чем мужчина успевает сказать или сделать что-либо еще. Она хороша в этом — в бегстве.

— Она тоже маг огня, — говорю, поравнявшись с Даниелем. — Слабый, но ученым хватит. Она должна уйти с нами. Принять печать.

— Ей потребуется время, чтобы примириться с этой мыслью, — криво усмехается Эрлах.

— Пусть поторопится, — глухо роняет Хикан.

Спешим преодолеть лестницы. Этаж за этажом, заманивая в стальную ловушку, пустой лифт звякает и раскрывает зеркальные створки. Мое отражение тянется стереть бурые потеки под носом, на подбородке и щеках, но передумывает и отнимает руку.

У самого выхода, в просторном холле, разномастно одетые работники администрации шарахаются в стороны. Хикан зло хохочет и клацает зубами:

— Привет, Моня! Скучал? Мы пропустили ежемесячную беседу! Мне будет тебя оочень не хватать! — нервным жестом поправляет очки полный блеклый мужчина. Давным-давно он рассказывал мне об условиях учебы в Университете и итоговом экзамене. Непримечательный, но, наверное, у оборотня здесь особый счет. Наас тоже отзывался о нем с неприязнью, но прямо сейчас Адамон А. Влодек единственный, кто не двигается с места, когда мы проходим мимо.

Я высматриваю профессора Рабинского, но не нахожу. Опускаю глаза, когда замечаю, что за нами синхронно поворачиваются камеры под потолком. Растираю покрывшиеся гусиной кожей руки. Люди вокруг в свитерах и кофтах, многие прячут ладони в карманах дурых курток. За стеклом дверей, мерцая, кружат редкие снежинки, по голым ногам тянет морозом. Заталкиваю кисти под мышки в попытке согреться: глупо было не вспомнить, что мы возвращаемся в зиму — но никто, кроме мертвого мальчика, не сообразил... или не верил.

— Вроде Янни знал, что мы вернемся, — морщась, выдыхает пар Наас. — Поэтому прицепился к своей куртке.

— Он надеялся, — а мы, выходит, нет.

Ледяной воздух обжигает, но даже жалкий от боли и горя рыжеволосый маг расправляет плечи. Я останавливаюсь на крыльце — но не потому, что Мантикора, оступившись, с громом падает на железные колени:

— Посмотри, — в небе клубятся метелью свинцовые тучи. Ее первые робкие вестники путаются в ресницах и заполняют трещины асфальта. Все синее и серое, тихое, как перед бурей, а верхушки деревьев горят ржавым огнем, пламенеют над крышами старых цехов башни зернохранилищ.

— Ка... красиво, — скрипит Мантикора. На плечи ложится тяжелый сюртук. Эрлах. Рассеянно благодарю, прищурившись: странно, с веток не облетела листва...

— Ненавижу, — надсадно шепчет Наас. Ровно то же он сказал, когда мы шли раскалывать знак в подвале. Из промозглого зимнего вечера мир Отрезка кажется сном: не то кошмаром, не то сказкой. Меня бьет дрожь, впервые нет сил даже на ненависть. Пожалуйста, хватит. Уходите.

Но воробьи молчаливо провожают сквозь Университет. Перепархивают с подоконников на провода, катятся по кустам, издали наблюдают и плотные тени в переулках: охотники. Фыркаю. Они наверняка даже не представляют, насколько мало отличаются от тех, что привели меня сюда.

— Бабочки у фонаря, — где-то там Нина. Не хочет замечать, что сумерки полнятся трепетом крыльев. Но ей придется увидеть.

Здрав голову, следит за птицами Мария. Будто ничто другое не имеет значения. Отворачиваюсь к пегим от граффити и плесени стенам, непроницаемо-черным окнам. Глаза снова щиплет. Я не могу сжечь всех, и однажды — еще не раз, — тоже буду тщетно искать душу Плутона в небесах, дергаться от щебета и плакать, не находя смысла. Чертовы птицы и опустевшие тела — лишь осколки витража. Как ни верти, а никогда не составишь цельную картину.

Деревянно переставляю ноги. Холод пропитывает кости. В кровотоке спорят голоса. Мяукает кот на руках у Сано. Женщина дрожит, хоть греется зверем и курткой Ульриха. Припорошенный снегом Наас будто постарел раньше времени. Я шагаю ближе к Илаю, неслышно произнося формулу щита, когда на дорогу выходят трое. Замираем, с опозданием обрывается лязг протезов. Хикан предостерегающе рычит. Звук тонет в треске: пернатые могильщики разом вспархивают к тучам. Кувыркаясь, стая несется к парку, а я выдыхаю. Все хорошо.

Один из охотников медленно расстегивает китель. Сворачивает и кладет на асфальт. За ним повторяют остальные. Быстро отступают прочь.

— Идем, — хмыкает Эрлах. Карие глаза светятся весельем. Утыкаюсь носом в его сюртук и втягиваю запах сухого разнотравья.

— Подожди! Это может быть ловушкой, — говорит Сано наклонившемуся за одеждой Ульриху. — Чары...

— Нет, — Советник первым подхватывает сверток. Снежинками чертит над тканью символ. Улыбнувшись, догоняет и кутает Нааса, завязывает рукава на груди. — Это благодарность.

— Все равно проверь, — бурчит Хикан Эйсе. — Лучше воспаление легких, чем какая-нибудь дрянь из запасов Чиндта.

Через квартал мы находим висящий на кустах зеленый пуховик, который я накидываю на плечи Илаю. Приникаю к скованной морозом спине. Весь воздух пропах им — кровью и снегом, — или только я?

— Вон еще, — Ульрих указывает на гирлянду шарфа у обочины, но не отходит от Марии, который, до желваков стиснув зубы, перехватывает выскальзывающее тело.

— И там, — на ветках распята кофта. Повернув за угол, не сдерживаю всхлипа. Слезы жгут щеки. Потрясенно смеется Сано.

Вещи повсюду. Чернильные кляксы форменных курток, толстовки и свитера, стопка одеял — такие покрывали кровати в комнате Нааса и Тони, в воспоминании Илая. Возле калитки громоздится целая гора одежды.

— Ненормальные, — рвано выдыхает Эйса. — Камеры же работают!

Красные глазки, осенью прятавшиеся в гуще листвы и вьюнков, сейчас не таясь взирают с карнизов. Улыбаюсь прямо в око объектива, помогая Мантикоре надеть пальто. Пальцы не слушаются, и пуговицы выскальзывают, пакт Серафима падает на землю.

— Мне нравится твой запах, — говорит мужчина тучам, теребит горловину свитера.

— Я не чувствую. Только чужие.

— Это хорошо, — криво усмехается. — Тебе повезло.

— Пойдем. Почти выбрались, — последние метры до ограды. Эйса осторожно толкает узорчатую от заклятий дверь.

— Я попрощаюсь с вами здесь, — Эрлах выглядит моложе в пиджаке с чужого плеча. — Не оставайтесь в городе. Уходите как можно дальше прямо сегодня, воспользуйтесь альфа-порталом.

— Спасибо, — за подсказку. Кивает:

— И вам. Надеюсь, в следующий раз мы увидимся при менее трагичных обстоятельствах.

— Позаботься о Нине, — хрипит Наас. — Пока на ней нет печати, она считается человеком и попадает под власть Университета.

Она уязвима.

— Жаль, что нельзя обратить без спросу, — сводит серебристые брови Хикан. Верно. Мы внесли в документ: тварью становятся отмеченные Высшими или старшими по взаимному согласию.

— Я поговорю с ней, — обещает Советник. — Свяжусь с Ульрихом, как только станет известно состояние Сойта Роэна. А теперь...

— Барьер, — задерживаюсь, пропуская остальных вперед. Ветер обдувает ноги, забирается под сюртук. Обнимаю листья пакта. Илай ждет по ту сторону увенчанной колючей проволокой стены. Пуховик съехал с плеча, обнаженные руки на черном платье Айи — белые до синевы. Хмурится: иди же.

Да. Минуту.

Он словно соткан из лунного света, призрачный среди переплетений веток и летящего снега. Заревом пожара алеют верхушки деревьев. Облизываю губы, провожу ногтями по жгучим ранам на ладони:

— Я сожгу ваши души дотла, если придется, — говорю Эрлаху и нацеленным в лицо камерам, эху присутствия под кожей. Мужчина легко улыбается:

— Договорились.

Ему несложно быть храбрым: на загорелой коже еще золотится пыль заключенной в Камне силы. Или что-то иное делает Даниеля Эрлаха таким... невыносимо реальным? И как он достал забытые в Отрезке звезды? Спрашивает: — Зарин? Все хорошо? — я отворачиваюсь.

Перешагнуть линию ворот. Зажмуриться, концентрируясь и наполняя карту Университета молочным сиянием. Беззвучно произнести, обращаясь к невидимым

монстрам:

— Уходите, — прочь от переливающегося сталью периметра. Возвращайтесь в свой мертвый город или спешите пугать живых — плевать. Уходите!

Оставьте нас хоть ненадолго!

С грохотом захлопывается калитка, камень ограды вздрагивает. Шипит Бес.

— Шшш, все в порядке, — Сано гладит бархатные уши. Глубокий голос срывается в шепот. — Все закончилось.

Черта с два. Все только начинается. Встряхиваюсь, изгоняя из сознания образы: сетку кварталов и завихрения силы, искры чужих жизней. Тень у сердца обретает плотность, ограничивает созвездие Совета колодезным кругом вечной ночи и стылой воды.

Твари еще рядом.

— Возьми, — Ульрих сует мне сургучную кляксу с заглушающим метки заклятьем.

— Спасибо.

— Давайте передохнем и оденемся нормально, — кутаясь в чей-то плащ, охотник смотрит на серого от холода и потери Марию.

— Не здесь. У ручья, — стиснув кругляшек чар в кулаке, говорит Наас. Там клекот воды, там сторожат сосны. Там он попросил меня о помощи и...

— Там можно... попрощаться, — тихие слова Илая оборачиваются паром.

Мария утыкается брату в макушку:

— Нет.

— Нельзя просто выйти из парка с трупом на руках и... — раздраженно начинает Хикан, но Эйса перебивает:

— Молчи. Пойдем. Тебе надо одеться, — оборотень поправляет соскальзывающее одеяло. — А мне — присесть, или рухну прямо здесь. Будешь тогда тащить.

— Вроде сейчас ты сильно помогаешь, — но парень покорно сворачивает на уходящую в чашу тропинку.

— Мы правда не можем взять Янни и Айю с собой, — беззащитно хмурится Свидетель. — Мне жаль.

Мария только качает головой.

— Он сгорел, — выдыхает Илай. — Еще давно. Я говорил тебе, и он тоже. Отпусти наконец. Хватит. Мы сожжем, что осталось. Прах к праху.

— Он бы этого хотел, — худое тело в огромной красной куртке не имеет ничего общего с светившимся свечным огнем мальчишкой.

— Да, — скрипит Мантикора. Мария вздрагивает. — Я помню его... помню кое-что о нем.

— Покажи нам, — прошу я. — Чтобы мы тоже запомнили Янни живым.

Мужчина рвано пожимает плечами.

— Не знаю. Смогу ли.

— Попробуй. Пожалуйста.

Мария точно не сможет, хотя никто не знает Янни лучше.

Опустившись на корточки, Ульрих выцарапывает ножом знак, возвращающий мертвых. Огненный маг падает на колени, трясущимися руками прикасается к сердцу чар. Морщится, собирая нужные чувства. Дрожат черные ресницы, вздергивается в оскале верхняя губа. Тонкий запах краски звенит в свежем воздухе. Ничего не происходит.

Минута, другая проходят в тишине, лишь шумят деревья. Сано отводит взгляд:

— Хватит. Не мучай себя, — но Мантикора впивается пальцами во влажную землю и закрывает глаза. Веко рвет тиком.

— У него получится, — роняет Наас. — Подожди.

— Ему же плохо!

— Так нужно, — так правильно. Боль пунктиром пересекает прошлое, связывая фрагменты и наделяя их смыслом. Мантикора вынес больше, чем каждый из нас. Он вспомнит.

— Я сейчас умру от холо... — осекается. Перехватывает обернутый вокруг бедер плед. Когда двое мертвы, неловко говорить подобное. Силуюсь улыбнуться:

— Знаю. Мы все замерзли. Еще чуть-чуть... — реальность надкалывается. Снежинки тают на коже колкими поцелуями, но вокруг — разлапистые пальмы в кадках, взбирающийся по лескам плющ. Ряды горшков с остролистными растениями на металлических стеллажах почти заслоняют белоснежные стены и одинаковые двери лабораторного корпуса. Слева в длинном аквариуме лениво плавают разноцветные рыбки.

У меня стеклянная от боли спина, ниже талии все полыхает. Я не двигаюсь, чтобы не разбиться. Не смотрю вниз, на уродливые железные конечности. Я видела их миллион раз. Наполняла своей кровью — чтобы сделать хотя бы шаг. В ушах давно поселился вкрадчивый шелест, с каким жидкость циркулирует в недрах старого железа, заставляя его жить. Магия для увечных. Предел моих чаяний.

— Привет, — с трудом поворачиваю голову. Растрепанный русоволосый мальчишка в крапчатой пижаме сидит на полу возле ящиков с рассадой. Бледен до веснушек на остром носу, уголки бескровных губ печально опущены.

Я не отвечаю. Горло дерет, мышцы скованы спазмом. Тянет под лопаткой.

Тяжело даже моргать: под веки словно песка засыпали. Лампы дневного света зудят и мерцают в такт сердцебиению.

— Смотри, кого я нашел, — он показывает растопыренную пятерню. Поняв, что я ни черта не вижу, вскакивает и торопится подойти. Сует прямо в лицо: жучок. Совсем крохотный, черный с красными пятнышками. Янни довольно щурится:

— Обычно здесь никто не живет. За этим следят, наверное.

Зачем-то разлепляю губы и выталкиваю:

— Наверное.

Выходит скрипуче, как запускается ржавый механизм. Мальчишка серьезно кивает. Прозрачные зеленые глаза полны искусственного блеска. Медленно говорит:

— Я ловил таких... в детстве. Водились в нашем огороде. Сажал в спичечные коробки, потом выпускал в... — чешет шелушащийся рот, рассеянно шарит взглядом по полкам. Заметив рыбок, облегченно заканчивает:

— В аквариум.

— За... Зачем?

По-детски резко пожимает плечами:

— Нравилось. Строить для них мир. Наблюдать. Изуча... — клацает зубами, обрывая фразу. Ежится, баюкает жука в сложенных лодочкой ладонях. — Я помнил, что они едят и какие дома делают. Все знал, и название на латыни.

А теперь не знаю — говорят горестные морщинки на переносице. Вдруг его лицо светлеет:

— Помню, они умеют ужасно вонять, если напугать!

Фыркаю:

— Как мы, — стоит лишь напугать достаточно сильно.

— Да, — хихикает Янни. — Ты мерзко пахнешь. Чихать хочется.

— А сам, — от него кисло тянет рвотой и гнилью, кровью и мочой. Мальчишка морщится:

— Знаю. Ненавижу этот запах, — букашка переползает с пальца на палец, по очереди расправляет жесткие крылья. Янни жалуется ей:

— Обидно. Лучше уж краска... Джокер вообще пахнет попкорном. Здорово же! А Илай — снегом и... чуть-чуть смертью. Висия был особенно классным.

— Дождь, — почти чувствую аромат ливня в высушенном кондиционерами воздухе. — Дождь, — Янни улыбается воспоминанию. Только память и осталась: дождливого Висии больше нет. Сгорел, как многие до него, как однажды сгорим мы.

— Помойся, — выкашливаю, поднимая искристую от боли руку, чтобы взъерошить его грязные, сальные на ощупь волосы. — Будет меньше вонять.

— Но не пройдет, — не пройдет. Мой собственный химический запах перекрывает большинство других. Незримый кокон старой боли.

Мальчишка убирает пряди за уши:

— Так я забываю и думаю: вот помоюсь, и все пройдет. Мне станет... нормально. Вроде это можно просто смыть. А потом Хектор заставляет принять душ, и я сразу вспоминаю, что нельзя.

По коридору приближаются шаги, сквозь заросли маячит серая форма. Санитары. Позвоночник пронзает ознобом. Янни стряхивает жучка в ближайший цветок и судорожно разглаживает листья. Я замерзаю и дышу битым стеклом, торопясь сказать:

— Море. Если... выбирать... чем... чем пахнуть. Море.

— Твой час истек, — сообщает мне грузный мужчина. Накрахмаленная рубашка обтягивает широкие плечи. Он вертит длинную палку с ухватом на конце. — Пошли. Давай сегодня по-хорошему.

— А этот чего без охраны? — удивляется его напарник.

— Забей, он не опасен. Сейчас брат заберет, уже позвонили, — санитар постукивает палкой по ладони, щелкает металлическими жвалами. — Ты идешь, или мне помочь?

Иду. Он помог мне вчера, — вспоминаю вспышкой. Поэтому болят горло и ожог от шокера под лопаткой. Стиснув зубы, по миллиметру передвигаю ногу. Агония раскручивается огненным смерчем, визжит о плитку железо, а Янни вдруг подходит вплотную и, поднявшись на цыпочки, горячо и быстро шепчет:

— Костер. Я часто вижу во сне. Вечер, поле и дорога, горы на горизонте. Очень красиво! Кто-то поджег куст и ушел, только следы в глине оставил. Костер влажный, сильно дымит от травы... лучший запах на свете!

Мальчишка широко улыбается, и на мгновение я перестаю заживо умирать. Теряют четкость окрики и сдавливающее шею кольцо. Есть только я и он, и впервые за долгое время разделенные на двоих слова. Секрет:

— Я тоже вижу этот сон.

Смаргиваю слезы, просыпаясь. Господи. Как же легко — быть собой! Когда боль не выворачивает суставы, когда реальность не кажется чьей-то злой выдумкой... Эти протезы... неужели ему и сейчас так плохо?

Мантикора отползает от заклинания. Я будто примерзла к месту. Не подойти, не спросить: почему я была тобой? Знала вещи, которые не могла знать, чувствовала больше, чем способна вынести. Меня бьет дрожь, хоть спина взмокла от пота, подгибаются освобожденные из плена чужой памяти колени, тяжело ноет рана от выстрела. Наас, очнувшись, шарахается от калеки и тела на земле. Тоже погрузился слишком глубоко? Мария рыдает, прижимая к лицу безвольную руку брата, стирает морозное крошево с остывшей кожи. Отдав Рики кота, Сано обнимает парня. Илай осторожно кладет Айяку рядом с Янни.

— Здесь, — говорит он, перехватив растерянный взгляд Нааса. Едва заметным кивком указывает на обращенные к нам камеры. Хочет, чтобы они видели — не Совет и не ученые, а те, кто дежурит у мониторов на постах охраны. Наас резко выдыхает. Порыв ветра лохматит деревья, крыльями раздувает его куртку. Вытираю щеки. Одними губами прошу:

— Пусть смотрят. Пусть поймут: мы не чудовища, — слова горчат на языке. Глаза Нааса черные от гнева и бессилия: Айя и Янни заслуживают другого прощания. — Я не отдам им свое воспоминание, — шипит рыжеволосый маг в треске веток. Испуганно взмывают вверх снежинки. — Не отдам!

— Не надо, — Илай убирает упавшие на лицо девушки пряди, стряхивает снежинки с ресниц. Под тонкими веками уже разлились синяки. Складывает ее руки, прикрывая рану. В угасающем свете дня Айяка — черно-белая, лишь кисти в бурых перчатках, и на груди у выреза платья темнеет кровавая пометка. — Этого достаточно.

Я шагаю к Наасу. Он зажмуривается, стискивает сломанную руку. Хрипит: — Отойдите, — трогаю ледяную щеку.

Мария не отпускает брата, Ульрих тянет его прочь:

— Хватит.

— Это только тело, — всхлипывает Сано. — Птицы улетели. Внутри ничего не осталось.

Илай помогает подняться Мантикоре, когда Наас рычит огнистую формулу. Облизав отпрянувших магов, пламя жарко вспыхивает выше человеческого роста. Притягиваю Нааса к себе, разворачиваю:

— Не смотри.

Зарево красит ограду Университета в цвета заката.

— Я не должен был просить ее о помощи, — позади бушует пожар, рыжие языки выются у ног. Шнурки ботинок обугливаются, но я не ощущаю боли. — И тебя тоже. Тони...

— Знаю, — одежда вплавляется в кожу. Слившись в одну, дрожат наши длинные тени. — А я приняла клятву твари. Если бы Плутон умерла тогда, они остались бы живы, — но не я. Не Илай, не Мантикора... Янни. Наас.

— Такова наша природа. Уничтожать все вокруг, — горько кривится Наас. Закашливается от волны жирного дыма. Запах горелой плоти набивается в горло. — Кто-то... же... должен, — выталкиваю. Задержав дыхание, заставляю погребальный костер завихриться и полыхнуть до небес, вознести сажевые хлопья к красным от заходящего солнца ветвям.

— Жаль, что это я, — в реве сухо лопаются кости. Звенит металлом спасенный ценой чьей-то жизни Мантикора. Он, сонм невидимых тварей и пакт Серафима, промозглый зимний вечер и свинцовые тучи, за которыми не видно звезд — вот, что мы получили взамен Айяки или Тони. Плутона и Янни. Ниля Д. Пхакпхума, а может — Кана или Энид. Стоил ли...

Я снова и снова шепчу формулу огня, чтобы не искать ответа.

— Пойдем, — вдруг говорит Наас. — Я... я передумал. Я хочу показать тебе ее. Несколько шагов до выцарапанного узора, не разрывая касания — почти танец. Наас склоняет голову, прижимаясь теснее щекой к моей ладони. Нам не нужно опускаться на колени: магия вибрирует в воздухе. Дробясь, складывается в иную реальность, где в теплых полуденных лучах Айяка сбегает по лестнице, вспархивают искристые пылинки, рассыпаются по плечам тяжелые вороньи пряди: заколка со стуком падает прямо к моим ногам.

— Держи, — я протягиваю лакированную безделушку.

— Спасибо, — от ее улыбки бросает в жар. Волшебница склоняет голову набок:

— Ты из пятого блока, да? Тебя Кан Александер прислал отбывать наказание? — она словно светится изнутри. У меня пересыхает во рту:

— Д-да...

— Хорошо. В смысле, ничего хорошего, конечно! Извини! — смущенно фыркает. — Просто меня послали встретить тебя, а описать забыли. Рада, что быстро нашла.

— Я тоже рад, — прикусываю губу. Волшебница лукаво щурится:

— Что ты натворил?

— Я немного... вывел капитана из себя.

Хихикает:

— Расскажешь? Нам предстоит провести вместе неделю. Профессор Перье попросил разобрать архив при кабинете. Я буду выбирать, что оставить, а что выкинуть. На тебе весь физический труд. Давно таскал тяжести? Там до потолка хлама, а колдовать нельзя: испортятся законсервированные образцы.

— Без проблем, — украдкой вытираю вспотевшие руки о джинсы. — Я Наас, кстати. Наас Мерезин.

— Айяка Корнелиус, — узкая ладошка ложится в мою. — Приятно познакомиться. Мимо с грохотом проносятся хохочущие охотники. Айя вздрагивает и сжимает пальцы. Заслоняю от толпы. На мгновение она совсем, очень, слишком, до тихого цветочного запаха близко — и я произношу невообразимую чушь:

— Не бойся, я защищу тебя от них.

Девушка смотрит удивленно, улыбается — скорее из вежливости, но мои щеки снова опалает огнем.

Пламя повсюду. Стонут пылающие деревья, даже камень горит. Я глотаю дымный ветер в попытке удержать отблеск далекого дня.

— Я не смог, — глухо говорит Наас.

***

Снегопад усиливается. Гонимые ветром пушистые хлопья порхают между замшелых стволов. Закрывают хмурое небо сосны. Ручей уже близко: земля идет под уклон, под ботинками хрусткие от изморози листья сменяются ржавыми иголками. Я не оглядываюсь назад, где тлеет медное зарево и редее, лишаясь плотности, тьма. Без тварей дышится легче, и проще смотреть под ноги, а не искать в скользящих тенях ту, что больше никогда не придет.

— Куда мы теперь? — спрашивает Сано. Дергает зацепившийся за куст шлейф одеяла. Мне почти тепло в сюртуке Эрлаха, двух толстовках и мягком сером шарфе, а ниже колен я ничего не чувствую.

— Советник Эрлах рекомендовал воспользоваться альфа-порталом и... — Ульрих сражается с царапающимся под плащом Бесом. Женщина перебивает:

— Да, я слышала. Куда нам идти оттуда? Почему не гамма? Он ближе.

— Гаммы больше нет, — Свидетель резко останавливается. Парень приобнимает ее, подталкивая вперед. — И беты тоже, иначе переместились бы из администрации. Знаю, звучит дико. Длинная история, не сейчас. А куда перемещаться... сначала встретимся с Эдом, Марой и Айви. А потом Райх и...

— Мы отдохнем и отправимся в Темные земли, — обрывает Илай. Сано снова замирает:

— За каким чертом туда?! Стоп, подожди! Это же всего лишь легенда!

— Нет, — Илай застегивает куртку.

— Нет, — шелестит Наас.

— Там горит костер, — каркает паром Мантикора.

— Какой еще...

— Из твоего сна? Из сна Янни? — вскидывается Мария. Сано обреченно вздыхает: — Господи, теперь еще и сны...

Ульрих целует невесту в висок:

— Не волнуйся. Мы со всем разберемся. Пусть идут, мы-то остаемся. Есть безопасное место. Наши родители уже там.

— Что с Эдвардом и Марой? И... Айви? Райх? Кто это? — спрашиваю я. Ульрих отвечает — больше Наасу:

— Айви Ноэль, наш блок. Один из новеньких, помнишь, после тебя сразу пятерых взяли? — маг устало качает головой. — Райха ты не знаешь. Все они теперь тоже... их изгнали из Университета.

— И не стерли память?

— Не смогли.

— За что их...

— Давайте вы на секунду отвлекитесь от свежих сплетен и просветите меня, как попасть в Отрезок без нового портала! — рявкает Сано.

— В Темные земли есть другой путь, — негромко отвечает Илай. — Но сначала отдохнем. Подождем Нину. Залечим раны. Пройдем сквозь белое пятно, чтобы помехи исказили показания меток на несколько часов, — касается моей шеи за ухом, где тонкие алые линии образуют щит. — Нам хватит.

— Сумасшедшие, — трогая спрятанный под волосами знак, морщится Свидетель. — Нам нужны ответы, — возражает Илай.

— Вы всегда заодно, да? — женщина беспомощно ежится. — Из-за магии огня или есть рациональные причины? Я хочу понимать... хочу, чтобы вы — понимали. Пока от этого зависит только ваши жизни. Но в будущем... теперь мы связаны. Что вы хотите найти?

— Способ навсегда удержать мир, — Наас убирает за уши беспокойные рыжие пряди. Метель гудит между стволами, ерошит кустарник. Добавляю:

— Сейчас Совет затаится, чтобы собрать силы и оружие, но потом они наверняка нападут. Им слишком нужны твари.

— Эрлах, как Глава, сможет приструнить их, но большинство вопросов решаются голосованием, — говорит Сано. — Влияние Гофолии на других кажется значительным. Даниель имеет право накладывать вето, но с ограничениями и...

— Я пойду с вами, — хрипит Мария. Оглядывается на темную стену деревьев. Где-то за

ними догорает тело солнечного мальчишки, тлеют кровавым жаром угли. В сумеречных тенях не видно просветов, и я запрокидываю голову к багряным верхушкам. Втягиваю морозный воздух: дым и близкий ручей. Желание Янни сбылось. Он изменил свой запах — и спас всех нас.

— А твоя семья? Янни сказал...

— Я отыщу их, — Мария заговаривает громче. — Спрячу. И пойду с вами.

— Зачем? — спрашивает Илай.

— Мне тоже нужны ответы, — парень достает из-за пояса джинсов сложенную газету. — Знак Алека сделан из символов, которых не знал Хикан. А он знает все. Алек совершил чудо.

Я трогаю рану на ладони.

Закрытие со звездчатым узлом в сердце забрало Плутона и мое имя. Уничтожило самого Янни — какое же это чудо? Всего лишь магия: ранящая и беспощадно

справедливая. Но Мария расстегивает пуховик, чтобы спрятать на груди ломкие листки:

— Я... я не способен на чудеса. Я пытался найти магию через книги, истории... Алека... Но не смог, — блекло усмехается. — И перестать искать не могу. Мне...

— Уйти страшно, но остаться еще хуже, — тихонько говорит Сано Тхеви. Брат Янни кивает:

— Я понял, что волшебство зародилось во тьме, а страх — первое и самое главное чувство. Он живет в Темных землях. Я не прошу себе, если не увижу их. Я тоже зашел слишком далеко, но нужно еще дальше.

— Да... — женщина невесело смеется. — Точно. Поэтому я тоже иду.

— Что?!... — давится Ульрих. Волшебница кутается в шарф. Розовая прическа седая от снега:

— А чего ты хочешь? Строить новый Университет в компании оборотня и сынка Хайме? Потрясающая перспектива! Следить за каждым переметнувшимся охотником: не шпион ли? Вдруг прирежет во сне? Спасибо, но твари как-то понятней! Можешь остаться, а я не стану пешкой в Эйсандеевых играх с Советом! — Сойт Роэн поможет Эйсе, — говорю я.

— Или не доживет до утра, — свидетель трет покрасневший нос, кривит губы. — Да и дело не в людях. Мой дар позволяет проживать память вещей. В Отрезке я столько... — она вдруг коротко и ярко улыбается. — Вы даже не представляете, что я видела! А какие тайны могут открыться в Темных землях!...

— Ты поэтому даже не пыталась спорить, когда тебе приказали идти в Отрезок? — каменеет Ульрих. Сано морщится:

— Уле...

— Хватит, — хмурится охотник. Хлопает по плащу, успокаивая ерзающего Беса. — Мы еще обсудим это. Доберемся до ребят, ты отдохнешь и...

Женщина выдыхает облако пара. Ульрих продолжает говорить, но она будто не слышит. В голубых глазах я вижу отблеск воспоминания Мантикоры: осенние поля, кольцо синих гор. Колючий куст в объятиях пламени, на ветвях каплями крови плавятся ягоды. Колышутся метелки трав, к зубчатому горизонту уходит ржавая от глины дорога. В пении насекомых и сухом шелесте стеблей звучит магия, о которой однажды говорил Наас: по-хорошему сумасшедшая. Грандиозная. Если таковы Темные земли, то Ульрих зря сотрясает морозный воздух.

— Эй! — долетает со стороны ручья. Мантикора дергается. В сгустившейся тьме ниже

по склону две желтые точки обозначают присутствие оборотня. — Вы так и будете там стоять? Мы уже отдохнули и все себе отморозили!

— Идем, — отвечает за всех Наас, сильнее прижимая к телу сломанную руку.

— Мы идем в Темные земли, кстати! — выкрикивает Сано.

— На родину потянуло? — хохочет Хикан. — Мы твари только на бумаге, помните? — Как будто этого мало, — раздраженно фыркает Свидетель. Страхнув снежинки с волос и потянув за собой Ульриха, первой спускается во мрак.

До рези в простреленных мышцах обхватываю себя за плечи.

— Зарин? — жаркое дыхание ложится на щеки. Глаза Илая черны от подступающей ночи. В последний раз оглядываюсь назад — но и там уже темно, царапают небо серые ветки.

Солнце село.

— Мы снова убегаем, — а в угольных сумерках хлопают крылья.

— Мы вернемся, — но ледяной мир вокруг не похож на место, куда хочется возвращаться. В нем чего-то не хватает, и пустота режет глубже колкого ветра.

— А если я не захочу? — всматриваюсь в бледное лицо, касаюсь искусанного рта. — Что тогда?

Легко целует мои пальцы:

— Останемся? Сбежим еще дальше? — я зажмуриваюсь. Вдруг понимаю, почему моя улица оказалась в Отрезке.

Там я впервые сделала шаг навстречу смерти, от которой всегда бежала.

И теперь я здесь. Мы.

Позади него зажигают огни. Мяучит кот и звенит смех Хикана. Голоса кружат в метели, разные и совершенно неотличимые. Деревья ломают свет на полосы, когда маги продолжают спуск к ручью.

— Тебе все равно?

Илай то вспыхивает свечой, то стухает до призрака:

— Не так уж важно, где быть, — показывает ладонь. Вдрагиваю: расколота надвое глубокой раной. Пытался открыть портал вместе со мной.

— Главное — с кем, — пропускаю вдох. Облизываю губы, чтобы сказать: я ждала тебя там, в городе из воспоминаний:

— Не хотела, чтобы ты пришел. Но ждала.

Нас зовут. Эйса, Сано. Хикан. Ульрих... неразборчиво хрипит Мантикора. Вьюга на секунду стихает, и я разбираю: спорят, можно ли зайти в кафе по дороге к порталу.

— ...потерпит! У меня тоже ребра сломаны, но черта с два я куда-либо двину без бургера и картошки-фри! — громче всех говорит Хикан.

Смеюсь. Холод больше не жжется, а снег плавится между нами, когда я накрываю руку Илая своей — кровь к крови:

— Тогда сбежим вместе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net